

ВЕСТНИК

МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO

Review of International
Relations

• 13(4) • 2020

Журнал индексируется в следующих
системах и каталогах: Web of Science, РИНЦ,
Google scholar, список ВАК, ERIH PLUS, EBSCO.

Вестник МГИМО-Университета

Научный рецензируемый журнал

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Редакционная коллегия:

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России. Главный редактор (Россия).

Байков А.А. – кандидат политических наук, доцент, проректор по научной работе и международному сотрудничеству МГИМО МИД России. Заместитель главного редактора (Россия).

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника Управления научной политики МГИМО МИД России. Шеф-редактор (Россия).

Артизов А.Н. – доктор исторических наук, руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации (Россия).

Бусыгина И.М. – доктор политических наук, профессор Департамента прикладной политологии, НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге (Россия).

Вайц Р. – Старший научный сотрудник и директор Центра военно-политического анализа в Институте Хадсона (США)

Войтоловский Ф.Г. – член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН, директор ИМЭМО РАН (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук Университета Аризоны (США).

Гаман-Голутвина О.В. – член корреспондент РАН, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России (Россия).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Де Танги А. – главный научный сотрудник Центра международных исследований (СЕРИ)/Сьянс По, профессор (Франция).

Казанцев А.А. – доктор политических наук, директор Центра исследований проблем Центральной Азии и Афганистана ИМИ МГИМО МИД России (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН (Россия).

Колосов В.А. – доктор географических наук, заведующий лабораторией геополитических исследований, Институт географии РАН (Россия).

Коробков А.В. – профессор политологии Университета штата Теннесси (США).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Лебедева М.М. – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России (Россия).

Липкин М.А. – доктор исторических наук, профессор РАН, директор Института всеобщей истории РАН (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по общим вопросам МГИМО МИД России (Россия).

Михнева Р. – доктор исторических наук, исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Печатнов В.О. – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России (Россия).

Пивоваров Ю.С. – научный руководитель ИНИОН РАН, академик РАН (Россия).

Рогов С.М. – академик РАН, научный руководитель Института США и Канады РАН (Россия).

Рутланд П. – профессор Уэслевского университета (США).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Сергунин А.А. – профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Столбов М.И. – доктор экономических наук, заведующий кафедрой прикладной экономики МГИМО МИД России (Россия).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института Истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Уолфорт У. – профессор им. Дэниэла Вебстера Факультета управления Дартмутского колледжа (США).

MGIMO Review of International Relations

Scientific Peer-Reviewed Journal

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Editorial Board:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Academician of the Russian Academy of Sciences. Editor-in-Chief (RAS).

Baykov A.A. – Vice-Rector for Research and Global Engagement MGIMO University, PhD in Political Science, Associate Professor. Deputy Editor-in-Chief.

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO University. Editor-in-Charge. (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

Busygina I. – Professor, Department of Applied Politics, National Research University – Higher School of Economics, Saint Petersburg (Russia).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

De Tinguy A. – Senior Research Fellow of the Center for International Studies/Science Po, Professor (France).

Gaman-Golutvina O.V. – Corresponding member of RAS, President of Russian Political Science Association, Head of Comparative Politics Department, MGIMO University (Russia).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

Kazantsev A.A. – Doctor of Political Sciences, Director of Center for Central Asian and Afghan Studies, MGIMO University (Russia).

Kokoshin A.A. – Academician of the RAS (Russia).

Kolosov V.A. – Doctor of Geography, Head of the Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Korobkov A.V. – Professor of Political Science and International Relations' at Middle Tennessee State University (USA).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Lebedeva M.M. – PhD in Psychology, Doctor of Political Sciences, Professor, the Head of the World Politics Department, MGIMO University (Russia).

Lipkin M. – Doctor of Sciences (History). Director of the Institute of World History of the RAS, professor of the RAS (Russia).

Malghin A.V. – PhD in Political Sciences, Vice-Rector for General Issues of MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Pechatnov V.O. – Doctor of Sciences (History), Head of Department of History of European and American countries, MGIMO University (Russia).

Pivovarov S.U. – Research Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, Academician of the RAS (Russia).

Rogov S.M. – Scientific Advisor of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Rutland P. – Professor of Government at Wesleyan University (USA).

Sakwa S. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Sergunin A.A. – Professor, chair of theory and history of international relations, Saint Petersburg University

Stolbov M.I. – Doctor of Sciences (Economics), Head of Applied Economics Department, MGIMO University (Russia).

Terzic' S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Voitolovsky F. – Doctor of Sciences (Politics), Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Corresponding Member of the RAS (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Weitz R. – Senior Fellow and Director of the Center for Political-Military Analysis at Hudson Institute (USA).

Wohlforth W.C. – Daniel Webster Professor of Government, Dartmouth College (USA).

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г. Перерегистрировано ПИ № ФС77-69112 от 14 марта 2017 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14.
Тел./факс: 8 (495) 234-84-41;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru

e-mail: vestnik@mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.

ISSN-Online 2541-9099.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Меден Н.К., вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объём 27,14 усл. п.л. Заказ № 588.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007. Reregistered ПИ № ФС77-69112 14 March 2017.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14.
Phone/fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;

e-mail: vestnik@mgimo.ru.

ISSN-Print 2071 – 8160.

ISSN-Online 2541-9099.

Published by MGIMO University Press. Number of printed copies: 2000.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

75 лет Победе

- 7 Мягков М.Ю. – СССР во Второй мировой войне
- 52 Юнгблюд В.Т. – Мировой порядок 1945 г. – процесс с «открытым» продолжением
- 80 Кудряшов С.В. – Прага, победный май 1945 г.
- 92 Пермяков И.А., Антоненко С.Г. – Попытка спасти дружбу, или что делал освободитель Праги в Чехословакии в мае 1968 г.
- 109 Рассекреченные архивные документы о пребывании 8–14 мая 1968 г. в ЧССР делегации советских военачальников во главе с маршалом Советского Союза И.С. Коневым
- 109 • Шифртелеграмма посла С. Червоненко №723-727 от 9.05.68 г.
- 125 • Шифртелеграмма посла С. Червоненко № 738-741 от 11.05.68 г.
- 128 • Рапорт о пребывании в ЧССР с 8 по 14 мая 1968 г. маршалов И. Конева и К. Москаленко
- 136 • Отчёт посла С. Червоненко о пребывании в ЧССР советской военной делегации в мае 1968 г.
- 142 Тимофеев А.Ю. – Метаморфозы памяти о боевом братстве русских и сербов в годы Второй мировой войны в современной Сербии

- 157 Белов М.В., Кузнецова С.В. – «В память о невинных жертвах...»? Блайбург — спорное «место памяти» Хорватии
- 178 Чернявский С.И. – О работе Наркомата иностранных дел СССР в Куйбышеве (1941-1943)

Конструктивизм в мировой политике и экономике

- 199 Crowley-Vigneau A. – Norm Implementation: the Achilles' Heel of Constructivist Theory?
- 216 Kapitsa L.M. – Climate Change and Micro, Small and Medium Enterprises
- 232 Григорук Н.Е. Галкин С.А. – Международная торговля сквозь призму статистики: проблемы учёта, оценки и анализа

КНИЖНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

- 258 Kenderdine T. – Eurasianism and Post-Soviet Political Geography

Table of Contents • 13(4) • 2020

RESEARCH ARTICLES

75th Anniversary of Victory

- 7 Myagkov M.Y. – USSR in World War II
- 52 Yungblud V.T. – The 1945 World Order – Process with «Open» Continuation
- 80 Kudryashov S.V. – Prague, the Victorious May of 1945
- 92 Permyakov I.A., Antonenko S.G. – An Attempt to Save Friendship, or What the Liberator of Prague Did in Czechoslovakia in May 1968
- 109 Declassified archival documents about the stay of a delegation of Soviet military leaders in Czechoslovakia on May 8-14, 1968, headed by Marshal of the Soviet Union I.S. Konev
- 109 • Cipher telegram from Ambassador S. Chervonenko No. 723-727 dated 9.05.68.
- 125 • Cipher telegram from Ambassador S. Chervonenko No. 738-741 dated 11.05.68.
- 128 • Report on the stay in Czechoslovakia from 8 to 14 May, 1968 marshals I. Konev and K. Moskalenko
- 136 • Report of Ambassador S. Chervonenko on the stay in Czechoslovakia of the Soviet military delegation in May 1968

- 142 Timofeev A.Yu. – Metamorphoses of memory of the the Russian-Serbian Brotherhood of War in Modern Serbia
- 157 Belov M.V., Kuznetsova S.V. – «In Memory of the Innocent Victims...»? Bleiburg – Controversial “Place of Memory” in Croatia
- 178 Cherniavsky S.I. – The People’s Commissariat of Foreign Affairs (NKID) of the USSR in the City of Kuibyshev (1941-1943)

Constructivism in world politics and economics

- 199 Crowley-Vigneau A. – Norm Implementation: the Achilles’ Heel of Constructivist Theory?
- 216 Kapitsa L.M. – Climate Change and Micro, Small and Medium Enterprises
- 232 Grigoruk N.E., Galkin S.A. – International Trade through the Prism of Statistics: Problems of Accounting, Evaluation and Analysis

BOOK REVIEWS

- 258 Kenderdine T. – Eurasianism and Post-Soviet Political Geography

СССР во Второй мировой войне

М.Ю. Мягков

Российское военно-историческое общество

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье предлагается обзор современных исторических данных об истоках, причинах Второй мировой войны, решающей роли СССР в её победном окончании, а также фиксируются основные итоги и уроки Второй мировой войны.

Главным виновником Второй мировой войны была гитлеровская Германия. Нацизм, расовая теория, замешенные на далеко идущих геополитических замыслах, стали той горючей смесью, которая разожгла пожар глобального конфликта. Войну с Советским Союзом намечалось вести с особой жестокостью.

Предпосылками начала Второй мировой войны стали унижительные для немецкого народа положения Версальского мирного договора, а также отношение «западных демократий» к России после 1917 г. и Советскому Союзу как к изгою мирового развития. Великобритания, Франция, США выбрали для себя политику игнорирования интересов Москвы, они были скорее готовы сотрудничать с гитлеровской Германией, чем с советской Россией. Именно «Мюнхенский сговор» стал точкой невозврата к началу Второй мировой войны. В этих условиях для СССР на передний план стали выходить собственная безопасность и заключение договора о ненападении с Германией с определением сфер интересов сторон в целях ограничения продвижения немецких войск в сторону советских границ в случае германской агрессии против Польши. Пакт о ненападении дал СССР чуть менее двух лет для перестройки армии и консолидации оборонительного потенциала и отодвинул советские границы на сотни километров западнее. Подписанию Пакта предшествовал провал в августе 1939 г. переговоров военных миссий Англии, Франции и СССР, хотя Москва относилась к англо-франко-советским переговорам со всей серьезностью.

Огромные потери СССР летом 1941 г. объясняются следующими обстоятельствами: перед войной была запущена масштабная модернизация Красной Армии, выпускник военного училища не имел к 22 июня 1941 г. достаточного опыта управления вверенным подразделением; врага собирались обескровить в приграничных боях, остановить его короткими контрударами частей прикрытия, провести оборонительные операции, а затем нанести решительный удар в глубину территории противника, поэтому значение многозшелонированной долговременной обороны в 1941 г. командование РККА недооценивало и не было к ней готово; значительные группировки Западного Особого военного округа были как бы втянуты в потенциальные котлы, чем воспользовались немцы на начальном этапе боевых действий; боязнь Сталина спровоцировать Гитлера начать войну вела к медлительности в принятии самых срочных и необходимых решений по приведению войск в боеготовность.

УДК: 327.5

Поступила в редакцию: 12.06.2020 г.

Принята к публикации: 22.07.2020 г.

Союзники неоправданно долго тянули с открытием второго фронта. Они, конечно, добились выдающихся успехов в десантной операции во Франции, однако, потери противника только в одной советской стратегической операции лета 1944 г. («Багратион») не уступают, а даже превышают показатели союзников. Одной из целей «Багратиона» было как раз помочь союзникам.

Советские солдаты освобождали Европу ценой своей жизни. При этом Москва не могла себе позволить, чтобы после войны вокруг её границ был вновь создан «санитарный кордон», чтобы к власти в приграничных государствах пришли анти-советские силы. США и Великобритания предприняли все доступные им меры, чтобы быстро удалить из правительств Италии, Франции и других западных государств все левые силы, которые в 1944-1945 гг. имели серьёзное влияние на политику своих стран.

Огромный вклад в победу внесло Движение Сопротивления. В 1941—1944 гг. в тех районах, которые были оккупированы войсками вермахта и их союзниками, действовало более 6,2 тыс. советских партизанских отрядов и соединений, численностью более 1 млн чел.

Ужасает цена война. Демографические военные потери всех павших советских военнослужащих – 8 668 400 чел., потери гражданского населения СССР – около 18 млн чел. В то же время военные безвозвратные потери Германии вместе с её сателлитами составляют 8 649 200 чел. Через нацистские концлагеря прошли более 18 млн человек. Из них было расстреляно, задушено в газовых камерах, загублено от варварского обращения, голода и холода более 11 млн чел. Среди жертв нацистских концлагерей около 5 млн советских граждан. Жертвами нацистской политики Холокоста в Европе стали 6 млн евреев.

По итогам войны была образована ООН, проведён Нюрнбергский трибунал, внёсший существенный вклад в развитие международного права, подорвана колониальная система. Не теряет актуальность и тот урок войны, что её можно было бы избежать, если бы «западные демократии» не относились к Советскому Союзу как к изгою.

Ключевые слова: Вторая мировая война, историческая память, Барбаросса, боевые действия, международные отношения

В 2020 г. наша страна и весь мир отмечают 75-летие событий, связанных с завершением Второй мировой войны. В России дата 9 мая – день окончания Великой Отечественной войны, безоговорочной капитуляции Германии – является священным праздником. Годы неумолимы, уходят из жизни наши героические ветераны, но время не в силах стереть память о подвигах наших предков, которые ценой своей жизни встали на защиту Родины, отстаивали независимость своей Отчизны и принесли свободу странам Европы.

Однако, чем дальше уходит от нас тот победный май 1945 г., тем сильнее раздаются голоса о том, что победы, мол, мы добились не сами, цена её неоправданно высока, освобождения как такового не было, а была новая «оккупация» Европы, да и развязали войну не нацисты, а два «диктатора» – Гитлер и Сталин. Победа СССР, решающая роль Красной Армии во Второй мировой войне не дают покоя ни США, ни Евросоюзу. В сентябре 2019 г. вышла резолюция Европарламента «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», в которой напрямую уравнивается нацизм и коммунизм, что является от-

крытым надругательством над памятью миллионов советских бойцов, которые погибли ради того, чтобы появились в том числе такие организации, как ЕС, Европарламент, Евросовет.

Сегодня нужны серьёзные усилия всего российского общества, прежде всего, историков и общественных деятелей, чтобы прекратить вакханалию беспамятства в европейских государствах. Для этого необходимо не просто открывать архивы (основные документы Второй мировой войны уже опубликованы), но делать их более доступными для изучения и восприятия, переводить их на разные языки и снабжать достоверными комментариями.

Нужно постоянно подчёркивать, против кого и за что мы воевали, и какие уроки должны извлечь из причин и итогов войны. Без этих знаний человечество рискует рано или поздно снова оказаться опрокинутым в глобальный конфликт. Одной из попыток ответить на эти вопросы и является данная статья.

Против кого и за что мы воевали?

Вопрос и простой, и одновременно сложный. Мы знаем, что нашим главным врагом – причём общим для всех стран антигитлеровской коалиции – был нацизм. Однако в последнее время многие забывают, что эта идеология могла принести всему миру и конкретно нашей стране. Наши предки воевали и погибли не только за свою независимость, но за саму возможность жить. Они ответили на смертельную угрозу всенародным подвигом. Мы справедливо называем свою войну против гитлеровской Германии Великой Отечественной. Вместе с тем мы воевали и за независимость многих других европейских и азиатских стран. СССР внёс решающий вклад в разгром блока агрессоров.

Главным виновником Второй мировой войны была гитлеровская Германия. Нацизм, расовая теория руководителей Третьего рейха, которые собирались завоевать весь мир, замешенные на далеко идущих геополитических замыслах, стали той горючей смесью, которая разожгла пожар глобального конфликта. Германия выступила в союзе с Италией, Японией и другими сателлитами, примкнувшими к блоку агрессоров.

К началу 1942 г. под руководством рейхсфюрера СС Г. Гиммлера был разработан специальный документ под названием «Генеральный план “Ост”». План содержал программу господства германской «арийской нации» на захваченных землях. Евреев, славян, другие народы Советского Союза нацисты относили к «недочеловекам». При этом гитлеровцы планировали принудительное выселение из Польши и оккупированных территорий СССР от 50 до 75% населения, отправку их на медленное вымирание в Сибирь и другие отдалённые районы. Небольшую часть славян и прибалтийских народов предполагалось германизировать, остальных – уничтожить. К тотальному истреблению предназначались евреи и цыгане. В западных районах СССР должны были остаться не более 14 млн чел., которые обслуживали бы 4-5 млн немцев–«арийцев». Для славян

не планировалось нормальное медицинское обслуживание или образование. Один из лидеров нацистов М. Борман заявлял: *«Славяне должны работать на нас. В той мере, в какой они нам не нужны, они могут вымирать... проведение прививок и медицинское обслуживание со стороны немцев является излишним. Размножение славян нежелательно. Образование опасно. Для них достаточно уметь считать до ста. В лучшем случае приемлемо образование, которое готовит для нас полезных марионеток»*. Г. Гиммлер добавлял: *«Мы должны ...вести себя по-товарищески по отношению к людям одной с нами крови, и более ни с кем. Меня ни в малейшей степени не интересует судьба русского или чеха. Мы возьмём то, что народы могут нам предложить по части хорошей крови нашего типа... Живут ли народы в достатке или умирают с голоду, интересует меня лишь в той мере, в какой они нужны нам как рабы для нашей культуры...»* (Нюрнбергский процесс 1954: 560). Решение проблемы заселения восточных пространств предусматривало «полное уничтожение русских» или подрыв их биологической силы, путём тотального сокращения рождаемости (Кульков, Мягков, Ржешевский 2005: 213). План «Ост» был рассчитан на 30 лет.

Войну с Советским Союзом намечалось вести с особой жестокостью. Немецкий солдат не имел права на проявление жалости или угрызений совести. Соответствующие указания о таком поведении были изданы ещё до войны и в первые месяцы германской агрессии против СССР. В марте 1941 г. Гитлер подписал директиву (известную в литературе, как «Указ о комиссарах»), согласно которой все пленные комиссары и политработники Красной Армии должны были расстреливаться на месте. Приказ «О применении военной подсудности в районе Барбаросса» от 13 мая 1941 г. запрещал военным судам рассматривать у себя преступления гражданских лиц. Все «подозрительные элементы» должны были расстреливаться без суда, по приказу офицера.

Директива №33 Верховного командования вермахта (ОКВ) от 23 июля 1941 г. требовала от оккупационных войск *«подавлять сопротивление гражданского населения не методами юридического наказания преступников, а путём запугивания, чтобы отбить у него всякую охоту продолжать борьбу...»*. Подчёркивалось, что *«командование должно применять самые драконовские меры...»*. Известны также приказы двух командующих немецкими объединениями – фон Рейхенау и фон Манштейна – о репрессиях против мирного советского населения, одобренные высшим командованием вермахта, которые Гитлер нашёл превосходными. Главнокомандующий сухопутными войсками В. фон Браухич распорядился, чтобы приказ Манштейна, призывавший в том числе к уничтожению евреев, был распространён на всём Восточном фронте в качестве образцового документа (Мягков 1999: 203-204).

Офицеры и солдаты вермахта, не говоря уже о частях СС и специальных анзацгрупп, действовали исходя из этих распоряжений. Документы вражеского командования, письма немецких солдат подтверждают это. Вот отрывок из приказа командира батальона 9-й танковой дивизии по фамилии Гутман 23 июля

1941 г.: «...Я ещё раз объявляю, что каждый офицер вправе – по собственному усмотрению – приказывать расстреливать советских военных, действующих против нас позади нашего фронта... равно как и гражданских лиц, подозреваемых в саботаже или шпионаже... Я не раз устанавливал, что офицеры батальона пытаются переложить ответственное решение на меня. Категорически запрещаю это»¹. В посланиях гитлеровцев различных званий и должностей с Восточного фронта в 1941 г. звучали признания о зверствах, которые они творили в СССР: 16 июля 1941 г.: «Все взятые нами в плен или арестованные комиссары и прочие лица расстреливаются на месте...»; 23 октября 1941 г.: «Ты думаешь, мы пришли сюда только для несения оккупационной службы... Здесь идёт речь о борьбе с бандитами и эксцессами малой войны. Так, вчера русский в штатском застрелил в соседнем местечке немецкого офицера. За это была сожжена целая деревня. В этом восточном походе дела обстоят совсем иначе, чем в западном»².

Захватчики планомерно и методично уничтожали советское мирное население, военнопленных, обрекали на голод целые регионы. За годы войны СССР потерял 26,6 млн чел.

Причины Второй мировой войны

Версальский мир 1919 г. означал для Германии серьёзные территориальные потери на восточных и западных границах, запрет содержать армию более, чем в 100 тыс. чел., производить боевые танки и самолёты, иметь мощный военный флот. Главные победители в войне – Франция, Великобритания, США – жёстко и бескомпромиссно продиктовали свои условия немцам, которые отнесли себя к униженным и оскорблённым, мечтали о реванше. Герой Первой мировой войны французский маршал Ф. Фош фактически предсказал тогда дату начала новой войны: «Это не мир, это перемирие на 20 лет». Подобные мысли в 1920-х гг. были у многих европейских военных и политиков. На волне реваншистских настроений и экономических трудностей в Германии возникла нацистская партия (НСДАП), которую вскоре возглавил А. Гитлер. Но не только реваншизм и «Великая депрессия» начала 30-х гг. XX в. привели нацистов к власти в январе 1933 г. Большинство немцев благосклонно относилось к расовым установкам Гитлера, а в головах германских бюргеров теории о «превосходстве» арийцев над «недочеловеками» прекрасно уживались с мыслью о сытом желудке. Если фюрер указывает на «виновность» евреев во всех бедах Германии, значит, необходимо отобрать у них имущество, а самих евреев запрятать в концентрационные лагеря или гетто. Не беда, что раньше все уживались в одном квартале. Времена изменились. Вначале, в 1935 г., вышли Нюрнбергские расовые законы, по которым евреев лишали гражданских и политических прав, затем евреев

¹ Центральный архив Министерства обороны РФ (далее: ЦАМО РФ). Ф.500. Оп.12462. Д.118. Л.53

² ЦАМО РФ. Ф.500. Оп.12462. Д.118. Л.53

стали убивать прямо на улицах, затем, с немецкой педантичностью, оптимизировали процесс и стали убивать евреев, коммунистов, комиссаров, простых людей и военнопленных в специальных лагерях – концентрационных и лагерях смерти.

Большинство немцев не возражали, чтобы Германия взяла под железную руку управление богатыми землями чужих стран. Фюрер чётко указывал направление будущей экспансии Германии. Ещё в 1925 г. в книге «Майн кампф» Гитлер писал: *«Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы и определённо указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке... мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены...»* (Мировые войны 2002: 8-9). Содержание этой книги стало идейной основой для подготовки Германией новой агрессии и начала Второй мировой войны. Не трудно было заметить, что нацистский лидер придавал новую жизнь средневековому призыву «натиска на Восток» («Drang nach Osten»), известного со времён тевтонских и ливонских рыцарей. Расовые императивы и геополитические установки «крестоносцев XX века» соединились во взрывоопасную смесь.

Лига Наций была проигнорирована нацистами и их союзниками как досадное недоразумение. Международная организация, призванная по идее не допустить новой мировой войны, оказалась неспособной защитить даже пограничные интересы её создателей. Например, 7 марта 1936 г. Германия в нарушение запрета ввела свои войска в демилитаризованную Рейнскую зону, Лига Наций заявила протест, но дальше этого дело не сдвинулось.

Шанс остановить агрессию в середине 1930-х гг. оставался, для этого необходимо было объединить усилия «западных демократий» (прежде всего, Англии и Франции) с Советским Союзом. Реальные шаги Москвы в деле конструирования системы коллективной безопасности: вступление СССР в Лигу Наций в 1934 г., соглашения о взаимопомощи с Францией и Чехословакией в 1935 г., казалось, должны найти отклик у английских и, особенно, французских политиков. В Париже не забывали стремительного немецкого броска к берегам р. Марны летом 1914 г. В этой связи угроза войны на два фронта (опять же по опыту Первой мировой войны) для гитлеровской Германии стала бы веским аргументом умерить свой пыл. Но этого не случилось. Курс на «умиротворение» агрессоров Лондона и Парижа (шедшего в русле британской политики) казался более выгодным решением в плане «убить сразу двух зайцев одним выстрелом» – подождать пока Германия нападёт на СССР и благополучно наблюдать, как оба противника истощают друг друга. Результат очевиден и выгоден: в центре Европы исчезает опасность экономического доминирования германского конкурента, а на востоке происходит, как минимум, крушение большевистского режима; для колониальных империй открывается огромный российский рынок, причём подконтрольный англичанам и французам, за спиной которых будут стоять США.

Лидеры Великобритании и Франции недооценили всю опасность нацистского режима. Гитлер был совершенно не склонен оставлять нетронутыми британскую и французскую колониальные империи, Германии самой требовались рынки сырья и сбыта. Уверенность, что Германию всё-таки можно столкнуть с СССР, оставалась приоритетом европейской внешней политики Лондона и Парижа. Последний больше опасался Третьего рейха, чем туманный Альбион, но напрасно надеялся, что дорогостоящая линия Мажино спасёт французов и их правительство от внезапного удара вермахта.

Был ли спусковой крючок войны спущен 23 августа 1939 г., когда в Москву прилетел И. Риббентроп для заключения договора «О ненападении» и определения «сфер интересов»? Так утверждают сегодня западные СМИ: случился «сговор» Сталина и Гитлера, руки последнего были развязаны, и 1 сентября 1939 г. началась война. Реальные события, однако, свидетельствуют о другом. План войны против Польского государства гитлеровцы стали разрабатывать ещё в апреле 1939 г., нападение было определено не позднее 1 сентября 1939 г., и вторжение вермахта в Польшу случилось бы в любом случае. В Кремле пытались избежать войны, но логика событий вела к столкновению именно Германии с СССР. На европейских границах Советского Союза целенаправленно создавался буфер «санитарного кордона», а «западные демократии» стремились столкнуть вермахт с РККА. В Третьем рейхе полным ходом шло перевооружение армии, производство танков, самолётов, артиллерии, стрелкового вооружения возросло в десять раз. ВМС Германии по соглашению с Великобританией 1935 г. могли теперь составить более трети от военно-морской мощи Британии. Потопление советских, британских и американских судов (в том числе Северных конвоев) в годы войны стало следствием и этого документа. У. Черчилль писал: *«Летом 1935 года Германия в нарушение договоров восстановила обязательную воинскую повинность. Великобритания простила это, а заключив с ней сепаратное соглашение, позволила ей восстановить флот... битва за мир, которую в 1935 году можно было выиграть, была теперь почти наверняка проиграна»* (Черчилль 1991: 90).

«Антикоминтерновский пакт», заключённый в 1936 г. между Германией и Японией, был расширен вступление в него Италии. Японские войска уже в 1931-1932 гг. оккупировали Маньчжурию, начав таким образом агрессию против Китая. С 1937 г., после т.н. Нанкинского инцидента, известного также, как «Нанкинская резня» японскими солдатами мирных китайских граждан и военнопленных, агрессия Японии против Китая приняла широкий размах. Здесь – в Азии – образовался театр войны, ставшим районом ожесточённых боёв, массовых потерь населения, одним из первых очагов Второй мировой. В то же время в Европе в марте 1938 г., Германия, чувствуя свою безнаказанность, присоединила к себе Австрию, – Англия и Франция снова сохранили молчание. Ещё ранее, в 1935 г., Италия вторглась в Эфиопию, – Лига Наций оказалась бессильной что-либо этому противопоставить. Лондон и Париж сохраняли надежду, что вектор

агрессии Гитлера вскоре повернётся на восток – против СССР. Но осенью им пришлось уступить нацистам Чехословакию.

Конференции в Мюнхене о судьбе чехословаков предшествовали две встречи руководителя лондонского кабинета Н. Чемберлена с Гитлером – в Берхтесгадене и Бад-Годесберге. С фюрером имел аудиенцию и французский премьер Э. Даладье, и некоторые польские официальные лица, в том числе посол в Берлине Ю. Липский. Для лидеров Запада Гитлер был тогда ближе и понятней, чем большевики: первый был «европейцем», а вторые чем-то чужеродным, непонятным, восточным. Поэтому вести дело с германским фюрером и заключать с ним сделки было удобней. Отсюда и характеристики. *«С момента вступления на пост английского премьер-министра, – говорил Чемберлен, – постоянно работал на пользу германо-английского сближения... он относится к этому человеку [Гитлеру – ред.] с величайшим уважением».* Ему вторил Даладье: *«Рад, что ему представилась возможность лично встретиться с фюрером».* Очевидно, фюрера это только забавляло. Ему стоило совсем немного времени, чтобы переиграть лидеров «западных демократий». «Мюнхенский мир» (реально «Мюнхенский сговор» – М.М.), произошедший 29-30 сентября 1938 г., как писал посол США в Испании К. Бауэрс: *«за одну ночь свёл Францию до положения второсортной державы, лишив её тщательно культивировавшихся друзей и всеобщего уважения, а Англии нанёс такой сокрушительный удар, какой она не получала в течение последних 200 лет. Полтора века назад за такой мир Чемберлена засадили бы в Тауэр, а Даладье казнили бы на гильотине»*³. Британская «Манчестер Гардиан» в феврале 1939 г. высказывалась по поводу политики «умиротворения» и мюнхенского соглашения: *«мудрый план продать своих друзей для того, чтобы откупиться от своих врагов»*⁴.

Именно Мюнхен стал точкой невозврата к началу Второй мировой. Англия и Франция отнеслись к своему союзнику – Чехословакии – как торговцы – продали и продали её. СССР был готов задействовать десятки своих стрелковых и танковых дивизий, тысячи самолётов для помощи чехословакам. Но все попытки Москвы оказались тщетными. Пражских руководителей, равно как и советских дипломатов в Мюнхен не позвали. Германия захватила тогда более 40 тыс. кв. км территории и увеличила численность Третьего рейха почти на 5 млн чел.

Но не только Германия стала «призёром» Мюнхенского соглашения: Венгрия ввела свои войска в Словакию и отрезала себе кусок в 12 тыс. кв. км с населением более 1 млн чел. Как «гиена» (выражение, приписываемое У. Черчиллю) повела себя Польша, ранее сохранявшая добрососедские отношения с Чехословакией. Её приобретением стала небольшая, но важная в стратегическом плане пограничная Тешинская область с более 220 тыс. жителей.

³ US. Library of Congress. Manuscript Division. *Dodd's Papers*. Box 56.

⁴ *Manchester Guardian*. 1939.Feb. 25.

Разумное поведение Варшавы в 1938 г. могло подвинуть поляков к союзу с СССР, который мог бы стать действенной защитой Польского государства уже осенью 1939 г. Но верх взяла линия на антисоветизм и русофобию, уже давно культивировавшиеся в польском обществе. В декабре 1938 г. в докладе разведывательного отдела главного штаба польской армии говорилось: *«Расчленение России лежит в основе польской политики на Востоке... Задача состоит в том, чтобы заблаговременно хорошо подготовиться физически и духовно... Главная цель — ослабление и разгром России»*⁵.

Антисемитизм в Польше пронизывал многие слои общества 1920-1940-х гг. Министр иностранных дел Польши Ю. Бек, беседуя с Гитлером 5 января 1939 г., поблагодарил его за следующую позицию: *«Он, фюрер, преисполнен твёрдой решимости выбросить евреев из Германии... Если бы со стороны западных держав к требованиям Германии в колониальном вопросе было проявлено больше понимания, то тогда он, фюрер, возможно, предоставил бы для решения еврейского вопроса какую-либо территорию в Африке, которую можно было бы использовать для поселения не только немецких, но и польских евреев. К сожалению, однако, западные державы не проявили этого понимания, и всё же Германия вынуждена настаивать на своих требованиях в колониальном вопросе, поскольку она непременно нуждается в колониях для того, чтобы прокормить своё население. Рано или поздно она получит обратно свои колониальные владения. В этом он, фюрер, твёрдо убеждён...»*. В отношении России Гитлер сказал польскому министру иностранных дел: *«...Германия всегда будет относиться к этой стране [СССР – ред.] с предельной осторожностью, и потому Германия крайне заинтересована в сохранении Польшей своих позиций. С чисто военной точки зрения наличие сильной польской армии снимает с Германии значительное бремя; дивизии, которые Польша вынуждена держать на русской границе, избавляют Германию от соответствующих дополнительных военных расходов... Польша никогда не согласится быть зависимой от России и будет продолжать линию независимой политики, что она уже делала в прошлом, когда Польшу хотели толкнуть на сближение с Россией путём заключения Восточного пакта»*⁶... Бек... закончил изложение своих доводов повторным заверением в том, что Польша в своей общей позиции по-прежнему будет верна той линии, которой она придерживается с 1934 г.»⁷. [т.е. после заключения т.н. «Декларации о неприменении силы между Германией и Польшей» (в литературе также устоялись названия этого документа «Договор о ненападении между Германией и Польшей», «Пакт Пилсудского – Гитлера» – М.М.]

⁵ См. Журдо С. 2019. «Расчленение России лежит в основе польской политики на Востоке...». *Правда*. №92 (30879) 23-26 авг.; См. также: *Polsko-Radzieckich*, 1968: 262, 287.

⁶ Нереализованная попытка заключить совместный договор (пакт) о взаимопомощи между СССР, Чехословакией, Польшей, Финляндией, Латвией, Литвой и Германией.

⁷ Запись беседы А. Гитлера с министром иностранных дел Польши Ю. Беком. *Хронос / Исторические источники*. URL: http://www.hrono.ru/dokum/193_dok/19390105gitl.html (дата обращения 1.08.2020).

Вопросы о высылке евреев из Европы в Африку, совместном противодействии СССР обсуждал с Гитлером и польский посол в Берлине Ю. Липский. Выступая на расширенной коллегии Минобороны РФ в декабре 2019 г., президент России В.В. Путин процитировал отрывки из послания польского дипломатического представителя министру иностранных дел Ю. Беку, в которой Липский с удовольствием отнёсся к депортации евреев, обрекающей их на быстрое вымирание: «Когда я это услышал, – писал Липский, – я ему (Гитлеру – ред.) ответил, если он это сделает, мы поставим ему великолепный памятник в Варшаве»⁸. Гитлер не раз говорил послу Польши, что Германии выгоднее дружить с его, чем с какой-либо другой страной (Diplomat in Berlin 1968: 204).

После смерти «начальника государства» (фактического диктатора Польши) Пилсудского в 1935 г. Гитлер присутствовал на поминальной службе в столице Третьего рейха. Но игра поляков с фюрером вскоре закончилась. Польша, как ранее Чехословакия, оказалась очередной целью нацистов, а освобождать Польское государство для поляков пришлось Красной Армии, но только уже в 1944-1945 гг.

Мюнхен не «умиротворил» фюрера. Слова Н. Чемберлена при возвращении из этого города, что он «привёз мир нашему поколению», потонули в грохоте сапог немецких солдат, промаршировавших по улицам не только судетских деревень, но затем и самой Праги. Договорённости с Гитлером за счёт других стран, с которым, кстати, Чемберлен и Даладье подписали после Мюнхенской конференции декларации о ненападении, оказались пустыми бумажками. Французы считали, что будут жить с Германией в добрососедских отношениях, совещаться в случае осложнений, хранить нерушимость границ. Но меньше, чем через два года немецкие танки вошли в Париж.

Мюнхен сделал аппетит Гитлера ещё более ненасытным. В середине марта 1939 г. немцы вступили на оставшиеся земли Чехии, превратив их в протекторат «Богемия и Моравия», Словакия стала марионеточным образованием Третьего рейха. Настал период и Польши. В конце марта 1939 г. фюрер определил условия для Варшавы: возврат бывшего немецкого города Данциг и Данцигского коридора, отделившего после Первой мировой войны Восточную Пруссию от основной территории Германии. Польша отказалась. Тогда Гитлер утвердил план подготовки войны с поляками, которая должна была начаться до 1 сентября 1939 г. (план «Вайс»). 31 марта 1939 г. Лондон и Париж, размышляя над полным крахом своей политики, предоставили военные гарантии Польше. Мир подошёл к роковой черте.

Германский военный атташе в СССР генерал Э. Кёстринг в то время рассуждал в практической плоскости будущего завоевателя: «Польша является клячей,

⁸ «Путин назвал сволочью поддержавшего Гитлера посла Польши». РИА «Новости». 2019. 24 дек. URL: <https://ria.ru/20191224/1562780957.html> (дата обращения 1.08.2020).

которую Германия впрягла в свою упряжь на время... – откровенничал он со своим литовским коллегой. – *Если Польша рассчитывает на помощь Германии в её войне с СССР, то во всяком случае германские войска, вступив в “коридор” и в Силезию, оттуда никогда не уйдут*» (Сиполс 1979: 216). В Кремле делали выводы: попытки поддержать Прагу рухнули, коллективная безопасность, очевидно, тоже, изоляция СССР была налицо. И если немцы, например, соберутся зайти в Прибалтику, то никто, кроме Красной Армии их не остановит. Вскоре в Москве появился и новый нарком иностранных дел вместо М.М. Литвинова – В.М. Молотов, пользовавшийся доверием И.В. Сталина.

На передний план стали выходить собственная безопасность и заключение договора о ненападении с Германией с определением «сфер интересов» сторон в целях ограничения продвижения немецких войск в сторону советских границ в случае германской агрессии против Польши. 23 августа 1939 г. нарком В.М. Молотов и министр иностранных дел Германии И. Риббентроп подписали Договор о ненападении между СССР и Германией и секретный дополнительный протокол к нему, определявший сферы интересов сторон.

Появлению этих документов предшествовал провал в августе 1939 г. переговоров военных миссий Англии, Франции и СССР. Был ли у трёх стран последний шанс организовать эффективное боевое взаимодействие? Представляется, что да. Имеются все основания полагать, что Москва относилась к англо-франко-советским переговорам со всей серьёзностью. В конце 1990-х гг. был рассекречен интересный документ «Инструкция Ворошилову» – главе советской делегации на этих переговорах. Она записана маршалом 7 августа, вероятно, под диктовку И.В. Сталина. Приведём некоторые выдержки: *«Переговоры свести к дискуссии по отдельным принципиальным вопросам, главным образом, о пропуске наших войск через Виленский коридор и Галицию, а также через Румынию... Заявить, что без свободного пропуска советских войск через указанные территории, оборона против агрессии в любом её варианте обречена на провал ...»* (Мировые войны 2002: 74-75). Начальник Генерального штаба РККА Б. Шапошников представил на переговорах обстоятельный план совместных военных действий трёх держав в случае германской агрессии. СССР заявил о готовности выставить 136 дивизий для совместной обороны. Английская и французская делегации приехали в этом смысле в Москву с пустыми руками (Сиполс 1979: 263-264).

Однако отсутствие у англичан полномочий подписать военную конвенцию, незначительность рангов делегатов из Лондона и Парижа, в конце концов сама цель британского адмирала Д. Дракса (флигель-адъютанта короля Великобритании и Северной Ирландии) и дивизионного генерала Ж. Думенка (командующего военным округом, а затем члена Высшего военного совета) была затягивать время, а не заключать соглашения. Несмотря на громкие должности, реальных возможностей британцы и французы не имели. В конце концов, когда Гитлеру понадобилось соглашение с СССР, он послал Риббентропа в Москву на самолёте, британцы и французы считали, что делегаты могут отправиться

морем, а затем на поезде. Разница показательна. Московские переговоры военных миссий вскоре подошли к бесславному финалу, окончательно их добил категоричный отказ Польши дать проход частям РККА как раз навстречу наступающим армиям вермахта. Без этого разрешения советские войска оставались бы на месте и встречали развёрнутые соединения немцев на позициях, угрожающих важнейшим центрам государства. Участник переговоров со стороны Франции Бофр отмечал: «Трудно быть более конкретным и более ясным,... контраст между этой программой и смутными абстракциями англо-французской платформы поразительный... Наша позиция оставалась фальшивой» (Сиполс 1979: 263-264).

Дальнейшие события развивались очень стремительно. Германский посол в Москве Ф. Шуленбург 17 августа 1939 г. передал обращение Берлина, что Германия готова к переговорам и подписанию договора о ненападении, дать гарантии государствам Прибалтики, а также содействовать нормализации отношений СССР с Японией (Сиполс 1979: 279-280). Известный российский профессор О.А. Ржешевский отмечал, что к тому моменту в Москве уже имелись сведения от разведки, что Германия изготовилась для нападения на Польшу.

Когда до начала агрессии Третьего рейха остались считанные дни польский маршал Э. Рыдз-Смиглы заметил: *«С немцами мы рискуем потерять свободу, а с русскими – нашу душу»*.

Советско-германский договор о ненападении

Советско-германский договор дал СССР чуть менее двух лет для перестройки армии и консолидации оборонительного потенциала⁹. Огромную роль сыграло то, что пограничные рубежи были отодвинуты на сотни километров западнее (ранее, например, они отстояли в 40 км от Минска). Часто слышно мнение, что это ничего нам не дало летом 1941 г., поскольку немцы прошли от «новой» до «старой» границы довольно быстро. Но это мнение не выдерживает научной критики. Во-первых, не везде и не всегда: оборона Таллина продолжалась до конца августа 1941 г.; немецкие моторизованные войска сильно сократили свой моторесурс, потеряв при этом сотни танков; СССР выиграл дни и недели для эвакуации важнейших предприятий военной промышленности, что дало о себе знать уже в начале 1942 г. подъёмом после неизбежного спада советской индустрии. Критики часто забывают, что РККА взяла в сентябре 1939 г. под свою защиту мирных граждан Западной Украины и Западной Белоруссии. Можно себе только представить, если бы эти люди попали под тяжёлый гнёт и террор со стороны нацистов уже в 1939 г. Известно, что расовая полити-

⁹ Именно в 1939 – начале 1941 гг. в СССР были испытаны и приняты на вооружения новейшие самолёты, реактивная система залпового огня «Катюша», танки Т-34, пистолеты-пулемёты ППШ, и другое вооружение.

ка гитлеровцев на оккупированных территориях, убийства, насилия и грабежи, геноцид евреев со всей наглядностью проявились уже тогда. Известно также, что договор о ненападении был с неприятием воспринят в Токио, где посчитали, что германский союзник проигнорировал интересы Японии. Всё это происходило на фоне успешной для РККА операции против японского вторжения в Монголию на р. Халхин-Гол. Дипломатия будущей полноценной антигитлеровской коалиции стала коваться уже в то время, когда Советский Союз всеми доступными методами пытался обезопасить свои дальневосточные рубежи. В период Великой Отечественной войны это способствовало тому, что СССР несколько снизил угрозу войны на два фронта, а затем (после разгрома Германии) вступил в войну с Японией на стороне западных союзников¹⁰.

Сходные по букве и духу с советско-германским договором, соглашения и декларации с Германией заключали многие европейские страны. Причём сделали они это ранее СССР. При этом они не переставали считать себя «демократическими» и «миролюбивыми»: Польша – в 1934 г., Великобритания («морское соглашение») – в 1935 г., вновь Великобритания и Франция (после Мюнхена) – в 1938 г., Литва – в марте 1939 г.; Латвия и Эстония – в июне 1939 г.

Ещё один момент, который обозначился накануне советско-германского договора 1939 г. – почти неизбежная опасность вхождения соединений вермахта в прибалтийские страны в случае бездействия Москвы и игнорирование ею обращений со стороны Берлина по поводу определения «сфер интересов» двух стран. Быстрый захват Прибалтики выводил германские части на расстояние примерно в 100 км от Ленинграда – второй столицы СССР. А возможности такого развития виделись в Кремле более чем актуальными (при этом и Латвия, и Эстония становились де-факто зависимыми от Германии)¹¹. Выше уже были упомянуты договоры Таллина и Риги с Берлином в июне 1939 г. Как пишет российский исследователь В.В. Симиндей, «в Федеральном архиве Германии отложился документ, который содержит прямое указание на секретный протокол (“секретную клаузулу”) к этим договорам...». При этом историк цитирует текст из информационного отчёта высокопоставленного сотрудника пропагандистской службы новостей Г. Дертингера, где говорится, что Эстония и Латвия обязались принять «...все необходимые меры военной безопасности по отношению к Советской России... Германия будет оказывать им помощь в той мере, насколько они сами не в состоянии это сделать» (Симиндей 2019: 109-110). Для Лондона, Парижа, Вашингтона, Варшавы, Вильнюса, Риги, Таллина эти соглашения считались нормальными дипломатическими манёврами.

¹⁰ 13 апреля 1941 г. СССР и Япония заключили Пакт о нейтралитете.

¹¹ 7 июня 1939 г. в Берлине состоялось подписание договоров Германии с Латвией и Германии с Эстонией. (В литературе о них также пишут, как о пакте Мунтерса – Риббентропа и пакте Сельтера – Риббентропа). Латвия и Эстония де-юре сохраняли нейтралитет, но попадали под зависимость от Германии.

Тревожные новости приходили и от советских военных дипломатов в Прибалтике. Так, советский военный атташе в Латвии полковник Васильев докладывал в Москву 17 мая 1939 г., что «подготовка германской агрессии» в эту республику идёт полным ходом. *«В Риге... Меже-парк и другие предместья, – сообщал он, – являются постоянным местом сборища гитлеровской молодёжи... Мало того, сам министр иностранных дел на второй день пасхи разгуливал в белых чулках... Идёт усиленная пропаганда идей фашизма и прямой агрессии... Рессинг [германский военный атташе – ред.] предлагал в Лиенае командиру дивизии и офицерам гарнизона германский протекторат, причём этот протекторат должен был быть направлен против Советского Союза... Общее мнение трудящихся – это скорей бы пришла Красная Армия. Интеллигенция рассуждает так: “Лучше Советская власть, чем немцы”. ВЫВОД: Правительство, его верхушка по-прежнему тянет латвийский народ в лоно германского фашизма и в критический момент не остановится перед прямым предательством своего народа. Трудящиеся массы стоят за прямое присоединение Латвии к Советскому Союзу...»¹².*

Преступная глупость политики «умиротворения» Гитлера, близорукость лидеров «западной демократии» осознавали некоторые военные из англо-саксонских держав. Когда уже произошла эвакуация британских сил из Дюнкерка, пала в мае-июне 1940 г. за шесть недель Франция, а Германия и её союзники захватили пол-Европы, английский военный атташе в Москве полковник Грир посетил 19 декабря 1940 г. советскую воинскую часть. Наряду с тем, что британский офицер осмотрел советскую бронетехнику, которая незадолго до этого участвовала в Советско-финской войне, он сделал несколько заявлений. Например, подчеркнул, что Лондон осуждает советско-германский договор от августа 1939 г., но сейчас в Москве ничего не видят: приготовления вермахта к нападению на Советский Союз идёт полным ходом. В развернувшейся дискуссии наши военные напомнили ему о Мюнхенском соглашении 1938 г., о сдаче Австрии, Чехословакии, Польши, Франции, срыве переговоров военных миссий Англии, Франции и СССР в Москве в августе 1939 г. Грир согласился: *«Нас к этому положению привела старая политика, политика Чемберлена. Было бы лучше, если бы решали солдаты и офицеры... Старых политиков надо поставить в один ряд и расстрелять. Сейчас у нас Черчилль, он ведёт дела по-другому...»¹³*. Некоторые слова Грира можно расценивать и как предупреждение, и как попытку навести мосты для будущего англо-советского альянса:

«Грир: Наш враг Германия. Вы меня понимаете?»

Штевнев: Прошу Вас быть откровенным.

Грир: Я видел на днях в “Правде” хорошую картинку. Вашего министра иностранных дел в кругу лучших друзей (В.М. Молотова во время визита в Берлин в

¹² Российский Государственный Военный Архив (далее – РГВА). Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1236. Л. 123-128.

¹³ РГВА Ф.4. Оп.19. Д.77. Л. 99-113.

ноябре 1940 г. – ред.)... Я надеюсь, что придёт день, когда мы будем очень близкими друзьями (...) Мы помогаем Греции и себе, а вы бы помогли Китаю.

Полковник Драгун: Мы бережём снаряды.

Грир: Я уверен, что придёт день, когда весь ваш запас снарядов фьюйт – пролетит. (...)

Грир: Я говорил полковнику Герасимову о последних намерениях Гитлера. Он мне не поверил.

Полковник Драгун: Вопросы государственного масштаба у нас решает правительство (...)

Грир: Наш новый посол сделал очень много, чтобы договориться с вами, но ничего не мог добиться. А почему вы не взяли Варшаву в 1939 г.? Ведь Польша была ваша?

Штевнев: Мы взяли, что нам исконно принадлежало. Присоединили украинцев к украинцам и белорусов к белорусам. А Польша Польшей и осталась.

Грир: Я дипломат и не имею права этого говорить, но в Германии говорят, что они скоро покончат со Сталиным. Вы не видите или не хотите видеть, что против вашего правого фланга, в Финляндии, немцы и против левого фланга, в Румынии, – также немцы, и немало их там. И только вы ничего не видите (...) Мы воюем против Гитлера. Англии и Германии не хватает места вдвоём на этой земле. Гитлер хочет у вас отнять Украину и проливы.

Штевнев: Наполеон был в Москве и у него было 600 тыс. солдат, и от всего этого не осталось ничего, и Наполеона не стало.

Грир: Это было больше 100 лет назад. Тогда не было танков и самолётов.

Федосеев: Русский народ остался таким же и ещё больше любит свободную родину. А танков и самолётов у нас много.

Грир: Ваш солдат очень хорош. Но Германия очень сильна. У неё 220 дивизий, танки, самолёты. Все это будет против вас.

Штевнев: У Германии будет неблагополучно с тылом. Нужно будет много войск, чтобы держать в повиновении тот же английский народ.

Грир: Для Англии достаточно будет пять-шесть дивизий, а всего 30 дивизий, а 200 дивизий будет против вас.

Штевнев: Советский Союз ещё не имел поражений. Каждый, кто попытался против нас воевать, тот был побеждён. Мы сильны, поэтому мы независимы и можем всегда отстоять наш нейтралитет.

(На этом беседа закончилась. Прощаясь, полковник Грир благодарит за радужный приём, даёт высокую оценку виденному в бригаде, говорит, что чувствовал себя в дружественной среде)...»¹⁴.

¹⁴ РГВА. Ф.4. Оп.19. Д.77. Л.99-113.

Трагедия июня 1941 г.

Трагедия июня 1941 г. надолго оставалась в памяти наших ветеранов войны, и сегодня она не даёт покоя тем, кто пытается разобраться, почему и как так получилось, что мощнейшая группировка РККА на наших западных границах потерпела сокрушительное поражение всего за несколько недель?

Постараемся ответить на основные вопросы по порядку их важности. Почему немцам так быстро удалось прорвать фронт нашей обороны на границах? В чём были причины гигантских окружений наших приграничных армий? Какие ошибки были допущены накануне войны, которые не позволили избежать поражений советских фронтов? Цена ответов на эти вопросы по-прежнему чрезвычайно высока, поскольку современная Российская Федерация не имеет права допустить подобного катастрофического развития ситуации на начальном этапе войны.

При всех издержках: кризисе в деревне в период коллективизации, жёстких административных методах управления экономикой, скудности жизни простых людей, репрессиях и т.д. Советский Союз в предвоенные годы прорвался в новое индустриальное общество. По общему валовому объёму промышленности мы заняли второе место в мире после США. Объём продукции СССР в конце 1930-х гг. был в 8,5 раз выше, чем в 1913 г.; производство средств производства возросло в 15 раз. Резко увеличились расходы на оборону (до 40% от бюджета страны). СССР, окружённый цепью «санитарного кордона», чувствовал себя в положении осаждённой крепости и мог ожидать войны в любую минуту. До прихода Гитлера к власти наиболее вероятным противником на западе считалась Польша. Затем на глазах Кремля происходила милитаризация Германии, беспокойно было на советских дальневосточных рубежах.

Невероятный промышленный рост был достигнут в СССР ценой феноменального трудового героизма миллионов рабочих, крестьян и служащих. Германию удалось превзойти и по количеству танков, и боевых самолётов. К лету 1941 г. в РККА стояло на вооружении свыше 23 тыс. танков и 18 тыс. самолётов. Говоря о качестве советской техники, сегодня нередко подчёркивают её конструктивные изъяны, моральное старение ряда образцов: танки БТ, Т-26, Т-28, самолёты И-15, И-15 бис, И-16. Техника была не только устаревшая, но и требовала ремонта. Это правда. Фактом лета 1941 г. было и то, что СССР пока отставал от вермахта в качестве и насыщенности подразделений средствами связи, современным транспортом, пулемётами, автоматическими зенитными орудиями и многим другим. Укрепления на новой границе достроены не были, разрывы между урами позволяли врагу обойти наши позиции, строительство новых взлётных полос катастрофически запаздывало, самолёты располагались на аэродромах скученно, являясь хорошей мишенью для пилотов люфтваффе.

Однако перед войной был создан целый ряд образцов вооружения, которые по праву считались лучшими в мире: танки Т-34 (конструкторы М. Кошкин,

А. Морозов), 76-мм орудия (конструктор В. Грабин), реактивные миномёты БМ-13 (конструкторы И. Клейменов, Г. Лангемак, Н. Тихомиров и др.)¹⁵. Важнейшие металлургические и машиностроительные предприятия модернизировались, что создавало задел прочности для экономики страны в случае затяжной войны. На подъёме находилась нефтехимия. Постоянно ширилась сеть технических вузов, в разы увеличилось количество военных училищ и академий, готовящих армейских командиров.

В 1930-е гг. СССР ворвался в число немногих держав, которые могли создавать любой вид продукции. Но чтобы механизм обороноспособности заработал чётко, без сбоев, требовалось время. Слишком недавно государство, потрясённое Гражданской войной, вышло из фактического хаоса и стало строить индустрию мирового уровня. Не сменилось и одного поколения с тех пор, когда простой крестьянин ушёл из деревни и встал за управление высокоточного станка. Гигантская механизация и автоматизация производства – всё, что присуще индустриальному урбанизированному обществу – началось в СССР лишь какие-то десять с небольшим лет назад. Однако советским людям казалось, что все трудности удастся быстро преодолеть благодаря невиданному энтузиазму. Главное, что выросло молодое поколение людей, воспитанных в духе любви к Отчизне и стремлению ко всему новому и передовому. Без этого никакая победа в войне не была бы возможной.

Военной службой гордились, а государство делало всё возможное, чтобы боеспособность армии и флота постоянно повышались. Численность вооружённых сил увеличилась с 1,9 млн чел. в 1939 г. до почти 5 млн чел. на июнь 1941 г. Но и здесь не обошлось без проблем. Большинство созданных механизированных корпусов находились на низкой стадии боеготовности. Причиной тому были большие штаты для техники, но отсутствие её в формируемых новых соединениях. Армии не хватало 12 тыс. танков, более 40 тыс. тракторов, 300 тыс. автомобилей. На бумаге техники было много, а реально соединение было мало боеспособно, не могло эффективно организовать взаимодействие частей и подразделений.

В целом, перед войной была запущена масштабная модернизация Красной Армии. Менялась структура крупных соединений, осваивалось новое вооружение. Шла активная подготовка молодых кадров. Выпускник военного училища, будучи сильным и отважным, преданным своей Родине, не имел к 22 июня

¹⁵ Боевое крещение многозарядные установки БМ-13 («Катюши») приняли 14 июля 1941 г. под Оршей. Батарей БМ-13 командовал капитан И.А. Флеров. В октябре 1941 г. он героически погиб в окружении под Вязьмой, успев взорвать батарею, чтобы секрет оружия не достался врагу. В 1995 г. Флерову было посмертно присвоено звание Героя России.

В ходе войны своими высокими боевыми качествами выделялись самолёты конструкции А. Туполева (ТБ-7, Ту -2), А. Микояна (МиГ-3), С. Лавочкина (Ла-5, Ла-7), В. Петлякова (Пе-2), А. Яковлева (Як-3, Як-9), танки М. Кошкина (Т-34) и Ж. Котина (серии KB, IC), орудия ЗИС-2 и ЗИС-3 В. Грабина, авиадвигатели А. Микулина, М. Швецова и некоторые другие виды вооружений.

1941 г. достаточного опыта управления вверенным подразделением. Для этого опять требовалось время.

Армии и дивизии, которые получили место дислокации вблизи границ, должны были, наряду с обустройством новых рубежей, построить своё собственное жильё: казармы, дома комсостава и т.д. – а это и время, и финансовые средства. Иначе весь ввод наших частей к «новым границам» мог быть расценён отнюдь не однозначно со стороны местного (украинского, белорусского) населения, которые ждали бойцов РККА «всерьёз и надолго».

Ряд историков (как отечественных, так и зарубежных) сегодня отмечают, что возможно главным просчётом командования Красной Армии стало то, что врага собирались обескровить в приграничных боях, остановить его короткими контрударами частей прикрытия, провести оборонительные операции, а затем нанести решительный удар в глубину территории противника. Генерал армии М.А. Гареев писал по этому поводу, что в Генштабе РККА *«на оборону смотрели как на кратковременные военные действия, проводимые лишь частью войск с целью прикрытия мобилизования и развертывания главных сил. Никто не предполагал, что для отражения уже изготовившихся для нападения войск противника потребуется глубокоэшелонированная оборона в стратегическом масштабе»*¹⁶.

Ложное представление о масштабах и характере начального периода войны стоили Красной Армии дорого в 1941 г. Но и здесь не всё так просто. Весной – в начале лета 1941 г. к Сталину поступали разведывательные документы и аналитическая информация из самых разных источников: Наркоматов обороны и ВМФ, НКВД, НКГБ, зарубежных посольств. В одних документах утверждалось, что нападение Германии вот-вот начнётся, в других – что Гитлер не рискнёт напасть на СССР, пока не покончит с Британской империей (Секреты Гитлера 1995). Логика ответственных лиц, уповавших на английские войска понятна, – фюреру и Герингу не удалось сломить сопротивление Великобритании в 1940 г., несмотря на массированные бомбёжки английских городов. Правда того момента (угрожаемого периода) состояла в том, что «западный фронт» как таковой в то время фактически отсутствовал – Британию и континент разделял пролив Ла-Манш, а военный кабинет в Лондоне, который возглавил У. Черчилль, беспокоился, чтобы немцы не совершили высадку на Остров. Боевые действия в Северной Африке и на морских ТВД отнюдь не портили погоду для эффективной подготовки вермахта к наступлению против СССР.

Ещё в 1990-е гг. в западных СМИ и у нас в стране развернулась целая кампания, обвинявшая Сталина в желании первым напасть на Германию и тем самым принести «пожар мировой революции» в Европу. Современные исследователи

Гареев М. Правда и ложь о начале войны. *Независимое военное обозрение*. 23.06.2000. URL: https://nvo.ng.ru/concepts/2000-06-23/1_true-n-lies.html?id_user=Y (accessed 01.08.2020)

достаточно кропотливо подвергли критике и опровергли эту версию, корни которой уходят ещё в нацистскую пропаганду (Городецкий 1995; Никифоров 2001). В конце концов, ревнителям «альтернативных» вариантов войны стоит задаться простым вопросом: зачем Советский Союз тратил на сооружение укрепленных районов на новой границе в предвоенный период до трети всего производимого в стране цемента, если бы Красная Армия намеревалась первой вторгнуться в Германию?

Важно другое, что те директивы, ушедшие в приграничные округа в мае 1941 г. и опубликованные в т.ч. в ходе дискуссий по вопросу о якобы «превентивном ударе» Германии по СССР, не просто подтверждают, что командование РККА ставило первоочередные задачи именно по обороне границы (1941 год 1998), но и свидетельствуют, что значение многоэшелонированной долговременной обороны в 1941 г. мы явно недооценивали. Лишь к 1943 г. стало понятно, что оборона в стратегическом масштабе требует не меньших, а возможно (!), больших затрат, времени и усилий, чем подготовка внезапного наступления. Войска Красной Армии и строили укрепления, и проводили боевую учёбу, и рыли окопы, и возводили казармы. При этом Генштаб РККА считал, что надо защищать границу по всему её периметру, не отдавать в руки гитлеровцев ни пяди земли, ни одного советского человека, – тех людей, которое лишь недавно стали гражданами СССР. Таким образом значительные группировки нашего Западного Особого военного округа были как бы втянуты в потенциальные котлы (под Белостоком и Минском), чем не замедлили воспользоваться стратеги из Генерального штаба сухопутных войск Германии сразу после 22 июня 1941 г.

Ещё один вопрос связан с опасением Сталина спровоцировать Германию какими-то неосторожным действием. Известно, что война нацистов против Польши началась после немецкой провокации в м. Глейвице. Не спровоцировать вермахт означало многое – прежде всего, выиграть возможное дополнительное время для укрепления обороны, и затем не дать многочисленным «доброжелателям» в Англии и США обвинить СССР в начале войны. Поведение Сталина накануне войны, вероятно, подтверждает, что такое опасение было. Более того, к июню 1941 г. оно достигало высокого напряжения. Ярким подтверждением этого, вероятно, является обсуждение вечером 21 июня 1941 г. советским политическим и военным руководством проекта Директивы № 1. Когда военные представили документ, подразумевавший приведение войск в полную боевую готовность Сталин заметил: *«Такую директиву давать преждевременно, может быть, вопрос ещё уладится мирным путём. Надо дать короткую директиву, в которой указать, что нападение может начаться с провокационных действий немецких частей. Войска приграничных округов не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызвать осложнений»* (Жуков 1992: 387). Есть версия, что И.В. Сталин учитывал здесь и опыт Первой мировой войны, когда объявление Германией войны России в 1914 г. произошло после фактического немецкого ультиматума, требовавшего отменить русскую мобилизацию. Крем-

лёвский лидер был осторожен ещё потому, что вопрос о поддержке Советского Союза со стороны США и Великобритании в случае нападения на него Германии был открытым. Создать полномасштабный и эффективный союз между неагрессивными странами до 22 июня 1941 г. не удалось.

С позиций сегодняшнего дня мы видим, что боязнь провокаций вела за собой медлительность в принятии самых срочных и необходимых решений по приведению войск в боеготовность. Это, в свою очередь, привело к неоправданно большим потерям в начальный период боевых действий и создало благоприятные условия для быстрого продвижения соединений вермахта вглубь СССР летом 1941 г. Вывод из этого сложный – приоритетные задачи большой политики никогда не должны заслонять собой насущные вопросы обороны.

22 июня 1941 г. в наступление против нас перешёл огромный и отточенный гитлеровский механизм уничтожения – более 5 млн солдат и офицеров. более 4 тыс. танков, 47 тыс. орудий и миномётов, 4,5 тыс. самолётов. Немецкие группы армий поддерживали войска Румынии, Венгрии, Словакии, Финляндии, Италии, Хорватии. На территории СССР действовали испанская «Голубая дивизия», французские, бельгийские, норвежские, датские, голландские и др. коллаборационисты, входившие в состав различных эсэсовских легионов. В самом германском вермахте служили выходцы из Польши, Чехословакии, наступающие вражеские части поддерживались полицейскими формированиями из разных стран, в том числе – украинскими националистами из батальона «Нахтигаль», обученные абвером.

В советских приграничных округах к началу войны находилось 186 дивизий, 3 млн чел., около 40 тыс орудий и миномётов, 11 тыс. танков и более 9,1 тыс. самолётов (Киселёв 2005: 439). Из них танков новых типов (КВ и Т-34) – 1475 ед., новых боевых самолётов – 1540 ед. (Кульков, Мягков, Ржешевский 2005: 53).

Буквально в считанные месяцы были потеряны территории Белоруссии, Украины, Прибалтики, Молдавии, значительных областей РСФСР. Огромные потери понесла кадровая Красная Армия. Но не всё было безнадежно. На линию рек Днепр и Западная Двина выдвигались новые советские части, они сходу вступали в бой. Вскоре мощнейшая немецкая группа армий «Центр» оказалась связанной боями под Смоленском. Срочно мобилизовывались новые (пусть и слабо подготовленные) свежие соединения. Центральная власть брала в свои руки все нити управления страной: Ставка, Государственный комитет обороны, Совет по эвакуации. Огромное значение имело выступление И.В. Сталина 3 июля 1941 г., где он призвал к всемерному сопротивлению, организации партизанской борьбы, эвакуации всего, что можно вывезти, чтобы не досталось врагу. Наверное, главное, в эти первые месяцы СССР смог эвакуировать на восток тысячи важнейших предприятий, что создало основу для дальнейшей бескомпромиссной войны за нашу свободу. Важно и то, что наши центры политики и культуры (равно как и экономические локомотивы советской экономики – Ленинград и Москва) – также остались в наших руках. Их последующая геро-

ическая оборона, её успехи – придавали гигантский моральный стимул всем усилиям СССР. При этом дивизии РККА не сдавались при первых признаках окружения, а продолжали драться, задерживая и срывая все графики «Барбароссы». Огромный «балкон» в «подбрюшьи» группы армий «Центр», образовавшийся в результате героического сопротивления защитников Киева, не давал германскому командованию развернуть быстрое наступление на Москву, – необходимо было вначале решить проблему с ликвидацией советского Юго-Западного фронта.

Сами немцы (включая и рядовых солдат, и высшее командование) относились к «войне на востоке» совсем по-другому, чем к боям в Польше, во Франции или на Балканах. Слишком велика была разница в силе и эффективности советской обороны, в отличие от поведения европейских армий – противников Германии. Немцы считали, что боевые действия на востоке ведутся «не классическими» методами, много было странного и непонятного в упорстве красноармейцев по сравнению с капитулировавшими солдатами из Западной Европы. Вот некоторые выдержки из документов врага:

Вскоре после начала войны командующий группой армий «Центр» Ф. Бок с удивлением констатировал, что *«завершение сражений на уничтожение на Востоке будет иметь существенное отличие от Запада. Если на Западе, как и в войне с Польшей, окружённые силы противника после окончания сражения в основном сдавались в плен, здесь это будет происходить по-другому»*. Ефрейтор Макс Х. из 268-й пехотной дивизии 2 сентября 1941 г. сообщил в письме в Германию: *«У нас наступили скверные времена и большие потери. Уже в течение пяти недель мы лежим на одном и том же месте и по нам всё интенсивнее стреляет русская артиллерия. До Москвы ещё 150 км...»*.

Когда же началось советское контрнаступление от стен столицы, то многие «просвещённые» военнотруженики вермахта забили тревогу и стали вспоминать детали отступления армии Наполеона от Москвы (с награбленным добром) осенью-зимой 1812 г. Рядовой А. Фольтгеймер жаловался в письме жене: *«Здесь ад. Русские не хотят уходить из Москвы. Они начали наступать. Каждый час приносит страшные для нас вести... Умоляю тебя, перестань мне писать о шёлке и резиновых ботинках, которые я обещал тебе привезти из Москвы. Пойми — я погибаю, я умру, я это чувствую...»*.

Перед отступлением от Москвы сапёры и обычные солдаты вермахта получили приказы сжигать всё на пути отступления – будь то мост, будь деревня, будь – город с мирными жителями. Сапёр Карл К. писал своим родителям 23 декабря 1941 г.: *«...Мы отошли уже на несколько километров назад... Все оставляемые нами деревни сжигаются, всё в них уничтожается, чтобы вторгающиеся русские не имели возможности разместиться. Не оставляем после себя ни гвоздика...»*. А. Пфушер 25 февраля 1942 г. в письме в Баден: *«...Мы находимся в адском котле, и кто выберется отсюда с целыми костями, будет благодарить бога... Мы встречали женщин, стреляющих из пулемёта, они не сдавались, и мы*

их расстреливали... Ни за что на свете не хотел бы я провести ещё одну зиму в России...». В начале лета 1942 г. советской авиации Западного фронта удалось сбить германский самолёт, и даже захватить его лётчика. Его слова хорошо ложатся на мнение о том, чем стала тогда стала война для мощнейшей группы армий противника – ГА «Центр»: «...Немецкой пропаганде удалось внушить германскому народу, что зима застала наши армии на Восточном фронте врасплох... Но прошла весна, настало лето... Стало ясно, что война с Советским Союзом стала затяжной, что о победоносном окончании войны в 1942 г. не может быть и речи...»¹⁷.

В сражениях под Москвой враг получил тяжёлое ранение, но всё ещё надеялся вырвать победу во всей войне. Тем более, советские потери в битве за столицу были очень тяжёлыми. Только на её начальном этапе мы потеряли убитыми и пленными – под Вязьмой и Брянском – не менее 600 тыс. чел. Бои в ходе Ржевско-Вяземской стратегической наступательной операции с 8 января – до 20 апреля 1942 г. стоили Красной Армии также огромных утрат: Общие потери РККА составили почти 776 тыс. чел., из них безвозвратные потери – 272 тыс. чел (Россия и СССР в войнах 2005: 326). В целом, в четырёх т.н. «ржевских операциях» (которые ряд современных историков называют Битвой подо Ржевом – с января 1942 по март 1943 г.) наши общие потери вместе с ранеными составили 1 324 823 чел., а безвозвратные потери – 433 037 чел. Что это за операции? Во-первых, уже упомянутая выше Ржевско-Вяземская стратегическая наступательная операция, затем Ржевско-Сычевская наступательная операция (30 июля – 23 августа 1942 г.); Вторая Ржевско-Сычевская наступательная операция (25 ноября – 20 декабря 1942 г.); Ржевско-Вяземская наступательная операция (2–31 марта 1943 г.).

Да срезать Ржевско-Вяземский плацдарм немцев нам долго не удавалось. В этом отношении оставалась угроза Москве – фронт проходил всего в нескольких сотнях километров от столицы. Лишь в марте 1943 г. (после разгрома германской военной машины под Сталинградом) части вермахта покинули свои позиции под Ржевом и Вязьмой и отступили на запад. Тем не менее, и германское командование не смогло в критические для нас месяцы лета-осени 1942 г. перебросить с Ржевско-Вяземского плацдарма на юг никаких значительных соединений. Наши победы под Сталинградом и на Кавказе творились в том числе и на Ржевской земле. Недалеко от этого города в конце июня 2020 г. Российское военно-историческое общество, Союзное Государство и Администрация Тверской области поставили величественный памятник всем советским солдатам, сражавшимся и погибшим на этой земле. При этом средства на этот памятник собирали всем миром. На церемонии открытия памятника присутствовал президент России В.В. Путин.

¹⁷ ЦАМО. Ф.6598. Оп.724438. Д.349. Л.32, 167–169

Многие решающие битвы и сражения на советско-германском фронте – а значит и во всей Второй мировой войне – достигли своего накала в 1942 г. Замысел Гитлера на летнюю кампанию 1942 г. состоял в том, чтобы оккупировать юг России, использовать хлеб Ставрополя, Кубани, нефть Грозного и Баку. Тогда, по мнению фюрера, он мог беспрепятственно вести войну хоть 10 и более лет. Но Сталинградская и Курская битвы, битва за Днепр, сопутствующие мощные удары РККА по всему фронту повернули войну вспять. Приведём некоторые цифры, дающие наглядное представление, кто и как воевал.

В период Сталинградской битвы (17 июля 1942 – 2 февраля 1943 гг.) немцы и их сателлиты (итальянцы, румыны, венгры, хорваты) пытались всеми средствами взять Сталинград и прорваться за Кавказский хребет. Там их ждала долгожданная нефть и связь с Турцией и Ираном. Далее вермахту возможно было развивать наступление на Ближний и Средний Восток. С Советским Союзом, по мнению Гитлера, тогда можно было уже легко покончить. Следом произошла бы и кончина Британской империи.

Выдержав страшный вражеский удар, Красная Армия выстояла. Наши потери были велики, но общий ход боёв, вся стратегическая ситуация на советско-германском фронте (а значит и во всей Второй мировой войне) повернулись уже в нашу пользу. Красная Армия потеряла в период Сталинградской битвы (убитыми, ранеными и пленными) – 1 129 619 чел. Противник – гитлеровцы и их союзники – около 1,5 млн чел.

В битве при Эль-Аламейне в Северной Африке общие потери германо-итальянских войск – от 30 до 55 тыс., британских войск — около 13 тыс. В сражениях у атолла Мидуэй США потеряли один авианосец, японцы — четыре. Потери США — 307 человек, Японии — 3 057.

Премьер-министр Великобритании У. Черчилль был тогда точен в своих оценках. В телеграмме И. Сталину от 11 марта 1943 г. он констатировал успехи и своих войск, и произошедшие перемены после побед Красной Армии: «...*Масштабы этих операций [британских и американских – ред.] невелики по сравнению с громадными операциями, которыми Вы руководите*».

Сегодня можно часто слышать, что перелом в пользу РККА на Курской дуге, где столкнулись летом 1943 г. танковые армады советских и немецких (в т.ч. эсэсовских) произошёл только после высадки западных союзников на Сицилии, а затем на материковой части Италии. Однако Гитлер не отменил свои операции на Курской дуге после получения информации о высадке союзников на Сицилии. Советская победа под Курском была достигнута героическими действиями советских танкистов под Прохоровкой и Поньрями, лучшей координации боевых операций командованием Красной Армии. Антиисторично считать, что высадка на Средиземном море, которая в принципе не могла приблизить немецкую капитуляцию из-за ограниченности итальянского театра военных действий и слабости сил сторон, может привести к каким-то масштабным изменениям в ходе войны. Цифры говорят сами за себя: на начальном этапе кампании

союзники располагали 200 тыс. чел., немцы – около 100 тыс. Быстро достичь Германии со стороны Италии, перевалить Альпы, преодолевая горно-лесистую местность на узком фронте, было иллюзией. Кстати, именно так эти «сицилийские» и «итальянские» операции оценивали тогда и в штабах РККА, и в военном руководстве самих западных союзников. Хотя в СССР и в современной России всегда ценили и уважали мужество наших союзников, которые, несмотря на серьёзные потери упорно и планомерно продвигались по Апеннинам на север. Эти наступательные операции заняли время как раз до весны 1945 г. – когда война, собственно, уже заканчивалась в самой Германии. Гораздо эффективней действовали югославские партизаны (и партизаны из других стран), которые оттягивали на себя десятки вражеских соединений, не давая командованию вермахта перебросить их на советско-германский фронт.

На советско-германском фронте в июле-августе 1943 г. только в одной Курской битве участвовало до 2,5 млн солдат с обеих сторон. По итогам сражений вермахт потерял убитыми, ранеными и пленными около 500 тыс. чел., а РККА – более 850 тыс. чел.

Открытие второго фронта

Высадка западных союзников в Нормандии означала не только открытие долгожданного второго фронта, но и сокращение советских потерь. Напомним, что за период, когда Советский нарком иностранных дел И.М. Молотов добился от президента США Ф. Рузвельта коммюнике, где говорилось о неотложных задачах открытия фронта во Франции (июнь 1942 г.), и до реально высадки в Нормандии в июне 1944 г. на советско-германском фронте погибло более 5 млн бойцов РККА.

Открытие второго фронта по праву считалось пиком сотрудничества государств антигитлеровской коалиции. На повестке дня стояло завершение войны. Ещё в конце 1943 г. на Тегеранской конференции Сталин пообещал, что десантная операция англо-американских сил «Оверлорд» получит эффективную помощь в виде мощного наступления РККА на одном из решающих участков фронта. Этим участком была Белоруссия, где были стянуты стрелковые, танковые войска, артиллерия, авиация. Задача была не просто быстро освободить Белоруссию, но и не дать немцам перебросить какие-либо значительные силы с востока на запад.

Тем не менее, только одна Белорусская стратегическая операция Красной Армии («Багратион») в 1944 г. значительно превзошла по своим масштабам и результатам операцию «Оверлорд».

В начале «Багратиона» советские фронты располагали 1,7 млн чел. (затем нарастили силы до 2,4 млн) Союзники вначале «Оверлорда» располагали 1,4 млн чел. (затем увеличили их до 2 млн). Против РККА в Белоруссии действовали 1,2 млн немцев, против англо-американцев во Франции – 380 тыс. на побережье (и до 1 млн во всей Франции).

Потери в период «Багратиона»: РККА – 178 тыс. безвозвратно; немцы – 409 тыс. безвозвратно, плюс – 158 тыс. пленными.

Потери при «Оверлорде»: западные союзники – 56 тыс. безвозвратно; немцы – 250 тыс. безвозвратно, плюс – 200 тыс. пленных.

Союзники добились выдающегося успеха в десантной операции во Франции, однако, потери противника только в одной советской стратегической операции лета 1944 г. («Багратион») не уступают, а даже превышают показатели союзников. Тем более, что одной из целей нашего удара было как раз помочь своим союзникам, понимание, что мы ведём коалиционную войну, а взаимовыручка – один из главных ключей к успеху.

И после высадки союзников в Северной Франции, а потом начала их продвижения в сторону Германии основные силы вермахта по-прежнему оставались на советско-германском фронте. Дело в том, что Красной Армии немцы боялись куда больше, чем англо-американских союзников. На востоке нацисты видели главную угрозу своему существованию. Кроме того, часть немецких генералов желала каким-то образом избежать своего конца: например, устранить Гитлера и дать тем самым Лондону и Вашингтону весомый повод пойти на переговоры с командованием вермахта, отделив «плохих» немцев от «хороших». «Хорошим» (не эсэсовцам, а может и части эсэсовцев тоже) тогда гарантировалась бы почётная и сепаратная капитуляция, а в дальнейшем, возможно, участие в борьбе против РККА, только теперь уже вместе с войсками союзников. Именно такой вариант устраивал, например, У. Черчилля, давшего ещё в апреле 1945 г. своим начальникам штабов разработать операцию «Немыслимое» – боевых действий против советских сил в Европе с использованием частей польской Армии Крайовой и 10-12 «пленённых» немецких дивизий. 22 мая такой вариант был подготовлен, но оставлен под сукном ввиду явного превосходства СССР в стрелковых, танковых войсках и фронтовой авиации. В случае, если бы авантюра, которая по мысли Черчилля должна была начаться 1 июля 1945 г. действительно состоялась, то она могла закончиться позорным сбросом англо-американских сил в Ла-Манш.

К подобному варианту как раз и стремилась часть немецких военных. К нему могла привести смерть Гитлера от бомбы, заложенной полковником К. Штауффенбергом 20 июля 1944 г. в «фюрербункере», и переговоры в Швейцарии, которые вели представители американской разведки из Управления стратегических служб с эсэсовским генералом К. Вольфом весной 1945 г. И другие факторы. Для У. Черчилля важно было также получить преимущество в геополитическом противостоянии с СССР, о котором он задумался задолго до конца войны. 1 апреля 1945 г. британский премьер писал Ф. Рузвельту, что, если Красная Армия захватит Берлин, Прагу, Вену, то *«не создается ли у них слишком преувеличенное представление о том, будто бы они внесли подавляющий вклад в нашу общую победу?»*. Черчиллю этого не хотелось ни в коем случае, и он всеми силами стремился захватить ключевые пункты Европы, даже несмотря на очевидную мощь Красной Армии.

Посмотрим на цифры. К началу июля 1944 г. против Красной Армии находилось 235, а против западных союзников – 65 дивизий противника. За вторую половину 1944 г. немецкое командование перебросило против РККА 59 дивизий и 13 бригад, а на Западный фронт – всего 12 дивизий и 5 бригад. И лучших дивизий врага Красная Армия разбила почти в четыре раза больше, чем западные союзники. Всего на советско-германском фронте было разгромлено 607 вражеских дивизий, тогда как на Западном – 176.

Освобождение Европы

В последнее время на Западе, да и некоторые исследователи у нас в стране часто любят повторять такую фразу: да, советский солдат освобождал соседние страны, но вот только на месте освобождения образовывалась новая оккупация. Особенно сильны такие тенденции в Польше, странах Прибалтики, на Украине и ряде других стран. Так ли это?

Фашистский блок оккупировал в Европе 12 стран. Польша, Чехословакия, Северная Норвегия, Югославия (вместе с частями НОАЮ), датский остров Борнхольм были освобождены Красной Армией. Венгрию, Болгарию, Румынию и Словакию (тогда часть Чехословакии) – сателлитов Германии – нужно было освобождать от собственных профашистских режимов. СССР в сентябре 1944 г. вывел из войны Финляндию – союзницу фашистского блока. В конце войны советские войска взяли Вену и освободили восточную часть Австрии, которая по «аншлюсу» 1938 г. являлась частью Третьего рейха и поставляла ему своих солдат. В конце концов от собственного нацизма нужно было освободить и самих немцев.

Если на западе Европы после разгрома «рурского котла» германское сопротивление почти прекратилось, то на востоке вермахт и его сателлиты продолжали ожесточённо сопротивляться. Безвозвратные потери Красной Армии при освобождении Европы составили более 1 млн чел.

Известны слова И.В. Сталина, написанные президенту Ф. Рузвельту 7 апреля 1945 г. В телеграмме слышны ноты горького сожаления, что Лондон и Вашингтон, несмотря на громкие заявления, не выполняют своего союзнического долга:

«Получил Ваше послание от 5 апреля.

1. (...) У меня речь идёт о том, что в ходе переписки между нами обнаружилась разница во взглядах на то, что может позволить себе союзник в отношении другого союзника и чего он не должен позволить себе. Мы, русские, думаем, что в нынешней обстановке на фронтах, когда враг стоит перед неизбежностью капитуляции, при любой встрече с немцами по вопросам капитуляции представителей одного из союзников должно быть обеспечено участие в этой встрече представителей другого союзника... Я продолжаю считать русскую точку зрения единственно правильной, так как она исключает всякую возмож-

ность взаимных подозрений и не даёт противнику возможности сеять среди нас недоверие.

2. Трудно согласиться с тем, что отсутствие сопротивления со стороны немцев на западном фронте объясняется только лишь тем, что они оказались разбитыми. У немцев имеется на восточном фронте 147 дивизий. Они могли бы без ущерба для своего дела снять с восточного фронта 15—20 дивизий и перебросить их на помощь своим войскам на западном фронте. Однако немцы этого не сделали и не делают. Они продолжают с остервенением драться с русскими за какую-то малоизвестную станцию Земляницу в Чехословакии, которая им столько же нужна, как мёртвому припарки, но безо всякого сопротивления сдают такие важные города в центре Германии, как Оснабрюк, Мангейм, Кассель. Согласитесь, что такое поведение немцев является более чем странным и непонятным...»¹⁸.

Пока на западе немцы сдавали союзникам огромные города фактически без боя, на советско-германском фронте ожесточённость боев не утихала. Более 600 тыс. советских солдат сложили свои головы за освобождение Польши, 140 тыс. – Чехословакии, 140 тыс. – Венгрии, 69 тыс. – Румынии. При этом освободить эти страны могла только Красная Армия. Никакое успешное наступление англо-американских сил было бы просто невозможно без решающих побед советских войск. Красная Армия освобождала и многочисленные нацистские концлагеря, и лагеря смерти. Такие лагеря, как «Майданек», «Аушвиц-Биркенау» («Освенцим») и многие другие стали символами и нацистского террора, и бессмертного подвига советского солдата, который погибал, освобождая места, которые нацисты наметили к истреблению целых народов. Жизнь под оккупацией – продлилась она ещё несколько лет – превратила бы всю Европу в один сплошной концентрационный лагерь, где нацисты убивали бы людей либо по признаку национальности, либо по политическим мотивам, либо просто так! То, что советских воинов встречали именно как освободителей, наглядно демонстрирует сегодня фото и кинохроника 1944-1945 гг.: цветы, качание на руках, угощения, восторг! Слово красноармеец, советский офицер гордо звучало тогда по всей Европе, и все знали кому мир обязан своим спасением.

Но мы не должны и забывать, что значительная доля самих европейцев служили не только в вермахте, но и в легионах СС, были напрямую ответственны за гибель миллионов советских людей и граждан других европейских стран. Причём сражались эти эсэсовцы до последнего, справедливо опасаясь, что их предыдущие преступления сулят им почти гарантированный смертный приговор. Так, вплоть до мая 1945 г. берлинские улицы и сам рейхстаг защищали эсэсовцы из скандинавских стран, Прибалтики, Франции и др. И в то же время в

¹⁸ Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой отечественной войны 1941-1945 гг. Москва. 1958. Док. 288 [http://www.hrono.ru/libris/stalin/sr45_288.html]

спину советским солдатам стреляли молодчики из «Украинской повстанческой армии» (бандеровцы). Ранее эти боевики Организации украинских националистов (ОУН) «отличились» истязанием и убийством евреев, партизан, военнопленных. По договорённостям с немцами они получили от них тысячи единиц стрелкового оружия, пулемётов, миномётов, гранат. На совести украинских и прибалтийских националистов, служивших у немцев, тысячи карательных акций, уничтожение мирных деревень в самой Прибалтике, на Украине, в РСФСР, Белорусской ССР – в т.ч. белорусской деревни Хатынь, которую украинские националисты и немецкие каратели полностью уничтожили вместе с жителями весной 1943 г. Подавить организованное сопротивление националистов, ранее являвшихся пособниками нацистов, на Украине и в Прибалтике удалось лишь к началу 1950-х гг.

Ещё один противник появился у Красной Армии, когда советские войска стали выходить к границам Польши. Боевики из Армии Крайовой (АК), подчинённые польскому эмигрантскому правительству в Лондоне, действовали фактически по фашистским стандартам – стрельба в спину советских солдат, убийство советских активистов, просто людей, сочувствующих СССР. История восстания в Варшаве, которое было поднято 1 августа 1944 г. по приказу из Лондона сегодня является одним из основных предметов критики Советского Союза и его Вооружённых сил. Обвинения современной России (наследнице СССР) предъявляются следующего свойства: красноармейцы под командованием маршала К.К. Рокоссовского дали немцам и коллаборационистам окружить, а затем и добить восстание. При этом и Рокоссовский, и другие советские военачальники якобы имели и силы, и средства освободить Варшаву, но лишь молча наблюдали, как немцы расстреливают польскую столицу из всех видов оружия.

Восстание в Варшаве было поднято с основной целью – захватить власть в польской столице ещё до того, как туда войдут части РККА. Затем польское эмигрантское правительство в Лондоне готовилось предъявить свои претензии на власть. В случае неудачи восстания имелся план обвинить во всех бедах именно Москву – она мол не помогла приходу к власти истинных «патриотов» Польши. Однако войска 1-го Белорусского фронта Рокоссовского просто физически не могли на тот момент взять Варшаву. До этого они прошли около 500 км, освободили всю Белоруссию, часть Литвы, понесли серьёзные потери (см. выше). Восставшие же не просто не согласовали, но и не желали согласовывать свои действия с Красной Армией. Даже после того, как положение в столице стало критическим, боевики АК не желали идти на эффективный контакт с советским руководством. Слишком силен был вирус русофобии и антисоветизма как у полковых командиров АК, так и у руководства «лондонских поляков». Антагонизм польской эмигрантской элиты к СССР напоминал события 1939 г., хотя для мирных жителей именно приход Красной Армии означал избавление от нацистской тирании и прекращение фашистских репрессий. Парадокс: обычные поляки встречали Красную Армию с цветами, а руководители АК – с пулями и ножами.

Более того, силами советских войск, а также подчинённых им дивизий Армии Войска Польского было проведено в августе-сентябре 1944 г. несколько операций в надежде освободить Варшаву. Они оказались тщетными. Только в предместьях столицы в начале августа 1944 г. сгорели более 280 советских танков, были попытки переправиться на левый берег Вислы, установить связь с восставшими. Но немцы постоянно наращивали силы, а на скоординированные удары с РККА аковцы не шли. Итог известен – немцы и коллаборационисты убили около 200 тыс. мирных граждан, город был полностью уничтожен. При этом остатки восставших предпочли сдаться в плен. Варшава была освобождена только в январе 1945 г. в ходе нового мощного наступления Красной Армии, в котором в составе РККА участвовали армии Войска Польского. Первое, что СССР организовал для оставшихся в столице и её окрестностях поляков – продовольственную и материальную помощь. Восстанавливались мосты, дороги, разминировались дома и улицы, налаживалось электро- и водоснабжение. Только зерна Варшава получила из СССР в 1945 г. более 60 тыс. тонн, а нашим танкам было запрещено ездить по асфальтированным дорогам, чтобы не портить их своими гусеницами, а оставить для польского транспорта. Простые поляки, которые всё это видели, никогда не забудут советской помощи. Забывают её те жители Польши, кому позволяют это делать, и даже целенаправленно внушают им мысль об «оккупационной Красной Армии». Советская помощь для мирного населения приходила во все столицы и крупные города, куда вступал советские бойцы. «Оккупанты» ведут себя совершенно иначе.

Например, сразу после взятия Берлина советские военные органы развернули на улицах поверженного города полевые кухни, иначе брошенные на произвол судьбы Гитлером, Гиммлером, Геббельсом берлинцы бы стали просто умирать с голоду. Известные десятки случаев спасения советскими солдатами маленьких жителей Берлина. Из-под пуль и снарядов их выносили на руках к советским позициям, прикрывали своим телом. Самый известный случай произошёл утром 30 апреля, когда сержант Николай Масалов, рискуя жизнью, буквально выпросил у командира разрешение спасти маленькую девочку, потерявшую свою мать. Этот подвиг стал основой знаменитого и величественного монумента в берлинском Трептов-парке, посвящённого советскому воину-освободителю. И надо сказать, что по сей день большинство берлинцев помнят и знают от какого кровавого безумия Красная Армия избавила немецкий народ в 1945 г. Запах полевых кухонь, горячего супа, а затем и кофе, молока для детей – до сих пор остаётся в историческом коде миллионов немцев, что не скажешь о поляках, прибалтах и других «цивилизованных» европейцах. Причём, по признанию первого советского коменданта Берлина Н.Э. Берзарина, значительная часть продуктов для голодных берлинцев доставлялась прямо из СССР. 9 мая 1945 г. с цветами и сиренью встречали пражане воинов 1-го Украинского фронта маршала И.С. Конева. Причём в один момент связь со штабом буквально оборвалась – «виной» тому были дружеские объятия чехов своих освободи-

телей, качание на руках советских бойцов и командиров – последние просто не имели возможности сообщить, что Прага наконец освобождена.

Непростой обстановка была в Венгрии, Румынии, Болгарии. Венгры и румыны открыто встали на сторону Гитлера, поставляли ему свои войска для войны на территории СССР. Болгария, хотя и не объявляла войну Советскому Союзу, проводила враждебную Москве политику, оккупировала своими подразделениями часть территории Югославии и Греции, снабжала вермахт важными стратегическими материалами и продовольствием. Австрия стала частью Третьего рейха в 1938 г., формировала для немецкой армии боевые соединения, воевавшие против СССР, хотя Москва никогда не признавала «аншлюса» этой страны. Венцы также радостно встречали красноармейцев.

В целом, Советский Союз повёл в отношении стран – бывших сателлитов Третьего рейха вполне разумную и даже гуманную политику. Были наказаны военные преступники, но не население, которое само испытало немало бед в годы нацистского правления. Однако это не повод забывать о том гигантском ущербе, который нанесли в годы войны нашей стране союзники Германии. На Украине, Брянщине, в Воронежской области до сих пор помнят, как зверствовали там венгерские солдаты, как убивали партизан и мирных жителей, как грабили простые крестьянские дома. Румынские войска во главе с диктатором Й. Антонеску, вознамерившись создать т.н. «великую Румынию», вступили войну с СССР на стороне Германии. Румынские солдаты убивали на фронте наших бойцов под Одессой, в Крыму, под Сталинградом, румынское руководство проводило геноцид евреев на территории юго-западной части Украины, которые немцы в виде т.н. «Транснистрии» «подарили» своему сателлиту за участие в боях с СССР. И сегодня не лишне было бы напомнить ряду европейских руководителей, что Советский Союз отнёсся к сателлитам Германии гуманно и достойно по меркам того времени, и даже позволил многим из них окончить войну на стороне антигитлеровской коалиции. Единственно, что Москва не могла себе позволить, чтобы после войны вокруг её границ был вновь создан «санитарный кордон», чтобы к власти в приграничных государствах пришли антисоветские силы. При этом, США и Великобритания предприняли все доступные им меры, чтобы быстро удалить из правительств Италии, Франции и др. западных государств все левые силы, которые в 1944-1945 гг. имели серьёзное влияние на политику своих стран. Западу не нужны были инородные для них элементы, которые мешали строительству их нового миропорядка.

Союзники

Вторая мировая война носила коалиционный характер. Страны антигитлеровской коалиции добились победы вместе. Но сегодня мы вправе задаться вопросом, насколько серьёзной была помощь СССР со стороны западных союзников?

Необходимо сразу отметить, что война закончилась бы раньше и с меньшими потерями среди военных и мирного населения, если бы англо-американские союзники открыли второй фронт не 6 июня 1944 г., а ещё в 1942 г., как обещали в межсоюзнических документах.

Черчилль получил запрос от Сталина о возможности десантной операции в Европе уже в самом начале Великой Отечественной войны. Британский премьер отказался. Основанием, по его словам, была неготовность английских частей к такому предприятию. Были и новые обращения от советской стороны, но они также получали отрицательный ответ. Однако помощи просили и у СССР. Сразу после японского нападения на американскую базу в Перл-Харборе, когда в мировой конфликт вступили США, президент Ф. Рузвельт запросил Сталина через советского посла М.М. Литвинова возможность советских операций против Японии в регионе Дальнего Востока. Тогда Сталин просто не мог предпринять подобных шагов: немцы в начале декабря 1941 г. стояли ещё в нескольких десятках километров от Москвы. Президент США выразил ожидаемое сожаление, но добавил, что на месте Советского Союза он поступил бы таким же образом¹⁹.

1 января 1942 г. была подписана знаменитая Декларация 26 государств (СССР, США, Великобритании, Канады и др.). Стороны обязались воевать до полного разгрома агрессоров и оказывать друг другу помощь. Уникальный эпизод из истории международных отношений произошёл в конце мая – начале июня 1942 г., когда на переговоры в Лондон и Вашингтон летал советский нарком иностранных дел В.М. Молотов. Предстоял труднейший и опаснейший перелёт, за штурвалом советского дальнего бомбардировщика Пе-8 находился наш опытный пилот Э.К. Пусэп, который до этого уже отличился при бомбардировке Берлина в августе 1941 г. Вместо бомболюка сделали нечто подобное салону для пассажиров, которым пришлось буквально укутываться в тёплые вещи, – так как и за бортом, и внутри самолёта была ледяная температура. Во время перелёта случались непредвиденные эпизоды, смертельно опасные случаи, когда даже американцы в Исландии, которые организовывали промежуточную посадку Пе-8 на пути в США, чуть было уже не попрощались с советскими гостями. Вот что писал об этом К.М. Симонов, беседовавший с командиром экипажа советского дальнего бомбардировщика: «...Потом, на обратном пути, когда сели там, в Исландии, американские лётчики, наблюдавшие за нашим взлётом по пути в Америку, говорили: *«Ну и взлётник был у вас, уже глаза закрыть хотелось, чтобы не видеть, что произойдёт»*. В общем, этот наш взлёт запал им в голову...»²⁰ Дело в том, что взлётная полоса была небольшой, и имела

¹⁹ См: Кошкин А.А. Рузвельт просил Сталина помочь в войне с Японией сразу после Пёрл-Харбора. *Regnum*. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2328766.html> (дата обращения 01.08.2020)

²⁰ Симонов К.М. 1982. *Разные дни войны. Дневник писателя*. Москва. URL: http://militera.lib.ru/db/simonov_km/2_05.html (дата обращения 01.08.2020)

вероятность, что советский бомбардировщик либо заденет дислоцировавшиеся там союзные самолёты, либо просто не наберет высоты и рухнет в море. Но все трудности были преодолены. Экипаж Э. Пусэпа принимали и благодарили и У. Черчилль, и Ф. Рузвельт. Сам В.М. Молотов вёл себя очень достойно в той непростой обстановке, и рассказывал впоследствии, что одним из самых запоминающихся эпизодов войны был, как раз, этот невероятный перелёт в Англию, затем в США, и на обратном пути опять с залётом на Британские острова. Везде шли очень интенсивные и трудные переговоры. В.М. Молотов настойчиво поднимал вопрос об открытии второго фронта уже в 1942 г., немцы были ещё очень сильны и готовились к новому наступлению на Юге России. Помощь союзников была крайне необходимой. Разговор с Ф. Рузвельтом и его начальником штаба, казалось, придавал уверенности, что высадка во Франции произойдёт уже в этом году. Это было и зафиксировано в совместном коммюнике.

Однако и Рузвельт, и Черчилль сорвали свои обязательства. Действуя на периферийных направлениях, они пытались убедить Москву, что это тоже эффективная помощь СССР. Хотя, конечно, это было не так. Чем быстрее силы союзников с востока и с запада ворвались бы в Германию, тем быстрее кончилась бы война. Тем более, что на западе оставались второсортные соединения вермахта или те, которые проходили там отдых (кстати, наряду с карательными операциями). Решение об операции «Оверлорд» во Франции и назначение её командующего Д. Эйзенхауэра было принято только на Тегеранской конференции в конце 1943 г.

Сегодня также активно обсуждается вопрос о вкладе ленд-лиза (военной и материальной помощи) для СССР со стороны западных союзников. Основную роль в поставках ленд-лиза для Красной Армии взяли на себя США. Многие американские историки и политологи в этой связи пишут об «арсенале демократии» или некоем материальном «пуле» в лице Америки. И этот «пул» сравнивают с усилиями СССР, ставя их на одну плоскость. Процент поставок по ленд-лизу для СССР оценивался в советское время в 4% от собственного военного производства. Каких-либо новых обобщающих документов, касающихся коррекции этой цифры, за последнее время не появилось. С другой стороны, в отечественных и зарубежных архивах были найдены и опубликованы интересные источники, которые уточняют сведения о графике, маршрутах поставок, а также об отдельных видах полученного в СССР вооружения или продукции. Так, американцы, англичане, канадцы в 1941-1945 гг. поставили нам более 18 тыс. самолётов, около 12 тыс. танков, 13 тыс. зенитных и противотанковых орудий, 427 тыс. автомобилей, около 2000 локомотивов (в СССР за этот период было произведено 219 тыс. автомобилей, 92 паровоза). Советский ВМФ получил также десятки кораблей, как построенных в странах союзников, так и переданных в СССР из числа судов, захваченных у противника. Красная Армия и гражданское население получало также пищевые продукты, особенно популярной в войсках была американская тушёнка (до июня 1944 г. её за глаза солдаты называ-

ли «вторым фронтом»). Поставлялись и отдельные виды военного снаряжения: ботинки, предметы солдатского бытового обслуживания. Только пуговиц союзники поставили в Советский Союз 257 723 498 штук. (цифра огромная, но поражает точность и скрупулёзность подсчёта каждой единицы). Для связистов РККА большое значение имели 670 тыс. миль телефонного кабеля и почти 190 тыс. телефонов. Советские заводы смогли увеличивать своё производство и благодаря поставленным в Советский Союз тысячам станков, алюминию и т.д. Со своей стороны, СССР активно делился с союзниками получаемой развединформацией по планам вермахта, поставлял образцы своей боевой техники, давал информацию о результатах применения нами и противником новых видов оружия. Контакты военных миссий (особенно в Москве) носили постоянный и плодотворный характер (Поздеева 2005: 332-334; Кульков, Мягков, Ржешевский 2005: 274).

Поставки по ленд-лизу, конечно, являлись лишь малой частью того, что Советский Союз производил сам: более 100 тыс. танков, более 100 тыс. самолётов, миллионы единиц стрелкового вооружения, гранат, снарядов, мин и т.д. Производство для Красной Армии и населения в городах производилось, прежде всего, в советских колхозах. Ленд-лиз, конечно, ускорил темпы продвижения Красной Армии на заключительном этапе войны (чему, кстати, способствовали знаменитые американские грузовики «студебеккер», весьма полюбившиеся советским водителям). Однако, в 1941 и 1942 гг., когда шли решающие бои на советско-германском фронте, когда РККА пришлось отступать вглубь страны, терять огромные хлебные районы, заводы, миллионы единиц вооружения и техники, союзники поставили в СССР только 7% грузов от их общего объёма за 1941-1945 гг. Лишь после Сталинградской победы поставки стали серьёзно возрастать. Перелома в войне мы добились прежде всего собственным оружием.

СССР, понимая, что ведётся коалиционная война, и союзники также испытывают дефицит в ряде видов сырья и технологиях, со своей стороны осуществлял поставки в США и Великобританию. Это 300 тыс. тонн хромовой, 32 тыс. тонн марганцевой руды, платина, золото, строевой лес и многое др. на общую сумму 2,2 млн долл.²¹ Москва предоставляла документацию по технологии изготовления морозостойкой резины, масел и т.д.

В конце концов, тема американского «пула», которая продолжает звучать в зарубежных и отечественных СМИ, не выдерживает критики. Главное для нас (равно, как и для миллионов европейцев, находившихся под нацистской оккупацией) было скорейшее открытие второго фронта. «The Second Front Now» («Второй фронт сейчас») – таким был призыв, звучавший на тысячах митингов в Нью-Йорке, Лондоне, других американских и английских городах в 1941-

²¹ Великая Победа армии и народа. *Красная Звезда*. 06.05.2010. URL: http://old.redstar.ru/2010/05/06_05/2_02.html (дата обращения 01.08.2020)

1944 гг. И это были искренние слова простых рабочих в США и Великобритании, никак не инспирированных из СССР. Скорейшее открытие второго фронта сделало бы объективно ненужной такую массивную помощь по ленд-лизу. США и Великобритания заботились, прежде всего, о том, чтобы вступить в войну в оптимально удобное время, когда основные силы врага уже будут разбиты на советско-германском фронте, но ещё до того, как Красная Армия вступит в ключевые районы Европы. Для Черчилля было бы идеальным, если бы советские войска и вовсе не дошли до границ соседних государств – отсюда его «балканский вариант» стратегии, когда западные союзники должны были бы высадиться не во Франции, а в районе Греции и Югославии, а затем двигаться на север, перерезая РККА путь в европейские государства. Но здесь Черчилль оказался противником Рузвельта, плюс оставалось непонятным, каким тогда образом англичане и американцы ворвутся в Германию? Не приведёт ли «балканский вариант» военно-стратегическому тупику в войне?

Есть ещё один факт, который нельзя сбрасывать со счетов – для миллионов американцев Вторая мировая война считалась «Good War» («Хорошей войной»): производство основных видов продукции в США в 1941-1945 гг. возросло более, чем в два раза. Подъём производства не закончился и после войны, поскольку США получили для себя огромный и разрушенный (в том числе ковровыми бомбардировками европейских территорий ВВС США и Великобритании) рынок сбыта продукции. Расходы простых американских потребителей в 40-х гг. XX в. выросли почти в два раза с 14 до 24 млрд долл., увеличились и средние заработки. Занятость была практически полная, на заводы и фабрики пришли и миллионы женщин. От последствий «великой депрессии», которая так и не была полностью преодолена Америкой к началу 1940-х гг., к 1945 г. не осталось и следа.

Движение Сопротивления

Есть ещё одна острая тема, которую не любят поднимать сегодня в западных СМИ – движение Сопротивления нацистским оккупантам в годы Второй мировой войны. Отечественные историки достаточно хорошо проработали тему, касающуюся советского партизанского и подпольного движения, хотя и здесь ещё могут быть найдены самые интересные и важные документы. В 1941–1944 гг. в тех районах, которые были оккупированы войсками вермахта и их союзниками действовало более 6,2 тыс. советских партизанских отрядов и соединений, численностью более 1 млн человек. Число награждённых советских партизан превышает 180 тыс. чел., среди них 249 Героев Советского Союза. Сидор Ковпак и Алексей Фёдоров – одни из самых известных командиров партизанских соединений. «Концерт», «Рельсовая война» – все эти известные советские партизанские операции стали образцами тотального уничтожения вражеской железнодорожной инфраструктуры и мостов. Они хорошо координировались из

центра и со штабами советских фронтов. Поэтому самым серьёзным образом влияли на темпы наступления Красной Армии и создания «котлов» для немецких войск. «Партизанская» Белорусская ССР стала наряду с Брянщиной, Ленинградской, Новгородской, Смоленской областями, северными районами Украины и другими областями символами мощнейшего советского сопротивления в тылу врага. Немцы не могли чувствовать себя спокойно в этих районах ни днём, ни ночью. В Белоруссии, например, к началу 1944 г. наши партизаны восстановили советскую власть почти на 60% территории республики. Кстати, руководителем Центрального штаба партизанского движения, созданного в 1942 г. стал первый секретарь ЦК Компартии Белорусской ССР П.К. Пономаренко.

Наши советские партизаны крушили врага не только на оккупированной территории СССР. В европейских странах, находившихся под властью фашистов, они также были инициаторами Движения Сопротивления. Так, более 20 тыс. советских граждан (как правило бежавших военнопленных) воевало в оккупированных районах Польши; 3 тыс. – в Чехословакии; свыше 6 тыс. – в Югославии. Кроме советских военнопленных в партизанских и подпольных группах в Европе участвовали русские эмигранты. До 4 тыс. советских граждан и эмигрантов сражалось с фашистами во Франции. Потрясает история бывшего советского военнопленного Василия Порика. Отряд, который он возглавил, уничтожил до 800 фашистов, пустил под откос 11 эшелонов противника. Фашистам удалось схватить его и расстрелять в 1944 г., в 1964 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Названия партизанских отрядов, в которые входили бывшие советские военнопленные и русские эмигранты, отражают настроения и мысли наших людей того времени: «Сталинград», «Чапаев», «Жуков», «Свобода», «Ленинград», «За Родину». Среди русских эмигрантов во Франции сражались за будущую общую победу княгини Вера Оболенская и Тамара Волконская, Елизавета Кузьмина-Караваева (мать Мария) и многие другие. 5 тысяч советских граждан воевали в Италии. Фёдор Андрианович Полетаев стал и Героем Советского Союза, и Национальным героем Италии. Бежав из вражеского плена, Полетаев совершал дерзкие акции против фашистских гарнизонов, но погиб в бою возле городка Канталупо. Советские люди участвовали в партизанском движении в Нидерландах, Бельгии, Норвегии, Греции и других странах.

Легендарным стало массовое восстание в октябре 1943 г. заключённых в нацистском лагере смерти «Собибор» на территории оккупированной Польши. Возглавил восстание и прорыв за колючую проволоку около 400 чел. советский военнопленный Александр Аронович Печерский. Большинство восставших затем выловила охрана лагеря, каратели, коллаборационисты, сдали фашистам польские местные жители. Всех их расстреляли. Но сам лагерь «Собибор», где с мая 1942 по октябрь 1943 г. нацисты уничтожили 250 тыс. евреев, перестал существовать. Его просто снесли. По ряду свидетельств попытки побегов из лагерей для военнопленных, концентрационных лагерей, других мест заключения совершили за годы войны около 400 тыс. советских военнопленных.

11 апреля 1945 г. в концлагере «Бухенвальд» также произошло восстание заключённых, которые оказались способны самостоятельно освободиться ещё до прихода в лагерь американских войск. Известно, что с 1937 по 1945 гг. нацисты уничтожили в Бухенвальде около 60 тыс. чел. При этом и здесь во главе сопротивления лагерной администрации, организации восстания стояли советские люди. Что касается «Бухенвальда» архивные документы сохранили имя советского военнопленного Николая – уроженца Ленинграда²². Хотя в подпольный комитет заключённых входили люди самых разных национальностей: евреи из разных европейских стран, поляки, французы, югославы, итальянцы, сами немцы. Но нашим людям больше доверяли, так в них видели представителей великого Советского Союза и Красной Армии, которая ведёт бескомпромиссную борьбу с фашизмом и уничтожает на своём фронте больше дивизий вермахта, чем все остальные союзники вместе взятые. Новости с советско-германского фронта были главными для заключённых, именно с востока шло освобождение.

Потрясающей по всем законам справедливого возмездия выглядит информация, о которой сегодня просто не вспоминают в западных странах. В британских исторических работах или СМИ, например, всегда пишут о том, что Г. Гимmlера – одного из главных создателей концентрационных лагерей и лагерей смерти, человека ответственного за гибель миллионов людей – взяли в плен в мае 1945 г. солдаты из английского военного патруля, а через два дня Гимmlер покончил жизнь самоубийством. Но в западных СМИ не найдёшь сообщений о том, что в реальности Гимmlера взяли в плен два наших бывших военнопленных – В.И. Губарев и И.Е. Сидоров. В конце войны они были освобождены из лагеря для военнопленных английскими войсками, а затем сами попросились, чтобы их приняли в состав британского патруля, который контролировал местность и задерживал подозрительных лиц в северной части Германии у местечка Майнштадт. Вечером 21 мая 1945 г., когда англичане из патруля, устав от дневных забот, ушли пить кофе в ближайшее кафе, наши бойцы продолжали нести службу. Вскоре они заметили трёх подозрительных людей, остановили их и решили задержать. У одного из них – который и оказался потом Гимmlером – лицо было заматано повязкой, но несмотря на камуфляж, чувствовалось холёность большого нацистского бонзы. Когда Губарев и Сидоров привели задержанных к английскому капралу, засевшему в кафе, тот решил их отпустить – мол это простые бюргеры, причём видимо больные. Но наши воины так дело не оставили, они самостоятельно довели подозрительных немцев до гауптвахты и сдали их караулу. Через два дня при построении в пересыльном лагере английский офицер через переводчика спросил, кто был участником задержания трёх немцев 21 мая. Когда Губарев и Сидоров откликнулись, то им сообщили,

²² ЦАМО РФ. Ф.2. Оп.11569. Д. 171. Л. 286-288

что они задержали нациста №2 – Г. Гиммлера, который вскоре покончил жизнь самоубийством²³.

Наши бойцы после проверки возвратились домой, работали в народном хозяйстве, не так часто вспоминали о том памятном случае с поимкой Гиммлера. За арест руководителя СС никаких государственных наград они не получили – ни от СССР, ни от Великобритании. Единственным поощрением для них на пересыльном пункте были два пакета от «Красного Креста» с консервами и другими продуктами.

«Цена войны»

Пожалуй, один из самых болезненных вопросов Второй мировой войны – это потери. Когда мы говорим о «цене Победы», мне представляется это не совсем верное понятие, – хотя, конечно, оно уже вошло в широкий обиход и воспринимается, прежде всего, как людские, а также материальные утраты, которая понесла страна ради достижения разгрома врага. Однако Победа в Великой Отечественной войне бесценна сама по себе. Ради неё жили и боролись на фронте и в тылу, шли в атаку, обороняли города и безымянные высоты. Очевидно, что правильней говорить о «цене войны» – о людских и материальных потерях в годы лихолетья. Мы также имеем право сравнивать наши потери с потерями противника. И здесь недопустима фальсификация – слишком многое и самое дорогое было принесено в жертву для Победы в 1945 г.

Военными историками подсчитано, что безвозвратные военные потери СССР в Великой Отечественной войне составляют: 11 444 100 чел. Но это общая цифра. Демографические военные потери, и эта цифра считается основной при определении всех наших павших военнослужащих – **8 668 400 чел**²⁴.

Но если США и Великобритания воевали, в основном, на чужих территориях, и их потери среди гражданского населения не столь велики, то потери гражданского населения СССР огромны – около 18 млн чел. Среди них под гнётом оккупационного режима погибло более 13,6 млн чел., в том числе преднамеренно истреблено – 7 420 400 чел. Миллионы людей были угнаны на принудительные работы в Германию на рабский труд, из них погибло – 2 164 300 чел. Голод, смертность от различных болезней унесли жизни 4 100 000 чел. Судьба нашего гражданского населения в годы войны – величайшая боль и трагедия.

В то же время военные безвозвратные потери Германии вместе с её сателлитами составляют 8 649 200 чел. Причём, учитывая число войск, которые союзники Третьего рейха отправили вместе с вермахтом на советско-германский фронт, можно говорить, что их части не просто потерпели

²³ ЦАМО РФ. Ф.2. Оп.11569. Д.163. Л.352

²⁴ 6 818 300 солдат погибло в боях, госпиталях и при прочих происшествиях, а 1 850 100 человек не вернулось из плена.

поражение, но были фактически разгромлены. Безвозвратные потери Венгрии — 809 000 чел., Румынии — 475 000 чел., Италии — 93 000 чел., Финляндии — 84 000 чел., Словакии — 7000 чел. Всего безвозвратные потери союзников Германии 1 468 000 чел.

Важно также учитывать соотношение потерь (наших и противника) в различные периоды Великой Отечественной войны. Это даёт и демографическую, и историческую картину произошедших событий, раскрывает причины наших неудач и наших побед. Так, за всю войну соотношение потерь Красной Армии и неприятельских сил (немцев и их союзников) составляет соотношение 11,2 млн к 8,86 млн (или 14/10). На 1941-1942 гг. (самый тяжёлый этап войны): РККА потеряла 6,4 млн, а немцы и их союзники 2 млн чел. (соотношение 32/10). Но уже в 1943-1945 гг. мы видим резкое изменение ситуации: 4,87 млн советских потерь к 6,65 млн вражеских (или соотношение 10/14). То есть на завершающих этапах войны соотношение потерь РККА и врага стало практически обратным тому, что было в начале боевых действий. Действительно, в это время именно Красная Армия устраивала «котлы» для вражеских войск, брала в плен сотни тысяч неприятельских солдат в ходе операций, совершала дерзкие глубокие прорывы в тыл противника и т.д.

Интересно, что наши западные союзники имеют (по сравнению с Красной Армией) куда более серьёзные безвозвратные потери за период с высадки в Нормандии 6 июня 1944 г. до 8 мая 1945 г. Германия на западном фронте потеряла безвозвратно 0,54 млн чел., а западные союзники 1,3 млн чел. – соотношение 10/24 не в пользу союзников.

Можно сделать вывод, что за период войны Красная Армия не только научилась уничтожать силы вермахта и его сателлитов, но и, в целом, воевала намного эффективней, чем англо-американские войска, которые были прекрасно вооружены, имели время для подготовки наступления, а также налаженные службы снабжения, разведки и т.д. Так, доля потерь Германии и её сателлитов на советско-германском фронте составляет 90% от их общих потерь в войне.

Сила и потенциал Германии надорвались в борьбе с Красной Армией, на советско-германском фронте произошёл коренной перелом во всей войне, западные союзники внесли свой важный, но не сравнимо меньший вклад в Победу²⁵.

По некоторым подсчётам, всего во время Второй мировой войны погибло около 71 млн чел. Среди них 46 млн – это мирные граждане. Самыми большими потерями среди мирных людей понёс Советский Союз, что напрямую связано с политикой варварской войны на уничтожение, ликвидации нашего народа как такового, организованной нацистами. Огромные людские потери понесли также Китай – 7,9 млн; Польша – 5,6 млн; сама Германия – от 1,5 млн – до 3 млн; Югославия – 750 тыс.

²⁵ Соотношения потерь даны по следующим источникам: (Кривошеев 2001; Литвиненко 2012; Overmans 2000).

Через нацистские концлагеря прошли в годы войны более 18 млн человек. Из них было расстреляно, задушено в газовых камерах, загублено от варварского обращения, голода и холода более 11 млн чел. Среди жертв нацистских концлагерей около 5 млн советских граждан. Жертвами нацистской политики Холокоста в Европе стали 6 млн евреев.

В Советском Союзе оккупанты разрушили 1700 городов, уничтожили 70 тыс. деревень. В результате миллионы людей жили в СССР в землянках и бункерах, голодали. Питание для большинства людей было очень скудным, в 1946 г. случился голод, который унёс жизни многих простых граждан. В целом, СССР лишился 1/3 национального богатства, и все это надо было восстанавливать новыми героическими трудовыми усилиями всего народа. При этом мы должны помнить, что на послевоенную реконструкцию «западные демократии» нам никаких финансовых средств не предоставили, приходилось всё выбирать из собственных ресурсов, и лишь в небольшой мере за счёт репараций, которые СССР получил из своей оккупационной зоны в Германии. Однако и здесь мы проявили гуманность и в начале 1950-х гг. прекратили взимать репарации с ГДР. Более того, Советскому Союзу пришлось помогать миллионам европейцев – чехам, словакам, полякам, венграм, румынам и др. и продовольственными, и материальными ресурсами. Иначе ситуация в этих странах грозила тотальным голодом и экономическим крахом.

Многие политологи (и на Западе, и у нас в стране) сегодня считают, что Организация Объединённых Наций, созданная в результате Второй мировой войны уже изжила себя: изменился мир, изменился мировой порядок и т.д. ООН, по их мнению, более не выполняет той роли, которая была возложена на неё странами победителями, а конец двуполярного мира окончательно добил организацию. Хотелось бы заметить, что это не вполне корректное рассуждение. Да, мир изменился, но мы никуда не уйдём от следующих фактов: во-первых, 75 лет после войны нам удавалось в т.ч. благодаря авторитету ООН, её дискуссионных площадок, искать и находить компромиссы по самым жгучим проблемам войны и мира, а значит, избегать нового глобального конфликта. Во-вторых, появление и укрепление в современных условиях основ многополярного мира отнюдь не умаляет, а, напротив, актуализирует факт существования ООН. По крайней мере, в мире никто пока не придумал ничего лучшего этой универсальной всемирной организации. Различные блоки, созданные, прежде всего, по инициативе США, не укрепляют мировой порядок, а, напротив, ставят его под угрозу. Вспомним войны XVIII в., причины Первой мировой войны и другие военные события, – большинство из них происходило из-за противоречий, накопленных в противостоянии различных блоков. Сегодня же есть возможность искать на полях Организации объединённых Наций те решения, которые не допустят новой агрессии, новой войны. Третье, великие державы, создатели ООН, участники Ялтинско-Потсдамской системы избежали многих волюнтаристских решений стран-победительниц Первой мировой войны (пограничных, эконо-

мических, колониальных), которые стали вескими причинами начала Второй мировой войны. Наконец, Советский Союз последовательно, а западные страны с определённой оглядкой на немецкий капитал и геополитическое положение Германии, как противовес СССР, но провели процесс денацификации на немецкой земле, тем самым создав в этой стране условия, чтобы она вновь не стала инициатором развязывания глобальной войны.

Итогом и уроком Второй мировой войны стал Нюрнбергский международный трибунал. Это был международный судебный процесс над главными нацистскими преступниками, руководителями гитлеровской Германии. При этом необходимо отметить, что именно СССР последовательно настаивал, чтобы нацистских преступников именно судили (а не расстреливали на месте), выясняя при этом, как состав их преступлений, так и меру ответственности каждого обвиняемого. Подсудимыми стали 24 бывших военных и политических руководителей Третьего рейха. К казни через повешение приговорены 12 чел.: Геринг, Борман (заочно), Кальтенбруннер, Риббентроп, Кейтель, Йодль и др. Организации СС, СД, гестапо и руководящий состав нацистской партии были признаны в Нюрнберге преступными организациями. Впоследствии были организованы т.н. «малые нюрнберги», где приговоры были вынесены нацистским преступникам меньшего ранга. Нюрнбергский процесс стал прецедентом, когда любому политику и военному, у которого возникнет мысль поучаствовать в развязывании войны, в преступлениях против мирных граждан и военнослужащих, должно быть абсолютно ясно и чётко понятно, что за его деяния последует неминуемое наказание. Неотвратимость возмездия для военных преступников – вот, пожалуй, главный итог Нюрнберга.

Нюрнбергский трибунал имеет и научно-историческое значение. Весь его ход – предупреждение от пропаганды нацистской идеологии, ревизии итогов войны, попыток переписать историю в угоду тем, кто был ответственен в развязывании мирового конфликта. Процесс – это и документальное доказательство, что главную вину за развязывание мировой войны несёт гитлеровская Германия, которая воплощала в себе абсолютное зло. Попытки оправдать его, либо смягчить оценки деяний главных нацистских преступников и их пособников не заслуживают никакого оправдания.

При этом сегодня в Российской Федерации мы проводим изучение судебных расследований и процессов для нацистских военных преступников и их пособников, которые начали осуществляться в СССР ещё с 1943 г. На основе документальных свидетельств в ходе открытых судебных заседаний в Краснодаре, Краснодоне, Харькове, Смоленске, Киеве, Риге, Сталине (Донецке), Севастополе и др. городах было доказано участие фашистских преступников в расстрелах, удушении в газовых камерах, доведении до смерти мирных советских граждан, среди которых дети, женщины, старики. До 1949 г. были осуждены 252 военных преступника из Германии, Австрии, Венгрии, Румынии, Японии и несколько их пособников из СССР. В дальнейшем в Советском Союзе, равно как и в других

странах, продолжались поиски и наказания нацистов и их пособников (коллораационистов), которые совершали преступления против человечества в годы войны. Такая работа проводится до сих пор, поскольку у подобных преступлений не имеется срока давности.

В целом Нюрнбергский процесс утвердил многие нормы современного международного права.

После Второй мировой войны в Европе и в целом в мире произошло изменение границ. Державы победительницы (в отличие от Первой мировой войны) соблюдали принципы справедливых рубежей, необходимости территориально-национального размежевания или федеративного объединения, где это необходимо, и учитывали волю самого населения. Германия – как страна-виновница войны, понесла определённые территориальные потери, как компенсацию за её преступную политику. В ФРГ сегодня признают справедливость таких мер.

СССР в сравнении со своими огромными потерями не потребовал больших территориальных приращений за счёт Германии (мы получили часть Восточной Пруссии), или с Японии (было возвращено то, что ранее утратила Российская империя). СССР активнее сражался на дипломатическом поле борьбы со своими союзниками за территориальные приращения для Польши за счёт Германии.

Колониальная система в Азии и Африке хотя в целом и сохранилась сразу после войны, но дала глубокую трещину. Стало ясно, что освобождение и становление государственной самостоятельности многих колоний, принадлежащих Великобритании, Франции, Нидерландам и др. странам, стало вопросом времени. Основной причиной подъёма национально-освободительного движения в Индии, Пакистане, на азиатском и африканском континентах является сам освободительный характер войны, вклад частей и соединений, сформированных в колониях в победу антигитлеровской коалиции. Другой причиной стала роль Советского Союза, внёсшего решающий вклад в разгром агрессоров и проводящего не на словах, а на деле антиколониальную политику во всемирном масштабе. Симпатии всего мира – в том числе в колониальных владениях – были на стороне Москвы.

Третьей мировой войны допустить нельзя. Поэтому мы должны помнить предупреждение великого учёного Альберта Эйнштейна: *«Я не знаю, каким оружием будут сражаться в третьей мировой войне, но в четвёртой будут сражаться палками и камнями».*

Об авторе:

Михаил Юрьевич Мягков – доктор исторических наук, научный директор Российского военно-исторического общества, Россия, 107031, Москва, Петровский пер., д. 6, стр. 1; профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО, Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, д. 76.
E-mail: m.myagkov@inno.mgimo.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: June 12, 2020
Accepted: July 22, 2020

USSR in World War II

M.Y. Myagkov
DOI 10.24833/2071-8160-2020-4-73-7-51

Russian Military Historical Society
Moscow State Institute of International Relations (University)

Abstract: The article offers an overview of modern historical data on the origins, causes of World War II, the decisive role of the USSR in its victorious end, and also records the main results and lessons of World War II.

Hitler's Germany was the main cause of World War II. Nazism, racial theory, mixed with far-reaching geopolitical designs, became the combustible mixture that ignited the fire of global conflict. The war with the Soviet Union was planned to be waged with particular cruelty. The preconditions for the outbreak of World War II were the humiliating provisions of the Versailles Peace Treaty for the German people, as well as the attitude of the "Western democracies" to Russia after 1917 and the Soviet Union as an outcast of world development. Great Britain, France, the United States chose for themselves a policy of ignoring Moscow's interests, they were more likely to cooperate with Hitler's Germany than with Soviet Russia. It was the "Munich Agreement" that became the point of no return to the beginning of the Second World War. Under these conditions, for the USSR, its own security and the conclusion of a non-aggression pact with Germany began to come to the fore, defining the "spheres of interests" of the parties in order to limit the advance of German troops towards the Soviet borders in the event of German aggression against Poland. The non-aggression pact gave the USSR just under two years to rebuild the army and consolidate its defensive potential and pushed the Soviet borders hundreds of kilometers westward. The signing of the Pact was preceded by the failure in August 1939 of the negotiations between the military missions of Britain, France and the USSR, although Moscow took the Anglo-French-Soviet negotiations with all seriousness.

The huge losses of the USSR in the summer of 1941 are explained by the following circumstances: before the war, a large-scale modernization of the Red Army was launched, a graduate of a military school did not have sufficient experience in managing an entrusted unit by June 22, 1941; the Red Army was going to bleed the enemy in border battles, stop it with short counterattacks by covering units, carry out defensive operations, and then strike a decisive blow into the depths of the enemy's territory, so the importance of a multi-echeloned long-term defense in 1941 was underestimated by the command of the Red Army and it was not ready for it; significant groupings of the Western Special Military District were drawn into potential salients, which was used by the Germans at the initial stage of the war; Stalin's fear of provoking Hitler to start a war led to slowness in making the most urgent and necessary decisions to bring troops to combat readiness.

The Allies delayed the opening of the second front for an unreasonably long time. They, of course, achieved outstanding success in the landing operation in France, however, the enemy's losses in only one Soviet strategic operation in the summer of 1944 ("Bagration") are not inferior, and even exceed, the enemy's losses on the second front. One of the goals of "Bagration" was to help the Allies.

Soviet soldiers liberated Europe at the cost of their lives. At the same time, Moscow could not afford to re-establish a cordon sanitaire around its borders after the war, so that anti-Soviet forces would come to power in the border states. The United States and Great Britain took all measures available to them to quickly remove from the governments of Italy, France

and other Western states all the left-wing forces that in 1944-1945 had a serious impact on the politics of their countries.

The Resistance Movement made a huge contribution to the Victory. In 1941-1944 in those areas that were occupied by the Wehrmacht troops and their allies, there were more than 6.2 thousand Soviet partisan detachments and formations, numbering more than 1 million people.

The price of the war is terrifying. Demographic military losses of all fallen Soviet servicemen – 8,668,400 people, losses of the civilian population of the USSR – about 18 million people. At the same time, Germany's irrecoverable military losses, together with its satellites, amount to 8,649,200 people. More than 18 million people passed through the Nazi concentration camps. Of these, more than 11 million people were shot, strangled in the gas chambers, and killed by barbaric treatment, hunger and cold. There are about 5 million Soviet citizens among the victims of Nazi concentration camps. 6 million Jews became victims of the Nazi Holocaust policy in Europe.

As a result of the war, the UN was formed, the Nuremberg Tribunal was held, which made a significant contribution to the development of international law, and the colonial system was undermined. The lesson of the war does not lose its relevance that it could have been avoided if the "Western democracies" did not treat the Soviet Union as an outcast.

Keywords: World War II, historical memory, Barbarossa, hostilities, international relations

About the author:

Mikhail Yu. Myagkov – Doctor of Historical Sciences, Scientific Director of the Russian Military Historical Society, 107031, Petrovskiy pereulok6, building 1, Moscow, Russia; Professor of the Department of World and National History of MGIMO-University, 119454, Prospect Vernadskogo 76, Moscow, Russia. E-mail: m.myagkov@inno.mgimo.ru

Conflict of interests: The author declares absence of conflict of interest.

References:

- Overmans R. 2000. *Deutsche militärische Verluste im Zweiten Weltkrieg*. 2st Ed. München.
- Diplomat in Berlin 1933-1939. Papers and Memoirs of Jozef Lipski, Ambassador of Poland*. 1968. Ed. by Waclaw Jedrzejewicz. New York: Columbia University Press. 679 p. (In Russian)
- Dziejow Stosunkow Polsko-Radzieckich Z. 1968. *Studiaimaterialy. Tom III. Wydaniepi-erwsze. T. III*. Warszawa: Ksiaskai Wiedza. 342 p. (In Russian)
- 1941 god. *Dokumenty: Kn. 2*. [1941 Year. Documents: Book. 2]. 1998. Comp. L.E. Reshin and others; scientific. Ed. V.P. Naumov. Moscow: Fund for Democracy. 748 p. (In Russian)
- Gorodetsky G. 1995. *Mif «Ledokola»: Nakanune vojny* [The Icebreaker Myth: On the Eve of the War]. Moscow: Progress Academy. 352 s. (In Russian)
- Zhukov G.K. 1992. *Vospominaniya I razmyshleniya* [Memories and Reflections]. T. 1. Moscow: Military Publishing. 415 p. (In Russian)
- Krivosheev G.F. et al. 2001. *Rossiya i SSSR v voynakh XX veka. Poteri vooruzhonnykh sil: Statisticheskoye issledovaniye* [Russia and the USSR in the Wars of the 20th Century. Losses of the Armed Forces: Statistical Research]. Moscow: Olma-Press Publ. 608 p. (In Russian)
- Kulkov E.N., Myagkov M.Yu., Rzheshvsky O.A. 2005. *Vojna 1941-1945* [War 1941-1945]. Ed. by O.A. Rzheshvsky. Moscow: Olma-Press. 476 p. (In Rus)
- Litvinenko V.V. 2012. *Krasnaya armiya protiv vermakhta. Lyudskiye poteri na sovetsko-*

germanskom fronte. Analiz metodov i rezul'tatov otsenki [Red Army against the Wehrmacht. Casualties on the Soviet-German Front. Analysis of Methods and Results of Assessment]. Moscow: Veche. 304 p. (In Russian)

Mirovye vojny XX veka. Kn. 4. Vtoraja mirovaya vojna. Dokumenty i materialy. [World Wars of the 20th Century. Book. 4. World War II. Documents and Materials]. 2002. Ed. by M. Myagkov, Yu. Nikiforov. Moscow: Institute of General History RAS. 677 p. (In Russian)

Myagkov M.Yu. 1999. *Vermaht u vorot Moskvy. 1941-1942* [Wehrmacht at the Gates of Moscow. 1941-1942]. Moscow: Institute of General History RAS. 303 p. (In Russian)

Nikiforov Yu. A. 2001. Sovetskoe voenno-strategicheskoe planirovanie nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny v sovremennoj istoriografii [Soviet Military-Strategic Planning on the Eve of the Great Patriotic War in Modern Historiography]. *World of history*. №. 2-4. (In Russian)

Njurnbergskij process [Nuremberg Trials]. 1954. Collection of materials. T. 2. Ed. K.P. Gorshenina, R.A. Rudenko, I.T. Nikitchenko. Moscow: State Publishing House of Legal Literature. 1135 p. (In Russian)

Sekrety Gitlera na stole u Stalina. Razvedka i kontrrazvedka o podgotovke germanskoj agressii protiv SSSR. Mart – Ijun' 1941 g. [Hitler's secrets are on Stalin's Desk. Intelligence and Counterintelligence on the Preparation of German Aggression against the USSR. March – June 1941]. 1995. Documents from the Central Archives of the FSB of Russia. Moscow: Mosgorarkhiv. 256 p. (In Russian)

Simindey V.V. 2019. *Pribaltika – 1939: pakty s Gitlerom* [Baltic States – 1939: Pacts with Hitler]. *Anti-Hitler Coalition – 1939: Formula of Failure*. Sat. Art. Under the general ed. V.Yu. Krashenninnikova; Ex. ed. O.G. Nazarov. Moscow: Kuchkovo Pole Publishing House. P. 103-111. (In Russian)

Sipols V.Ya. 1979. *Diplomaticheskaja bor'ba nakanune Vtoroj mirovoj vojny* [Diplomatic Struggle on the Eve of World War II]. Moscow: International relations. 320 p. (In Russian)

Churchill W. 1991. *Vtoraja mirovaya vojna* [World War II]. In 3 books. Book. 1. Moscow: Military Publishing. 592 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке

1941 год. Документы: Кн. 2. 1998. Сост. Л.Е. Решин и др.; науч. ред. В.П. Наумов. Москва: Фонд Демократия. 748 с.

Городецкий Г. 1995. Миф «Ледокола»: Накануне войны. Москва: Прогресс-академия. 352 с.

Жуков Г.К. 1992. *Воспоминания и размышления*. Т. 1. Москва: Воениздат. 415 с.

Кривошеев Г.Ф. и др. 2001. *Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооружённых сил: Статистическое исследование*. Под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. Москва. Олма-Пресс. 608 с.

Кульков Е.Н., Мягков М.Ю., Ржешевский О.А. 2005. *Война 1941-1945*. Под. ред. О.А. Ржешевского. Москва. Олма-Пресс. 476 с.

Литвиненко В.В. 2012. *Красная армия против вермахта. Людские потери на советско-германском фронте. Анализ методов и результатов оценки*. Москва: Вече. 304 с.

Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. 2002. Отв. ред. М. Мягков, сост. Ю. Никифоров. Москва: Институт всеобщей истории РАН. 677 с.

Мягков М.Ю. 1999. *Вермахт у ворот Москвы. 1941-1942*. Москва: Институт всеобщей истории РАН. 303 с.

Никифоров Ю.А. 2001. Советское военно-стратегическое планирование накануне Великой Отечественной войны в современной историографии. *Мир истории*. №2-4.

Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. 1954. Т. II. Под ред. К.П. Горшенина, Р.А. Руденко, И.Т. Никитченко. Москва: Государственное издательство юридической литературы. 1135 с.

Поздеева Л.В. 2010. *Ленд-лиз для СССР*. Великая Отечественная война: Энциклопедия. Отв. ред. А.О. Чубарьян. Москва. ОЛМА Медиа Групп, С. 332-334;

Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. Март – июнь 1941 г. 1995. Документы из Центрального архива ФСБ России. Москва: Мосгорархив. 256 с.

Симиндей В.В. 2019. Прибалтика – 1939: пакты с Гитлером. *Антигитлеровская коалиция – 1939: Формула провала*. Сб. ст. под общей ред. В.Ю. Крашенинниковой; отв. ред. О.Г. Назаров. Москва: Издательство «Кучково поле». С. 103-111.

Сиполс В.Я. 1979. *Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны*. Москва: Международные отношения. 320 с.

Черчилль У. 1991. *Вторая мировая война*. В 3-х кн. Кн.1. Москва: Воениздат. 592 с.

Мировой порядок 1945 г. – процесс с «открытым» продолжением

В.Т. Юнблюд

Вятский государственный университет

Ялтинско-Потсдамская система международных отношений, утвердившаяся по итогам Второй мировой войны, была создана для поддержания безопасности и сотрудничества государств в послевоенном мире. Решающий вклад в её создание внесли лидеры «большой тройки», обеспечившие победу над фашистско-милитаристским блоком в 1945 г. Эта система цементировала мировой порядок в годы холодной войны вплоть до распада СССР в 1991 г. и разрушения двухполюсной структуры организации международных отношений. Происходившие после этого изменения стимулировали поиск новых конструкций международного порядка. Цель настоящей статьи – охарактеризовать обстоятельства формирования основ послевоенного мира и показать, как исторические решения, принятые лидерами держав антигитлеровской коалиции в 1945 г., проецируются на современные политические процессы. Исследование фокусируется на взаимосвязанных вопросах: что представлял собой послевоенный миропорядок, насколько цельным он был? Как политические решения 1945 г. повлияли на происхождение холодной войны? Есть ли будущее у возобладавшего в конце XX в. американоцентристского международного порядка, генетически связанного с Атлантической хартией и целями антигитлеровской коалиции в войне?

Многие элементы Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений в 1990-е гг. сохранились и доказали свою жизнеспособность. Завершение холодной войны и глобализация создали условия для широкого распространения в мире демократии. Либеральная система международных отношений, расширявшаяся в конце XX – начале XXI вв., в настоящий момент переживает кризис. Чтобы миропорядок, основанный на либеральных принципах, получил шанс на продолжение (и не обязательно в рамках однополюсной системы), потребуется укрепление действующих международных институтов, обеспечивающих стабильность и безопасность, прежде всего для создания барьеров на пути распространения национального эгоизма, радикализма и международного терроризма. Обязательными условиями продвижения идеи либеральной системы международных отношений является корректировка либерализма как такового, отказ от одностороннего навязывания его принципов народам с иным набором ценностей. Для этого также потребуется, чтобы все главные участники современной международной жизни оказались в состоянии вырабатывать единую повестку общих проблем и межгосударственных отношений, взаимодействовать в режиме диалога, вникая в аргументы оппонентов и учитывая их жизненные интересы.

УДК: 94

Поступила в редакцию: 15.04.2020 г.

Принята к публикации: 01.06.2020 г.

Ключевые слова: 1945 год, американоцентризм, антигитлеровская коалиция, «большая тройка», либеральный мировой порядок, послевоенное урегулирование, холодная война, Ялтинско-Потсдамская система

75 лет назад завершилась Вторая мировая война. Её результаты на много десятилетий предопределили направленность развития международных отношений. 1945 г. не просто поделил мир на победителей и побеждённых, он стал отправной точкой их примирения. Вместе с тем он обнажил конфликты, подспудно существовавшие среди государств антигитлеровской коалиции в течение всей войны.

Руководители стран победоносного альянса приступили к подготовке планов послевоенного устройства мира задолго до Победы. Значительная часть этих планов воплотилась в политические решения, принятые во время работы конференций лидеров «большой тройки» в Ялте (4-11 февраля) и Потсдаме (17 июля – 2 августа), на совещаниях министров иностранных дел в Лондоне (сентябрь – октябрь 1945 г.) и Москве (16-26 декабря), на первых заседаниях Организации Объединённых Наций в Сан-Франциско (25 апреля – 26 июня). Одновременно с событиями, демонстрировавшими «крупные планы» глобальной стабилизации мира, происходили важные по своим долговременным последствиям процессы национального и регионального уровней («локальные» и «средние» планы): определялись условия капитуляции побеждённых; устанавливались оккупационные режимы; шли выборы в представительные органы власти и формировались правительства на территории освобождённых государств; вместо прежних колоний возникали независимые государства; утверждались новые нормы международного права и прецеденты; менялись национальные лидеры. Мир становился другим. Возникал новый мировой порядок.

На первый взгляд, не было ничего необычного в происходивших в 1945 г. событиях. Казалось бы, подтверждалась истина, согласно которой конструкция очередного миропорядка задаётся «итогами крупнейших войн и/или связанными с ними внутренними переменами в ведущих (т.е. в прошлом просто сильнейших) странах, поражением одних, возвышением других, распадом или образованием империй» (Богатуров, Косолапов, Хрусталёв 2002: 308). Однако на этот раз масштабы реконструкции мира были несопоставимыми с известными историческими аналогами. Порядок, утвердившийся в 1945 г., имел право претендовать на уникальность. Ялтинско-Потсдамская система, основанная на балансе интересов держав-победительниц, одухотворённая идеей долговременного безопасного мира, охватывала весь мир. При этом ситуативные решения, представлявшиеся современникам естественными и справедливыми, шли бок о бок с утверждением универсальных, обращённых в будущее принципов международных отношений. Лидеры держав-победительниц отстаивали своё право на руководящую роль в управлении процессом послевоенного мироустройства.

СССР и США имели для этого наиболее убедительные аргументы: вклад в победу, реальное военное присутствие в наиболее значимых частях послевоенного мира и состояние вооружённых сил. Этих аргументов было достаточно для того, чтобы конструкция послевоенного мира стала двухполюсной.

Вплоть до начала 1990-х гг. справедливость и историческая оправданность этого порядка не подвергались сомнениям. Распад СССР в 1991 г. заставил задаться вопросами о жизнеспособности и пределах долговечности Ялтинско-Потсдамской системы. Поколения граждан, родившихся в Советском Союзе, считали её абсолютно справедливой и незыблемой. Последнее десятилетие XX в. положило конец «знакомому миру»¹, а происходившие после этого изменения стимулировали поиск новых конструкций международного порядка и внесли в повестку многочисленных политических и научных дебатов ряд взаимосвязанных вопросов. Что представлял собой послевоенный миропорядок, насколько цельным он был? Как политические решения 1945 г. повлияли на происхождение холодной войны? Соответствовала ли утвердившаяся во второй половине 1940-х гг. двухполюсная конфигурация миропорядка замыслам главных авторов послевоенного урегулирования? Почему после распада СССР многие институты и нормы Ялтинско-Потсдамского наследия сохраняют свою актуальность? Есть ли будущее у возобладавшего в конце XX в. американоцентристского международного порядка, генетически связанного с Атлантической хартией и целями антигитлеровской коалиции в войне?

В свете современных международных процессов последний из перечисленных вопросов стоит особенно остро, поскольку основные качества либеральной системы международных отношений сформировались в подконтрольных США частях мира в годы холодной войны, и вплоть до сегодняшнего дня она продолжает оказывать значительное влияние на направленность развития мировых процессов. Приведённый перечень вопросов охватывает лишь часть проблематики дискуссий историков, политологов, специалистов в области международных отношений, почти не прекращающихся в течение четверти века и активизировавшихся в связи с юбилеем победы. В настоящей статье предпринята попытка осветить обстоятельства формирования основ послевоенного мира и, следуя логике ответов на приведённые выше вопросы, показать, как исторические решения, принятые лидерами держав антигитлеровской коалиции в 1945 г., проецируются на современные политические процессы.

Патриарх американской внешней политики Г. Киссинджер в известном бестселлере, вышедшем в свет в 2014 г., заявил, что по-настоящему глобального «мирового порядка» никогда не существовало (Киссинджер 2015: 11). Зададимся вопросом, что же тогда это было? Чем на самом деле являлась совокупность договоров, согласованных правил, международных норм, организаций и

¹ «Конец знакомого мира» – название известного труда Иммануила Валлерстайна. См.: (Валлерстайн 2003).

институтов, появление которых стало возможно лишь после победы над Германией, Японией и их союзниками в 1945 г.?

Для начала конкретизируем мысли Киссинджера, продолжив его монолог: *«В конце войны Соединённые Штаты Америки как единственная крупная страна, вышедшая из конфликта без особых потерь, производили около 60% мирового ВВП. Тем самым открывалась возможность определять: лидерство – по практическому прогрессу, ориентиром для которого служат достижения Америки внутри страны; союзы – через вильсонские концепции коллективной безопасности; управление – посредством программ восстановления экономики и демократических реформ. Как ни велики были американские возможности, очевидной становилась их ограниченность. Настоятельно требовалось определить приоритеты. Столкновение Америки с этими реалиями подняло новый вопрос, который перед США до той поры не вставал: является ли американская внешняя политика историей с началом и финалом, когда возможны окончательные победы? Или же она представляет собой процесс, обусловленный необходимостью отвечать на постоянно возникающие вызовы и справляться с ними? Есть ли у внешней политики цель или же это процесс, не имеющий завершения?»* (Киссинджер 2015: 359).

Замечательный по своему смыслу фрагмент, не правда ли? Киссинджер пишет о внешней политике США. Но вопрос, который он задаёт, относится на самом деле не только к Соединённым Штатам Америки. Поскольку речь идёт о наследии 1945 г., резонно отметить, что США не являлись единственными наследниками победы. И хотя выделенная триада: лидерство – союзы – управление описывается Киссинджером как основа политического программирования в сфере международных отношений для единственного доминирующего субъекта – США, надо помнить о том, что в 1945 г. претендентов на лидерство было как минимум два — СССР и США. И обе страны вели себя в высшей степени активно. Помимо них были и другие победители. На момент окончания войны в состав антигитлеровской коалиции входило более пятидесяти государств. Кроме того, были нейтральные страны. И даже статус побеждённых государств не лишал их права на справедливый миропорядок после установления мира. По этой причине правомерно перелицевать вопрос Киссинджера: есть ли у мирового порядка цель, или же это процесс, не имеющий завершения? Собственно говоря, сегодня именно этим вопросом по большей части и определяется проблематика исторического значения 1945 года.

Главная из проблем, привлекающих первоочередное внимание историков и политологов, заключается в современной оценке правомерности и исторической оправданности Ялтинско-Потсдамской системы как таковой. Если исходить из установки, согласно которой «глобального мирового порядка никогда не существовало», то придётся признать, что решения 1945 г. были всего-навсего временными, продиктованными правом победителей, условиями послевоенного мира. Как тогда оценивать основные конструктивы этого мироустройства?

Они были многогранными и комплексно решали сложнейшие вопросы: о границах между государствами и связанных с их определением территориальных согласованиях; о международных организациях, включая ООН и иные органы, в том числе финансовые, торговые и экономические, призванные, по мысли их создателей, обеспечить мир и стабильность; о многочисленных региональных и двусторонних разногласиях, нередко имевших глубокие исторические этнокультурные, национальные и религиозные истоки. В том же ряду стояли процессы над военными преступниками, организованные для того, чтобы осудить виновников войны и исключить возможность повторения массовых зверств и международного беззакония.

В существующих сегодня нормах международного права, очертаниях государственных границ, механизмах управления международными процессами и в сознании миллионов людей в разных странах важные элементы Ялтинско-Потсдамской системы продолжают оставаться неопровержимой реальностью. Вместе с тем за последние три десятилетия в мире появилось немало сил, желающих поставить эту реальность под сомнение, реформировать её ключевые институты, изменить или вообще демонтировать конструкцию существующего миропорядка. Отчасти эти импульсы питаются настроениями реваншистского плана, градус которых возрос в связи с возвращением к политической жизни наследников коллаборационистов и союзников стран «оси» во время Второй мировой войны, ставшим возможным в государствах Центральной и Восточной Европы и постсоветского пространства на волне (как ни парадоксально!) «распространения» и «расширения демократии» в конце XX – начале XXI в. Однако наиболее обоснованные аргументы в пользу обновления мироустройства опираются на реально существующие характеристики современного мира и учитывают масштабы изменений, произошедших за последние десятилетия – перераспределение военной мощи, возросший уровень экономической интеграции и восхождение новых индустриальных центров, развитие науки и технологические прорывы, информационную революцию, а также глобальные угрозы (изменение климата, пандемии, международный терроризм, техногенные катастрофы, состояние экосистем), для предотвращения которых требуется взаимодействие всех государств². Эволюция цивилизации поставила существующую систему международных отношений перед дилеммой: являются ли решения 1945 г. жизнеспособными в современном мире, или же их следует признать архаизмом, утратившим актуальность?

В зависимости от ответа на этот вопрос следует рассматривать перспективы развития международных отношений. Если дошедшие до наших дней компоненты Ялтинско-Потсдамской системы сохранили запас прочности и продолжают служить интересам мирового сообщества, значит, повестка дня внешней

² См., например: (Бжезинский 2014: 100-114; Бжезинский 2015: 650-667; Mearsheimer 2019: 18-30; Nye 2017: 12-14).

политики ведущих держав мира должна быть ориентирована на создание условий для органичной эволюции имеющихся механизмов безопасности, контроля над соблюдением норм международного права и укрепления сотрудничества государств-лидеров международных отношений. Если же установленный по итогам Второй мировой войны миропорядок не справляется с современными задачами и перестал быть инструментом безопасности и развития, то тогда следует признать, что любые попытки сохранить эту конструкцию обречены и, строго говоря, препятствуют прогрессу.

Прежде чем мы перейдём к освещению обстоятельств принятия решений, «обустроивших» мир после завершения Второй мировой войны, отметим, что во многих современных работах западных авторов формирование послевоенного миропорядка представлено, как воплощение целей США и их западных союзников, воспользовавшихся победой в войне для утверждения и распространения демократических институтов и либеральных ценностей. О вкладе СССР в победу над фашизмом и истории принятия главных политических решений 1945 г., создавших Ялтинско-Потсдамскую систему международных отношений, либо говорится вскользь, либо не говорится вообще, либо производится «передёргивание кадра» и внимание переключается сразу на международные отношения периода холодной войны с характерными для них гонкой вооружений, блоковым противостоянием, идеологической непримиримостью, американо-советской конфронтацией и демонизацией Советского Союза.

Исследовательская проблематика, восходящая к событиям финального года войны, обширна и многогранна. Особое, доминирующее место в ней занимают сюжеты, связанные с деятельностью «большой тройки» – СССР, США, Великобритании, поскольку именно в рамках этого треугольника³ в течение длительного времени велась работа по согласованию перечня вопросов, подлежащих первоочередному обсуждению, шли многоуровневые консультации относительно главных элементов будущего мирового дизайна, организовывались саммиты, увенчавшиеся историческими решениями, давались поручения рабочим органам антигитлеровского альянса по проработке деталей многочисленных проблем, подлежащих политическому урегулированию. Кроме того, между лидерами государств складывались личные отношения, влиявшие на эмоциональный фон переговоров, а также на отношения между их народами. Не только решения как таковые, но и вызванные к жизни их появлением ожидания и надежды на будущее составляли неотъемлемую часть наследия 1945 г.

И. Сталин, Ф. Рузвельт и У. Черчилль цементировали фундамент победоносного альянса. Именно их, очевидно, в первую очередь подразумевал М. Гефтер, когда говорил о «селекции крупных личностей», «образовавших мировую диаспо-

³ Образ разностороннего треугольника использован российскими историками В.О. Печатновым и И.Э. Магадеевым для характеристики отношений лидеров «большой тройки» при подготовке новейшей и наиболее полной публикации их переписки. См.: (Печатнов, Магадеев 2015: 16). См. также: (The Kremlin Letters... 2018).

ру» и сумевших «гениально выкроить переустройство мира» (Павловский 2014: 30–31). Этот тройственный союз не был полностью закрыт для других участников коалиции, но только между главами СССР, США и Великобритании диалог по поводу основных вопросов войны и мира вёлся действительно на равных. Тем не менее отношения между вершинами этого треугольника не были равноценными. Асимметрия обуславливалась не только различиями политических традиций и идеологических программ, которые они представляли, но и «объективным положением трёх лидеров и возглавляемых ими государств в условиях Второй мировой войны» (Печатнов, Магадеев 2015: 17), – отмечают авторы последнего по времени выхода в свет и на сегодняшний день самого полного и глубокого документального исследования переписки трёх деятелей. При этом, несмотря на имевшиеся разногласия, председатель Совета министров СССР, президент США и премьер-министр Великобритании по многим вопросам не просто находили точки соприкосновения, но и добивались взаимоприемлемых решений. Многочисленные труды по истории международных отношений 1945 г. акцентируют внимание на тех фактах и обстоятельствах, которые работали на их разобщение. Такой подход объясним, поскольку он вызван стремлением объяснить причины развала антигитлеровской коалиции почти сразу после завершения войны. Однако ретроспективный взгляд на события семидесятипятилетней давности побуждает задаться не менее важным вопросом: что их объединяло? Почему союз, несмотря на все трудности, до самого конца войны сохранял цельность?

28 сентября 1944 г., выступая в палате общин, только что приступившей к работе после семинедельных каникул, У. Черчилль представил воодушевляющий отчёт о военных успехах англо-американских войск на фронтах боевых действий, завершив его фразой, которая облетела весь мир: «Воздавая должное британским и американским достижениям, мы не должны никогда забывать о неизмеримом вкладе, сделанном в общее дело Россией. ... Выражения, в которых маршал Сталин упомянул недавно о наших кампаниях на Западе, исполнены такого великодушия и восхищения, что я считаю себя, в свою очередь, обязанным подчеркнуть, что Россия сковывает и бьёт гораздо более крупные силы, чем те, которые противостоят союзникам на Западе, и что она на протяжении долгих лет ценой огромных потерь несла основное бремя борьбы на суше». Ораторский пафос в данном случае не заслонял, а, напротив, делал более весомым смысл сказанного. Глава правительства сообщал парламенту, нации и всему миру о роли Красной армии в войне и её решающем вкладе в борьбу с Германией. В завершение выступления Черчилль особо отметил, что «никогда союз трёх великих держав против Германии не был более тесным или более эффективным» (Черчилль 2008: 425, 428-429).

Через пять недель в своём докладе по поводу 27-й годовщины Октябрьской революции Сталин также отдал должное вкладу союзников в войну и отметил, что «если боевой союз демократических государств выдержал испытания более чем трёх лет войны и если он скреплён кровью народов, поднявшихся на

защиту своей свободы и чести, то тем более этот союз выдержит испытания заключительной стадии войны» (Сталин 2001: 234). Ровно через два месяца в своём радиообращении к нации президент Рузвельт развил ту же самую мысль, подчеркнув необходимость сглаживания противоречий и укрепления дружбы с союзниками, предсказывая, что эта «дружба будет иметь жизненно важное значение в мирное время» (Рузвельт 2003: 372–376).

Слова, прозвучавшие в отдалённых друг от друга регионах мира с интервалом в несколько недель, были созвучны по смыслу, и могло показаться, что некоторые формулировки написаны одним и тем же спичрайтером. Тем не менее смысловые различия в этих речах всё же присутствовали. Черчилль говорил о величии коалиции, достигнутом к моменту его выступления, Сталин делал упор на важности её сохранения до полного окончания войны, Рузвельт заглядывал в послевоенное будущее. Все три оратора, безусловно, обращаясь к своим непосредственным слушателям, были уверены, что их слова достигнут столиц союзных государств и будут услышаны, поняты и должным образом оценены. Различия в содержательных доминантах, в силу разделявших эти выступления временных дистанций, отчасти могли отражать эволюцию общей коалиционной риторики по мере приближения окончания войны, но прежде всего, они были проявлением специфики мышления этих деятелей, их отношения к задачам коалиции в контексте целей возглавляемых ими государств. За четыре года они научились понимать друг друга, прогнозировать взаимную реакцию на те или иные слова или действия.

Время войны наложило отпечаток на их представления друг о друге, которые включали широчайшую гамму оценок, чувств и эмоций. Подозрения, предрассудки, корыстные расчёты, десятилетиями сопровождавшие межгосударственные контакты в прошлом, никогда не уходили полностью из их отношений в 1941–1945 гг. и заставляли действовать с оглядкой. Однако была и другая сторона, основанная на осознании общей ответственности в войне, взаимной зависимости, признании неопровержимых заслуг, восхищении мужеством, решимостью и эффективностью руководства народами и армиями, понимании интересов безопасности государств в послевоенном мире. Наконец, был ещё личный, субъективный уровень взаимодействия руководителей «большой тройки», отмеченный ростом симпатии к партнёрам, признанием присутствующих им выдающихся лидерских качеств.

К началу 1945 г. результаты боевых действий на всех фронтах не оставляли сомнений в скором разгроме Германии и делали реальной перспективу быстрого завершения войны. На фоне успешных наступательных действий естественным выглядел «общий настрой союзников на послевоенное сотрудничество», продемонстрированный Крымской конференцией (Борисов 2015: 20). Каждая из делегаций на этом форуме имела свой план действий, преследовала свои цели и исповедовала собственную тактику. Однако объём взаимной заинтересованности намного превышал очевидные разногласия.

Не только общность пока ещё сохранявших актуальность военных целей создавала почву для содержательного обмена мнениями и принятия решений. К началу конференции между лидерами государств утвердилась своего рода культура доверия – уникальное явление в истории международных отношений. «Черчилль и Рузвельт... оба были очарованы Сталиным, – отмечает Д. Рейнольдс. – Обнаждённые тем, что Советский Союз временно сбросил свой революционный покров, они увидели в нём человека дела, с которым они могут вести серьёзные переговоры. Оба надеялись и в значительной степени полагались на то, что ему можно доверять» (Reynolds 2007: 159). Даже британский премьер вопреки обычной для него подозрительности и антикоммунистическим инстинктам, ещё в 1944 г. говорил, что если бы у него была возможность «обежать со Сталиным хотя бы один раз в неделю», то никаких проблем с СССР у союзников не было бы (Reynolds 2007: 111). Рузвельт в расчётах на успех переговоров в Ялте также полагался на свои способности лично влиять на настрой советского диктатора. «В Тегеране маршал и я узнали друг друга. Узнали хорошо. Мы растопили лёд, если он когда-либо и существовал, и с тех пор в наших отношениях льда не было» (Butler 2015: 285), – сообщил он членам американской делегации, напутствуя их перед конференцией в Думбартон-Оксе. Важно помнить, что борьбу, если не за душу, то, по крайней мере, за благосклонное и рациональное поведение советского лидера вели два искушённых в политических баталиях и интригах прагматика. И Сталин поддержал этот посыл, что в немалой степени способствовало результативности диалога.

Решения Ялтинской конференции первоначально «приветствовались, как триумфальный успех и сигнал, свидетельствовавший о том, что сотрудничество союзников может сохраниться и в послевоенном мире» (Winik 2015: 517). Дополнительный вес им придавал тот факт, что большинство договорённостей было достигнуто в результате острейших дискуссий. Они составляли лишь часть политического наследия 1945 г. Однако это была очень важная в содержательном и эмоциональном отношении часть. Результаты саммита, с одной стороны, задавали высокую планку союзническому взаимодействию, с другой – они определили общие рамки подлежащей дальнейшему обсуждению повестки и сформировали своеобразный стандарт для последующей переговорной практики. Сохранить установленный уровень в оставшиеся месяцы завершающего года войны не удалось. После Ялты перемены в союзнических отношениях неуклонно шли по нисходящей линии.

Причины этого регресса в новейшей историографии отмечены широким спектром оценок, которые формируют смысловую канву многочисленных дискуссий. Современный английский историк Макс Хейстингс полагает, что «Великий альянс – отношения военных лет между Британией, США и СССР... всегда был большим блефом; “легенда” требовала, чтобы все притворялись, будто три державы вели войну как совместное предприятие, направленное к общей цели» (Хейстингс 2015: 631). Остаётся неясным, идёт ли в данном случае речь о

самообмане лидеров «большой тройки», или автор имеет в виду, что Рузвельт и Черчилль вводили в заблуждение общественность своих стран для того, чтобы обеспечить себе свободу рук в ведении войны и дипломатических контактах с СССР. И в том, и в другом случае убедительных аргументов в пользу приведённого тезиса не хватает.

Д. Рейнольдс утверждает, что сами по себе ялтинские договорённости отражали соотношение сил внутри «большой тройки», передавали общее стремление избежать послевоенной конфронтации и были вполне реалистичными, однако подлинная проблема заключалась не в решениях как таковых, а в связанных с ними чрезмерных ожиданиях. В итоге, если главы англосаксонских государств переоценили «дух Ялты» и поддались «соблазну неоправданных надежд», то Сталин стал «жертвой своей паранойи» (Reynolds 2007: 160–161).

Конечно, личные качества и особенности менталитета отчасти предопределяли реакцию лидеров всех трёх государств на действия своих партнёров по коалиции весной 1945 г., побуждая каждого из них впоследствии искать виновных в том, что что-то пошло не так. Но дело было не только в этом⁴. Многочисленные раздражители довольно быстро понизили уровень недавней эйфории. Некоторые из них были следствием «недосказанного» в Крыму, но по большей части источниками взаимных подозрений были растущие разногласия по поводу оценок происходящего в Восточной Европе, на Балканах и Ближнем Востоке. Разоблачающим фактором была также репарационная проблема.

Свою лепту в охлаждение отношений внесли агентурные сведения советской разведки, представившей факты, дающие основания подозревать союзников в неискренности в связи с утаиванием информации о Манхэттенском проекте и бернских переговорах с нацистами. Скрытые от посторонних глаз действия советской разведывательной агентуры были весьма результативными и влияли на общий настрой советского руководства, становясь важным фактором принятия решений. В большинстве случаев разведданные адекватно передавали характерные для политического и военного планирования США и Великобритании тенденции, создавая почву не только для нагнетания «параноидальных» реакций Сталина, но и для рационально мотивированных политических действий руководства СССР. С другой стороны, как отмечают С. Эванс и Г. Ромерстайн, «тайные операции коммунистов против Соединённых Штатов и других государств были... всеобъемлющими и эффективными... Кремль использовал эту тактику систематически, сделал её ключевым элементом государственной политики и выделял на её осуществление огромные ресурсы» (Evans, Romerstein 2012: 2). Данное обстоятельство было источником постоянного беспокойства

⁴ «На передний план выходили прежде скрытые или приглушённые противоречия идеологического, геополитического и даже социокультурного порядка, связанные с приближавшимся послевоенным урегулированием и различным пониманием путей обеспечения своей безопасности», – справедливо отмечают российские историки. См.: (Печатнов, Магадеев 2015: 418–419).

не только спецслужб, но и государственных руководителей США и Великобритании. Не менее важной причиной разрушения магии доверия на Западе были действия советских военных администраций на освобождённых европейских территориях.

В ряду современных оценок событий весны 1945 г. по-прежнему значительное место занимают ставшие уже традиционными версии о «циничном разделе Европы на сферы влияния»; «о предательстве Рузвельта», вопреки идеалам Атлантической хартии «отдавшего» Восточную Европу тоталитарным Советам; об «интеллектуальной и физической недееспособности американского президента», не сумевшего вследствие смертельной болезни эффективно противостоять советским притязаниям. Эти интерпретации, восходящие к мифологическому ряду историографии периода холодной войны, либо развиваются, либо опровергаются современными исследованиями⁵. Надо полагать, что историки никогда не откажутся от соблазна дать новое объяснение уникальному феномену антигитлеровской коалиции. По всей видимости, ни одна из предложенных ими версий ещё долго не будет признана окончательной. В течение длительного времени руководители великих держав, абсолютно не похожие индивидуальными качествами, развивали «личные отношения и политические повестки дня»⁶, успешно преодолевая объективно разъединявшие их идеологические и геополитические разногласия. Дальновидность и добрая воля, присущие их поведению в самые трудные годы войны, в какой-то момент перестали быть частью коалиционных отношений. Когда и почему это произошло? Многочисленные обстоятельства, позволяющие приблизиться к пониманию причин этого поворота, кроются в хитросплетениях политических и дипломатических событий весны – лета 1945 г.

В феврале – мае 1945 г. стремительно менялся общий политический контекст международных отношений. Как следствие появились первые ретроспективные оценки Ялтинской конференции, наполненные негативным смыслом. Именно тогда Ялта была впервые охарактеризована как тайный сговор, грубо извративший либеральные добродетели, ради торжества которых США и Великобритания вели войну (Sherwood 1948). Ещё при жизни Рузвельта некоторые члены его штаба, включая посла А. Гарримана, высказывались в том смысле, что согласие президента лично участвовать в работе этой конференции было ошибкой, поскольку Советы якобы восприняли это решение как проявление слабости. Шквал критики вызвала новость о предоставлении СССР трёх мест в Генеральной Ассамблее ООН. Источником напряжения был польский вопрос,

⁵ Из наиболее значительных современных работ, принадлежащих различным историографическим направлениям, следует отметить: (Мальков 2009; Мальков 2011; Печатнов 2006; *America and the Cold War...* 2010; *The Cambridge History of the Cold War...* 2010; Costigliola 2012; Gaddis 2011; Haslam 2011; Leffler 2017; Miscamble 2007; Roll 2013; Spalding 2006).

⁶ Наиболее содержательный труд на эту тему опубликован Ф. Костиглиолой. См.: (Costigliola 2012).

который не только давал западным союзникам основания упрекать Сталина в игнорировании принципов Декларации об освобождённой Европе, но и возбуждал обвинения СССР в экспансионизме. На этом основании американский автор Д. Мичем делает вывод о том, что к началу апреля Рузвельт, вслед за Черчиллем, осознал, что ялтинские решения «были разорваны в клочья» (Meacham 2003: 338). Сам Рузвельт, о чём свидетельствует его переписка с партнёрами по коалиции, думал иначе, хотя и признавал, что союзнические отношения развиваются не идеально. 8 апреля в ответ на предложение Черчилля направить в Грецию двустороннюю англо-американскую экономическую миссию он пишет, что исключение из состава делегации русских «будет ошибкой», и обосновывает свою точку зрения следующим образом: «Такие действия с нашей стороны будут выглядеть нарушением ялтинских решений о тройственных действиях в освобождённых районах, и этот наш шаг может быть истолкован как свидетельство того, что мы считаем, будто ялтинские решения больше не действуют. Как Вам известно, дело, конечно, обстоит не так, поэтому я считаю, что мы должны быть осмотрительными и не предпринимать ничего, что бы могло ослабить эффективность наших усилий заставить русских уважать эти решения» (Секретная переписка... 1995). Не только президент США, но и его партнёры не считали, что совместные действия по завершению войны и созданию основ послевоенного мира потерпели крах. У Сталина были свои поводы для негодования в связи с поведением американцев и англичан, он использовал свои методы, чтобы «заставить их уважать» ранее принятые решения, но ни о каком развале коалиции речь в тот момент не шла.

Тем не менее, 12 апреля 1945 г. ситуация внутри антигитлеровской коалиции изменилась. В этот день не стало Ф.Д. Рузвельта. Его смерть воспринималась современниками как невосполнимая утрата. Конечно, к этому моменту уже было ясно, что последовательно проводимый им в жизнь план универсальной реконструкции международных отношений в соответствии с либеральными принципами не гармонирует с внешнеполитическими расчётами советского руководства и противоречит колониальным притязаниям Великобритании. Но Рузвельт был терпелив, последователен, он готов был двигаться поэтапно, учитывая интересы действующих и потенциальных партнёров. И он умел договариваться. Его преемник этими талантами не обладал. Факт смены руководства в Белом доме в переломный момент истории заставляет историков вновь и вновь искать ответ на вопрос: если бы Рузвельт прожил ещё несколько лет, как бы это отразилось на ходе истории? Другой вопрос, логически связанный с первым, состоит в том, можно ли считать приход в Белый дом Г.С. Трумэна поворотным моментом в истории антигитлеровской коалиции, обозначившим начало движения в направлении от Второй мировой войны к холодной войне?

Г. Киссинджер, в целом весьма высоко оценивающий уровень реализма в политике Рузвельта, отмечает, что тот, вероятнее всего, столкнувшись с исповедуемым СССР силовым подходом, противоречащим его надеждам на мир, «ос-

нованном на законности», «обратился бы к своей макиавеллевской стороне» и попытался бы договориться со Сталиным о новом балансе сил (Киссинджер 2015: 354–355). Современники поэтому поводу оставили разные суждения. Джеймс Бирнс, входивший в 1945 г. в узкий круг лиц, окружавших Рузвельта и хорошо осведомлённый об умонастроениях своего шефа, в 1947 г. отмечал, что тот ощущал приближение момента, когда договориться с русскими будет невозможно, поэтому незадолго до смерти он пришёл к пониманию целесообразности ужесточения курса США в отношении СССР. Министр иностранных дел Великобритании Э. Иден, многократно встречавшийся с главой Белого дома во время войны, наоборот, полагал, что, если бы Рузвельт жил и пребывал в добром здравии, он никогда не допустил бы раскола союза и конфронтации (Butler 2015: 509). В Советском Союзе на самом высоком уровне неизменно отмечали, что Рузвельт «был противником политики силы» в международных отношениях и рассматривался как надёжный союзник (Butler 2015: 509). Посол Гарриман, критически оценивавший усилия президента, направленные на сближение с Москвой в 1945 г., девятнадцать лет спустя изменил своё мнение и говорил о том, что «если бы Рузвельт был жив и находился в удовлетворительной физической форме, то вполне вероятно, что он смог бы управлять миром». Свою уверенность Гарриман основывал на том, что руководители двух стран адекватно оценивали друг друга, и если Рузвельт был одним из немногих современников, кто по-настоящему понимал мотивы и поступки Сталина, то Сталин, в свою очередь, считал его одним из немногих зарубежных деятелей, кому он мог доверять (Schlesinger 2007: 335–336). Возможно, наиболее взвешенный ответ на вопрос о том, какие последствия имел уход из жизни американского президента, дал американский историк Фрэнк Костиглиола: «Смерть Рузвельта ослабила, может быть фатально, шансы избежать, или, по крайней мере, смягчить холодную войну. ФДР был методичен, создавая Великий Союз, работал над его сплочением. Он имел намерение продлить коалицию на послевоенный период, и Сталин хотел того же. Несмотря на свою марксистско-ленинскую идеологию, советский диктатор также идентифицировал себя с царем Александром I, который продолжал оставаться членом Священного Союза после победы над Наполеоном» (Costigliola 2012). Латентно существовавшие на протяжении всей войны идеологические разногласия и политические трения между членами военного альянса президент не считал непреодолимыми.

В любом случае, изменение персонального состава «большой тройки» немедленно отразилось на интонациях всех её участников. Однако главная проблема в данном случае заключается не в определении роли Рузвельта в тройственном союзе или его вклада в формулирование конкретных решений, повлиявших на архитектуру послевоенного мира. Гораздо важнее понять, сохранилась ли преемственность в американской внешней политике после смены президента.

В политической риторике США идея непрерывности внешней политики, основанной на неизменных либеральных ценностях, является

преобладающей⁷. Опыт 1945 г. позволяет проверить этот постулат. Действия администрации Трумэна дают для этого необходимый материал.

Вступая в Белый дом, Трумэн осознавал ограниченность своих знаний в области международной политики. Он никогда не был близок к Рузвельту, однако испытывал по отношению к нему большое уважение. Дочь Трумэна Маргарет вспоминала, что первой реакцией отца на смерть ФДР был «огромный прилив симпатии и скорби» (Truman 1973: 209). Со временем эти чувства не ослабли. В 1952 г. в разговоре с А. Шлезингером он по-прежнему «говорил о ФДР как о президенте» (Schlesinger 2008: 23).

Первые заявления, сделанные Трумэном в роли президента, свидетельствовали о намерении сохранить прежний курс. Но он остро нуждался в политических советниках и постарался максимально использовать знания и таланты членов команды Рузвельта – Г. Гопкинса, Дж. Дэвиса, А. Гарримана, У. Леги, Э. Стеттиниуса и других. Такой подход стал для него своеобразной ловушкой. Рузвельт превосходно знал личные и деловые качества членов своего окружения, он виртуозно пользовался их сильными качествами и умело нивелировал существовавшие между ними разногласия. Такой стиль цементировал президентскую команду, позволял ей работать в унисон. Трумэн не имел навыка «вручную» обеспечивать единомыслие своего окружения. По сути, все, кто давал ему политические советы в первые недели, были сильными личностями, имевшими собственные взгляды, далеко не всегда совпадавшие с мнениями других советников. Они привыкли откровенно доводить свои суждения до президента, отдавая себе отчёт в том, что тот воспользуется их экспертными оценками, но его решение будет самостоятельным и учитывающим самую широкую гамму фактов и обстоятельств, включая советы других экспертов. Трумэн не владел этой техникой и на первых порах был склонен воспринимать любую рекомендацию, исходившую от того или иного авторитетного политика, как руководство к действию на том основании, что совет поступил от более компетентного лица, чем он сам. В результате возникли условия для политического разнobia, немыслимого при Рузвельте. Очевидно, такое положение дел способствовало совершению дебютировавшим главой Белого дома первых неуклюжих внеш-

⁷ См., например: (Ikenberry 2014: 80–90). Автор этой статьи, в частности, пишет: «Конструирование управляемого Соединёнными Штатами глобального мирового порядка началось не с окончания холодной войны; этот порядок как раз и позволил добиться победы в холодной войне. В течение почти 70 лет после окончания Второй мировой войны Вашингтон предпринимал непрерывные попытки создать многостороннюю систему многосторонних институтов, союзов, торговых соглашений и политических партнёрств. Этот проект помог вовлечь страны в орбиту Соединённых Штатов... Альянсы, партнёрства, мултилатеризм, демократия – таковы инструменты лидерства США, и они побеждают, а не проигрывают борьбу XXI века за геополитику и мировой порядок» (Ikenberry 2014: 81). Об этом же пишет и Киссинджер (Киссинджер 2015: 364–365). Примечательно, что в перечне «инструментов победы» США в холодной войне фигурируют «альянсы». Именно в представлениях о приемлемых формах «альянсов» заключается одно из наиболее принципиальных различий в целеполаганиях Рузвельта и Трумэна. Рузвельт исходил из идеи «четырёх полицейских» – великих державах («большая тройка» и Китай), несущих общую ответственность за мир и безопасность на планете и продолжающих дело антигитлеровской коалиции. Для Трумэна – это Североатлантический договор, имевший совсем иные функции.

неполитических шагов: 23 апреля состоялся его неоправданно резкий разговор с В.М. Молотовым, прибывшим в США для участия в работе Учредительной конференции ООН; через три недели были приостановлены поставки в СССР по лендлизу. Эти импульсивные действия были рекомендованы соответственно послом А. Гарриманом и заместителем государственного секретаря Дж. Грю, при жизни Рузвельта пользовавшимися его полным доверием. Не исключено, что Трумэн полагал, что, поступая таким образом, он вполне вписывался в формат рузвельтовской политики. В этом он, скорее всего, заблуждался. В результате доверие к нему в Москве как к преемнику и продолжателю прежнего курса было подорвано (Harbutt 2010: 367). По большому счёту, это доверие восстановить так и не удалось.

Примечательно, что первым ненормальность такого положения дел осознал самый близкий к президенту в годы войны член администрации Г. Гопкинс, которому Трумэн предлагал место в составе кабинета. Гопкинс отказался и посоветовал другим членам команды Рузвельта поступить так же. «Трумэн должен окружить себя своими людьми, а не людьми Рузвельта», – такой совет, явно «для передачи», он дал давнему другу и политическому соратнику президента Б. Ханнегану (O'Sullivan 2015: 126–127). Совет пришёлся кстати. Осенью 1945 г. Трумэн запустил процесс обновления администрации и к началу 1946 г. весьма преуспел в этом деле. Кадровое обновление было необходимым условием содержательного переоформления внешнеполитического курса. Для этого требовалось определённое время, поскольку новый президент оказался на своём посту, не имея предварительных программных наработок и опыта международной деятельности (McCulough 1992: 333, 354–355).

Надо полагать, что Трумэн осознавал свою слабую подготовленность и отсутствие должного политического авторитета для того, чтобы чувствовать себя на равных среди наиболее влиятельных политиков мира. К тому же на него давил авторитет Рузвельта. Он понимал, что вольно или невольно все сопоставляют его с предшественником, сравнение с которым выдерживать было крайне сложно.

В самом начале своего президентства в разговоре со спикером палаты представителей С. Рейберном он обронил фразу, характеризовавшую его внутреннее состояние: «Русские меня проверяют. Они думают, что я всего-навсего маленький галантерейщик, и они меня проверяют» (Schlesinger 2008: 22). И был недалёк от истины. Молотов из памятной встречи с ним в апреле 1945 г. вынес впечатление, что «до интеллекта Рузвельта ему далеко». Переломить такое отношение было непросто. К Потсдамской конференции Трумэн подготовился основательно и рассчитывал не только достичь намеченных целей, но и укрепить свои позиции в «клубе великих». После её завершения он публично демонстрировал удовлетворённость её результатами и подчёркивал незыблемость курса на развитие взаимодействия с СССР и Великобританией. В радиообращении к американскому народу 9 августа он заявил: «Прочный фундамент доброй воли

и сотрудничества был заложен президентом Рузвельтом. Ясно, что этот фундамент основан на чем-то более значительном, чем персональная дружба трёх деятелей. Этот фундамент основан на согласии относительно поставленных перед нами целей»⁸. Энтузиазм, звучавший в этих словах, тем не менее был несколько преувеличенным. Много лет спустя, в марте 1957 г., в неотправленном письме Дину Ачесону он поделился воспоминаниями о Потсдаме, тон которых был не столь приподнятым. «Конечно, – писал Трумэн, – дела в целом шли нормально, поскольку у России не было никакой программы, кроме как захватить как можно более значительную часть Европы, убить как можно больше немцев и оставить в дураках западных союзников. Британия хотела всего лишь заполучить контроль над Восточным Средиземноморьем, сохранить Индию, персидскую нефть, Суэцкий канал и при любых обстоятельствах свободу рук. И на другом краю этого круглого стола сидел наивный идеалист, который хотел установить свободу мореплавания, сделать открытыми для всех канал Дунай – Рейн – Киль, Суэц, Чёрное море с проливами и Панамский канал, восстановить Германию, Италию, Францию, Италию, Польшу, Чехословакию, Румынию и Балканы, добиться надлежащего обращения с Латвией, Литвой, Финляндией, освободить Филиппины, Индонезию, Индокитай, создать свободный Китай и свободную Японию» (Off the Record... 1997: 348–349). Нарочитая поза «наивного идеалиста» передавала его разочарование итогами конференции, а текст всего письма выглядел как запоздалое объяснение причин перехода к политическому реализму. Ремарка по поводу Сталина в том же письме, что тогда ему «нравился этот маленький сукин сын» (Off the Record... 1997: 348–349), мало что объясняет. Гораздо важнее было испытанное им ощущение, что сам он Сталину не понравился и сравнения с Рузвельтом не выдержал. Не случайно после Потсдама вопрос о личной встрече между этими руководителями не вставал ни разу.

Конечно, происхождение холодной войны невозможно объяснить только тем, что между двумя руководителями великих держав не сложились доверительные отношения. Конфликт идеологий и несовпадающие геополитические программы подтачивали изнутри союзническое единство и объективно способствовали конфронтации. Но психологические мотивы и индивидуальные качества главных на тот момент деятелей истории всё же играли большую роль. Едва ли не единственный шанс преодолеть с каждым днём возрастающую инерцию распада коалиции заключался в способности руководителей наладить личный диалог, в ходе которого можно было попытаться сгладить противоречия и последовательно устранить разногласия. Этого не произошло. В последующие месяцы в Вашингтоне стал формироваться образ вероломного Сталина, нарушающего все соглашения, а в Москве – образ недальновидного Трумэна, предавшего забвению политику Рузвельта.

⁸ *Public Papers of the Presidents of the United States containing the Public Messages, Speeches, and Statements of the President Harry S. Truman*. 1961. April 12 to December 31, 1945. Washington. P. 204.

Важной причиной поворота американской внешней политики, наметившегося в конце 1945 г., следует считать стиль политического руководства и принятия решений, установленный Трумэном. Освоившись в роли главы государства, он дал понять, что каждое своё решение он намерен принимать на основе фактов, а затем «будет тут же забывать о принятом решении, чтобы перейти к подготовке следующего». А. Оффнер справедливо подметил, что такой дискретный способ управления заставлял его всецело концентрироваться на настоящем, не заботясь об общем фоне событий, их предыстории, а также о долгосрочных целях (Offner 2002: 23). В этом заключалась фундаментальная особенность его стиля управления. Она во многом объясняет, как в течение примерно одного года после завершения Второй мировой войны США сумели радикально обновить внешнеполитическую повестку. Отход от стратегии Рузвельта стал реальностью. Нечто подобное произошло с У. Черчиллем, уже 5 марта 1946 г. с одобрения президента США, выступившим с Фултонской речью. В Кремле с готовностью приняли этот вызов.

Наряду с несовпадающими, а порой и альтернативными геополитическими калькуляциями 1945 год добавил в и без того непростой контекст международной политики принципиально новый элемент – атомную бомбу. Появление «оружия огромной разрушительной силы» было ознаменовано его жестокой, даже по меркам Второй мировой войны, демонстрацией в Хиросиме и Нагасаки, навсегда изменившей представления о методах ведения войны и возможных последствиях любого конфликта. Появление бомбы сразу же изменило баланс сил в стане победителей в пользу США и поколебало чувство неуязвимости у советского руководства. У администрации Трумэна появился дополнительный рычаг воздействия на развитие международных отношений, в том числе и в рамках текущих многосторонних и двусторонних дипломатических переговоров.

Взаимосвязь между созданием атомного оружия и началом холодной войны неоднократно служила предметом изучения. Современный уровень знаний по этому вопросу позволяет говорить о том, что эту взаимосвязь нельзя описать при помощи простой причинно-следственной цепочки: появление ядерного оружия – ядерный шантаж – холодная война. Сама по себе атомная бомба не была причиной холодной войны, но, тем не менее, она сопровождала её приближение, придавала постепенно надвигавшейся конфронтации особенный зловещий смысл, «она скорее отражала уже имевшийся конфликт, а не провоцировала его» (Miscamble 2011: 138). Примечательно, что в самих Соединённых Штатах на самом высоком уровне было понимание масштабности угрозы для международных отношений, возникших сразу после Хиросимы. Военный министр Г. Стимсон и заместитель госсекретаря Д. Ачесон ещё в августе – сентябре 1945 г. сообщили президенту Трумэну и кабинету министров о возможных последствиях курса на сохранение ядерной монополии и предложили план действий, ориентированный на сохранение отношений сотрудничества и доверия

с руководством СССР. Примечательно, что ни Стимсон, ни Ачесон никогда не имели репутации политиков, симпатизировавших СССР или коммунизму, скорее наоборот. Их мысли передавали озабоченность той части американского руководства, которую тревожила перспектива новой дестабилизации международных отношений, на этот раз неизмеримо более опасной ввиду наличия оружия массового поражения. В возможность сохранения атомной монополии они не верили. Однако план Стимсона – Ачесона не был принят. Американский историк Джеймс Чейс считает, что если бы их подход возобладал, то в этом случае у истории мог появиться шанс пойти в другом направлении: «Поведение Советов могло бы быть гораздо менее конфронтационным, особенно после смерти Сталина в 1953 г.» (Chase 1996: 144). При всей сослагательности этот вывод не лишён оснований: осенью 1945 г. потенциал доверия в отношениях Москвы и Вашингтона ещё не был исчерпан, однако сначала государственный секретарь Дж. Бирнс, а вслед за ним и глава Белого дома предпочли в тактических целях использовать «ядерную карту» в качестве козыря на заседаниях Совета министров иностранных дел в Лондоне и Москве, из-за чего время было безнадёжно упущено. В итоге к началу 1946 г. в политическом истеблишменте США оформилась внешнеполитическая парадигма сдерживания коммунизма.

Проекция проблемы появления ядерного оружия в современность имеет не только историографический смысл: ядерные арсеналы и сегодня сохраняются в боевом состоянии и служат важным фактором международных отношений; по-прежнему актуальна тема нераспространения оружия массового поражения. Не менее важен назидательный аспект проблемы: история появления атомной бомбы и превращения «оружия Победы» в источник глобальной угрозы и инструмент холодной войны демонстрирует, насколько опасно ради локальных, краткосрочных политических целей пренебрегать долговременными общими интересами.

В сознании современных людей 1945 год чаще всего предстаёт эпохой, когда на смену войне и насилию пришли мир и порядок. Такой упрощённый взгляд скрывает огромное количество переходных состояний. На гигантских пространствах в различных частях мира прекращение войны сопровождалось разрухой, хаосом, массовыми депортациями, гражданскими войнами. Потребовалось время для того, чтобы только что созданные международные институты смогли добиться первых позитивных результатов, а недавно сформированные органы государственной власти и управления приобрели достаточный авторитет для нормализации жизни в своих странах. Прошли многие месяцы, а порой и годы, прежде чем жизнь вошла в нормальное русло. Расправы с коллаборационистами, массовые, порой зверские казни и чистки, направленные против лиц, уличённых или заподозренных в сотрудничестве с нацистами, повстанческие движения, ведущие организованную вооружённую борьбу против местных администраций, – всё это также составило содержание истории 1945 г. Во многих случаях эти события непосредственно отразились на оформлении конкретных

деталей послевоенного мироустройства, запечатлелись в конфигурациях границ, формулировках конституций и иных законов, придававших легитимность новым режимам. Не менее важно то, что они наполнили дополнительными смыслами историческую память народов о годе победы, придавая ей оттенки горечи, обиды, возбуждая чувство несправедливости, создавая почву для последующих политических спекуляций.

Разруха, акты мести, снижение уровня общественной морали наблюдались почти во всех странах Центральной и Западной Европы, вовлечённых в войну, включая Францию, Италию, Германию, Австрию и другие государства⁹. «Вторая мировая война была не только традиционной войной за территорию, но и противостоянием рас, идеологий, в котором переплелись полдюжины гражданских войн исключительно по местным причинам», – пишет английский историк Кит Лоу (Лоу 2013: 459). Это замечание во многом помогает объяснить степень ожесточённости, с которой действовавшие по разные стороны линии фронта формирования, созданные из граждан одного государства, вели борьбу друг против друга, распространяя свою ненависть на гражданское население, и почему подписание Германией Акта о капитуляции не привело к повсеместному и немедленному прекращению насилия. «До сего дня Франция не смогла создать официальную версию своей истории военных лет и, возможно, никогда не создаст, потому что массовая поддержка одной версии вряд ли возможна», – констатирует М. Хейстингс. И Франция в этом отношении является не единственным примером. Некоторые современные историки – граждане бывших европейских колоний – считают свои народы жертвами эксплуатации в ходе войны, доказывая, что «Британия... втянула их в борьбу, в которой у них не было никакого интереса, за чуждое им дело». Многие немцы чувствовали себя такими же жертвами Гитлера, как представители покорённых и порабощённых народов (Хейстингс 2015: 625, 632, 645). Завершение войны не внесло успокоения в души тех, кто в 1945 г. считал себя побеждённым. Это во многом объясняет, почему в конце XX — начале XXI в. расслоение национальных сообществ шло, в том числе, и по линии исторической памяти, хранящей воспоминания об итогах давно прошедшей войны, наполненные отблесками как торжества победителей, так и гнева побеждённых.

На территории Восточной Европы в ряде случаев вооружённое сопротивление было направлено против поддерживаемых Красной армией и советскими военными администрациями правительств или органов местной власти. В первую очередь это было характерно для Западной Украины, Польши, прибал-

⁹ См., например: (Лоу 2013). Физическое истребление виновных или неугодных, перемещения и массовые депортации, принудительный рабский труд, моральные унижения, насильственная ассимиляция, чистки, гражданские войны – такой не полный перечень состояний хаоса и беззакония, характерных для Европы в 1945 г., составил и подтвердил фактами автор этого исследования, что и стало для него основанием назвать Европу «жестоким континентом». Ситуация в Европе не была уникальной: Дальний Восток, Индокитай, Индонезия, Ближний Восток, Северная Африка также столкнулись в 1945 г. с большими тяготами.

тийских республик. В то же время, как отмечает современный французский исследователь М. Ферро, «союзники недооценили способность к автономии тех политических сил, которые сумели избежать их контроля, как, например, в Греции, в Югославии, в Китае, где коммунистические партии не повиновались Сталину». Следует всегда иметь в виду, что далеко не все действия коммунистических партий санкционировались Москвой, причём «самым жёстким коммунизм оказался там, где советские войска отсутствовали: в Югославии, в Албании. В Греции гражданская война разразилась также без одобрения Москвы». К тому же не только во время Ялты, но и в последующие месяцы «западные демократии видели в присутствии русских, например, в Венгрии, Румынии, Болгарии гарантию против возвращения либо немецкого влияния, либо фашизма, либо того и другого» (Ферро 2014: 243). Утверждение советского контроля в странах Восточной Европы фактически стало результатом трёх слагаемых: фактического признания западными союзниками правомерности претензий СССР на создание здесь «пояса безопасности»¹⁰, решимости советского руководства поддерживать эту претензию соответствующими материальными ресурсами и наличия в восточноевропейских странах соответствующей социально-политической базы для советизации. Все три названных ингредиента были налицо уже в 1945 г., хотя пропорции между ними постоянно менялись. Но при любом их сочетании очевидно, что 1945 г. ещё не стал временем советизации Восточной Европы, можно говорить только о том, что в это время создавались условия для её осуществления в последующие годы.

75-летний юбилей завершения Второй мировой войны показал, насколько велик разноречив в трактовках значения Победы антигитлеровской коалиции в войне и решений, закрепивших её результаты. Сказанные ещё в 2002 г. слова Дж. Буша-мл., приравнявшего Ялтинскую конференцию к «Мюнхенскому сговору», по сути, задали идеологический формат отношения к договорённостям «большой тройки», достигнутым в 1945 г., во многих странах Запада. Произвольное обращение с историческими фактами всё чаще сопровождается попытками переписать историю, оправдать реваншистские настроения или получает узкие националистические интерпретации. Подобного рода ревизионизм сейчас процветает и на постсоветском пространстве.

Начиная с 1990-х гг., когда распад СССР и обрушение Организации стран Варшавского договора поколебали устои двухполюсной стабильности, стали звучать утверждения о несостоятельности Ялтинско-Потсдамской системы. Отдельные её элементы были демонтированы. Перемены коснулись, главным образом, межгосударственных границ в Восточной Европе, в основном непосред-

¹⁰ С. Батлер, например, приводит сведения, согласно которым в Ялте Рузвельт считал, что Польша и другие государства Восточной Европы должны перейти под контроль СССР в силу аксиом географии, поскольку Красная армия фактически уже контролировала эти территории. Поэтому задача Запада заключалась в том, чтобы «отдать их красиво» и постараться впоследствии максимально смягчить здесь возможный эффект советского диктата и его последствия. См.: (Butler 2015: 504–505).

ственно затронув территории СССР и Югославии. Исчезновение Берлинской стены стало символом завершения конфронтации. Практически одновременно с заявлениями о победе Запада в холодной войне, констатировалось установление либеральной системы международных отношений. По сути, программный смысл приобрели слова президента Дж. Буша-старшего, о том, что мир стал однополюсным, поскольку «американскому лидерству нет альтернативы» (Mearsheimer 2019: 17–18). Декларированная президентом Б. Клинтон готовность возглавить миссию «по формированию “более совершенного союза”» и придать ей «глобальный характер» (Клинтон 2005: 1068), находила отклики в стратегических установках и программах двух последующих администраций. На фоне триумфализма, вызванного для многих неожиданным завершением холодной войны и её ошеломляющими результатами, множились труды историков, политологов и представителей экспертно-аналитического сообщества, посвящённых обоснованию закономерности победы демократии в холодной войне против тоталитаризма и концептуализации либеральной системы мироустройства¹¹.

Президентские выборы в США 2016 г., по итогам которых страну возглавил Д. Трамп, существенно скорректировали оценки перспектив либерального мирового порядка и заставили говорить о его очевидном кризисе и грядущем упадке (Печатнов 2017: 20, 22, 27). Дополнительными аргументами в пользу пессимистичных прогнозов дальнейшей либерализации системы международных отношений стали результаты британского референдума в пользу выхода страны из Евросоюза, а также рост популизма и национализма в ряде стран, в том числе и среди старых и новых союзников США.

Дискуссия о кризисе либерального международного порядка, в последние годы приобрела интенсивный и разветвлённый характер. Несмотря на высокий научный и политический статус её участников, она носит несколько хаотичный характер. Время становления либеральной системы международных отношений, её пространственную локализацию и критерии, по которым оцениваются её главные характеристики, определяются по-разному. Её появление иногда связывают с непосредственными итогами Второй мировой войны¹². Согласно другой точке зрения, создание либеральной системы международных отношений стало возможно только в условиях двухполюсного мира, когда объединённые общими демократическими ценностями страны Запада сплотились вокруг США и создали особенную систему международных отношений, экономиче-

¹¹ Обзор работ западных авторов по этой тематике см.: Полулях Д., Ходжаев Р. Проблема концептуализации глобального лидерства США. *Семинар МП*. URL: <https://www.sites.google.com/site/politicamira/clients/tribuna/problema-konceptualizacii-globalnogo-liderstva-ssa> (дата обращения: 8.08.2020)

¹² См.: (Нье 2017: 11). Этот автор пишет: «Либеральный мировой порядок, возникший после 1945 г., представлял собой не очень крепко связанные многосторонние организации, в рамках которых США обеспечивали общие блага – свободную торговлю, свободу мореплавания и защиту более слабых государств, которые могли воспользоваться американской силой».

ская эффективность и социальная привлекательность которой и стали главными источниками их победы в холодной войне (Deudney, Ikenberry 1999: 179, 195–196; Ikenberry 2018: 7–8). Сторонники политического реализма резонно обращают внимание на тот факт, что ни в 1945 г., ни тем более в годы холодной войны, миропорядок не был монолитным. Соединённым Штатам приходилось одновременно, и поддерживать глобальную двухполюсную конструкцию мироустройства (которая не была либеральной и всецело зависела от баланса сил), и быть центром особой локальной американо-центристской международной системы, которая также не была либеральной. Только распад СССР открыл дорогу для распространения либерального интернационализма, который в настоящий момент переживает системный кризис (Mearsheimer 2019: 30, 50).

Хронологически рамки современной полемики, независимо от интеллектуальных и политических пристрастий участников, задаются итогами Второй мировой войны и целесообразностью сохранения дошедших до наших дней элементов Ялтинско-Потсдамской системы. Возможность развития мира в соответствии с канонами либерализма в этих решениях изначально предусматривались, в отличие, например, от раскола мира на противоборствующие системы.

Подконтрольная США социально-политическая система эпохи холодной войны с присущими ей военными союзами, социально-политическими институтами и экономическими достижениями сложилась преимущественно к концу 1940-х гг. Примерно тогда же договорённости по территориям, достигнутые в Ялте и Потсдаме, образовали «линию фронта в холодной войне» (Доббс 2014: 456). Хотя в начале 1990-х гг. конфронтация завершилась поражением СССР, царство либеральной гармонии тотчас же не наступило. США в одночасье лишились своего главного противника, но в деле создания по-настоящему американоцентричного однополюсного мира не преуспели, хотя определённые успехи на этом пути были налицо.

Р. Никсон незадолго до смерти довольно метко заметил, что «хотя Советы проиграли холодную войну, Соединённые Штаты пока её не выиграли»¹³. Этого не произошло до настоящего времени. Косвенным тому подтверждением служат и признание в «ветшании демократических институтов» в США, прозвучавшее в прощальном выступлении Б. Обамы, и внешнеполитические декламации Д. Трампа, представляющие смешение воинственного национализма, неоизоляционизма и унилатерализма (Печатнов 2017: 20), и восхождение Китая как нового центра силы, и постепенное восстановление Россией статуса великой державы (Mearsheimer 2019: 48–49), и рост популизма и националистических настроений по всему миру. И хотя глобализация, технологический прогресс, ограниченность ресурсов и экологические угрозы побуждают к созданию международных наднациональных институтов, поиску новой глобальной иден-

¹³ Цит. по: (Шенин 2008: 223).

тичности и отказу от национализма и традиционных ценностей (Харари 2019: 162-163), современные международные реалии скорой победы либерального миропорядка не обещают.

Соединённые Штаты Америки в настоящий момент продолжают оставаться наиболее мощной державой мира, располагающей разнообразными ресурсами влияния на текущие международные процессы. Однако для закрепления за собой статуса доминирующей или лидирующей силы в деле преобразования мира имеющихся ресурсов недостаточно.

В любом случае для того чтобы миропорядок, основанный на либеральных принципах, получил шанс на продолжение (и не обязательно в рамках однопольной системы), потребуется укрепление (возможно, после определённой ревизии) действующих всемирных институтов, обеспечивающих стабильность и безопасность, прежде всего для того, чтобы создать барьеры на пути распространения национального эгоизма, радикализма и международного терроризма. Обязательным условием для продвижения идеи либеральной системы международных отношений является существенная корректировка либерализма как такового, отказ от одностороннего навязывания его принципов народам с иным набором ценностей. Наконец, для этого потребуется, чтобы все главные участники современной международной жизни оказались в состоянии вырабатывать единую повестку общих проблем и межгосударственных отношений, взаимодействовать в режиме диалога, вникая в аргументы оппонентов и учитывая их жизненные интересы. Как умели вести диалог лидеры держав «большой тройки» в годы Второй мировой войны.

В 1945 г., может быть, впервые за всю историю человечество осознало, насколько велик и многообразен мир. Предпринятая по итогам Второй мировой войны попытка упорядочить отношения между государствами и народами, придать им предсказуемость, снабдить законами и процедурами регулирования главные экономические, политические и социокультурные процессы, поставить эти процессы под контроль авторитетных международных органов, была не первой в истории. Но она была самой интенсивной, ресурсозатратной и жертвенной, наиболее амбициозной и, вплоть до настоящего времени, самой успешной. Поэтому так важно помнить детали многогранной работы по созданию основ мироустройства, в течение нескольких десятилетий служившего поддержанию стабильности и обеспечению безопасности мирового сообщества. Обращение к этой истории имеет смысл не только в связи с постоянно появляющимися дополнительными возможностями обогатить её новыми фактами, и не ради политически мотивированной актуализации символов прошлого. История формирования Ялтинско-Потсдамского мирового порядка насыщена примерами дальновидных политических решений, позитивных психологических установок и продуктивных технологических приёмов, не утративших своей привлекательности до настоящего времени. Обращение к этому опыту содержит существенный гуманистический потенциал. Основы современной

стабильности по-прежнему во многом зависят от того, насколько обдуманно вносятся поправки в систему политических и нравственных координат, установленную в год Победы над фашизмом.

Об авторе:

Валерий Теодорович Юнгблуд – доктор исторических наук, профессор, президент Вятского государственного университета. 610000, г. Киров, ул. Москов-ская, д. 36. E-mail: yungblud@vyatsu.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: April 15, 2020
Accepted: June 01, 2020

The 1945 World Order – Process with «Open» Continuation

V.T. Yungblud
DOI 10.24833/2071-8160-2020-4-73-52-79

Vyatka State University

Abstract: The Yalta-Potsdam system of international relations, established by culmination of World War II, was created to maintain the security and cooperation of states in the post-war world. Leaders of the Big Three, who ensured the Victory over the fascist-militarist bloc in 1945, made decisive contribution to its creation. This system cemented the world order during the Cold War years until the collapse of the USSR in 1991 and the destruction of the bipolar structure of the organization of international relations. Post-Cold War changes stimulated the search for new structures of the international order. Article purpose is to characterize circumstances of foundations formation of postwar world and to show how the historical decisions made by the leaders of the anti-Hitler coalition powers in 1945 are projected onto modern political processes. Study focuses on interrelated questions: what was the post-war world order and how integral it was? How did the political decisions of 1945 affect the origins of the Cold War? Does the American-centrist international order, that prevailed at the end of the 20th century, genetically linked to the Atlantic Charter and the goals of the anti-Hitler coalition in the war, have a future?

Many elements of the Yalta-Potsdam system of international relations in the 1990s survived and proved their viability. The end of the Cold War and globalization created conditions for widespread democracy in the world. The liberal system of international relations, which expanded in the late XX - early XXI century, is currently experiencing a crisis. It will be necessary to strengthen existing international institutions that ensure stability and security, primarily to create barriers to the spread of national egoism, radicalism and international terrorism, for have a chance to continue the liberal principles based world order (not necessarily within a unipolar system). Prerequisite for promoting idea of a liberal system of international relations is the adjustment of liberalism as such, refusal to unilaterally impose its principles on peoples with a different set of values. This will also require that all main participants in

modern in-ternational life be able to develop a unilateral agenda for common problems and interstate relations, interact in a dialogue mode, delving into the arguments of opponents and taking into account their vital interests.

Keywords: 1945, American-centrism, anti-Hitler coalition, the Big Three, liberal world order, post-war settlement, Cold War, Yalta-Potsdam system

About the author:

Valery T. Yungblud – Doctor of History, Professor, President of Vyatka State University. Moskovskaya str., 36, 610000, Kirov, Russia. E-mail: youngblood@vyatsu.ru

Conflict of interest: The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- America and the Cold War, 1941-1991. A Realist Interpretation.* 2010. Ed. by N.A. Graebner, R.D. Burns, J.M. Siracusa. Vol. I. Santa Barbara: Praeger Security International. 686 p.
- Butler S. 2015. *Roosevelt and Stalin. Portrait of a Partnership.* New York: Knopf Publishing Group. 608 p.
- Chace J. 1996. After Hiroshima. Sharing the Atom Bomb. *Foreign Affairs.* 75(1).
- Costigliola F. 2012. *Roosevelt's Lost Alliances. How Personal Politics Helped Start the Cold War.* Princeton: Princeton University Press. 544 p.
- Deudney D., Ikenberry G.J. 1999. The Nature and Sources of Liberal International Order. *Review of International Studies.* 25(2). P. 179–196.
- Evans S, Romerstein H. 2012. *Stalin's Secret Agents. The Subversion of Roosevelt's Government.* New York: Threshold Editions. 304 p.
- Gaddis J.L. 2011. *George F. Kennan. An American Life.* New York: Penguin Books. 816 p.
- Harbutt F. 2010. *Yalta 1945: Europe and America at the Crossroads.* Cambridge: Cambridge University Press. 468 p.
- Haslam J. 2011. *Russia's Cold War: From October Revolution to the Fall of the Wall.* New Haven: Yale University Press. 544 p.
- Ikenberry G.J. 2014. The Illusion of Geopolitics. The Enduring Power of the Liberal Order. *Foreign Affairs.* May – June. P. 80–90.
- Ikenberry G.J. 2018. The End of liberal International Order? *International Affairs.* 94(1). P. 7–23.
- Leffler M.P. 2017. *Safeguarding Democratic Capitalism: U.S. Foreign Policy and National Security, 1920–2015.* New York: Princeton University Press. 360 p.
- McCullough D. 1992. *Truman.* New York: Simon & Schuster. 1120 p.
- Meacham J. 2003. *Franklin and Winston: An Intimate Portrait of an Epic Friendship.* New York: Random House Trade. 490 p.
- Mearsheimer J.J. 2019. Bound to Fail. The Rise and Fall of the Liberal International Order. *International Security.* 43(4). P. 7–50.
- Miscamble W.D. 2007. *From Roosevelt to Truman: Potsdam, Hiroshima, and the Cold War.* New York: Cambridge University Press. 416 p.
- Miscamble W.D. 2011. *The Most Controversial Decision. Truman, the Atomic Bombs, and the Defeat of Japan.* New York: Cambridge University Press. 190 p.
- Nye J.S. 2017. Will the Liberal Order Survive? The History of an Idea. *Foreign Affairs.* January – February. P. 10–16.

O'Sullivan C.D. 2015. *Harry Hopkins: FDR's Envoy to Churchill and Stalin*. New York: Rowman & Littlefield Publishers. 210 p.

Off the Record. The Private Papers of Harry S. Truman. 1997. Ed. by R.H. Ferrell. Columbia: University of Missouri. 488 p.

Offner A. 2002. *Another Such Victory: President Truman and the Cold War 1945–1953*. Stanford: Stanford University Press. 656 p.

Reynolds D. 2007. *Summits: Six Meetings that Shaped the Twentieth Century*. New York: Basic Books. 560 p.

Roll D.L. 2015. *The Hopkins Touch: Harry Hopkins and the Forging of the Alliance to Defeat Hitler*. New York: Oxford University Press. 520 p.

Schlesinger A.M. 2008. *Journals 1952–2000*. New York: Penguin Books. 894 p.

Sherwood R. 1948. *Roosevelt and Hopkins: An Intimate History*. New York: Enigma Books. 880 p.

Spalding E.E. 2006. *The First Cold Warrior: Harry Truman, Containment, and the Remaking of Liberal Internationalism*. Lexington: University Press of Kentucky. 336 p.

The Cambridge History of the Cold War. 2010. Ed. by M.P. Leffler and O.A. Westad. Vol. I: Origins. New York: Cambridge University Press. 662 p.

The Kremlin Letters. Stalin's Wartime Correspondence with Churchill and Roosevelt. 2018. Ed. by D. Reynolds and V. Pechatnov with the assistance of I. Magadeev and O. Kucherenko. New Haven: Yale University Press. 680 p.

Truman M. 1973. *Harry S. Truman*. New York: Morrow. 602 p.

Winik J. 2015. *1944: FDR and the Year that changed History*. New York: Simon & Schuster. 656 p.

Bogaturov A.D., Kosolapov N.A., Khrustalev M.A. 2002. *Ocherki teorii i politicheskogo analiza mezhdunarodnykh otnoshenii* [Essays on Theory and Political Analysis of International Relations]. Moscow: NOFMO. 320 p. (In Russian).

Borisov A. Iu. 2015. *Voina i pobeda. Kak rozhalsia poslevoennyi mir* [War and Victory. How the Post-War World was Born]. *Novaia i noveishaia istoriia* №2. P. 3–23. (In Russian).

Brzezinski Zb. 2014. *Strategicheskii vzgliad: Amerika i global'nyi krizis* [Strategic Vision: America and the Crisis of Global]. Moscow: AST. 250 p. (In Russian).

Brzezinski Zb. 2015. *Velikaia shakhmatnaia doska. Sbornik* [The Grand Chessboard. Collection]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. 720 p. (In Russian).

Churchill W. 2008. *Muskuly mira* [Sinews of War]. Moscow: Eksmo. 528 p. (In Russian).

Clinton B. 2005. *Moia zhizn'* [My Life]. Moscow: Al'bina Press. 1088 p. (In Russian).

Dobbs M. 2014. *Shest' mesiatsev 1945 g. Ot mirovoi voyny k voine kholodnoi* [Six Months in 1945: FDR, Stalin, Churchill, and Truman – from World War to Cold War]. Moscow: Eksmo. 464 p. (In Russian).

Ferro M. 2014. *Sem' glavnykh lits voyny, 1918–1945: Parallelnaia istoriia* [Seven Major Faces of War, 1918–1945: A Parallel History]. Moscow: ROSSPEN. 336 p. (In Russian).

Harari Y.N. 2019. *21 urokdlia XXI veka* [21 Lesson for the 21st Century]. Moscow: Sindbad. 416 p. (In Russian).

Hastings M. 2015. *Vtoraia mirovaia voina. Ad na zemle* [All Hell Let Loose: The World at War 1939–1945]. Moscow: Al'pina non-fikshn. 698 p. (In Russian).

Kissinger H. 2015. *Mirovoi poriadok* [World Order]. Moscow: AST. 512 p. (In Russian).

Lowe K. 2013. *Zhestokii kontinent* [Savage Continent: Europe in the Aftermath of World War II]. Moscow: Tsentrpoligraf. 530 p. (In Russian).

Mal'kov V.L. 2009. *Rossiiia I SShA v XX veke. Ocherki istorii mezhgosudarstvennykh ot-nosheni i idiplomatii v sotsiokul'turnom kontekste* [Russia and the USA in the 20th Century. Es-says on the History of Interstate Relations and Diplomacy in a Sociocultural Context]. Moscow: Nauka. 496 p. (In Russian).

Mal'kov V.L. 2011. *Velikii Ruzvel't* [The Great Roosevelt]. Moscow: Eksmo. 560 p. (In Rus-sian).

Pavlovskii G. 2014. *Razgovory s Mikhailom Geferom. 1993: Elementy sovetskogo opyta* [Conversations with Mikhail Ghefer. 1993: Elements of the Soviet Experience]. Moscow: Evropa. 320 p. (In Russian).

Pechatnov V.O. 2006. *Stalin, Ruzvel't, Trumen: SSSR i SShA v 1940-kh gg.* [Stalin, Roosevelt, Truman: the USSR and the USA in the 1940s.]. Moscow: TERRA – Knizhnyi klub. 752 p. (In Russian).

Pechatnov V.O. 2017. Fenomen Trampa I amerikanskaia demokratiia [The Trump Phe-nomenon and American Democracy]. *Mezhdunarodnye protsessy*, T. 15. 1(48). P. 13–34. (In Russian).

Pechatnov V.O., Magadeev I.E. 2015. *Perepiska Stalina s Ruzvel'tom I Cherchillem v gody Velikoi Otechestvennoi voyny: v 2 t. T. 1.* [Stalin's Correspondence with Roosevelt and Churchill during the Great Patriotic War: in 2 Volumes. Vol. 1.]. Moscow: Olma Media Grupp. 656 p. (In Russian).

Roosevelt F. 2003. *Besedy u kamina* [Fireside chats]. Moscow: IRTK. 1172 p. (In Russian).

Sekretnaia perepiska Ruzvel'ta I Cherchillia v period voyny. [Roosevelt and Churchill: Their Secret Wartime Correspondence]. 1995. Ed. by F.L. Loewenheim, G.D. Langley, M. Jonas. Mos-cow: Terra. 800 p. (In Russian).

Shenin I.Iu. 2008. *Vozvrashchenie v Rossiiu: Strategii i politika amerikanskoi pomoshchi (1990-e gg.)* [Returning to Russia: American Aid Strategy and Policy (1990s)]. Saint-Petersburg: Izd-vo filologicheskogo f-ta SPbGU. 284 p. (In Russian).

Stalin I.V. 2001. *Izbrannye sochineniia: v 3 t. T. 3* [Selected Works: in 3 Volumes. Vol. 3]. Moscow: Patriot. 476 p. (In Russian).

Wallerstein I. 2003. *Konets znakomogo mira. Sotsiologiya XXI veka* [The End of the World as We Know it: Social Science for the Twenty-first Century]. Moscow: Logos. 368 p. (In Russian).

Литература на русском языке:

Бжезинский 36. 2014. *Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис.* Москва: АСТ. 250 с.

Бжезинский 36. 2015. *Великая шахматная доска. Сборник.* Москва: Междунаро-дные отношения. 720 с.

Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталеv М.А. 2002. *Очерки теории и политиче-ского анализа международных отношений.* Москва: НОФМО. 390 с.

Борисов А.Ю. 2015. Война и победа. Как рождался послевоенный мир. *Новая и но-вейшая история.* №2. С. 3–23.

Валлерстайн И. 2003. *Конец знакомого мира. Социология XXI века.* Москва: Логос. 368 с.

Доббс М. 2014. *Шесть месяцев 1945 г. От мировой войны к войне холодной.* Москва: Эксмо. 464 с.

Киссинджер Г. 2015. *Мировой порядок.* Москва: АСТ. 512 с.

- Клинтон Б. 2005. *Моя жизнь*. Москва: Альбина Пресс. 1088 с.
- Лоу К. 2013. *Жестокий континент*. Москва: Центрполиграф. 530 с.
- Мальков В.Л. 2009. *Россия и США в XX веке. Очерки истории межгосударственных отношений и дипломатии в социокультурном контексте*. Москва: Наука. 496 с.
- Мальков В.Л. 2011. *Великий Рузвельт*. Москва: Эксмо. 560 с.
- Павловский Г. 2014. *Разговоры с Михаилом Гефтером. 1993: Элементы советского опыта*. Москва: Европа. 320 с.
- Печатнов В.О. 2006. *Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.* Москва: ТЕРРА – Книжный клуб. 752 с.
- Печатнов В.О. 2017. Феномен Трампа и американская демократия. *Международные процессы*, Т.15. 1(48). С. 13–34.
- Печатнов В.О., Магадеев И.Э. 2015. *Переписка Сталина с Рузвельтом и Черчиллем в годы Великой Отечественной войны: в 2 т. Т. 1*. Москва: Олма Медиа Групп. 656 с.
- Рузвельт Ф. 2003. *Беседы у камина*. Москва: ИРТК. 1172 с.
- Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны*. 1995. Под ред. Ф.Л. Лоуэнхейма, Г.Д. Лэнгли, М. Джонаса. Москва: Терра. 800 с.
- Сталин И.В. 2001. *Избранные сочинения: в 3 т. Т. 3*. Москва: Патриот. 476 с.
- Ферро М. 2014. *Семь главных лиц войны, 1918–1945: Параллельная история*. Москва: РОССПЭН. 336 с.
- Харари Ю.Н. 2019. *21 урок для XXI века*. Москва: Синдбад. 416 с.
- Хейстингс М. 2015. *Вторая мировая война. Ад на земле*. Москва: Альпина нон-фикшн. 698 с.
- Черчилль У. 2008. *Мускулы мира*. Москва: Эксмо. 528 с.
- Шенин С.Ю. 2008. *Возвращение в Россию: Стратегия и политика американской помощи (1990-е гг.)*. Санкт-Петербург: Изд-во филологического ф-та СПбГУ. 284 с.

Прага, победный май 1945 г.

С.В. Кудряшов

Германский исторический институт в Москве

В статье рассматриваются противоречивые и спорные моменты, связанные с восстанием и освобождением Праги в мае 1945 г. Интерпретация событий тех лет приобрела остроту и вызвала оживлённые дискуссии в связи со сносом памятника маршалу И.В. Коневу 3 апреля 2020 г. по распоряжению местного муниципалитета. В Чехии также обсуждают идею «увековечивания» роли «других освободителей» столицы – воинов дивизии РОА, которая в течение двух суток (6-7 мая) оказывала помощь восставшим. Привлекая новые документы из Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, автор делает вывод об ограниченном влиянии власовцев. Они, действительно, внесли сумятицу в ряды немцев, но рано утром 8 мая сами быстрым маршем ушли из Праги. После этого бои и переговоры между повстанцами и германским командованием продолжались. В статье подчёркивается, что главной целью советской военной операции с 6 по 11 мая 1945 г. был разгром немецкой группы армий «Центр». Освобождение Праги явилось лишь частью мощного наступления трёх советских фронтов. Тяжёлых и изнурительных боев за Прагу не случилось, но вхождение советских танков в чешскую столицу и последующее ликование местных жителей стали символом окончания войны в Европе. В заключении делается вывод, что снос памятников советским воинам и полководцам является проявлением внутривосточной борьбы в тех странах, где это происходит, а Чехия представляет собой лишь один из таких примеров.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великая Отечественная война, освобождение Европы, Прага, Пражское восстание, 1945, коллаборационизм, власовцы, И.С. Конев

3 апреля 2020 г. в столице Чехии снесли памятник маршалу И.С. Коневу, который был сооружён по инициативе чехословацких властей почти 40 лет назад. Демонтаж сопровождался ерническими замечаниями в адрес России вплоть до обвинений, что она «сама во всём виновата». Одновременно местный муниципалитет предложил соорудить монумент «истинным освободителям» Праги – солдатам власовской дивизии. Эти действия и заявления спровоцировали дипломатический скандал и возмутили многих людей в Рос-

УДК: 94

Поступила в редакцию: 15.05.2020 г.

Принята к публикации: 02.07.2020 г.

сии. Как это объяснить? Почему события давно минувших дней вновь всколыхнули общественность? Попробуем разобраться.

Летом 1944 г. Красная Армия осуществила самую крупную военную операцию в истории под кодовым наименованием «Багратион». Главная её цель – разгром группы армий «Центр», последней ударной силы вермахта на советско-германском фронте, и полное освобождение Белоруссии. Силы четырёх фронтов, наступавших одновременно на линии протяжённостью почти 1000 км, составляли около 2,5 млн солдат, 5200 танков, 36000 орудий и 5300 самолётов. Советские войска превосходили соперника по численности в два раза, по артиллерии и самолётам – в четыре раза и по танкам – в шесть раз. Мощный советский удар застал германское командование врасплох. Красная Армия наступала практически непрерывно в течение двух месяцев на глубину до 500-600 км. Потери вермахта убитыми за три летних месяца насчитывали 589000 чел., с советской стороны – до 150000. Операцию «Багратион» специалисты называют выдающимся достижением. В результате группа армий «Центр» была разгромлена, а сохранившиеся части немецкое командование передислоцировало на территорию Чехословакии (Великая Отечественная война... 2013). Главкомандующим этих войск в январе 1945 г. А. Гитлер назначил Ф. Шернера, которому в начале апреля присвоил ранг генерал-фельдмаршала.

Убеждённый нацист, Шернер до конца оставался преданным фюреру. Несмотря на все жестокости войны, о нём ходила дурная слава. Он беспощадно расправлялся со своими собственными солдатами и офицерами за малейшие проступки и нарушения дисциплины. Он неустанно призывал к непримиримости по отношению к «русским», и даже в конце войны хвалил своих подчинённых, если они отказывались брать пленных (Streit 2004: 89-90). В его следственном деле сохранились свидетельства очевидцев и участников массовых расстрелов, организованных генералом на Восточном фронте. Хотя сам он и не стрелял, но внимательно наблюдал за «процессом» (Вермахт на советско-германском фронте... 2011)¹. Как ни странно, советская «фемида» оказалась к нему благосклонна. Его приговорили к 25 годам заключения, но в 1955 г., по соглашению с правительством ФРГ, передали немецким властям².

Советские армии приступили к освобождению Чехословакии в сентябре 1944 г. Бои продолжались более семи месяцев и закончились только в середине мая 1945 г. До конца апреля 1945 г. основные сражения происходили в западных Карпатах, на территории Словакии и Моравско-Оставского укрепленного района. Из-за сложного рельефа местности и упорного сопротивления противника эти операции завершились только 5 мая 1945 г.

¹ В книге опубликована лишь небольшая часть следственных материалов.

² Однако приём на родине не был тёплым. Уже германский суд приговорил его к тюремному заключению на 4,5 г. за жестокие приговоры в отношении солдат вермахта. В германской историографии до сих пор находит спрос героическая версия жизнедеятельности Шернера. См. (Kaltenegger 1994).

После взятия Берлина советское командование планировало в любом случае окружить и уничтожить группировку «Центр», в которой насчитывалось около 870 тыс. солдат и офицеров. 1 и 2 мая командующие первым и вторым Украинскими фронтами получили соответствующие директивы Ставки ВГК за подписью И.В. Сталина и А.И. Антонова. Вся операция предполагалась завершить не позднее 12-14 мая. Однако стремительное развитие событий в Праге заставило Ставку ВГК и Генштаб поменять планы и действовать быстрее, чем предполагалось (Русский архив... 1999: 233, 236).

В исторической литературе до сих пор продолжают споры об инициаторах восстания, его подготовки, а также о согласованности действий с армиями союзников. Отрывочные и часто противоречивые свидетельства современников, отсутствие необходимых документов не дают возможности полностью ответить на все вопросы. Однако многие авторы сходятся во мнении, что конфликт между оккупантами и чехами был неизбежен. Восстание готовили разные политические силы, которые намеривались воспользоваться приближением союзников (в первую очередь – американцев) для захвата власти. 5 мая после призывов к населению и первых успешных действий по занятию некоторых государственных учреждений и изоляции небольших германских частей, быстро выяснилось, что у восставших не хватает вооружения и сил для полного контроля над городом.

Точных данных о количестве восставших нет. В литературе приводятся цифры от 6000 до 30000 чел. Поскольку оружия было мало, скорее всего, верны меньшие числа. Убедительных данных о немецком воинском контингенте в Праге тоже нет. Приблизительные оценки – от 4000 до 8000 солдат и офицеров, которым могло помочь предположительно такое же количество войск, размещённых в окрестностях столицы или близлежащих селах. Причём речь идёт о разрозненных формированиях различной подчиненности (вермахт, СС, полиция, ВВС, ПВО, строительные части и пр.). Во время переговоров германское командование пугало пражан «многими дивизиями», которые готовы «в любой момент» подавить восстание, но это был блеф. Таких сил у немцев не имелось в наличии. Тем не менее, реальной обстановки вокруг Праги никто не знал.

В 1968 г. события, связанные с восстанием, стали предметом политических споров в Чехословакии. В связи с этим Военно-научному управлению Генерального штаба Советской Армии поручили изыскать материалы по теме в архивах Министерства обороны. Итогом работы стал объёмистый том документов, в том числе и на языке оригинала (фотокопии). Они существенно дополняют наши знания о происшедшем в мае 1945 г.³ Дело открывается антикоммуни-

³ Ещё больше материалов содержится в фондах соответствующих армий (4-я Гвардейская танковая армия, 3-я Гвардейская танковая армия и пр.), хранящихся в Центральном архиве Министерства обороны (ЦАМО). Часть материалов была получена советскими военными из Праги. Указанный том документов с фотокопиями и переводами на русский язык был в октябре 1968 г. направлен в адрес начальника Военно-научного управления генерал-полковника К.Ф. Скоробогаткина. См.: ЦАМО. Ф. 113. Оп. 1449. Д. 11.

стической листовкой, которая рассылалась накануне восстания по столичным организациям от имени какого-то «национального комитета». Судя по пометам, ещё в 1945 г. советские контрразведчики пытались установить авторов, но безуспешно⁴. Уже 5 мая в 22:00 состоялись переговоры между немецкими властями и представителями восставших (члены «Национального совета», взявшего на себя функции временного органа чешской власти). Глава Протектората, обергруппенфюрер СС Карл Франк отказался встречаться с чехами. Их принял в здании службы безопасности начальник СД и гестапо Вейманн. Он действовал напористо и сразу заявил, что для германского командования принципиально важно продолжать борьбу с большевизмом, и восставшие не должны этому мешать. В противном случае, они будут уничтожены. Переговоры продолжались до 1:45 утра 6 мая. При этом представители «Национального совета» вели себя весьма миролюбиво и старались ничем не оскорбить германских чиновников. Никаких документов не подписали, но устно договорились о перемирии на 48 часов. За это время эсэсовец обещал дать ответ Франка⁵. Однако ни немцы, ни чешские лидеры до конца не контролировали ситуацию и свои собственные части. Перестрелки вспыхивали в разных частях города, и каждая из сторон обвиняла другую в нарушении перемирия. Судя по всему, фашисты пытались прояснить ситуацию и просто тянули время. У историков нет каких-либо достоверных свидетельств, что 6 или 7 мая германское командование обсуждало условия взаимоотношений с восставшими.

Впрочем, лидеры повстанцев не теряли время. Весь день 5 и 6 мая чешское радио регулярно рассылало на английском и русском языках призывы о помощи. В них рисовалась мрачная картина близкой гибели, что будто бы столица со всех сторон окружена танками, вот-вот «начнется немецкое генеральное наступление», и что самостоятельно восставшие не продержатся. Почти все радиопослания заканчивались словами «спасите», «помогите»⁶. Эта информация была незамедлительно доложена советскому верховному командованию в тот же день, 5 мая. А 6 мая в 15:00 генерал Х. Пика⁷, глава чехословацкой военной миссии в Москве, приехал в советский Генеральный штаб и официально уведомил начальника штаба А.И. Антонова о восстании в Праге и запросил срочной помощи⁸. Пика не знал, что 1-й Украинский фронт под командованием маршала И.С. Конева уже перешёл в наступление по всему фронту ранним утром 6 мая⁹.

⁴ Там же. Л. 2. В листовке утверждалось, что «Советская Россия творит ту же политику, что и немцы». Поэтому чехи должны ориентироваться исключительно на Америку и Англию. В листовке упоминался вымышленный персонаж – некий «генерал Црхал».

⁵ К моменту окончания срока им же назначенного перемирия местонахождение Вейманна было уже неизвестно.

⁶ До настоящего времени неизвестны фамилии лиц, стоявших за этими призывами (кто писал тексты, по чьему конкретному указанию они рассылались и пр.).

⁷ Х. Пика (Heliodor Pika) стал жертвой политических репрессий в послевоенной Чехословакии. По ложным обвинениям был осуждён и казнён 21 июня 1949 г.

⁸ ЦАМО. Ф. 113. Оп. 1449. Д. 11. Л. 38-39.

⁹ Изначально и независимо от восстания наступление планировали 7 мая. Его детали окончательно были утверждены в штабе Конева 4 мая. Однако после вестей из Праги Ставка ВГК приказала начать наступление на сутки раньше.

Одновременно с юго-востока начинал наступление 2-й Украинский фронт маршала Р.Я. Малиновского, а 4-й Украинский фронт под командованием А.И. Еременко уже громил группировку Ф. Шернера с севера. Подвижные группы 60-й и 32-й армии 4-го Украинского фронта 7 мая также устремились на Прагу. Детали этой последней военной операции скрывались от чехословацких властей и англо-американцев. Главная цель – не дать командованию группы армий «Центр» понять замысел советских планов по окружению и уничтожению германских войск в Чехословакии¹⁰. Если Шернер мог предвидеть наступление войск Еременко и Малиновского, то мощный удар 1-го Украинского фронта из Германии оказался для него неприятным сюрпризом. Конев ввёл в бой сразу общевойсковые и танковые армии. Всего на Чехословакию в составе 1-го Украинского фронта наступало 1600 танков при поддержке 2250 самолетов, 5680 орудий и минометов. При поддержке 2-го и 4-го Украинских фронтов войска Конева рассекали всю Чехословакию и сжимали кольцо окружения, не давая немцам сдать западным союзникам (Конев 1970: 232-236)¹¹.

Американцы также получили чешские телеграммы и радиопризывы. Однако ещё до восстания союзники договорились о демаркационной линии в Чехословакии, хотя У. Черчилль и пытался убедить американцев продвинуться «глубже» и по возможности первыми вступить в Прагу. Он считал, что таким образом удастся навязать Советам свою волю. К неудовольствию британского премьера, американские военные отвергли его политические амбиции. Черчилль не успокоился и попытался «надавить», обратившись 30 апреля с письмом напрямую к Г. Трумэну. Но американский президент поддержал Д. Эйзенхауэра, который уже сообщил начальнику советского Генерального штаба генералу А.И. Антонову о соблюдении территориальных договоренностей. Вместе с тем, убедившись в быстром продвижении своих войск и слабом сопротивлении немцев, Эйзенхауэр уже сам 5 мая «намекнул» Антонову о готовности «помочь» в Чехословакии, на что получил быстрый и холодный ответ. Антонов попросил не нарушать достигнутое соглашение, напомнив об аналогичных просьбах США по поводу продвижения советских армий в северной Германии (Gilbert 1986: 1302-1303, 1309-1310, 1322, 1330; Erickson 1983). Появление американских войск в Праге ни как не входило в планы Москвы. Американцам дали недвусмысленно понять, что «необходимости в такой помощи нет» (Erickson 1983: 223; Великая Отечественная война... 2013b: 375)¹². Во второй половине дня 8 мая начальник штаба военной миссии при посольстве США в Москве бригадный генерал Ф.Н. Робертс передал в Генштаб вежливое послание Эйзенхауэра. В нём сооб-

¹⁰ 22 апреля А. Гитлер в Имперской канцелярии в Берлине встречался с фельдмаршалом Ф. Шернером, командующим группой армий «Центр». Фюрер категорически требовал удерживать Чехословакию, поскольку ее материальная база необходима для дальнейшего сопротивления. См. допросы Шернера в советском плену (Вермахт на советско-германском фронте... 2011: 415-416).

¹¹ Разумеется, не все эти силы дошли до Праги, но они хорошо иллюстрируют мощь советского удара.

¹² Заявление И.С. Конева командующему американской группой армий О. Брэдли.

щалося о чешском восстании, о незыблемости демаркационной линии и подчёркивалось, что его авиационные и наземные войска «не предпринимают никаких действий». Робертс приписал от себя, что препровождает эту информацию Антонову «для принятия таких действий, какие сочтете необходимыми»¹³. К моменту, когда американское послание перевели в Генштабе¹⁴, советские танки уже стояли в Праге, и вопрос отпал сам собой. Однако до этого в пражские события вмешалась дивизия власовцев. Как они там оказались и какова их роль?

Аббревиатура РОА – Русская освободительная армия – до осени 1944 г. использовалась нацистами в пропаганде против неуступчивого советского противника. Никаких войск РОА до конца 1944 г. не существовало. Этому противился лично А. Гитлер. Он считал, что если «русским» дать оружие, то они в удобную минуту повернут его против немцев. Как ни парадоксально, но в итоге фюрер оказался прав. Тем не менее, по мере ухудшения положения на фронте нацисты стали хвататься за идею пособнических формирований, как за соломинку, которая поможет выжить. Объединяющей фигурой проекта РОА стал пленённый генерал-лейтенант А.А. Власов. В августе 1942 г. он согласился сотрудничать со службой пропаганды вермахта и после этого настойчиво предлагал свои услуги. Немцы возили Власова по оккупированным территориям, где на беседах с местными жителями он должен был разъяснять будущее «новой России». Однако во время этих встреч Власов осмелился затронуть тему самобытности русских, их право на самоопределение и партнёрские отношения с рейхом. Такие заявления возмутили берлинские власти. Войну против «расово неполноценных народов» нацисты вели не для того, чтобы сделать их более счастливыми. Поэтому словесную активность генерала быстро пресекли, а его передвижения резко ограничили. Это сильно удручало Власова. Приставленный к нему офицер СД полагал, что генерал находился на грани депрессии. Он постоянно добивался встречи с Гитлером и даже передал фюреру (в качестве сувенира) свой орден Ленина. Гитлер «подарок» не принял и отказался встречаться с Власовым. Но тот настаивал: «Пусть бы дали даже что-то небольшое, дивизию, например, я бы сумел показать, чего я стою»¹⁵.

Власовцы культивировали идею, что если их вооружить и направить на фронт, то красноармейцы, проникнувшись антикоммунистическими воззрениями «своих», откажутся воевать «за Сталина» и «большевизму придёт конец». После неудавшегося покушения на фюрера в июле 1944 г. в рейхе резко возросло влияние СС, СД и лично рейхсфюрера Г. Гиммлера. Именно в его подчинение перешли осенью 1944 г. почти все военизированные части пособников. Гиммлер предложил Власову организовать две дивизии РОА и на их примере показать

¹³ ЦАМО. Ф. 113. Оп. 1449. Д. 11. Л. 183-184.

¹⁴ Судя по делопроизводственному штампу, письмо перевели и зарегистрировали утром 9 мая.

¹⁵ Военный архив во Фрайбурге (ФРГ). ВА-МА. RH 2/1517, Bl. 220-226. Записка приставленного к Власову сотрудника СД.

возможности его бойцов¹⁶. Первая дивизия под командованием полковника С.К. Буняченко (около 17 тыс. солдат и офицеров) была создана в феврале 1945 г. и в конце марта направлена на Восточный фронт в район южнее Франкфурта-на-Одере. Вторую дивизию (около 12 тыс. чел.) возглавил бывший полковник Красной армии Г.А. Зверев. Её формирование закончилось в середине апреля 1945 г., но в боевых действиях она не участвовала¹⁷.

Столкнувшись на выделенном участке фронта с сильным сопротивлением Красной Армии и «плохим рельефом местности», командир 1-й дивизии С.К. Буняченко самовольно прекратил операцию. Он отказался выполнять приказы немецкого командования, снял дивизию с фронта и маршем направился в Богемию, чтобы там выйти к линии соприкосновения с американцами и сдать-ся им в плен. Напрасно Шернер и другие немецкие командиры пытались уговаривать власовцев, упрекая их в подрыве «боевого братства». Свою измену уже германской присяге власовцы объясняли «необходимостью сохранения сил для будущей борьбы с большевизмом». В районе Праги власовцы оказались случайно именно в момент восстания с 5 по 8 мая. Находившийся при дивизии Власов к пражским событиям отнесся пассивно. Он считал, что вмешиваться не стоит, но и не запретил Буняченко помогать чешскому сопротивлению.

Даже в провласовской литературе события тех дней излагаются весьма противоречиво. Достоверных сведений о контактах Власова и командования первой дивизии с восставшими очень мало (Ауски 1982)¹⁸. Сами чехи пытались дистанцироваться от РОА, заявляя, что те действуют «самостоятельно»¹⁹. В принципе, любому здравомыслящему человеку не трудно было догадаться, что если на танках и машинах власовской дивизии красовались надписи «Смерть Сталину», то с появлением советских войск сотрудничество с такого рода силами привело бы к серьёзным последствиям. Поэтому понятно, почему часть восставших не принимали помощи власовцев и давали им ясно понять, что их дальнейшее присутствие нежелательно. Такое отношение пражан сильно повлияло на морально-психологическое состояние дивизии. Узнав о приближении армии Конева, утром 8 мая власовцы ушли из Праги, где по-прежнему продолжались бои с отдельными немецкими частями. Объективно появление целой дивизии в начале восстания играло на руку сопротивлению. Даже без тесной координации

¹⁶ Власов говорил Гиммлеру о готовности сформировать 10 дивизий. Гиммлер согласился на пять, но после консультаций с фюрером разрешил создать только две.

¹⁷ Подробнее о деятельности А.А. Власова см. (Генерал Власов... 2015).

¹⁸ Это наиболее подробная книга о событиях в Праге, однако важных советских материалов у автора не было. Ауски служил в разведывательном взводе во 2-м полку 1-й дивизии РОА и лично участвовал в пражских событиях. Вся книга написана в крайне благожелательных тонах по отношению к власовцам. См. также отчет о событиях, составленный руководством восставших для президента Чехословакии. ЦАМО. Ф. 113. Оп. 1449. Д. 11. Л. 5-10 (фотокопия на чешском языке и перевод на русский).

¹⁹ ЦАМО. Ф. 113. Оп. 1449. Д. 11. Л. 61-62. Этот вопрос встал во время переговоров с немецким комендантом 8 Мая, который требовал, чтобы власовцы тоже прекратили стрелять. Чехи особо оговорили, что власовцы им не подчиняются и уходят из города.

действий с восставшими власовцы внесли сумятицу в немецкие ряды. В течение двух суток они заняли отдельные кварталы Праги, разоружили некоторые немецкие части, не дали разрушить исторические здания, овладели аэродромом, вступили в бой с немецкими танками и т.д. Рано утром 7 мая Буняченко даже выдвинул ультиматум немецкому коменданту. Предлагал разойтись по домам или «быть переданным англо-американцам», однако к вечеру того же дня он сам же и прекратил боевые действия (Генерал Власов... 2015: 961-962)²⁰.

В мемуарах власовцев, осевших на Западе после войны, пражские события приобрели эпический размах и стали предметом гордости. Именно из этой литературы родилась легенда об «истинных освободителях», а Красной Армии стали приписывать ничтожную роль. Хотя понятно, что одной, даже хорошо укомплектованной дивизии, было просто не под силу освободить столь крупный город. Судя по сохранившемуся дневнику одной из боевых групп повстанцев («Алекс»), чехи учитывали и документировали действия власовцев, но не придавали им существенного значения. Свои надежды они связывали с американскими танками и для них расчищали дороги²¹. Они не знали, что американцы и не собирались наступать. Поэтому появление «других русских», передовых советских частей, оказалось для многих неожиданным. Близкая перспектива советского плена сделала более сговорчивым и германское командование в Праге. Последние переговоры состоялись утром 8 мая. Согласно стенограмме, комендант города генерал Р. Туссен²², пытаясь сохранить лицо, старался действовать с позиции силы. Он витиевато объяснял, как плохо чешские повстанцы влияют на «порядок», что им надо прекратить стрелять в немецких солдат, и лишь тогда, возможно, он отдаст приказ о перемирии. Правда, ему «не хватает полномочий», он не ручается за все войска, некоторые части ему не подчиняются и т.д. Поддавшись давлению, профессор Альберт Пражак, один из представителей «Национального совета», стал оправдываться перед фашистским генералом, что целью восставших вовсе не было «с оружием в руках воевать против немцев», но другие члены «совета» предпочли не развивать эту тему²³. Туссен, создавая иллюзию необходимости согласования своих приказов с вышестоящим начальством, умолчал во время переговоров, что он уже действовал самостоятельно, и мог принимать любые решения. Шернер ещё 7 мая сообщил ему и Франку, что ничем помочь не сможет, а затем связь с Шернером прекратилась²⁴. Туссен настаивал на планомерном выводе войск с оружием в руках в сторону

²⁰ Немцы ультиматум отвергли.

²¹ ЦАМО. Ф. 113. Оп. 1449. Д. 11. Л. 229-250.

²² В документах и литературе фамилия этого генерала транскрибируется по-разному. Немецкое написание – Rudolf Toussaint. Он уже 8 мая бежал к американцам, которые позже выдали его Чехословакии. За военные преступления был приговорён к 25 годам заключения. Освобождён в 1961 г.

²³ ЦАМО. Ф. 113. Оп. 1449. Д. 11. Л. 65. Пражак был историком и после войны преподавал в Карловом университете.

²⁴ Показания К. Франка советским следователям от 13 апреля 1946 г. Шернер 6 мая предложил Франку и Туссену улететь из Праги на его самолёте, но они отказались. Франк также сдался американцам, но был выдан чехам, осуждён к смертной казни, которая состоялась публично 22 мая 1946 г. ЦАМО. Ф. 113. Оп. 1449. Д. 11. Л. 183.

американцев. После непродолжительных дебатов чехи согласились и подписали соответствующий протокол. Однако весть о стремительном приближении советских танков наводила панику на немецкие части. Многие из них бежали, бросая оружие на улицах Праги. Лишь отдельные малочисленные группы, в основном СС, точное число которых до сих пор не установлено, продолжали стрелять.

Первые советские танки достигли окраин Праги около 3 часов утра 9 мая. С их появлением удалось подавить последние очаги сопротивления немцев. К 10 утра стрельба окончательно прекратилась, и пражане вышли на улицы. Ликование было до такой степени бурным, что маршал Конев в течение нескольких часов не мог установить нормальную связь со своими командирами. 10 мая он лично на автомобиле приехал в Прагу, где продолжались торжества в связи с освобождением. Конев назначил генерал-полковника В.Н. Гордова начальником пражского гарнизона и, с санкции И.В. Сталина, приказал доставить в Прагу правительство Чехословакии, в то время находившегося в словацком городе Кошице. В течение двух дней советские войска продолжали двигаться к западной границе и линии разграничения с американцами. Встреча с союзниками произошла 11 мая. Тогда же были взяты в плен многие командиры власовской дивизии, включая самого генерала (Генерал Власов... 2015: 964-966)²⁵.

Мощное наступление трёх советских фронтов по сходящимся направлениям привело к разгрому последней германской группировки и поставило победную точку в войне. Командующий германскими войсками в Чехословакии отказывался капитулировать. Он считал акт о капитуляции «позорным» и настаивал на продолжении войны против «русских». Новое германское правительство во главе с адмиралом К. Деницем отнеслось к поведению Шернера весьма благосклонно. Они просто закрыли глаза на его демонстративное поведение, поскольку оно соответствовало духу их общей стратегии – прекратить военные действия на Западе, а все силы бросить против «русских» (Вермахт на советско-германском фронте... 2011: 424). Однако, уже на третий день советского наступления группа армий «Центр» была полностью дезорганизована, её сопротивление распалось на отдельные очаги. 8 мая 1945 г. советские танкисты разбили штабную группу Шернера. В результате он окончательно утратил контроль над своими частями. Фельдмаршал, который ещё недавно расстреливал собственных солдат за нежелание гибнуть в бессмысленной войне, предал свою армию (Citino 2017: 468-471). Он переоделся в гражданскую одежду и утром 9 мая улетел в Австрию. Там он сдался в плен к американцам, а те, после интенсивных допросов, 27 мая выдали его советским властям.

Скоординированные действия советских войск не предоставили немецкому командованию возможности сосредоточиться на подавлении восстания в Пра-

²⁵ Донесение о пленении Власова.

ге. Действительно, штурм или битвы за чешскую столицу не было, она избежала существенных разрушений²⁶. Но если бы нацисты захотели драться в Праге, сделав из неё один из опорных пунктов, то штурм бы состоялся, и результат его оказался бы однозначным. Вхождение советских танков в Прагу и ликование чехов стали символом окончания войны в Европе.

Соорудив памятник маршалу И.С. Коневу в 1980 г., власти Праги действовали по своему разумению, их никто к этому не принуждал. Снос и частичное разрушение монумента в 2020 г. имеют далёкое отношение к собственно истории вопроса. Это проблема внутривластной жизни современной Чехии, где оппоненты России, пытаются свалить на «русских» грехи собственных политиков. Под это и подводятся сюжеты со сносом памятников, власовцами, освобождением Праги пр. Причём, очень часто это увязывается с событиями 1968 г., к которым современное российское руководство не имеет никакого отношения. Конечно, есть в этом и элемент фрондерства и саморекламы. Но как бы ситуация ни развивалась, какие бы трения и споры ни возникали, нельзя отрицать исторический факт, что Чехословакию от нацистов освободила Красная армия. В тяжёлых боях погибло более 140 тыс. солдат и офицеров.

Почему же советские власти, имея на руках важные документы о Пражском восстании, отказались обнародовать их в конце 60-х гг.? Вероятно, сказалась нежелательность темы коллаборационизма и роли пособников. Особенно, допущения возможности, что некоторые из них могли переосмыслить свои поступки и действовали из патриотических соображений. Сыграла свою роль и противоречивость самого восстания. Ряд чешских лидеров не испытывали, мягко выражаясь, тёплых чувств к Советской Армии и коммунистам, и не все действовали так уж решительно против фашистов. Поскольку события в Праге в мае 1945 г. упоминаются почти во всех книгах о войне в Европе, назрела необходимость создания фундаментального труда, основанного на архивах всех вовлеченных сторон.

Об авторе:

Сергей Валерьевич Кудряшов – кандидат исторических наук, научный сотрудник Германского исторического института в Москве. E-mail: Sergey.Kudryashov@dhi-moskau.org

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

²⁶ Маршал А.И. Еременко в своих дневниках (не без доли ревности) пишет, что «никакой Пражской операции по сути дела не было. Эта операция надумана Коневым, чтобы набить себе цену». Однако документы Ставки, Генштаба, указания И.В. Сталина и распоряжения А.И. Антонова говорят об обратном. Тяжёлых боев, как под Будапештом или Кенигсбергом, не случилось, но операция была. Танкисты Еременко вошли в Прагу в 18:00 9 мая 1945 г. Лавры победителей достались другим. См. (Еременко 2013: 336).

Received: May 15, 2020
Accepted: July 02, 2020

Prague, the Victorious May of 1945

S.V. Kudryashov
DOI 10.24833/2071-8160-2020-4-73-80-91

German Historical Institute in Moscow

Abstract: The article deals with complex and controversial issues related to the uprising and liberation of Prague in May 1945. Interpretation of the events became acute and caused lively discussions in connection with the demolition of the monument to Marshal I. V. Konev on April 3, 2020 by the order of the local municipality. The Czech Republic is also discussing the idea of «perpetuating the role of other liberators» of the capital – soldiers of the ROA division, which for two days (May 6-7) provided assistance to the rebels. Using new documents from the Central archive of the Ministry of defense of the Russian Federation, the author draws a conclusion about the limited influence of the Vlasov units. They, indeed, brought confusion to the German ranks, but early in the morning of May 8, they themselves left Prague on a rapid march. After that, fighting and negotiations between the rebels and the German command continued. The article emphasizes that the main goal of the Soviet military operation from 6 to 11 May 1945 was the defeat of the German Army Group Center. The liberation of Prague was only part of a powerful offensive by three Soviet fronts. Heavy battles for Prague did not happen, but the entry of Soviet tanks into the Czech capital and the subsequent jubilation of local residents became a symbol of the end of the war in Europe. The author concludes that the demolition of monuments to Soviet soldiers and commanders is a manifestation of internal political struggle in the countries where it occurs, and the Czech Republic is only one of these examples.

Keywords: World war II, Great Patriotic war, liberation of Europe, Prague, Prague uprising, 1945, collaboration, vlasovtsy, I.S. Konev

About the author:

Sergey V. Kudryashov – Candidate of Historical Sciences, researcher at the German Historical Institute in Moscow. E-mail: Sergey.Kudryashov@dhi-moskau.org

Conflict of interests: The author declares absence of conflict of interests.

References:

- Citino R.M. 2017. *The Wehrmacht's Last Stand. The German Campaigns of 1944-1945*. Lawrence, Kansas.
- Erickson J. 1983. *The Road to Berlin*. Boulder, Colorado. P. 627-640.
- Gilbert M. 1986. *Road to Victory. Winston S. Churchill, 1941-1945*. London.
- Kaltenegger R. 1994. *Schörner: Feldmarschall der letzten Stunde*. München.
- Streit Ch. 2004. *Soviet Prisoners of War in the Hands of Wehrmacht. War of Extermination: The German Military in World War II, 1941-1944*. New York, Oxford.

Auski St. 1982. *Predatel'stvo i izmena. Vojska generala Vlasova v Chekhii* [Treachery and Treason. General Vlasov's Troops in the Czech Republic]. San Francisco. (In Russian)

Eremenko A.I. 2013. *Dnevniky, zapiski, vospominaniya. 1939-1946* [Diaries, Notes, Memoirs. 1939-1946]. Moscow. (In Russian)

General Vlasov: Istoriya predatel'stva [General Vlasov: the Story of Betrayal]. 2015. T. 1. Moscow. (In Russian)

Konev I.S. 1970. *Sorok pyatyj* [Forty-Five]. Moscow. (In Russian)

Russkij arhiv: Velikaya Otechestvennaya. Stavka VGK: Dokumenty i materialy 1944-1945 [Russian Archive: the Great Patriotic War. VGK bid: Documents and materials 1944-1945]. 1999. 16 (5-4). Moscow. (In Russian)

Velikaya Otechestvennaya vojna 1941-1945 godov [The Great Patriotic War of 1941-1945]. 2013a. T. 4. Moscow. (In Russian)

Velikaya Otechestvennaya vojna 1941-1945 godov [The Great Patriotic War of 1941-1945]. 2013b. T. 5. Moscow. (In Russian)

Vermaht na sovetско-germanskom fronte: Sledstvennye i sudebnye materialy iz arhivnyh ugolovnyh del nemeckih voennoplennyyh 1944-1952 [Wehrmacht on the Soviet-German Front: Investigative and Judicial Materials from Archival Criminal Cases of German Prisoners of War 1944-1952]. 2011. Moscow. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Ауски Ст. 1982. *Предательство и измена. Войска генерала Власова в Чехии*. Сан-Франциско.

Великая Отечественная война 1941-1945 годов. 2013a. Т. 4. Москва.

Великая Отечественная война 1941-1945 годов. 2013b. Т. 5. Москва.

Вермахт на советско-германском фронте: Следственные и судебные материалы из архивных уголовных дел немецких военнопленных 1944-1952. 2011. Москва.

Генерал Власов: История предательства. 2015. Т. 1. Москва.

Еременко А.И. 2013. *Дневники, записки, воспоминания. 1939-1946*. Москва.

Конеv И.С. 1970. *Сорок пятый*. Москва.

Русский архив: *Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы 1944-1945*. 1999. 16 (5-4). Москва.

Попытка спасти дружбу, или что делал освободитель Праги в Чехословакии в мае 1968 г.

И.А. Пермяков, С.Г. Антоненко

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ)
Федеральное архивное агентство (Росархив)

Статья предваряет публикацию рассекреченных архивных документов Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ) и Архива внешней политики РФ о пребывании 8–14 мая 1968 г. в Чехословацкой Социалистической Республике делегации советских военачальников во главе с маршалом Советского Союза И.С. Коневым. В августе 2018 г. по инициативе городского совета района Прага-6 на пьедестале памятнику маршалу Коневу были установлены металлические «информационные таблицы», на которых среди прочего утверждалось, что «в 1968 году он лично поддержал проведение информационной разведки перед вторжением войск Варшавского договора в Чехословакию». Эта акция была частью мероприятий по подготовке общественного мнения к ликвидации памятника – шагом, направленным на легитимацию в глазах широкой общественности версии о непосредственной причастности маршала-освободителя к силовому решению чехословацкого кризиса. Как свидетельствуют публикуемые документы, нет ни малейших оснований рассматривать эту поездку в контексте «подготовки вторжения». Внутриполитический кризис в Чехословакии в начале мая ещё не достиг пика (так, знаменитый манифест «Две тысячи слов» будет напечатан лишь 27 июня). Советское руководство во главе с Л.И. Брежневым сохраняли надежду на то, что «чехословацкие товарищи» сумеют справиться с ситуацией, «дадут отпор антисоциалистическим силам». Пребывание советских военачальников имело символическое, культурное значение и было призвано актуализировать память о событиях 1945 г., о жертвах Красной армии и братстве по оружию советских и чехословацких воинов. В крайне нестабильной и запутанной обстановке «Пражской весны» участники делегации стремились прояснить истинное положение дел, общественные настроения в стране. Как признали сами маршалы Конев и Москаленко, «полностью разобраться во всех процессах» они «не имели возможности». Так называемый «сбор разведывательной информации», о котором упоминается в современной чешской прессе, вёлся ими совершенно открытым путём встреч и обмена мнениями с коллегами, выступлений на митингах, общения с трудящимися. Москва предпочитала действовать политическими методами, постепенно переходя к военному давлению (учения «Шумава»). Время жёстких, требований пришло позднее (переговоры в Чиерне-над-Тисой, 29 июля – 1 августа и в Братиславе 3

УДК: 327.88

Поступила в редакцию: 15.06.2020 г.

Принята к публикации: 22.07.2020 г.

августа 1968 г.). Окончательное решение об интервенции было принято советским политическим руководством после многочисленных консультаций с партнёрами по социалистическому лагерю, во многом под влиянием жёсткой позиции первого секретаря ЦК ПОРП В. Гомулки и первого секретаря ЦК СЕПГ В. Ульбрихта.

Ключевые слова: памятник маршалу Коневу, делегация советских военачальников, «Пражская весна», рассекреченные архивы

Публикуемые недавно рассекреченные документы Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ) и Архива внешней политики РФ о пребывании 8–14 мая 1968 г. в Чехословацкой Социалистической Республике делегации советских военачальников во главе с маршалом Советского Союза И.С. Коневым (1897–1973) освещают один из эпизодов многогранных событий 1967–1969 гг. в Чехословакии, известных в историографии под названием «Пражской весны». Делегация была официально направлена на празднование 23-й годовщины освобождения Чехословакии от немецко-фашистских захватчиков. Интерпретация данной поездки как «подготовки к вторжению» в Чехословакию (операция «Дунай», проведённая в августе 1968 г. вооружёнными силами ВНР, ГДР, НРБ, ПНР и СССР) стала основным аргументом тех чешских активистов и политиков, которые на протяжении нескольких лет добивались демонтажа памятника маршалу Коневу в Праге. Бронзовое изображение полководца было торжественно открыто 9 мая 1980 г. на площади Интербригады, в 35-ю годовщину освобождения чешской столицы от гитлеровцев (авторы – чехословацкие скульпторы З. Крыбус и В. Ружичка). Установление памятника стало данью благодарной памяти полководцу, с именем которого связаны блестящие победы над фашизмом. Войска 1-го Украинского фронта под командованием И.С. Конева участвовали в трёх крупнейших стратегических наступательных операциях на завершающем этапе войны – Висло-Одерской, Берлинской и Пражской. Судьба распорядилась так, что именно под началом маршала Конева советскими воинами были одержаны победы, оставшиеся в истории символами гуманистической миссии Красной армии: освобождение от фашистских войск территории Силезского промышленного района, где находился комплекс концентрационных лагерей «Освенцим»; «ювелирное» взятие Кракова, предотвратившее разрушение нацистами древней столицы Польши; спасение шедевров Дрезденской галереи...

В ходе Пражской операции (6–11 мая 1945 г.), последней битвы Великой Отечественной войны, танковые и механизированные соединения 1-го Украинского фронта, идя на помощь восставшей против фашизма Праге, совершили стремительный 350-километровый марш-бросок через труднопроходимые Рудные горы и ранним утром 9 мая вступили в Прагу. Несмотря на «Пражское вос-

стание» (5-9 мая 1945 г.) и капитуляцию Третьего рейха, освобождение столицы Чехословакии отнюдь не было триумфальным шествием для советских войск (Марьина 2005): в ряде районов отступавшие германские части группы армий «Центр» под командованием фельдмаршала Ф. Шёрнера завязали аррьергардные бои¹. Тем не менее, уже к середине дня сопротивление противника было сломлено. Жители города восторженно встречали своих освободителей, дарили им букеты сирени, ставшие символом освобождения Праги от фашистских оккупантов. Именно поэтому освободитель столицы Чехословакии – И.С. Конев – был изваян чешскими мастерами с веткой сирени. Вскоре после окончания боевых действий маршал стал почётным гражданином Праги, в 1946 г. его именем была названа улица в районе Жижков, одна из самых протяжённых в Праге. Монументальная фигура полководца напоминала и о жертвах, принесённых ради свободы народа Чехии в последние дни Второй мировой войны. Безвозвратные людские потери Красной армии и наших союзников (польские, румынские, чехословацкие войска) в ходе Пражской операции составили 11 997 чел.; потери 1-го Украинского фронта, принявшего основную тяжесть боёв – 6384 чел. (Кривошеев и др. 2001: 308).

Проживающий в Чехии историк и политолог Павел Прилуцкий говорит: «Даже после распада СССР в Праге существовал культ маршала Конева. Все признавали его заслуги перед чешской историей. Но после прихода к власти правых партий, особенно благодаря победе на муниципальных выборах Чешской пиратской партии, развернулась антисоветская кампания...»². В чешском обществе насаждалась идея о том, что маршал Конев чуть ли не командовал войсками при проведении военной акции в августе 1968 г.³ По сути, была открыта дорога для всевозможных провокаций, которые стали постоянно совершаться вокруг памятника. При этом ещё в 2017 г. президент Чехии Милош Земан говорил, что с пиететом относится к маршалу Коневу и считает, что памятник ему должен стоять в Праге.

21 августа 2018 г., в 50-ю годовщину ввода войск стран Варшавского договора в Чехословакию, по инициативе городского совета района (городской части)

¹ Одним из первых в город вошёл головной дозор 63-й танковой бригады 10-го гвардейского Уральско-Львовского добровольческого танкового корпуса (легендарная «дивизия чёрных ножей»). Танк под командованием лейтенанта Ивана Григорьевича Гончаренко принял неравный бой с более чем десятью вражескими самоходками у Манесова моста через р. Влтаву. Отважный офицер погиб, но не дал гитлеровцам подорвать мост и тем самым задержать наступление советских войск. 29 июля 1945 г. в Праге в честь советских танкистов был установлен памятник – тяжёлый танк ИС-2. В 1991 г. танк был перекрашен в розовый цвет, на его крыше установлен фаллический символ, а затем памятник демонтирован. В настоящее время «розовый танк» находится в Военно-техническом музее в Лешанах и периодически бывает задействован в различных глумливых акциях-«перформансах».

² Ибрагимов Г. Памятник советскому маршалу рассорил жителей Праги. *РИА Новости*. 18.09.2019. URL:<https://ria.ru/20190918/1558781576.html> (дата обращения 5.08.2020)

³ Так, чешские журналистки Магдалена Чевелова и Мария Колайова из электронного издания AKTUÁLNĚ.CZ пишут, что Конев «известен как освободитель Праги. Но также он участвовал в кровавом подавлении венгерского восстания и Пражской весны». Aktuálně (Чехия): «Мы привыкли к Коневу». *ИноСМИ.RU*. 18.07.2019 [электронный ресурс]. URL:<https://inosmi.ru/social/20190718/245486468.html> (дата обращения 05.08.2020)

Прага-6 на пьедестале монумента на улице Интербригады были установлены металлические «информационные таблицы» (определение чешских властей) со следующим текстом на чешском, английском и русском языках: «Маршал Иван Степанович Конев командовал 1-м Украинским фронтом, силы которого участвовали в завершающем наступлении на Берлин и освободили Северную, Центральную и Восточную Чехию и 9 мая 1945 г. первыми вошли в Прагу. Осенью 1956 г. под его руководством советские войска подавили Венгерское восстание, а в 1961 г. в качестве главнокомандующего группой советских войск в Берлине Конев участвовал в решении Второго берлинского кризиса путем строительства берлинской стены. В 1968 г. он лично поддержал проведение информационной разведки перед вторжением войск Варшавского договора в Чехословакию».

Администрация Праги-6 заручилась официальным письмом директора пражского Военно-исторического института полковника Алеша Книжека. Комментируя текст «информационной таблицы», он не без доли лукавства заключил, что «в нём нет вопиющих исторических неточностей» (*neobsahuje žádné flagrantní historické nepřesnosti*)⁴.

Таким образом, прославленный полководец, совершивший в мае 1968 г. во главе делегации официальный визит, в ходе которого он был принят президентом ЧССР Людвиком Свободой и другими государственными деятелями, приравнивался к заурядному шпиону, собиравшему информацию о противнике. Установка табличек вызвала негативную реакцию дружественно настроенной к России части чешской общественности и российского посольства в Праге. Однако тогда мало кто мог предположить, что эта акция была лишь частью мероприятий по подготовке **общественного мнения к ликвидации памятника** – шагом, направленным на легитимацию в глазах широкой общественности версии о непосредственной причастности маршала-освободителя к силовому решению чехословацкого кризиса. Дискредитация проводилась по всем правилам информационной войны: в одном смысловом ряду, «через запятую» были указаны события, в которых И.С. Конев действовал как военачальник, и его дружественный, политически-представительский визит в Прагу.

Уже 12 сентября 2019 г. совет городской части Прага-6 постановил, что статуя маршала будет снята, «перенесена в музей», а на площади её заменит некий «памятник героям». Решение было принято муниципальными депутатами 33 голосами против одного. Чтобы творимому вандализму придать видимость «культурной акции», спешно 19 ноября 2019 г. (в тридцатилетнюю годовщину т.н. «бархатной революции») властями города Праги принимается решение о создании Музея памяти XX в., первым экспонатом которого как раз и призван стать па-

⁴ Электронный образ письма приводится в материале: Антон Каймаков. Маршал Конев и вторжение 1968 – неперевёрнутая страница истории. *RadioPragueInternational*. 19.06.2018 [электронный ресурс]. URL: <https://ruski.radio.cz/marshal-konev-i-vtorzhenie-1968-neperevernutaya-stranica-istorii-8101111> (дата обращения 05.08.2020)

мятник маршалу Коневу⁵. Демонтаж монумента был проведён 3 апреля 2020 г., во время действия противоэпидемических ограничительных мер. Это обстоятельство, с одной стороны, позволило властям не опасаться общественных протестов, а с другой – дало возможность одному из главных инициаторов акции, старосте района Прага-6 Ондржею Коларжу выступить с издевательским комментарием в сети «Фейсбук»: «У него [маршала Конева] не было маски. Правила одинаковы для всех. Выходить на улицу можно только надев маску или другое средство, прикрывающее рот и нос»⁶. 10 апреля появилось сообщение о том, что Следственным комитетом России было возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 354.1 УК РФ «Осквернение символов воинской славы России, совершенных публично».

14 апреля министр иностранных дел России Сергей Лавров, назвав действия пражского муниципалитета «возмутительными и циничными», обратил внимание на то, что они противоречат принятым на себя Чешской Республикой обязательствам по обеспечению сохранности воинских мемориалов: памятник Коневу состоял в республиканском реестре и аргументы о том, что решение о его сносе – дело муниципального уровня, «конечно, от лукавого»⁷.

Удивительно, но глумление над памятником продолжается и после того, как бронзовую фигуру маршала убрали с площади Интербригады! В июне 2020 г. «в рамках фестиваля уличных скульптур» чешские «художники» Томаш Вранов, Мартина Павелкова и Вацлав Минаржик установили 12 уменьшенных копий снесённого монумента на территории одного из пивных дворики. В рамках этой акции, именуемой «Коневмен», маршал представлен в образах Супермена, Джокера и полусталина-полугитлера... Всё это происходит на пока ещё не переименованной улице Конева (по-чешски – Koněvova)⁸.

Каковы же исторические реалии, на фоне которых состоялся визит советской военной делегации под руководством маршала Конева в Чехословакию в мае 1968 г.?

⁵ Заместитель главы администрации Праги-6 Ян Лацина уже после уничтожения монумента ничтоже сумняшеся заявил в интервью Радио «Свобода»: «Российская сторона крайне эмоционально реагирует на происходящее, я понимаю это, однако Чешская Республика как член Европейского союза оценивает ситуацию иначе. В России было возбуждено дело из-за сноса памятника... Я хочу подчеркнуть, что памятник мы не снесли, мы его переносим в создающийся Музей памяти XX в. Это учреждение, основанное городом Прагой 17 ноября 2019 г. – по случаю 30-летия "бархатной революции". Первым экспонатом музея будет как раз памятник Коневу со всеми табличками, которые были размещены рядом с ним, – как с установленной в 80-е гг., на которой говорится о том, что войска маршала Конева 9 мая 1945 г. спасли Прагу от уничтожения, так и с новой табличкой, сделанной в 2018-м, где написано о причастности маршала к подавлению Венгерского восстания в 1956 г. При переносе памятника мы руководствуемся как чешскими, так и международными законами». Шимов Я. Страсти по Коневу. История, политика и судьба пражского памятника. *Радио Свобода*. 15.04. 2020. URL: <https://www.svoboda.org/a/30553161.html> (дата обращения 5.08.2020)

⁶ <https://www.facebook.com/kolarondrej/photos/a.1463717180328975/3205035992863743/?type=3>; см. также: «У него не было маски»: староста «объяснил» снос памятника Коневу. *РИА Новости*. 4.04.2020. URL: <https://ria.ru/20200404/1569563677.html> (дата обращения 5.08.2020)

⁷ Лавров прокомментировал снос памятника маршалу Коневу в Праге. *РИА Новости*. 14.04.2020 [электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20200414/1570018866.html> (дата обращения 5.08.2020)

⁸ Маршал Конев на улице Коневова в Праге. *Радио Свобода*. 21.06.2020 URL: <https://www.svoboda.org/a/30682951.html> (дата обращения 5.08.2020)

Визит проходил в напряжённой, сложной обстановке т.н. «пражской весны», в процессе которой внутренний, вызревший в самом чехословацком обществе запрос на либерализацию политической системы и дискуссия об обновлении социализма осложнялись влиянием извне.

Стремительные перемены в жизни страны начались после того, как 5 января 1968 г. на посту первого секретаря Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) утратившего авторитет Антонина Новотного сменил инициативный, популярный среди интеллигенции Александр Дубчек⁹. В конце марта Новотный подал в отставку и с поста президента ЧССР, его сменил пользовавшийся большим уважением в чехословацком обществе генерал Людвик Свобода¹⁰. В апреле пленум ЦК КПЧ избрал новый состав секретариата и президиума КПЧ, новым председателем правительства стал Олдржих Черник, председателем Национального собрания – Йозеф Смарковский. При этом необходимо подчеркнуть, что на начальном этапе советское высшее политическое руководство избегало вмешательства во внутривнутриполитические процессы в ЧССР, надеясь, что пользовавшийся доверием Москвы новые политические лидеры Чехословакии – А. Дубчек, Л. Свобода, О. Черник – смогут взять ситуацию под свой контроль (К вопросу о влиянии... 2012; Джалилов 2018).

Начало «пражской весны» ознаменовалось обвальным демократизацией общественной жизни, резким усилением плюралистических тенденций в партийно-политической сфере, обрушением государственной цензуры, разворачиванием бурного обсуждения курса развития страны (Латыш 1998). Как и позднее в ходе перестройки в СССР, расширение пространства свободы в информационной и политической сферах намного опережало продвижение экономических преобразований. Пришедшее к власти реформистское руководство было увлечено окончательным разгромом «догматиков» и «консерваторов» в рядах КПЧ и упускало благоприятный момент для подготовки и представления обществу внятной программы всеобъемлющего обновления. Составленная в январе-феврале «Программа действий КПЧ» («За развитие социалистической демократии») была принята лишь в начале апреля.

Один из идеологов «пражской весны», в 1968 г. – секретарь ЦК КПЧ, Зденек Млынарж, оказавшись в эмиграции, писал в воспоминаниях об этом периоде: «...Из восьми месяцев от январского пленума до советской оккупации в августе первые три прошли почти впустую. За эти три месяца не было сформулировано

⁹ Александр Дубчек (1921-1992), по национальности словак, детство провёл в СССР, в Киргизии, куда его родители, коммунисты-романтики, приехали, чтобы трудиться в промышленном кооперативе «Интергельпо». В 1939 г. вступил в компартию Чехословакии, в годы Второй мировой участвовал в антифашистском Сопротивлении. С 1949 г. на партийной работе; в 1955-1958 гг. учился в Высшей партийной школе в Москве. Рабочее происхождение и давние личные связи с Советским Союзом импонировали Л.И. Брежневу, в неформальных разговорах советский лидер называл Дубчека «Саша».

¹⁰ Участник Первой мировой войны, легионер чехословацкого корпуса в годы Гражданской войны в России и командир 1-го Чехословацкого армейского корпуса – в годы Великой Отечественной, Л. Свобода (1895–1979) сражался с гитлеровцами под началом И.С. Конева.

ни одной новой концепции. Напротив, руководство Чехословацкой компартией колебалось и выжидало, откладывая не только проведение реформ, но и разработку и опубликование их программы... На протяжении целых трёх месяцев партийное руководство решало вопросы, связанные с распределением кресел в верхушке партийного и государственного аппарата, и именно поэтому невозможно было приступить к осуществлению продуманной политики реформ. Общественность же не могла ждать окончания борьбы за кресла министров и секретарей ЦК. Накопившиеся, но не решенные за многие годы проблемы стали обсуждать открыто. Концепции демократической реформы стали разрабатываться вне рамок руководства КПЧ — в печати, по радио и телевидению, на различных встречах и собраниях. Пока не были распределены должности на верхах, все было подчинено борьбе за власть» (Млинарж 1988: 112).

Руководство Советского Союза, а также лидеры коммунистических режимов в восточноевропейских странах восприняли перемены у близкого соседа настороженно. Однако на первых порах преданность А. Дубчека и его окружения коммунистической идее, их лояльность по отношению к Советскому Союзу и партнёрам по социалистическому лагерю под сомнение не ставилась.

Между КПСС и КПЧ продолжались интенсивные контакты, обмены визитами. 29-30 января А. Дубчек посетил Москву, где продолжительное время общался с генеральным секретарём ЦК КПСС Л.И. Брежневым. Менее чем месяц спустя, «по случаю 20-й годовщины победы чехословацких трудящихся над реакцией» Чехословакию посетила делегация КПСС во главе с Л.И. Брежневым. Следующая встреча на высшем уровне состоялась в Софии 6-7 марта в ходе заседания Политического консультативного комитета Варшавского договора.

Как отмечалось в строго секретной информации «О событиях в Чехословакии», разосланной ЦК КПСС руководителям местных парторганизаций в конце марта, во время «обстоятельных бесед» Л.И. Брежнева, А.Н. Косыгина, Н.В. Подгорного с А. Дубчеком «подчёркивалось огромное значение единства рядов КПЧ и особенно её руководящих органов и важность активного осуществления в складывающихся сложных условиях руководящей роли партии в обществе», выражалась «тревога по поводу многих проявлений антисоциалистического характера», говорилось «о необходимости отпора антипартийным выступлениям». «Тов. Дубчек, – подчёркивалось в документе, – во всех случаях твёрдо заявлял, что новое руководство ЦК КПЧ контролирует обстановку и не допустит нежелательного её развития. Однако в последнее время события развиваются в отрицательном направлении».

Среди вызывающих беспокойство советской партийной элиты моментов назывались не только внутренние общественно-политические перемены в ЧССР, но и то, что «безответственными элементами» «подчёркивается необходимость проведения «самостоятельной» внешней политики», «раздаются призывы к... расширению связей с Западом». В документе констатируется, что «империалистические круги пытаются активно воздействовать на ход событий в желатель-

ном для них направлении», а «в КПЧ в настоящее время происходят сложные, порой противоречивые процессы»¹¹.

Как заключает советский и российский дипломат и историк Валерий Мусатов, «советские руководители относились с подозрением к чехословацким реформам, сильно было желание одёрнуть Дубчека, но первоначально и речи не шло о военном вмешательстве. Использовались в основном меры политического и психологического давления, чтобы переубедить Дубчека и Президиум ЦК КПЧ» (Мусатов 2005: 172).

23 марта в Дрездене состоялось совещание руководителей «братских коммунистических партий» Болгарии, Венгрии, Советского Союза, Чехословакии, Польши и ГДР. На этом форуме первый секретарь СЕПГ Вальтер Ульбрихт и первый секретарь ПОРП Владислав Гомулка развернули резкую критику ситуации в соседней стране. Уже как само собой разумеющееся звучало определение «контрреволюция» в Чехословакии». Генеральный секретарь ВСРП Янош Кадар высказался более витиевато: «процесс, который мы наблюдаем, то, что мы видим и слышим, и то, что мы сегодня ещё не видим – позвольте мне это объяснить – этот процесс чрезвычайно похож на пролог венгерской контрреволюции в то время, когда она ещё не была контрреволюцией»¹².

Речь советского лидера Л.И. Брежнева была выдержана в спокойных тонах. Подытоживая, он заметил: «Мы хотим вам по-дружески сказать: мы всё ещё убеждены в том, что можно изменить ситуацию, что можно нанести удар контрреволюции. Но для этого надо иметь волю, а также мужество... Мы готовы оказать вам моральную, политическую и демократическую помощь». По словам генерального секретаря ЦК КПСС, несмотря ни на что, братские компартии не могут «остаться безучастными по отношению к развитию [ситуации] в Чехословакии. Мы связаны друг с другом узами дружбы, обязательствами международного характера, безопасностью социалистических стран, безопасностью наших государств» (Пражская весна... 2008b: 444).

После дрезденской встречи обстановка в Чехословакии продолжала обостряться. Антикоммунистическое движение росло численно, структурно оформлялось и радикализировалось. Так, 31 марта 1968 г. в Праге был учреждён «Клуб-231», получивший своё название по номеру статьи Конституционного закона о защите республики (согласно этому акту после февраля 1948 г. каралась «антигосударственная и контрреволюционная деятельность»). Организация объединила правых деятелей, которые не считали более необходимым выступать под знамёнами «демократического социализма», а открыто говорили о необходимости оттеснения коммунистов от власти. С подобными же программными заявлениями выступали деятели созданного 5 апреля «Клуба беспартийных активистов»... Резонансным стало выступление писателей

¹¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 157. Л. 15-19 в (Пражская весна... 2008a: 160, 162).

¹² SAPMO-BA.DY.30/11834.S.1-223 в (Пражская весна... 2008a: 451-452)

Э. Гольдштюкера и Я. Прохазки 26 апреля в Доме чехословацкой армии в Праге: кумиры либеральной интеллигенции подвергли резкой критике весь путь развития страны после февраля 1948 г.

Москва наблюдала за происходившим в Чехословакии с нарастающим беспокойством. Тревогу вызывали как размывание идеологических ориентиров чехословацкого общества, так и проявления откровенно антисоветских настроений, опасность выпадения ключевого звена оборонной системы Варшавского договора. Картину фактически начавшегося демонтажа социализма в ЧСССР рисует информация «О событиях в Чехословакии», разосланная ЦК КПСС партактиву в начале мая. О визите в Москву чехословацкого руководства 4 мая в документе сообщается следующим образом: «Выступления чехословацких товарищей на этой встрече показали, что они не дают надлежащей оценки большой опасности, связанной с активизацией антисоциалистических сил»¹³. Из документа следует, что советское руководство различало позиции А. Дубчека, О. Черника, Й. Смирковского, которые «не дают надлежащей оценки большой опасности», и В. Биляка (первого секретаря ЦК Компартии Словакии), признающего необходимость «принятия срочных и решительных мер для отпора антисоциалистическим силам»¹⁴. Вообще, поиск «здоровых сил» в чехословацком руководстве был предметом особой заботы и внимания Москвы – он продолжался вплоть до августа 1968 г., когда, накануне ввода войск, разрабатывался проект создания альтернативного «Революционного правительства» ЧССР во главе с консервативным, неосталинистски настроенным партийным деятелем Алоисом Индрой.

Тем не менее, как следует из документов марта – мая 1968 г., речь о вооружённой интервенции в Чехословакию, силовой ликвидации «пражской весны» ещё не велась. Характеризуя обстановку в весенние месяцы, Валерий Мусатов пишет: «в течение марта – мая советские лидеры ещё действовали главным образом политическими методами, пытаясь «образумить» Дубчека, заострить его внимание на опасности действий антисоциалистических сил. Применялись меры идеологического, дипломатического и военного давления, причём как коллективные, так и только советские» (Мусатов 2005: 181).

Именно в ряду подобных мер – которые, впрочем, в контексте политической культуры мирового коммунистического движения можно охарактеризовать не как «давление», а как «товарищеское воздействие»¹⁵ – можно рассматривать визит делегации советских военачальников в Чехословакию в начале мая. Причём эта была наиболее мягкая форма воздействия, связанная не с прямыми военными демонстрациями и рекогносцировками, а с актуализацией символического

¹³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 168. Л. 91–97 в *Чехословацкий кризис...* 2010: 74).

¹⁴ Там же.

¹⁵ О значении «культурной дипломатии» как инструмента советской внешней политики см. (Советская культурная дипломатия... 2018)

наследия «чехословацко-советской дружбы, скреплённой кровью», с апелляцией к памяти о совместной борьбе с нацизмом, об освобождении Чехословакии. Отметим, что в те же дни развернулась подготовка к масштабным командно-штабным учениям вооружённых сил стран Варшавского договора «Шумава», которые прошли 20-30 июня 1968 г. на территории Польши, Чехословакии и СССР. Руководили этими действиями маршалы А.А. Гречко (министр обороны СССР) и И.И. Якубовский (главнокомандующий вооружёнными силами стран ОВД).

Маршал И.С. Конев с июня 1960 г. состоял в группе генеральных инспекторов Министерства обороны СССР – должность во многом номинально-почётная. Однако старый полководец отнюдь не был чисто церемониальной фигурой: из своего спокойного инспекторского бытия он был вытребован для решения серьёзнейших военно-политических задач в период Берлинского кризиса. Со своей миссией на посту командующего Группой советских войск в Германии (август 1961 – апрель 1962 гг.) Иван Степанович справился блестяще. Очевидно, в Политбюро предполагали, что поездка группы прославленных военачальников в Прагу способна остудить горячие головы наиболее рьяных сторонников немедленного демонтажа социализма и, в то же время, ободрить «здоровые силы».

На заседании Политбюро 6 мая впервые было озвучено решение о направлении в ЧССР военной делегации: «Сегодня на Военном Совете, – информировал товарищей Л.И. Брежнев, – мы рассмотрели вопросы, у нас обсуждались уже конкретные планы о наших практических мерах в связи со сложившейся обстановкой. Первым нашим шагом было: мы сообщили им предложение послать 20-25 наших маршалов и генералов во главе с маршалом Коневым и Москаленко на празднование Дня Победы... Мы также обсудили целый ряд других мер, о которых я скажу несколько позже» (цит. по: Пихоя 1994: 14). Отметим, что не предполагалось, что Конев будет единолично руководить группой советских гостей – вместе с ним называется имя заместителя министра обороны СССР Кирилла Семёновича Москаленко.

Делегация была оперативно сформирована в соответствии с принципами аппаратной работы. 7 мая Секретариатом ЦК КПСС было принято Постановление «принять предложение Министерства обороны СССР и Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота» о направлении в ЧССР советской военной делегации¹⁶.

8 мая в Москве состоялась встреча лидеров СССР, ПНР, ГДР, НРБ и ВНР, на которой положение в Чехословакии обсуждалось уже без участия представителей этой страны¹⁷. На встрече проговаривались военно-стратегические аспекты

¹⁶ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 19. Д. 104. Л. 151.

¹⁷ Чехословацкое руководство было встревожено тем, что фактически за его спиной проводилось обсуждение положения в ЧССР. 26 мая Брежнев направил Дубчеку успокаивающее послание, в котором выразил полное доверие пражскому коллеге по «борьбе за общие цели – за социализм, за мир на земле, за торжество всепобеждающих идей марксизма-ленинизма». См.: (Чехословацкий кризис... 2010: 80).

кризиса. «Как же мы можем быть спокойными в отношении этих явлений, – исторически вопрошал Л.И. Брежнев. – Разве вы не знаете, сказали мы чехословацким товарищам, что по ту сторону чехословацкой границы в ФРГ стоит 21 дивизия НАТО, в том числе два полных американских корпуса, а перед ними с чехословацкой стороны – открытый путь. Ведь это же тыл ГДР, тыл Польши, угроза безопасности Советского Союза»¹⁸. А ведь тогда ФРГ ещё продолжала уклоняться от признания послевоенных восточных границ Германии, и разговоры о «западногерманском реваншизме» были отнюдь не пустыми.

Однако, вопреки мнению некоторых авторов, в ходе совещания 8 мая вопрос стоял не о вводе войск в ЧССР с целью кардинальным образом изменить внутривосточную ситуацию в стране, а о совместных манёврах, способных, если использовать принятую коммунистическими лидерами фразеологию, «обуздать силы внутренней и внешней реакции». Брежнев сообщил товарищам о том, что удалось «конкретно сделать в последние дни»: он говорит о направлении в Прагу «большой военной делегации» во главе с И.С. Коневым и К.С. Москаленко, подготовке публикаций, разоблачающих «антисоциалистические разглагольствования» и «провокационные домыслы». Несколько раз, беря слово во время обсуждения, Брежнев возвращается к теме предстоящих учений. Очевидно, на них возлагались особые надежды: манёвры были призваны «встряхнуть» чехословацкую армию, которая «в значительной мере дезорганизована»: «это... помогло бы нам восстановить дисциплину, продемонстрировало бы дружбу армий братских стран и послужило бы определённым предупреждением силам контрреволюции» (Пражская весна... 2008с: 520).

Таким образом, при всей значимости поездки военачальников в Чехословакию, ей отводилась в планах Политбюро всё-таки вспомогательная роль – в большей степени гуманитарно-символическая и культурно-пропагандистская. Об этом свидетельствует и особый, ветеранский состав делегации. В записке по персональному составу группы, направляемой в ЧССР, за подписью зав. Отделом административных органов ЦК КПСС Н. Савинкина, поддерживалось предложение «включить в состав советской военной делегации... генералов и офицеров, участвовавших в боях за освобождение Чехословакии»¹⁹. Всего в ЧССР отправилось 8 мая 26 военачальников чином не ниже подполковника, разделённых на три группы: одной (10 человек) руководил непосредственно маршал И.С. Конев, другой (11 человек) – маршал К.С. Москаленко, третьей, самой малочисленной (5 человек) – генерал-лейтенант Запорожченко.

Роль маршала Конева в этой поездке была особой ещё и потому, что ему предстояло передать поздравления советского правительства своему сослужив-

¹⁸ Запись беседы руководителей ЦК КПСС с руководителями социалистических партий Болгарии, Венгрии, Германии, Польши. 8 мая 1968 г. Цит. по (Пражская весна... 2008с: 520)

¹⁹ РГАН. Ф. 4. Оп. 20 Д. 363. Л. 9-13.

цу Людвигу Свободе. Именно Конев, отметивший «высокие морально-боевые качества» чешского бригадного генерала, назначил его 10 сентября 1944 г. командиром 1-го Чехословацкого армейского корпуса вместо не справившегося с командованием Я. Картохвила. Это были дни Карпатско-Дуклинской операции, штурма карпатских перевалов – восточных «ворот» Чехословакии.

Иван Степанович вспоминал об отваге своего подчинённого: «Сам командир генерал Л. Свобода показывал подчиненным пример в управлении боем, находясь непосредственно в боевых порядках передовых подразделений пехоты. Его презрение к опасности и храбрость вынудили меня сказать ему, что он напрасно так часто появляется в боевых порядках, и просил его все-таки не превращаться в рядового автоматчика даже в критические моменты боя, так как он нам дорог и нужен как командир корпуса» (Конев 1972: 318-319).

Перипетии поездки советских военачальников в Чехословакию подробно изложены в публикуемых документах. Обратим внимание лишь на несколько моментов. Делегации первоначально была предложена программа, рассчитанная лишь на два дня и включавшая исключительно торжественные протокольные мероприятия. И лишь после того, как на прощальном обеде 10 мая И.С. Конев выразил министру обороны ЧССР Мартину Дзурусове недопонимание «слишком узким использованием» потенциала делегации, а до А. Дубчека было донесено «огорчение» Л.И. Брежнева, лидер чехословацких коммунистов пригласил гостей задержаться ещё на несколько дней. В течение 11-14 мая оставшаяся часть делегации посетила более десятка городов, активно общалась с рабочими, служащими, военными.

В своём отчёте ЦК КПСС от 16 мая 1968 г. маршалы Конев и Москаленко отмечают «хорошее, тёплое отношение» к СССР и Советской армии большинства трудящихся и военнослужащих. Нет оснований подозревать военачальников в стремлении ввести родную партию в заблуждение. Очевидно, немалая часть чехословацкого общества (особенно те, кто помнил времена «протектората» и был связан с антифашистской борьбой) дорожила дружбой с Советским Союзом и тяготилась затянувшимся временем дискуссий и неопределённости.

Настроения этой части общества выразил Л. Свобода в ответной речи после принятия поздравлений от И.С. Конева. Говоря о помощи СССР Чехословакии, президент подчеркнул: «наш народ никогда этого не забудет, а если забудет, то погибнет». Печально, что сегодня в Праге не чтят этот завет генерала-патриота... Впрочем, уже тогда, в 1968-м, во время выступлений И.С. Конева и Л. Свободы на митинге в пражском парке имени Ю. Фучика, микрофон вдруг «отказывал» в те моменты, когда собратья по оружию говорили об уроках Второй мировой войны. Уже тогда, как об этом сообщал в своей шифротелеграмме от 9 мая 1968 г. посол Советского Союза С.В. Червоненко, «чехословацкая центральная печать использовала 9 мая для принижения роли Советского Союза в освобождении Чехословакии, преувеличенно подчёркивала роль пражского

восстания в мае 1945 г. в освобождении Праги и роль американских войск в освобождении западных районов ЧССР»²⁰.

В целом, делегация военачальников восприняла ситуацию в Чехословакии скорее с надеждой («положение... в последнее время несколько нормализуется»). В сухих строках отчёта двух маршалов сквозит неподдельная, искренняя боль и тревога за происходящее у друзей; вера в то, что откровенный разговор с простыми людьми способен переломить фатальный ход событий.

Поездка советской военной делегации в Чехословакию 8-14 мая 1968 г. была дружественной военно-дипломатической миссией, основной задачей которой являлась поддержка «здоровых сил» во власти и обществе ЧССР. Пребывание советских военачальников, имело кроме того, символическое, культурное, значение и было призвано актуализировать память о событиях 1945 года, о жертвах Красной армии и братстве по оружию советских и чехословацких воинов. В крайне нестабильной и запутанной обстановке «пражской весны» участники делегации стремились прояснить истинное положение дел, общественные настроения в стране. Как признали сами маршалы Конев и Москаленко, «полностью разобраться во всех процессах» они «не имели возможности». Так называемый «сбор разведывательной информации», о котором упоминается в современной чешской прессе, вёлся ими совершенно открытым путём встреч и обмена мнениями с коллегами, выступлений на митингах, общения с трудящимися. Чешский историк Станислав Кокошка (научный сотрудник Института современной истории чешской Академии наук, автор книги «Прага в мае 1945 г.») признаёт: «Можно сказать, что они зондировали атмосферу в обществе, но вряд ли речь шла о сборе разведывательной информации военного характера. Для этого СССР тогда использовал другие средства и других людей»²¹.

Как свидетельствуют документы, нет ни малейших оснований рассматривать эту поездку в контексте «подготовки вторжения». Внутриполитический кризис в Чехословакии в начале мая ещё не достиг пика (так знаменитый манифест «Две тысячи слов» будет напечатан лишь 27 июня). Советское руководство во главе с Л.И. Брежневым сохраняли надежду на то, что «чехословацкие товарищи» сумеют справиться с ситуацией, «дадут отпор антисоциалистическим силам». Москва предпочитала действовать политическими методами, постепенно переходя к военному давлению (учения «Шумава»). Время жёстких, требований пришло позднее (переговоры в Чиерне-над-Тисой, 29 июля – 1 августа и в Братиславе 3 августа 1968 г.). При этом отметим, что окончательное решение об интервенции было принято советским политическим руководством после многочисленных консультаций с партнёрами по социалистическому лаге-

²⁰ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 58. П. 123. Д. 568. Л. 81.

²¹ Шимов Я. Страсти по Коневу. История, политика и судьба пражского памятника. *Радио Свобода*. 15.04. 2020. URL: <https://www.svoboda.org/a/30553161.html> (дата обращения 5.08.2020)

рю, во многом под влиянием жесткой позиции первого секретаря ЦК ПОРПВ. Гомулки и первого секретаря ЦК СЕПГ В. Ульбрихта (Латыш 1998).

В 2018 г., комментируя тему поездки в Прагу маршала Конева с соратниками по оружию, сотрудник чешского Института документирования и расследования преступлений коммунизма, историк Даниэл Поволны говорил о том, что рапорт Конева и другие материалы о визите «до сих пор недоступны»: «вопрос, какую реальную роль эти донесения сыграли. Далее можно только заниматься предположениями, так как соответствующие военные документы... никому не посчастливилось изучать. До тех пор пока российская сторона не опубликует необходимые материалы, не может утверждать, что, как написано, не шло о «патронировании разведывательной деятельности»²². Что ж, теперь, после публикации рассекреченных документов, не только профессионал-историк, но и каждый непредвзятый читатель может составить себе представление о той майской миссии в Прагу – быть может, одной из последних искренних попыток спасти дружбу между СССР и Чехословакией.

Об авторах:

Игорь Альбертович Пермяков – кандидат исторических наук, директор Российского государственного архива новейшей истории, 115035, Москва, Софийская набережная, д. 34, стр. 1. E-mail: rgani@gov.ru

Сергей Георгиевич Антоненко – консультант Федерального архивного агентства. 115035, г. Москва, Софийская наб., д. 34, стр. 1. E-mail: Antonenko_SG@gov.ru

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Received: June 15, 2020
Accepted: July 22, 2020

Attempt to Save Friendship, or What the Liberator of Prague Did in Czechoslovakia in May 1968

I.A. Permyakov, S.G. Antonenko
DOI 10.24833/2071-8160-2020-4-73-92-108

Russian State Archive of Contemporary History (RGANI)
Federal Archival Agency (Rosarkhiv)

²² Каймаков А. Маршал Конев и вторжение 1968 – неперевернутая страница истории. *RadioPragueInternational*. 19.06.2018. URL: <https://ruski.radio.cz/marshal-konev-i-vtorzhenie-1968-neperevernutaya-stranica-istorii-8101111> (дата обращения 5.08.2020)

Abstract: The article introduces the publication of the recently declassified archival documents of the Russian State Archive of Contemporary History (RGANI) and the Archive of Foreign Policy of the Russian Federation concerning the stay of a delegation of Soviet military leaders in the Czechoslovak Socialist Republic on May 8-14, 1968, led by Marshal of the Soviet Union I.S. Konev. In August 2018, at the initiative of the Prague 6 City Council, metal "information plates" were installed on the pedestal of the monument to Marshal Konev, where among other things it was stated that "In 1968, he personally backed the intelligence surveillance preceding the invasion of the armed forces of the Warsaw Pact into Czechoslovakia". This action was part of measures to prepare public opinion for the removal of the monument. The documents being published show there is not the slightest reason to consider the soviet delegation headed by Marshal Konev as intelligence surveillance operation to prepare for an invasion. The internal political crisis in Czechoslovakia in early May had not yet reached its peak (the famous manifesto "Two Thousand Words" will be published only on June 27). The Soviet leadership, headed by L. Brezhnev hoped that the "Czechoslovak comrades" would be able to cope with the situation, "would rebuff the anti-socialist forces." The delegation of the Soviet military leaders had a symbolic, cultural significance and was intended to revive the memory of the events of 1945, of the victims of the Red Army and the brotherhood in arms of Soviet and Czechoslovak soldiers. In the extremely unstable and confused atmosphere of the "Prague Spring", the members of the delegation sought to clarify the true state of affairs and public sentiments in the country. As Marshals Konev and Moskalenko admitted themselves, they "had no opportunity to fully understand all the processes". The so-called "intelligence surveillance", which is mentioned in the Czech press, was carried out by them in a completely open way of meeting and exchanging views with colleagues, speaking at rallies, and communicating with workers. Moscow preferred to act at the time by political methods, gradually shifting to military pressure (the "Shumava" military exercises). The time for tough demands came later (negotiations in Čierna nad Tisou, July 29 – August 1, and in Bratislava on August 3, 1968). The final decision on the intervention was made by the Soviet political leadership after numerous consultations with partners in the socialist camp, largely under the influence of the tough position of the first secretary of the PUWP Central Committee W. Gomulka and the first secretary of the SED Central Committee V. Ulbricht.

Keywords: Monument to Marshal Konev; a delegation of Soviet military leaders; "Prague Spring", declassified archives.

About the authors:

Igor A. Permyakov – Candidate of Historical Sciences, Director of the Russian State Archive of Contemporary History, 115035, Moscow, Sofiyskaya embankment, 34, building 1.
E-mail: rgani@gov.ru

Sergey G. Antonenko – Consultant of the Federal Archival Agency. 115035, Moscow, Sofiyskaya nab., 34, building 1. E-mail: Antonenko_SG@gov.ru

Conflict of interest: The authors declare absence of conflict of interests.

References:

Chechoslovackij krizis 1967 – 1969 gg. v dokumentah CK KPSS [The Czechoslovak Crisis of 1967-1969 in the Documents of the Central Committee of the CPSU]. 2010. Moscow: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN). Dokument № 34. (In Russian)

Dzhalilov T.A. 2018. Podhod Brezhneva k resheniyu nazrevayushchego Chekhoslovackogo krizisa: k voprosu o sovetskoj modeli rukovodstva stranami socialisticheskogo lagerya [Brezhnev's Approach to the Solution of the Brewing Czechoslovak Crisis: to the Question of the Soviet Model of Leadership of the Countries of the Socialist Camp]. *Magistravitae*. №1. (In Russian)

K voprosu o vliyanií sovetskogo faktora na chekhoslovackie sobytiya 1964-1967 godov [On the Influence of the Soviet Factor on the Czechoslovak Events of 1964-1967]. 2012. *Novaya i novejschaya istoriya*. №6. P. 52-64 (In Russian)

Konev I.S. 1972. *Zapiski komanduyushchego frontom* [Notes of the Front Commander]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Krivoshchev G.F. i dr. 2001. *Rossiya i SSSR v voynah XX veka. Poteri vooruzhennykh sil: Statisticheskoe issledovanie* [Russia and the USSR in the Wars of the 20th Century. Losses of the Armed Forces: Statistical Study]. Moscow: Olma-Press. (In Russian)

Latysh M.V. 1998. «Prazhskaya vesna» 1968 g. i reakciya Kremlya [“The Prague Spring” of 1968 and the Kremlin's Reaction]. Moscow. (In Russian)

Mar'ina V.V. 2005. *Chekhiya i Slovakiya v XX veke. Ocherki istorii* [Czech Republic and Slovakia in the 20th Century. Essays of the History]. Kn.1. Moscow. (In Russian)

Mlinarzh Z. 1988. *Holodom veet ot Kremlya* [The Kremlin is Cold]. Vtoroe izdanie. New York. (In Russian)

Musatov V.L. 2005. Sovetskij Soyuz i Prazhskaya vesna 1968 g. [The Soviet Union and the “Prague Spring” of 1968]. *Chekhiya i Slovakiya v XX veke: ocherki istorii: v 2 kn.* Kn.2. Moscow: Nauka. S.172. (In Russian)

Pihoya R.G. CHEKhoslovakiya, 1968 god. Vzgl'yad iz Moskvy [Czechoslovakia, 1968. The View from Moscow]. Po dokumentam CK KPSS. 1994. *Novaya i novejschaya istoriya*. №6. (In Russian)

Prazhskaya vesna i mezhdunarodnyj krizis 1968 goda [The Prague Spring and the International Crisis of 1968]. 2008a. Dokumenty. Kyol'n – Vejmar – Vena. Dokument 30. (In Russian)

Prazhskaya vesna i mezhdunarodnyj krizis 1968 goda [The Prague Spring and the International Crisis of 1968]. 2008b. Dokumenty. Kyol'n – Vejmar – Vena. Dokument 75. (In Russian)

Prazhskaya vesna i mezhdunarodnyj krizis 1968 goda [The Prague Spring and the International Crisis of 1968]. 2008s. Dokumenty. Kyol'n – Vejmar – Vena. Dokument 77. (In Russian)

Sovetskaya kul'turnaya diplomatiya v usloviyah holodnoj vojny: 1945-1989 [Soviet Cultural Diplomacy in the Cold War: 1945-1989]. 2018. Moskva. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Джалилов Т.А. 2018. Подход Брежнева к решению назревающего Чехословацкого кризиса: к вопросу о советской модели руководства странами социалистического лагеря. *Magistravitae*. №1.

К вопросу о влиянии советского фактора на чехословацкие события 1964-1967 годов. 2012. *Новая и новейшая история*. №6. С. 52-64

Конев И.С. 1972. *Записки командующего фронтом*. Москва: Наука.

Кривошеев Г.Ф. и др. 2001. *Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооружённых сил: Статистическое исследование*. Москва: Олма-Пресс.

Латыш М.В. 1998. «Пражская весна» 1968 г. и реакция Кремля. Москва.

Марьяна В.В. 2005. *Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории*. Кн.1. Москва.

Млинарж З. 1988. *Холодом веет от Кремля*. Второе издание. Нью-Йорк.

Мусатов В.Л. 2005. Советский Союз и Пражская весна 1968 г. *Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории: в 2 кн.* Кн.2. Москва: Наука. С.172.

Пихоя Р.Г. Чехословакия, 1968 год. Взгляд из Москвы. По документам ЦК КПСС. 1994. *Новая и новейшая история.* №6.

Пражская весна и международный кризис 1968 года. 2008а. Документы. Кёльн – Веймар – Вена. Документ 30.

Пражская весна и международный кризис 1968 года. 2008б. Документы. Кёльн – Веймар – Вена. Документ 75.

Пражская весна и международный кризис 1968 года. 2008с. Документы. Кёльн – Веймар – Вена. Документ 77.

Советская культурная дипломатия в условиях холодной войны: 1945-1989. 2018. Москва.

Чехословацкий кризис 1967 – 1969 гг. в документах ЦК КПСС. 2010. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). Документ № 34.

Шифртелеграмма чрезвычайного и полномочного посла СССР в Чехословакии С.В. Червоненко №723-727 от 9.05.68 г.

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР

СОВ. СЕКРЕТНО

ШИФРТЕЛЕГРАММА

Экз. №

РАСЕКРЕЧЕНО

22.06.2020г.

Акт N0149cc/lgg

Экз. № 1 РАЗМЕТКА	Экз. № 18-т Мжаванадзе	№ 35-т
» № 2-т Брежнев	» № 19-т Рашидов	№ 36-т
» № 3-т Воронцов	» № 20-т Устинову	№ 37-т
» № 4-т Кириленко	» № 21-т Шербицкому	№ 38-т
» № 5-т Косыгину	» № 22-т Капитонову	№ 39-т
» № 6-т Мазурову	» № 23-т Катушеву	№ 40-т
» № 7-т Пельше	» № 24-т Кулакову	№ 41-т
» № 8-т Подгорному	» № 25-т Пономареву	№ 42-т
» № 9-т Полянскому	» № 26-т Соломенцеву	№ 43-т
» № 10-т Суслову	» № 27-т ЦК КПСС	№ 44-т
» № 11-т Шелепину	» № 28-т Громыко	№ 45-т
» № 12-т Шелесту	» № 29-т Русакову	№ 46-т
» № 13-т Андропову	» № 30-т Кузнецову	№ 47-т
» № 14-т Гришину	» № 31-т Копия	№ 48-т
» № 15-т Демичеву	» № 32-т	№ 49-т
» № 16-т Кунаеву	» № 33-т	№ 50-т
» № 17-т Машерову	» № 34-т	№ 51-т

Из ПРАГИ

№ 23614

1 50 мин

10.У 1968 г.

23615 23620 23624 23625

Спец. № 723-727

ВНЕ ОЧЕРЕДИ

Информируем о праздновании в ЧССР 23 годовщины освобождения Чехословакии Советской Армией.

8 мая утром состоялось традиционное возложение венков в Праге на Ольшанском кладбище на могилы советских воинов от президента ЧССР, ЦК КПЧ, Национального собрания, правительства и ЦК Национального фронта. В церемонии участвовали гг.Свобода, Дубчек, Смирковский, Черник, Криегел и другие члены руководства ЦК КПЧ, руководители некоммунистических партий Кучера, Поспишил и представители армии, органов безопасности,

Снятие копий категорически воспрещается. Телеграмма подлежит возврату в 10-й отдел МИД СССР

75

23614

2

общественных организаций и др. Затем был возложен венок от посольства СССР. (Некоторое время спустя на Ольшанах был возложен венок коллективом посольства ГДР во главе с послом т.Флориным). В соответствии с традицией венки были затем возложены у памятника Неизвестному солдату на Виткове, где делегации посетили также зал Советской Армии в национальном пантеоне. Везде у могил или у мемориальных досок, памятников погибшим советским и чехословацким воинам стояли в почетном карауле пионеры.

Вечером 8 мая президент Свобода устроил прием в Пражском Кремле. На приеме присутствовали тт.Дубчек, Смирковский, Черник, Криегел, представители общественности, гости, члены дипломатического корпуса. На прием был приглашен весь дипломатический состав посольства СССР и делегация Советской Армии во главе с маршалом Коневым. От посольств соцстран были приглашены только послы и военные атташе (круг приглашенных ранее на подобные приемы представителей этих посольств был более широкий). В целом на прием было приглашено около 1200 человек.

В беседах с советскими дипломатами большинство деятелей партийных, общественных и культурных органов ЧССР выражали большую тревогу по поводу сложившейся в КПЧ и в стране обстановки. Обратило на себя внимание, что многие присутствовавшие на приеме чехословацкие товарищи были в по-

23614

3

давленном состоянии, не скрывали своего пессимистического настроения.

В сегодняшних (9 мая) комментариях чехословацкого радио в перерывах между праздничными мелодиями диктор волнующим голосом говорил о стремлении чехословацкого народа к подлинной свободе и независимости и незавершенности нынешней "революции" в ЧССР, уделяя особое внимание роли Чехословакии в современном мире, ее отношениям с великими державами и друзьями, которые должны проявлять терпимость. Он отвергал "дружбу с условиями" и "свободу в кредит".

Обращает внимание, что в этом году оформление города значительно беднее, по сравнению с прошлыми годами. Единственным признаком праздника являются вывешенные чехословацкие государственные и партийные флаги. Среди них, хотя и редко, встречаются советские флаги и флаги других социалистических стран. Встречаются лозунги "Да здравствует 1-9 мая!", "В единстве всего народа – залог выполнения программы действий КПЧ", на некоторых предприятиях – "Хорошо трудиться – хорошо жить", "За развитие социалистической демократии. За новую политическую систему руководства обществом". Почти не встречался лозунг: "С Советским Союзом – на вечные времена". На таких зданиях, как ЦК КПЧ, президиум правительства, МИД ЧССР, с внешней стороны Кремля, ряда министерств вывешены только флаги, – никаких лозунгов нет. Отсутствуют портреты руковод-

23614

4

ства ЧССР. У памятника с советским танком возложены цветы от имени официальных учреждений.

Центральным мероприятием празднования явился "праздник освобождения , дружбы и мира", проведенный 9 мая в Праге в центральном парке культуры и отдыха им.Фучика. Праздник был организован Союзом чехословацко-советской дружбы, Центральным Комитетом Национального фронта и Чехословацкой народной армией. Мероприятия праздника начались в 9 часов утра и продолжались до позднего вечера. Десятки тысяч пражан приняли участие в митинге чехословацко-советской дружбы, который состоялся в летнем театре. Обратил на себя внимание тот факт, что летний театр, где проходил митинг, впервые не был украшен ни чехословацкими, ни советскими флагами, лозунгами о чехословацко-советской дружбе и сотрудничестве.

На митинге присутствовали президент ЧССР т.Свобода, первый секретарь ЦК КПЧ т.Дубчек, председатель Национального собрания т.Смрковский, председатель ЦК Национального фронта т.Криетел, другие члены и кандидаты в члены президиума ЦК КПЧ, члены правительства, представители общественности и трудящиеся.

На митинге были приглашены делегация Советской Армии во главе с тов.Коневым, министр культуры УССР тов.Бабийчук, послы социалистических стран, все сотрудники посольства СССР в ЧССР.

28

23614

5

Митинг открыл генеральный секретарь Союза чехословацко-советской дружбы т.Немец. С речью к собравшимся обратился президент ЧССР т.Свобода, который с большой теплотой говорил о роли Советской Армии в освобождении Чехословакии, о ее исторической миссии в освобождении народов Европы и всего мира от фашизма. Обращаясь ко всем гражданам республики и особенно к молодежи, президент подчеркнул, что чехословацкий народ, в том числе и будущее поколение, должен всегда помнить, что Советская Армия не просто освободила Чехословакию от фашистской оккупации, но спасла чешский и словацкий народы от физического уничтожения. Тов.Свобода отметил далее, что краеугольным камнем чехословацкой внешней политики всегда будет дружба и тесное сотрудничество с Советским Союзом и другими странами социализма, которые только и могут служить подлинной гарантией независимости и самостоятельности ЧССР. Президент призвал собравшихся и всех граждан республики перейти "от критических слов к делу", своим трудом способствовать дальнейшему развитию строительства социализма, укреплению республики. Отметив преданность чехословацкого народа делу социализма, президент заявил, что народ "не допустит, чтобы кто-либо и с какой-либо стороны эти их преданность и усилия каким-либо образом нарушил или подорвал".

Речь президента была с большим подъемом воспринята

79

23614

6

присутствовавшими, неоднократно прерывалась аплодисментами. Вместе с тем, однако, необходимо отметить, что в начале выступления президента неожиданно испортился микрофон, который в ходе его речи неоднократно выключался, в том числе в то время, когда президент подчеркивал особенно важные моменты. Этот факт вызывал недоумение и возмущение присутствующих.

С коротким и ярким приветствием выступил на митинге маршал Конев. Он поблагодарил президента за теплые слова, сказанные им в адрес советского народа и Советской Армии, высказал уверенность в том, что народы Чехословакии твердо будут идти по пути социалистического строительства. Он отметил далее активизацию реваншистских сил в Западной Германии и подчеркнул, что если правительство и некоторые круги в ФРГ не извлекли уроков из недавнего исторического прошлого, то советский и чехословацкий народы сделали их и будут твердо стоять на страже безопасности и неприкосновенности своих границ, бороться за укрепление единства и сплоченности социалистических стран, за мир, прогресс и социализм. Собравшиеся очень тепло приветствовали т.Коневу, неоднократно аплодировали ему на протяжении речи.

В заключение митинга т.Немец зачитал текст послания чехословацкого народа народам Советского Союза, который был единогласно принят присутствовавшими и передан участни-

23614

7

кам эстафеты чехословацко-советской дружбы и мира, после чего эстафета приняла старт. Митинг закончился исполнением интернационала.

После митинга состоялось выступление государственного заслуженного ансамбля танца УССР под руководством Вирского, которое прошло с большим успехом.

Следует также отметить, что в некоторых местах парка, в том числе у входа в летний театр, где проводился митинг, продавались фотографии Т.Г.Масарика, Я.Масарика и Бенеша, которые, однако, покупались лишь немногими людьми.

9 мая в центральных газетах были опубликованы тексты поздравительных телеграмм, которыми обменялись советские и чехословацкие руководящие деятели.

"Руде право" поместила статью К.Ванека "За выполнение завета 9 мая", в которой отмечается в первую очередь вклад Советской Армии и чехословацких подразделений, сформированных на территории СССР, в освобождение Чехословакии. Газета также уделяет внимание остальным союзническим армиям, борцам сопротивления внутри страны и чехословацким антифашистам, участвовавшим в борьбе за свободу ЧССР.

Газета связывает 9 мая 1945 года с обстановкой, сложившейся в ЧССР в последние месяцы, с процессом демократизации. Об этом процессе она пишет в спокойном тоне. Весь номер

81

23614

8

"Руде право" в этот день, в отличие от прошлых выпусков, тщательно подготовлен и содержит объективный материал, без акцента на необходимость расширить демократию. В номере помещены также отрывки из записок маршала Конева "О пражской операции".

В то же время остальная чехословацкая центральная печать использует 9 мая для принижения роли Советского Союза в освобождении Чехословакии, преувеличенно подчеркивает роль пражского восстания в мае 1945 года в освобождении Праги и роль американских войск в освобождении западных районов ЧССР. Показывая роль Советского Союза в разгроме фашизма, в целях якобы более объективного показа истории газеты подчеркивают экономическую и военную помощь западных стран Советскому Союзу. Используя судьбы отдельных бывших военнослужащих корпуса генерала Свободы, печать продолжает раздувать истерию вокруг незаконных арестов и неправильных методов допросов, применявшихся в пятидесятых годах в ЧССР. Тот же метод она использует при показе судеб отдельных участников борьбы за свободу Чехословакии внутри страны и находившихся на Западе и вернувшихся после 1945 года в ЧССР.

Таким образом общий тон материалов чехословацких центральных газет (за исключением "Руде право") носит в большей или меньшей степени недоброжелательный характер по отношению к Советскому Союзу.

23614

9

Так, "Свободное слово" на трех полных полосах поместила статью "Справедливость и в истории второй мировой войны" с подзаголовком "Вклад западных союзников в войне — освобождение Западной Чехии в 1945 году". Автор — Томан Брод — в начале статьи прямо говорит о том, что пропаганда в последние двадцать лет пользовалась неизменными терминами, к которым принадлежали и такие, как "победы Советского Союза над фашистским блоком, освобождение Чехословакии Советской Армией". Делая оговорку, что никто и сегодня не может отрицать историческую заслугу советских войск, автор делает акцент на то, что действительность все же была более многосторонняя. Одной из таких сторон газета считает, что до того, как Советский Союз вступил в войну, она уже продолжалась два года, и союзные войска, среди которых было много чехословацких солдат и летчиков, основательно расстроили захватнические планы Гитлера. Другой, не менее важной стороной является материальная помощь Советскому Союзу, оказанная прежде всего Соединенными Штатами Америки. Газета приводит размеры этой помощи. Брод подчеркивает, что при освобождении Праги советская сторона преследовала в первую очередь политическую, а не военную цель, не согласившись с предложением Эйзенхауэра об оказании помощи восставшим посылкой американских войск.

83

23614

10

Он утверждает, что тогда "внутренние силы чехословацкого сопротивления и всего общества были настолько ясны по программе, что даже освобождение Праги американцами не поставило бы под угрозу дальнейший ход национально-демократической революции" в ЧССР.

В заключение автор подчеркивает, что Советский Союз был главным, но вовсе не единственным фактором международной демократической коалиции, и освободил большую часть, а вовсе не всю территорию Чехословакии.

"Лидова демократие" в статье "Трезвая правда о нашем пути к 9 мая" пишет, что американские войска вышли к границе Чехословакии уже 18 апреля 1945 года, однако на основании соглашения между западными союзниками и Советским Союзом они только 5 мая стали продвигаться на линию Карловы Вары, Пльзень, Чешске Будейовице, причем Советский Союз потребовал от американцев, чтобы они не продвигались к Эльбе и Влтаве.

"Земедельске новины" напечатала статью Я.Горжеца "Май 45 года - вчера и сегодня", в которой заявляется, что после февраля 1948 года о пражском майском восстании распространялась неправда. Газета отмечает, что больше всего замалчивали значение чешского национального восстания и преследовали его руководящий орган - "Чешский национальный

84

23614

11

совет" те, кто в прошлые годы совершили столько ошибок тем, что восхваляли все советское и отрицали участие чехов и словаков в борьбе против нацистских оккупантов и "излагали историю таким образом, как будто мы получили свободу только из рук советских освободителей". Они думали, что умаление национальной гордости и распространение неправды служат дружбе с советским народом, будто бы величие жертв, понесенных СССР, было бы снижено правдой о нашей борьбе против фашизма. "Документы, которыми мы сейчас располагаем, – подчеркивает газета, – убедительно доказывают, что все, что было направлено против майского восстания, было инспирировано некоторыми политическими деятелями сопротивления, находившимися за границей, и что в этом направлении значительную активность проявляли и некоторые советские органы, которые относились к оценке майского восстания с большим недоверием".

"Праце" в статье "Трижды социализм, опасения и надежды" подвергает критике "бюрократически-централистскую" модель социализма, установленную в Чехословакии после 1948 года, главным идеологом и теоретиком которой был Сталин. В отличие от этого автор высоко оценивает систему "новой послевоенной демократии" в Чехословакии в 1945–1947 гг. и дает прогнозы развития "третьего этапа социализма", который начался после января 1968 года.

23614

12

85

"Земедельске новины" и "Свободне слово" поместили в несколько раздраженном духе ответы на опровержение ТАСС, касающееся слухов о смерти Я.Масарика. Газеты прямо заявляют о несогласии с этим заявлением. Под заголовком "Больше терпения!" газета "Свободне слово" пишет, что ТАСС делает вид, как будто бы вопрос о смерти Я.Масарика совсем ясен, когда ссылается на то, что он, "как известно, покончил с собой". В действительности этот вопрос пока лишь ~~выясняется~~ выясняется. Она подчеркивает, что люди, которые пишут об этом, хотят не сеять недоверие между народами СССР и ЧССР, а раскрыть всю правду и на этой основе укрепить доверие между ними. "Однако априорные и безадресные наговоры этому не помогут". В статье Я.Черного "23 года после освобождения и 5 дней после визита", опубликованной в газете "Свободне слово", вновь критикуется интервью А.Дубчека о недавнем визите в СССР: "Определенным недостатком этого интервью остается то, что в нем не говорилось о конкретном содержании обмена мнениями, и что в откровенном обмене мнениями критиковалось положение только в Чехословакии. Сохранение такой односторонности не сослужило бы хорошей службы для дружеских связей... Если наша сторона должна систематически доказывать социалистический характер нашего демократического развития, то советская сторона должна сохранять доверие к прогрессивным, де-

86

23614

13

мократическим силам чехословацкого народа и при всех обстоятельствах избегать каждого признака вмешательства во внутренние дела другого государства, вмешательства, которое всегда имеет самые плохие результаты для прогресса и дружбы между народами".

Газеты помещают сообщения о заседании президиума и секретариата ЦК КПЧ, о выпуске Р.Барака на свободу и его интервью по чехословацкому телевидению, а также другие материалы.

Газеты сообщают о прилете в Москву тт.Живкова, Кадара, Ульбрихта и Гомулки, добавляя, что о целях этой встречи в сообщении ТАСС ничего не упоминается. "Земедельске новины" перепечатывает догадки агентств Рейтер и АФП о том, что на этой встрече будет обсуждаться вопрос о Чехословакии.

Некоторые газеты ("Свободное слово" 8 мая и "Праце" от 9 мая) поместили сообщение, что в Праге в последнее время нелегально распространяются два-три вида листовок, адресованные "рабочему классу", товарищам и друзьям". В листовках говорится, что опасность создает ревизионистская группа, пришедшая в партийный и государственный аппарат и при помощи печати, радио и телевидения, кинофильмов и литературы деморализует народ. Эта группа, как говорится в листовках, хочет покончить с руководящей ролью рабочего класса, ликвидировать партию и нанести смертельный удар социалистическим завоеваниям чехов и словаков.

87

23614

14

В 9 часов утра 9 мая в комментарии чехословацкого радио относительно декрета президента об амнистии говорилось, что амнистия носит политический характер: она касается в основном осужденных за политические преступления, в первую очередь это относится к т.н. невозвращенцам. По полученным сведениям, из 700 нынешних политзаключенных будет выпущено из заключения около 500 человек, а из остальных 20 тысяч заключенных будет освобождено 4.300 человек. В целом амнистия затронет так или иначе около 100 тысяч человек.

В 10 часов утра в радиокомментарии П.Питгарта в частности говорилось, что нынешняя революция в ЧССР пока еще на полпути, о ее судьбе еще не решено. Нет гарантий, что революцию удастся довести до конца. Речь идет не о "совершенствовании", а о революции. Не правильнее ли сегодня говорить не о пятидесятой годовщине независимости Чехословакии, а о пятидесяти годах добровольной или недобровольной зависимости Чехословакии от разных держав? В пятидесятые годы советские эксперты решали вопросы в Чехословакии, а над Прагой возвышалась громада памятника Сталину. Мы не хотим играть роль сателлита. Молчание наших друзей нам связывает руки. В 1945 году Прага обращалась за помощью к советским танкам. Сегодня мы призываем наших подлинных друзей помочь нам терпимостью. Дружба с условиями - это не дружба, а торговля.

88

23614

15

В 12 часов в радиокомментарии К.Ездинского подчеркивалось: мы хотим теперь свои дела решать сами, чего не было в годы холодной войны. Но нельзя согласиться, чтобы вину за все прежние преступления и репрессии в Чехословакии сваливали на советских советников или на желания Сталина и Берия. Это было бы больше, чем алибизм. За все это несет ответственность прежде всего тогдашнее руководство нашим государством во главе с Готвальдом. Подлинная независимость Чехословакии возможна лишь в условиях мира и международного доверия. Нет условий для того, чтобы Чехословакия играла ныне роль "моста". Но у нее самые лучшие условия для активного влияния всюду, где надо смягчать международную напряженность. Мы могли бы помочь миру во Вьетнаме не только резолюциями, предложить "добрые услуги" на Ближнем Востоке, начать прямые переговоры с ФРГ о смягчении положения в Европе и помочь созданию условий для объединения великих держав на пользу всего человечества. Мы привыкли, что нам приносили свободу извне. На деле без нашей собственной борьбы нам не дали бы независимость. Великие в этом мире должны наконец признавать права слабых. То, что происходит ныне в ЧССР, гораздо важнее разных славных "маев" и "октябрей", т.к. ныне нам никто ничего не дает и никто ничего не гарантирует. Свобода, приходящая изнутри — самая ценная, т.к. это не свобода в кредит. Надо,

89

23614

16

чтобы наши руководители не превращали переговоры с союзниками в кабинетную политику. Чехословацкий вопрос может быть мировым или его вообще не будет. И тогда наши поля будут опять давить танки.

В телевизионной передаче "последние известия" в 19.00 коротко сообщалось о митинге в Праге, посвященном празднику освобождения. Были приведены кадры с выступлением Л.Свободы. Очень короткий кадр с выступлением т.Конева не был озвучен. В то же время большое внимание и время в передаче было уделено амнистированным сегодня заключенным, покидающим тюрьмы.

9.У.68 г. ЧЕРВОНЕНКО

31 экз.36
Отп.10.У. 10.35
вып.Николаев

верно: *Горюх*

Шифртелеграмма чрезвычайного и полномочного посла СССР в
Чехословакии С.В. Червоненко №723-727 от 11.05.68 г.

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР

СОВ. СЕКРЕТНО

ШИФРТЕЛЕГРАММА

Экз. № 1

Экз. № 1 РАЗМЕТКА	Экз. № 18-т	Мжаванадзе	Экз. № 35-т
» № 2-т . Брежневу	» № 19-т . Рашидову	Рашидову	» № 36-т
» № 3-т . Воронову	» № 20-т . Устинову	Устинову	» № 37-т
» № 4-т . Кириленко	» № 21-т . Щербицкому	Щербицкому	» № 38-т
» № 5-т . Косыгину	» № 22-т . Капитонову	Капитонову	» № 39-т
» № 6-т . Мазурову	» № 23-т . Катушеву	Катушеву	» № 40-т
» № 7-т . Пельше	» № 24-т . Кулакову	Кулакову	» № 41-т
» № 8-т . Подгорному	» № 25-т . Пономареву	Пономареву	» № 42-т
» № 9-т . Полянскому	» № 26-т . Соломенцеву	Соломенцеву	» № 43-т
» № 10-т . Суслову	» № 27-т . ЦК КПСС	ЦК КПСС	» № 44-т
» № 11-т . Шелепину	» № 28-т . Громыко	Громыко	» № 45-т
» № 12-т . Шелесту	» № 29-т . Русакову	Русакову	» № 46-т
» № 13-т . Андропову	» № 30-т . Кузнецову	Кузнецову	» № 47-т
» № 14-т . Гришину	» № 31-т . Копия	Копия	» № 48-т
» № 15-т . Демичеву	» № 32-т		» № 49-т
» № 16-т . Кунаеву	» № 33-т		» № 50-т
» № 17-т . Машерову	» № 34-т		» № 51-т

Из ПРАГИ № 23968 по.л 2 час. 55 мин. 12 У 196 г. 8

23970 23971 23976

Спец. № 738-741

ВНЕ ОЧЕРЕДИ
О С О Б А Я

Информируем о встрече с тт. Дубчеком, Черником, Смирковским, состоявшейся 10 мая.

В связи с тем, что чехословацкие товарищи (министерство обороны) спланировали пребывание советской военной делегации, возглавляемой маршалом т. Коневым И.С. до 10 мая (делегация прибыла в Прагу 8 мая) и не предусмотрели встречи советских гостей в воинских частях, на предприятиях, в кооперативах, хотя была высказана советской стороной просьба (чехословацкие

91

23968

2.

товарищи это мотивировали тем, что делегация приехала неожиданно, о приезде было сообщено за один день до начала праздника, и по причине того, что в Чехословакии с 9 по 11 мая включительно объявлены праздничные и выходные дни), было решено делегации вылетать из Праги 10 мая. После консультаций с Москвой т.Конеv сказал т.Дубчеку (по телефону, т.к. в это время т.Дубчек, Черник, Свобода, Смрковский были на горе Ржип, где проходил большой митинг с участием более 60 тысяч человек, посвященный 100-летию закладки памятника в честь того, что здесь поселился первый чех), что хотел бы попрощаться, т.к. через полтора часа улетает вместе с делегацией в Москву, передал от т.Брежневa Л.И. огорчение в связи с тем, что не удалось побывать в воинских частях, встретиться с рабочими и т.д. Тов.Дубчек, заметив, что он не знал, что так скоро визит т.Коневa и других заканчивается, стал упрашивать его самого, а также т.Москаленко с группой военных остаться на несколько дней и т.д. Примерно в том же плане он говорил и с т.Москаленко. Затем т.Дубчек попросил к телефону меня и повторил эту просьбу, которая в этот же день была сообщена тт.Брежневu Л.И. и Сусловu М.А. По согласованию с Москвой было принято решение тт.Коневu, Москаленко, вместе с тт.Жадовым, Лелюшенко и еще тремя генералами остаться до 14 мая и осуществить поездки в Брно, Оставу, Пльзень, Кладно и другие города по предложенной чехословацкими друзьями программе.

23968

44
3.

В этот же день вечером тт. Дубчек, Черник, Смирковский устроили товарищеский ужин в честь советских военных гостей, на котором присутствовали также министр народной армии ЧССР, начальник политуправления, посол СССР и другие советские представители. Ужин проходил с 8 часов вечера почти до 12 часов ночи в дружественной атмосфере.

11. V. 68г. Червошнев

Рапорт о пребывании в ЧССР с 8 по 14 мая 1968 г. маршалов И. Конева и К. Москаленко

А. Гречко 16.5.68 г.

Генералу армии
тов. ЕПИШЕВУ А. А.

Экз № 3

ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ КПСС

Дела за №№	3
ар.	301-308
Акт вх. №	112 от 07.07.80
Хр. фондов	Кружков

По решению Политбюро Центрального Комитета КПСС с 8 по 14 мая с.г. советская военная делегация находилась в Чехословацкой Социалистической Республике.

По прибытии в г.Прага делегация была встречена Министром Национальной обороны ЧССР тов.Дзур, всеми его заместителями, начальником Главного политического управления, командующими округов и родов войск.

После встречи члены делегации нанесли визит Президенту ЧССР. Во время визита тов.Конов И.С., от имени ЦК КПСС, Советского правительства, всего нашего народа и воинов Вооруженных Сил, поздравил тов.Л.Свобода с избранием на высокий пост Президента и с 23-й годовщиной освобождения Чехословакии от фашизма.

Тов.Свобода сердечно приветствовал делегацию и от имени чехословацкого народа выразил уверенность в том, что дружба между Советским Союзом и Чехословакией будет вечной и нерушимой.

После визита к Президенту состоялась беседа у Министра Национальной обороны, в ходе которой делегация была информирована о положении дел в стране и армии. В своих выступлениях мы высказали просьбу о предоставлении возможности встреч с трудящимися предприятий и военнослужащими воинских частей и соединений.

Однако, несмотря на нашу просьбу, делегации была предложена программа, рассчитанная лишь на два дня пребывания и фактически лишаящая нас широких контактов с населением и армией.

2-1

стр. 301-308
_____ рассекречены
ства Национальной обор
19.11.87
от «*19*» *07* 20/8 г.
ть и обоснованность п
Хр. фондов *кргуама*

В целом митинг прошел на достаточно хорошем уровне, трудящиеся тепло приветствовали президента и нашу делегацию. Однако, характерно: что в ходе выступлений тов.Л.Свобода и тов.И.С.Конев неоднократно "отказывал" микрофон. При этом, примечательно, что эти перерывы в трансляции, затягивавшиеся до нескольких минут, "совпадали" с заявлениями тов.Свободы о том, что без Советской Армии, чехословацкий народ не был бы свободен, что активизация реваншистских сил в ФРГ требует усиления бдительности и укрепления нашей дружбы. Такие же перерывы были и при

- 3 -

выступлении тов. И. С. Конева, когда он говорил об опасности и
реваншистских устремлениях ФРГ и провозглашал здравицу в честь
КПЧ и её руководителей.

Другая группа во главе с тов. К. С. Москаленко посетила г. Братиславу и возложила венок к памятнику погибших советских воинов на горе Слава, где захоронено около 6800 человек. В Братиславе также наблюдалось определенное проявление холодности, о чем свидетельствует тот факт, что намеченное по программе заседание национального собрания с выступлением первого секретаря ЦК Компартии Словакии тов. Биляк и тов. Москаленко К. С. было сорвано.

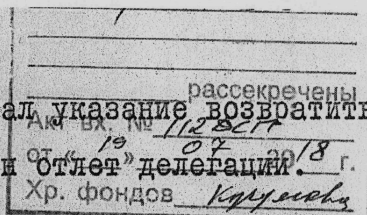
Кроме возложения венка для членов делегации были запланированы лишь поездка по Дунаю на катере, обед и ужин. И только по нашей настоятельной просьбе нам предоставили возможность посетить сельскохозяйственный кооператив. Колхозники исключительно тепло приветствовали делегацию, встречали её хлебом и солью. На состоявшемся обеде, руководители колхоза и представители местной власти выражали горячие чувства любви к советскому народу и его посланцам.

Первые два дня показали, что дальнейшее пребывание делегации в ЧССР нежелательно.

О создавшейся обстановке было доложено тов. Л. И. Брежневу, который поручил выразить огорчение Дубчеку тем, что наша делегация не удовлетворена программой пребывания, поскольку она лишена возможности широких контактов с представителями

- 4 -

трудящихся и военнослужащих ЧССР, и дал указание возвратиться в Москву. На 13.00 10 мая был назначен отъезд делегаций.

На обеде, устроенном Министром обороны по случаю нашего отъезда тов.Конева И.С. откровенно высказал наше мнение о том, что чехословацкие товарищи слишком узко использовали приезд делегации бывших участников освобождения Чехословакии для дальнейшего укрепления дружбы советского и чехословацкого народов, боевого содружества воинов двух братских армий.

В это же время тов.Дубчек был информирован о состоявшемся разговоре с Л.И.Брежневым и об убытии делегации. Тов.Дубчек выразил сожаление по этому поводу, просил делегацию остаться и заявил, что готов удовлетворить все наши пожелания. Посол тов.Червоненко доложил эту просьбу М.А.Суслову и получил указание остаться Маршалам Коневу и Москаленко с группой в 6-10 человек, а остальным убыть в Москву.

Следует отметить, что к этому времени чехословацким руководителям стало известно о совещании руководителей братских стран в Москве и о начале учений советско-польских войск. Видимо, всё это отрезвляюще подействовало на руководителей ЧССР, изменило их отношение к нашей делегации.

Вечером того же дня товарищи Дубчек, Черник и Смирковский прибыли к нам в гостиницу на ужин, в ходе которого состоялись откровенные беседы. Была составлена новая программа работы делегации на последующие 4 дня, предоставлена возможность встреч с различными категориями трудящихся и военнослужащих,

РАССЕКРЕЧЕНО

- 5 -

что позволило выяснить в определенной мере ~~настроение~~ ^{настроения} людей, их отношение к происходящим событиям.

Акт Вх. № 112 ДСН
от «19» 07 2018 г.
Хр. фондов *Крушение*

В период с 11 по 14 мая члены делегации посетили города Прага, Братислава, Острава, Кладно, Пардубице, Пльзень, Мост, Млада, Литомержице, Табор, Писси, Лавосице, встретились с активом, рабочими, служащими и руководителями таких крупных промышленных предприятий, как металлургический комбинат в г.Острава, металлургический завод в г.Кладно, завод им.В.И.Ленина (г.Пльзень), химический завод в г.Пардубице и другие.

В эти же дни мы побывали в 1, 9, 13 танковых и 19 мотострелковой дивизиях, зенитно-ракетной бригаде, в двух авиационных полках корпуса ПВО, инженерной и пограничной бригадах.

На митингах, в личных встречах и беседах с различными категориями трудящихся и военнослужащих члены делегации разъясняли политику нашей партии и Советского государства, усилия советского народа и его воинов по укреплению дружбы советского и чехословацкого народов, сложившейся в годы кровавой битвы с фашизмом. Мы обращали внимание на опасность активизации антисоциалистических и демагогических элементов, на необходимость усиления руководящей роли КПЧ и рабочего класса Чехословакии, контроля за деятельностью органов печати, радио и телевидения, улучшения всей идеологической работы.

Мы заверяли чехословацких товарищей, с которыми встречались, что Советский Союз является их надежным другом. С большим удовлетворением воспринимались выступления непосредственных участников освобождения Чехословакии, которых хорошо знает население.

- 6 -

За короткий срок пребывания члены делегации не имели возможности полностью разобраться во всех процессах, происходящих в ЧССР. Однако, личные контакты, встречи, обмен мнениями позволяют сделать определенные выводы.

Большинство различных категорий трудящихся и военнослужащих, с которыми встречались члены делегации, проявляло хорошее, теплое отношение к Советскому Союзу и Советским Вооруженным Силам, их заслугам в освобождении Чехословакии. На митингах и в беседах мы неоднократно слышали заявления, особенно от рабочих о том, что они не свернут с социалистического пути и останутся верными дружбе с Советским Союзом.

Некоторые представители трудящихся и военнослужащих, с которыми нам удалось беседовать, заявляли, что "пора кончать дискуссии", что ЦК КПЧ и чехословацкому правительству надо принимать более решительные меры, чтобы навести порядок в печати, на радио и телевидении, усиливать отпор так называемым "интеллектуалам". Высказывались критические замечания об излишнем спокойствии и терпимости ЦК КПЧ к провокационным действиям различных антисоциалистических сил. Ряд товарищей прямо говорили, что пусть ЦК дает нам указания, а мы, здесь на местах, наведем порядок.

Повсюду, где происходили встречи с чехословацкими друзьями, нам прямо говорили, что приезд советской военной делегации очень полезен, он способствует укреплению дружбы. Например, председатель контрольно-ревизионной комиссии ЦК компартии Словакии

- 7 -

рассекречены
Акты № 112 257
от «19» 07 2018 г.
отр. Фондов
кузнец

тов. ШОЛГОВИЧ заявил: "Мы понимаем вашу озабоченность происходящими у нас событиями. Они и нас волнуют. Но то, что вы здесь, вселяет в нас уверенность в свои силы". А Ф. Барановский - работник Министерства сельского хозяйства, сказал: "Очень хорошо, что вы к нам приехали, надо больше вас показывать нашим людям, чтобы они постоянно помнили, что у нас есть верный и надежный друг".

Смена армейского руководства коснулась главным образом Министерства Национальной обороны. Вновь пришедшие товарищи: Министр Национальной обороны тов. Дзур, начальник генерального штаба тов. Русов и другие относятся к Советскому Союзу хорошо. Большинство командующих военными округами, командиров дивизий и полков, начальников штабов и политорганов осталось на своих местах. Многие из них в составе корпуса под командованием Л. Свобода участвовали в боях против фашистских захватчиков, окончили наши военные академии или училища и дружелюбно относятся к Советскому Союзу.

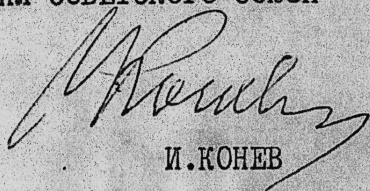
Процессы, происходящие в ЧССР, затронули и армию. В январе-феврале месяцах в войсках была свернута боевая учеба, ослабли боевая готовность и дисциплина. В настоящее время положение в армии несколько выправляется. Однако сейчас в ней осуществляется перестройка партийно-политического аппарата. В дивизиях, округах и в Министерстве обороны, наряду с политотделами и Главпуrom создаются самостоятельные, не подчиненные политорганам, парткомы, в функции которых входит руководство партийной работой. Роль политотделов, как нам говорили, будет сведена к

- 8 -

руководству политической работой. Следует отметить, что некоторые командиры и политработники еще сами не понимают целесообразности такой перестройки и выражают беспокойство, что это приведет к ослаблению единоначалия и партийно-политической работы.

В целом наблюдения показывают, что хотя положение в Чехословакии в последнее время несколько нормализуется, однако, обстановка остается еще сложной и требует пристального к себе внимания.

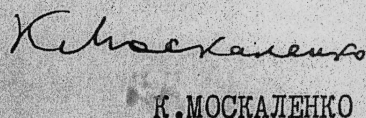
МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

И. КОНЕВ

" 16 " мая 1968 года

МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

К. МОСКАЛЕНКО

" 18 " мая 1968 года

№ 601сс/216/рк
16.5.68 г.

Отчёт чрезвычайного и полномочного посла СССР в Чехословакии С.В. Червоненко о пребывании в ЧССР советской военной делегации в мае 1968 г.

ПОСОЛЬСТВО СССР
В ЧЕХОСЛОВАКИИ

28.5.68

МИД СССР
4 Европейский отдел
СЕКРЕТНО
Вх. № 925
27.5.1968

6

1037 cc/ussr

РАСКРЕЩЕНО
21.09.2007

СЕКРЕТНО. Экз. № 5

"24" мая 1968 года
Иск. № 238

ПРЕБЫВАНИИ В ЧССР СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ ДЕЛЕГАЦИИ
В МАЕ 1968 ГОДА

С 8 по 14 мая в ЧССР по случаю 29-й годовщины освобождения страны от немецко-фашистских захватчиков находилась советская военная делегация, в состав которой входили маршалы Советского Союза Конев И.С. и Москаленко К.С., генералы армии Бадов А.С. и Лелюшенко Д.Д., генерал-полковники Крайников К.В., Родимцев А.И., Покришкин А.И. и другие генералы и офицеры, всего 26 человек.

На Рузинском аэродроме в Праге 8 мая делегацию встречали министр национальной обороны ЧССР генерал-полковник М.Дзур, заместители министра Национальной обороны генерал-лейтенанты Я.Махач, А.Муха, начальник Главного Политического Управления ЧНА генерал-майор Э.Пепих и другие генералы и офицеры чехословацкой Народной армии.

В тот же день советская военная делегация была принята в 13 часов Президентом ЧССР, генералом армии Л.Свободой. При встрече с президентом маршал Советского Союза Конев И.С. поздравил Л.Свободу по случаю избрания его на пост главы государства и по случаю государственного праздника ЧССР.

Тов.Конев подчеркнул, что в Советском Союзе любят и уважают Л.Свободу, а сообщение о его избрании президентом ЧССР было воспринято нашим народом с большим удовлетворением.

Президент ЧССР Л.Свобода в ответном слове выразил свою благодарность за поздравление, он напомнил об освободительных боях Советских Вооруженных Сил в Чехословакии, сказал о безкорыстной помощи Советского Союза Чехословакии. "Наш народ, - заявил Л.Свобода, - никогда этого не забудет, а если забудет, то погибнет. Вы без нас можете жить, мы без вас - не можем. Мы благодарим всех, кто отдал жизнь за нашу свободу. Благодарим с надеждой, что Советский Союз и все социалистические страны создадут условия для жизни без угроз и войн".

В 17 часов 8 мая делегация посетила приматора Праги тов.Черного. Приматор т.Черный принимал маршала т.Коневу как почетного гражданина г.р.Праги.

15/4

28.5.68

28

2.

2

8 мая состоялась беседа членов делегации с министром Национальной обороны генерал-полковником М.Дзуром, который заявил, что обстановка в стране сложная, решения XIII съезда реализовать не удалось из-за экономических трудностей и ошибок, но партия нашла в себе силы и сказала о своих недостатках. Дзур подчеркнул, что народ и партия имеют общие цели и вместе будут исправлять ошибки и недостатки, руководствуясь "программой действий". Говоря о положении в ЧНА, М.Дзур сказал, что в армии до январского пленума ЦК КПЧ было недоверие к руководству, лично тов.Ломский допустил много политических ошибок в армии и вызвал к себе недоверие, что т.Новотный о нем говорил как о человеке, который ничего не понимает в политике, но хорошо разбирается в военном деле. Сейчас в работе большое значение придается внимательному отношению к людям, производятся некоторые кадровые перемещения, на ответственные должности выдвигаются достаточно опытные, энергичные, перспективные люди, ищутся новые формы партийной работы. Мы, сказал М.Дзур, стараемся еще больше укрепить дружбу с братскими армиями и прежде всего с Советской Армией.

Вечером 8 мая военная делегация в полном составе была на торжественном приеме у президента ЧССР по случаю 23-й годовщины освобождения страны.

На приеме у президента были т.т.Дубчек, Черник, Смирковский и другие члены Президиума ЦК КПЧ и правительства, чехословацкие министры, представители общественных организаций, работники культуры и науки, генералы и офицеры ЧНА, иностранные представители дипломатического корпуса, аккредитованного в ЧССР.

На приеме к нашей военной делегации было приковано большое внимание.

Т.т.Дубчек, Черник, Смирковский и другие уделили внимание военной делегации, они беседовали на приеме с тов.Коневым и с тов.Москаленко и с другими членами делегации.

Обстановка на приеме была непринужденная, беседы проходили в дружеской атмосфере.

9 мая одна группа генералов во главе с маршалом Советского Союза Москаленко И.С. вылетела в г.Братиславу, другая группа во главе с генерал-лейтенантом Запороженко М.И. посетила г.Оставу.

Маршал Советского Союза Конев И.С. и другие члены военной делегации 9 мая приняли участие в торжественном митинге, который состоялся в Праге на территории парка культуры и отдыха им.Ю.Фучика.

На митинг собралось около десяти тысяч человек. На этом митинге присутствовали президент ЧССР Л.Свобода, Первый секретарь ЦК КПЧ А.Дубчек, председатель Национального собрания И.Сирковский, председатель Президиума ЦК Национального фронта Ф.Кригель, председатель правительства ЧССР О.Черник, министр Национальной обороны М.Дзур и другие руководящие партийные и государственные работники.

Президент ЧССР Л.Свобода, выступая на митинге, заявил, что Советская Армия в трудные дни минувшей войны принесла свободу народам Чехословакии, об этом надо помнить всем чехам и словакам, особенно молодежи. Л.Свобода подчеркнул, что дружба с Советским Союзом исходит из потребностей Чехословакии и опирается на разум и чувства народа. Эта дружба, сказал Л.Свобода, является надежной гарантией нашей безопасности и независимости, и мы не позволим никому ее нарушать. Слова, сказанные президентом в адрес Советского Союза, сопровождались аплодисментами присутствующих.

Выступивший на митинге маршал Советского Союза Конев И.С. поздравил чехословацкий народ с праздником и подчеркнул, что чехословацкий и советский народы, связанные крепкими узами дружбы, уверенно идут по пути социализма и коммунизма. Эта дружба обеспечила нашим народам победу в борьбе с гитлеровским фашизмом. Эта дружба обеспечивает нам успех в мирном строительстве, обеспечивает безопасность всех социалистических стран. Уроки прошлого учат нас быть сплоченными и обидительными. В мире нет такой силы, которая бы свернула нас с социалистического пути. На страже нашей безопасности надежно стоят вооруженные силы стран Варшавского Договора, и никакой враг не застанет нас врасплох.

Во время выступлений Л.Свободы и И.С.Конева несколько раз на митинге прерывалась радиотрансляция и часть их выступлений слушатели не могли отчетливо слышать.

Это прерывание выступления президента и т.Конева вызвало возмущение у значительной части присутствующих на митинге чехословацких граждан.

Тов.Дубчек сказал, что выступление т.Конева произвело на него хорошее впечатление.

Заместитель министра Национальной обороны генерал-лейтенант т.Махач сказал, что выступление т.Конева было правильным, нужным в настоящей обстановке, оно было понято всеми чехословаками, присутствовавшими на митинге, несмотря на ^{прерывания} ~~прерывания~~ в усилителе при передаче речи.

26

4.

41

отметил
Начальник Генштаба ЧНА генерал-лейтенант т.Руссов, что речь т.Коневы полезна, она заставит некоторых деятелей (так он сказал) пересмотреть оценку своего поведения в сегодняшней ситуации.

Вечером военная делегация присутствовала на представлении Национального театра в Праге.

10 мая 16 членов советской военной делегации возвратились на Родину, часть советской военной делегации, в том числе маршалы Советского Союза Конев И.С. и Москаленко К.С., осталась в Праге еще на несколько дней по личной просьбе тов.Дубчека.

На обеде, устроенном в честь военной делегации, 10 мая министр Национальной обороны ЧССР генерал-полковник М.Дзур заявил, что он не сомневается в искренних чувствах и дружбе Советского Союза по отношению к Чехословакии. Мы знаем, - сказал М.Дзур, - что СССР может прожить без Чехословакии, в то время как ЧССР будет трудно сохранить самостоятельность без Советского Союза. Далее М.Дзур говорил о том, что в ЧССР имеются нерешенные трудные вопросы, но в ЦК КПЧ достаточно сил, чтобы преодолеть эти трудности. ЧНА, если потребуется, готова выступить на защиту социализма внутри страны, а если случится, что своих сил не хватит, то обратимся за помощью к советским друзьям, но мы не ожидаем у нас бурного развития событий. Наша партия, подчеркнул М.Дзур, сильная, она пользуется авторитетом, коммунисты и рабочий класс стоят на марксистско-ленинских позициях, КПЧ нужно время, чтобы взять снова инициативу в свои руки и занять ведущее место во всех сферах политической жизни страны. М.Дзур выразил уверенность, что никому не удастся свернуть Чехословакию с социалистического пути развития. М.Дзур заявил, что народ и КПЧ выступают за дружбу с СССР и придерживаются принципов интернационализма, лишь отдельные группы выступают против Советского Союза.

М.Дзур подчеркнул, что, стараясь укрепить дружбу с Советским Союзом, они будут больше учиться у советских друзей.

М.Дзур сообщил, что он, по согласованности с президентом, приглашает посетить Чехословакию в ближайшее время т.т.Гречко и Епишева, чтобы они лично ознакомились с положением в армии, побывали в частях и соединениях ЧНА.

10 мая во второй половине дня состоялась встреча т.т.Дубчека, Черника и Сирковского с советской военной делегацией. Эта встреча продолжалась несколько часов.

Председатель Национального собрания Й.Смрковский на этой встрече заявил, что КПЧ стоит на позициях строительства социализма и дружбы с Советским Союзом, но, исходя из национальных интересов, решение отдельных вопросов внешней и внутренней политики может несколько отличаться от решения этих вопросов в Советском Союзе.

Первый секретарь ЦК КПЧ А.Дубчек старался на этой встрече создать обстановку непринужденности и откровенности. Он зачитал несколько телеграмм о сосредоточении войск на территории Польши в непосредственной близости от чехословацкой границы и заявил, что рассматривает их как тенденциозные сообщения.

Тов.О.Черник рассказал, что он получил письмо т.Косыгина, в котором выражается беспокойство по поводу того, что чехословацкую границу ежедневно пересекает 40 тысяч человек из окружающих государств. Далее т.О.Черник зачитал представленную ему справку, в которой было сказано, что ежедневно чехословацкую границу из Австрии пересекает 1.100-1.200 человек, границу из ФРГ - 330-400 человек.

11 мая советская военная делегация посетила 12 пограничную бригаду в городе Пилане на границе с ФРГ, где ей был оказан радужный и теплый прием. Членам делегации предлагалось осмотреть систему сооружений на госгранице и ознакомиться с организацией ее охраны. Это делалось, видимо, для того, чтобы убедить наших товарищей в том, что сообщения западных газет о снятии заграждений на границе с ФРГ являются тенденциозными и неправильными.

12 мая советская военная делегация, разделившись на 4 группы, посетила заводы и воинские части Чехословакии в городах Пардубице, Литомержице, Кладно, Мост. Всюду членам делегации были оказаны теплые встречи. Выступая на митинге трудящихся металлургического завода в Кладно, где насчитывается около 7 тыс. коммунистов, т.Конев выразил уверенность, что революционные и трудовые традиции кладненских рабочих будут приумножены в борьбе за развитие социалистического общества в ЧССР, за укрепление чехословацко-советской дружбы.

13 мая члены делегации побывали в городах Остраве, Пльзене, Писеке. Тов.Москаленко выступил в г.Остраве на митинге трудящихся металлургического завода им.К.Готвальда. Выступая на этом митинге, тов.Москаленко подчеркнул, что советские люди питают сердечные чувства дружбы к чехословацкому народу, а СССР не вмешивается во внутренние дела ЧССР. Он подчеркнул, что, к сожалению, в Чехословакии в последнее время имеют место явления, которые не способствуют укреплению дружеских отношений.

6.

24 6

14 мая в честь советской военной делегации в Посольстве СССР был устроен обед, на котором присутствовали члены нашей военной делегации, присутствовали президент ЧССР т.Л.Свобода, министр Национальной обороны Чехословакии генерал-полковник т.М.Дзур, начальник Главного Политического Управления генерал-майор т.Пепих, начальник ГП ЧНА генерал-лейтенант Руссов, заместители министра обороны, командующие военных округов. Обед прошел в теплой, товарищеской обстановке. Президент т.Свобода, посол т.Червоненко, маршалы т.Конев и т.Москаленко произнесли развернутые тосты, в которых высоко оценили значение визита советской военной делегации и дали высокую оценку теплой встрече нашей делегации на заводах, в колхозе и воинских частях.

14 мая в 15.00 советская военная делегация отлетела из Праги в Москву.

Визит советской военной делегации в ЧССР по случаю 23-й годовщины освобождения страны сыграл положительную роль. На заводах и фабриках, в колхозе и воинских частях, на митингах в городах трудящиеся Чехословакии тепло и радушно принимали советскую военную делегацию, выражали свои симпатии советскому народу и КПСС. Визит советской военной делегации оказал положительное влияние на здоровые силы в КПЧ и в стране, он способствовал сосредоточению внимания на угрозе со стороны антисоциалистических сил, пытавшихся столкнуть Чехословакию с социалистического пути. Визит нашей военной делегации помог ускорить процесс становления нового руководства Министерства Национальной обороны. Он помог планомерной работе нового состава Генерального Штаба. Визит нашей военной делегации позволил открыто товарищам Дзур и Руссову определить свое здоровое отношение к стремлению Советского Союза оказать помощь в стабилизации положения в армии и в стране.

Визит нашей военной делегации способствовал убеждению чехословацких друзей в искренности намерений Советского Союза оказать необходимую помощь чехословацкому народу в продолжении строительства социализма в Чехословакии, не вмешиваясь во внутренние дела страны.

ПОСОЛ СССР В ЧССР

п.б эка.аш.

- ЦК КПСС, Секретариат т.Брежнев А.И. (С.ЧЕРВОНЕНКО)
 - Отдел ЦК КПСС т.Русакову К.В.
 - МО СССР т.Емшину А.А.
 - МИД СССР т.Ильичеву Л.Ф.
 - ГУ МО МИД СССР т.Грозову Е.И.
 - в дело
1. № 350. 23.V.68г.

Метаморфозы памяти о боевом братстве русских и сербов в годы Второй мировой войны в современной Сербии

А.Ю. Тимофеев

Белградский университет (Сербия)

В статье рассматривается восприятие Второй мировой войны в современном сербском обществе. Несмотря на стабильность общих сербско-российских исторических воспоминаний, отношение к мировым войнам различно. Существует огромный контраст в восприятии Первой и Второй мировых войн в российском и сербском обществе. Для сербов события Второй мировой войны затемнены воспоминаниями о гражданской войне, которая разразилась в стране сразу после оккупации в 1941 г. и продолжалась несколько еще лет спустя после 1945 г. Более 70% югославов, погибших во время Второй мировой войны, были убиты гражданами бывшего королевства Югославии. Террор, развязанный Тито в первое послевоенное десятилетие в 1944-1954 гг., был пропорционально более кровавым, чем сталинское правосудие в послевоенном СССР. Количество эмигрантов из Югославии после установления диктатуры Тито было пропорционально равно числу беженцев из России после отечественной Гражданской войны 1918-1921 гг. (1,5-2% от довоенного населения). В послевоенные годы в Югославии происходили открытые манипуляции очевидными фактами Второй мировой войны. В 90-е гг. подавлявшиеся воспоминания, накопленные в коммунистические годы, были восстановлены и высказаны вслух. После падения однопартийной системы память о Второй мировой войне была окончательно обесценена. Память о русско-сербском боевом братстве в годы Второй мировой войны начала возрождаться в Сербии в связи с внешнеполитическими изменениями в 2008 г. В октябре 2008 г. президент России нанёс исторический визит в Сербию, которая начала процесс (вос)создания сербской исторической памяти о Второй мировой войне. Согласно опросам общественного мнения, позитивное отношение к России и русским в Сербии усиливает воспоминания об общем сопротивлении нацизму в 1941-1945 гг., несмотря на то что воспоминания о братоубийственных событиях гражданского конфликта 1941-1945 гг., всё ещё доминируют в сербском обществе.

Ключевые слова: русско-сербские связи, история Второй мировой войны, история Югославии, историческая память, гражданская война

Анализ совокупности отношений между сербами и русскими в XII–XXI вв. на фоне разнообразных, взаимосвязанных и взаимозависимых уровней прошлого ясно демонстрирует исключительную значимость этих связей. Сербско-русские отношения, рассматриваемые в контексте истории сербского народа, представляют собой отношения с самой продолжительной преемственностью. *«При этом сербско-русские отношения не только самые продолжительные, но и по сравнению со связями и контактами сербского народа с другими великими державами или соседями, безусловно, наиболее содержательные, самые разнообразные и наиболее значимые с далеко идущими взаимными последствиями (духовными, культурными, социальными, образовательными, научными и политическими). Если взглянуть на эти отношения в контексте российского исторического развития, то по сравнению с контактами и связями с другими народами, русско-сербские связи имели заметное значение. Мы можем это утверждать, так как хотя из-за своего размера и значения на протяжении всей истории у России были отношения и контакты практически со всеми европейскими народами, однако даже в её истории довольно редки отношения, вроде тех, которые с сербским народом поддерживал русский народ практически со времён раннего средневековья, и непрерывно сохранял с конца XV в. Это тем более редко, если учесть, что речь шла о связях с народом, который никогда не входил в состав русского государства и даже не граничил с ним. Хотя русско-сербские отношения не имели такого реального политического значения, которое исторически имели отношения России с великими державами (с Францией, Германией, Турцией, Швецией, Персией, США и т.д.) или соседними народами (такими как поляки или финны), трудно не отметить, что эти связи длятся уже более восьми веков, и в них участвовали 26–27 поколений русских и сербов и, что ещё более важно, их разветвлённость, взаимные глубокие и далеко идущие духовные и культурные влияния, чрезвычайно мощные волны миграции из одной среды в другую сделали их заметной, хотя конечно и не столь значимой составляющей русской истории»* (Јовановић 2012: 251–252).

В обеих мировых войнах XX в. русские и сербы оказались народами, абсолютное большинство которых выступало на одной стороне – против германского империализма, который хотел поработить или даже истребить эти два славянских народа. В то же время конкретные воспоминания о Первой и Второй мировых войнах коренным образом отличаются у русских и сербов. Прибывающие в Белград российские политтехнологи из государственных организаций и крупных отечественных корпораций, развернувших свой бизнес в Сербии в XXI в., в доверительных беседах нередко сетуют на почти полное отсутствие в сербском обществе личных эмоций в связи с празднованием 9 мая 1945 г. или 20 октября 1944 г. (Дня освобождения Белграда) и восторгаются неожиданным энтузиазмом сербов по поводу далеких для большинства граждан РФ юбилеев Первой мировой войны. Эта противоположность, если не сказать контрастность в русском и сербском восприятии Первой и Второй мировой войны легко объ-

яснима. Для русских воспоминания о Первой мировой войны завешаны наслонившимися воспоминаниями о смуте Гражданской войне, в результате которой был развязан идеологический террор, исход проигравшей стороны и установление авторитарного режима. Коллективная память о героях Первой мировой войны увяла под влиянием её негативного баланса для русского народа – ввязавшись в эту войну без видимого общенационального повода¹, Россия понесла колоссальные в относительном и абсолютном исчислении потери (больше, чем любая другая страна-участник Первой мировой войны) и потеряла своих европейских территорий больше, чем её главный противник – Германия (Россия и СССР... 2001: 86). На оставшейся территории России в результате деятельности захвативших власть в 1917 г. политических групп (Временного правительства, а потом и Совнаркома) образовались федеративные метастазы, ставшие к концу XX в. государственными границами, разбившими национальное единство. В то же время Вторая мировая война получила контекст решающей битвы за существование и выживание многонационального народа России. Германский нацизм своим «планом Ост» и стратегией отделения от России территорий по линии «Архангельск – Астрахань» (Айххольтц 2002) превратил для русского народа заключительный этап периода мировых войн в войну за национальное выживание, по заслугам сохранившую историческое имя – Великая отечественная война. Советская Россия в 1945 г. не только отстояла все территории, входившие в её состав до 1941 г., но и получила сохранившееся и по сей день геополитически важное территориальное приращение – (Кенигсберг/Калининград). В результате этой войны Москва на грядущие полвека стала столицей одной из двух мировых супердержав. Воспоминания о Второй мировой войне пережили приступы разоблачительной лихорадки периода Н.С. Хрущёва, М.С. Горбачёва и Б.Н. Ельцина, и даже само крушение монопартийной идеологии, под руководством которой в 1945 г. и была завоевана Победа. В то же время лишь кропотливая работа последних двух десятилетий, которую ведут историки и другие специалисты в области исторической памяти, возрождает память о Первой мировой войне в российском обществе как о первом периоде мировых войн, не менее героическом, хотя и менее удачливом для России. В некоторой степени в этом процессе важно и восприятие этих событий в контексте миссии России на Балканах и русско-сербских связей (Вишняков, Тимофеев, Милорадович 2018: 5).

В Сербии и России восприятие Мировых войн прямо противоположно. Для сербов события Второй мировой войны замутнены воспоминаниями о Гражданской войне, которая вспыхнула в стране сразу после оккупации 1941 г. и продолжалась в разных формах ещё несколько лет после 1945 г. (Тимофеев,

¹ Поддержка независимости Сербии как повод для вступления в войну была практически забыта в русском обществе в ходе войны после окончания горячки летнего кризиса 1914 г. Одним из знаковых примеров этого забвения является почти полное отсутствие плакатов или лубков о судьбе Сербии в богатом графическом наследии русской военной пропаганды 1914-1917 гг. (Бабурина 1992).

Драгишич, Тасич 2020: 492). Не стоит забывать и о том, что свыше 70% граждан Югославии, погибших в годы Второй мировой войны, пало от руки сограждан (Тимофеев 2010: 3). Очевидно, что кроме оккупации в стране шла многослойная Гражданская война. Одним из её слоев было противостояние сербов и недовольных народов (хорватов, албанцев, боснийских мусульман, воеводинских немцев и венгров), пытавшихся жестоко отомстить сербам за навязанное им после Первой мировой войны пребывание в Югославии. С другой стороны, само сербское общество было поделено между теми, кто стал опорой Германии (сторонники Д. Лютича и М. Недича), теми, кто поднял партизанское восстание, ориентируясь на СССР (сторонники Й. Броза Тито), и теми, кто организовывал подпольные отряды Сопротивления, ориентируясь на англо-американцев (четники Д. Михайловича). Вся эта кровавая каша не закончилась с освобождением Белграда от немецкой оккупации в октябре 1944 г. Террор, развязанный Тито в результате победы монопартийного режима, в первом послевоенном десятилетии 1944-1954 г. был более кровавым (в пропорциональном соотношении), чем сталинское правосудие в том же периоде в послевоенном СССР (Zatočnici Golog Otoka... 2016: 48). Численность эмиграции из Югославии после установления там монопартийной диктатуры Й. Броза Тито соизмерима с численностью беженцев из России, после окончания Гражданской войны (Тимофеев, Драгишич, Тасич 2020: 86). После четырёхлетней кровавой бойни с окончанием Второй мировой войны сербские земли (а именно они составляли костяк обоих движений Сопротивления) не получили территориальных приращений. Напротив, сербы (как русские после 1917 г.) были разбиты новыми границами автономий и республик, «минами под государственность», взорвавшимися в конце XX в. (Гуськова 2001: 39-79). В послевоенные годы в титовской Югославии имели место открытые манипуляции с очевидными фактами Второй мировой войны (Црвена армија... 2018: 9-29). Заигравшиеся титовские пропагандисты стали первыми в Европе, кто начал уничтожать памятники советским солдатам-освободителям ещё в начале 50-х гг. (Живановић 2020: 232). После смерти И.В. Сталина и примирения с СССР этот процесс приостановили, но идеологическая трактовка событий Второй мировой войны доминировала. Немудрено, что после падения монопартийного режима память о Второй мировой войне была окончательно девальвирована, а памятники освободителям (и партизанам, и красноармейцам), оказались в разрухе и запущении (Manojlović-Pintar 2005).

В результате всех этих манипуляций в общественном сознании сербов воспоминания о Второй мировой войне укоренились лишь в рамках матрицы гражданской войны, с восприятием 1944 г. как победы «красных». Покрывавший лицемерной левой риторикой невиданный разгул коррупции и волюнтаризма авторитарный президент С. Милошевич в этой картине мира воспринимался как «красный», а сербская оппозиция 90-х, победившая на выборах в 2000 г., как наследник противников Тито в сербской гражданской войне 1941-1945 гг. (Тимофеев 2016: 26).

В титовской Югославии воспоминания о Второй мировой войне подвергались идеологической деформации (как в СССР, в котором на вопрос о том, кто сжёг Катынь, отвечали «фашисты», а на вопрос о том, кто был расстрелян в Бабьем Яру – «советские граждане») (Альтман 2002: 399). Вопросы о лагере смерти «Ясеновац», о «ямах смерти» и геноциде сербов в Независимой Хорватии (НГХ) в годы Второй мировой войны были горячими, но замалчиваемыми в титовской Югославии вопросами. Официальная титовская историография пыталась искусственно установить баланс жертв, уравнивая «четников» и «уstashей». Это было отчаянным искажением исторической истины. Усташский режим, который контролировал НГХ, был официальным союзником Третьего рейха. Независимое государство Хорватии, созданное усташами, стало единственным кроме Третьего рейха государством, официально создавшим лагерь уничтожения на своей территории – лагерь «Ясеновац», организованный для убийства сербов и евреев (Encyclopedia of the Holocaust 2000). Равногорское движение четников Д. Михайловича, несмотря на его тёмные стороны (тактические соглашения с оккупантами, этнические чистки и убийства из мести мусульман и католиков в НГХ), было официально признано союзным со стороны англо-американцев, державших у них своих офицеров связи до осени 1944 г. Даже в изданном в СССР сборнике документов упоминались в качестве противников Рейха не только партизаны, но и «хорошо вооружённые, поддерживаемые англосаксами банды... четников под командованием Драже Михайловича численностью 30 тыс. человек» (Совершенно секретно... 1967: 544). В то же время титовская партийная историография имела тенденцию сваливать четников и уstashей в одну кучу, что не могло не иметь далёких последствий для деформации воспоминаний о Второй мировой войне.

В 90-е гг. после падения идеологических запретов в Югославии вслух было произнесено то, что накапливалось годами в результате замалчивания трагического прошлого периода Второй мировой войны. Воспоминания о Второй мировой войне не сплывали, а разделяли народы Югославии. Сербь стали называть хорватов «уstashами», имея в виду положительное отношение к НГХ в новой Хорватии и лично её президента Ф. Туджмана, насаждавшего характерные узоры и символику НГХ в новорождённом государстве. В свою очередь хорваты называли сербов «четниками», опираясь на идеологический штамп о четниках как синониме слова «фашист» в пропагандистском лексиконе титовской Югославии. Югославия С. Милошевича была страной, которая хранила верность коммунистической фразеологии, несмотря на крушение этой идеологии во всех европейских странах, что превращало страну в изгоя. Символом этих сложных времен стало празднование в Москве 50-летия Победы 9 мая 1995 г., когда решивший восстановить официальное звучание праздника президент РФ Б.Н. Ельцин торжественно принял в день торжества 52 главы иностранных государств, включая президента США Б. Клинтона (Айрапетян 2015). При этом в Москву «забыли» пригласить нелюбимого Б.Н. Ельциным и обло-

женного санкциями «последнего красного диктатора» С. Милошевича, получившего только приветствия коммунистической оппозиции в РФ (Гуськова 2001: 506). Этот жест по отношению к Югославии стал звонкой пощёчиной сербам, тем более болезненной, что в Москву на парад был приглашен лидер Хорватии Ф. Туджман. Президент Ф. Туджман ярко выделялся даже на фоне других лидеров посткоммунистической Европы 90-х, среди которых было немало крайних националистов. Например, на предвыборном митинге в загребском районе Дубрава в апреле 1990 г. он громогласно заявил, что рад, «что его жена не сербка и не еврейка». В своём переиздававшемся несколько раз в 80-е и 90-е гг. программном труде «Распутица политической реальности» Ф. Туджман сомневался в существовании геноцида евреев и сербов в НГХ и в численности его жертв. Более того, в главе «Повсеместная вездесущность актов геноцида» в том же труде он одобрительно писал об актах геноцида: «с одной стороны, они неизбежно углубляют исторические противоречия, разжигают межэтническую ненависть и поощряют ответные импульсы, способствуя тем самым поддержанию междонародной напряжённости и возникновению всё новых и новых конфликтов. С другой стороны, они приводят к этнической гомогенизации отдельных народов, к большей гармонии национального состава населения и национальных границ отдельных стран, и это может оказать положительное влияние на будущие события с точки зрения уменьшения причин нового насилия и причин новых конфликтов и потрясений» (Tuđman 1989: 164). Отношение к Ф. Туджману, ответственному за акты геноцида в Хорватии и Боснии, было невысоким даже на Западе – на его торжественных похоронах вопреки дипломатическим традициям не появился ни один ведущий политик из США и ЕС. Военные преступления в Гааге с именем Ф. Туджмана связали сразу же после его смерти².

К ожидаемому негодованию сербского общества Россия вскоре после торжественного юбилея в Москве наградила Ф. Туджмана, организовавшего геноцид сербского населения в Хорватии в рамках операции «Олуя» в 1995 г., медалью Г.К. Жукова «за вклад в антифашистскую борьбу»³. Причём речь шла не только о не очень нужной для хорватского президента награде, а о своеобразном послании Сербии и Югославии. Спустя десять лет хорватская газета «Ютарни лист» опубликовала интервью с разоткровенничавшимся пенсионером – бывшим российским послом в Хорватии, вручавшим награду (Mijatović 2000: 205), ставшую неожиданным сюрпризом для хорватского общественного мнения⁴. Согласно статье хорватского журналиста, бывший российский посол в Хорватии заявил: «Когда мы наградили Туджмана орденом [на самом деле медалью – АТ] Жукова,

² Tuđman would have been charged by war crimes tribunal. *Radio Free Europe/Radio Liberty*. 10 November 2000. [Электронный ресурс] <https://www.rferl.org/a/1142280.html> (accessed 27.07.2020).

³ Priopćenje Ureda predsjednika Franje Tuđmana svibanj 1995. [Электронный ресурс] URL: <http://predsjednik.hr/Moskva09.05.1995> (accessed 27.07.2020).

⁴ F. Tuđman primio visoko rusko odlikovanje. *ONASA*. 06.11.1996. [Электронный ресурс] URL: <http://www.infobiro.ba/article/165007> (accessed 27.07.2020).

сербы свои награды выбросили. Я воспринял это как комплимент. И это была правда»⁵. В настоящее время сложно вспомнить краткосрочное положительное влияние этого дипломатического шага, а вот его отрицательные последствия до сих пор на лицо. Об этой российской награде одиозному хорватскому политику (которого неоднозначно воспринимают в нынешней Хорватии) регулярно напоминают в целях антироссийской пропаганды в Сербии пронататовские авторы в Сербии⁶ и Хорватии.⁷

Ситуация коренным образом изменилась после падения режима С. Милошевича в 2000 г. Теперь уже первые лица Сербии не захотели приехать в Москву на 60-летние торжества в честь дня Победы из Белграда в 2005 г. На это торжественное празднество, вновь собравшее свыше 50 первых лиц от президента США Дж. Буша до президента Украины В. Ющенко, не прибыли ни сербский премьер В. Коштуница, ни президент Сербии Б. Тадич. В Москву полетел малоавторитетный чиновник – С. Марович (формальный глава нефункционального сообщества «Сербия и Черногория»). В самой Сербии вне зоны общественного внимания остался тот факт, что в первом десятилетии после свержения С. Милошевича официальные торжества, связанные с мировыми и местными датами Второй мировой войны, были сведены к минимуму новыми властями, толковавшими события прошлого в рамках парадигмы гражданской войны. В честь 9 мая 2005 г. премьер Сербии Б. Тадич возложил венок к могиле неизвестного солдата Первой мировой войны в пригороде Белграда на г. Авала, а премьер Сербии В. Коштуница официально возложил венок к памятнику пилотам королевских ВВС Югославии, защищавшим Белград в апреле 1941 г.⁸

Память о героях войны и о боевом братстве русского и сербского народа в годы Второй мировой войны стала возрождаться в Сербии в силу изменения внешнеполитических обстоятельств. Белград, шагавший с 2000 г. в ногу с Западом, начал сбиваться с этого унисона. Вашингтон и Брюссель пролоббировали в 2006 г. независимость Черногории (на что Белград был вынужден сквозь зубы согласиться), а в феврале 2008 г. признали одностороннее провозглашение независимости республики Косово вопреки категорическому протесту Белграда, который с этим до сих пор окончательно не смирился. В то же время Белград, уже пустивший к тому времени на собственный рынок ТЭК «Лукойл», в декабре 2008 г. подписал с нефтяным подразделением «Газпрома» соглашение о продаже 51% акций национального нефтеперерабатывающего монополиста – «Нефтя-

⁵ Vurušić V. Rusija je bila na strani Hrvatske. *Jutarnji list*. 17. veljača 2007.

⁶ Lunić N. Moskva suzama ne veruje. *Vreme*. 14. novembar 2019.

⁷ Tuđmana je Boris Jeljcin 1996. godine odlikovao Medaljom Žukov [Электронный ресурс] URL: <https://vojnepovijest.vecernji.hr/vojna-povijest/predsjednik-rh-franju-tudmana-je-boris-jeljcin-1996-godine-odlikovao-medaljom-zukov-1002572> (accessed 27.07.2020).

⁸ Obeležavanje 60 godina Pobede. B92, 8.05.2005. [Электронный ресурс] URL: https://www.b92.net/info/vesti/index.php?yyyy=2005&mm=05&dd=08&nav_category=12&nav_id=167988 (дата обращения: 27.07.2020).

ной индустрии Сербии», окончательно связав будущее своего ТЭК с Россией⁹ (Центральная и Юго-Восточная Европа...2015: 283).

В рамках этого поворота от однозначного вассального отношения к Западу к более уравновешенной внешней политике руководство Сербии попыталось опереться на историческую память и восстановить в сербском обществе воспоминания о событиях 1941-1945 гг. как важном периоде истории, в котором есть, чем гордиться. Президент Сербии Б. Тадич посетил 20 октября 2008 г. кладбище освободителей Белграда (после нескольких лет забвения со стороны официальных делегаций) и возложил цветы к общему памятнику советским и югославским солдатам, павшим в битве за его освобождение в октябре 1944 г. В рамках того же утилитарного подхода 5 августа 2009 г. состоялся телефонный разговор сербского и российского президентов, в ходе которого «сербская сторона выразила инициативу о необходимости совместно отметить 65-летие освобождения Белграда». В октябре 2008 г. состоялся исторический визит президента России в Сербию, начавшую активно и публично восстанавливать в исторической памяти положительный образ героев Второй мировой войны. По телевидению вновь начали демонстрировать старые фильмы о войне, реставрировать памятники красноармейцам и партизанам, украшать их венками ко дню освобождения Белграда – 20 октября и к Дню Победы – 9 мая (Jovanović 2009). Апогеем этого «юбилейного» сближения стал визит в Сербию в октябре 2014 г. президента РФ В.В.Путина, который был официально приурочен к 70-летию битвы за Белград. В честь прибытия В.В. Путина юбилейные торжества были перенесены с обычной даты празднования (20 октября) на 16 октября, что ещё раз подчеркнуло роль России в формировании воспоминаний о Второй мировой войне. Несомненную «государственную значимость» и «общественную желательность» воспоминаний о событиях Второй мировой войны в Сербии, как части общих воспоминаний о боевом братстве русского и сербского народов, укрепляли и приуроченные к памятным юбилеям визиты президента и премьера России в Белград и руководителей Сербии в Москву, имевшие место в течении последних 10 лет. В октябре 2019 г. премьер РФ Д.А. Медведев вновь посетил Белград в дни торжеств, связанных с юбилеем освобождения столицы страны от немецко-фашистских захватчиков, и вновь его визит стал апофеозом общенационального празднования и триумфа. В то же время, нельзя не отметить, что в юбилейных торжествах, связанных со Второй мировой войной, руководство России и Сербии теперь связывает не только общее участие в юбилейных торжествах. В сентябре 2019 г. общественность двух стран не могла не обратить внимание на то, что лидеры России и Сербии не были приглашены на юбилейные торжества в Варшаве по поводу юбилея начала Второй мировой войны¹⁰.

⁹ *Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX – начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник.* 2015. Москва – Санкт-Петербург: Нестор. 479 с.

¹⁰ *Srbija i Rusija nisu pozvane na obeležavanje početka Drugog svetskog rata* [Электронный ресурс] URL: <http://www.rts.rs/page/stories/sr/story/9/politika/3643502/srbija-i-rusija-nisu-pozvane-na-obelezavanje-pocetka-drugog-svetskog-rata.html> (accessed 27.07.2020).

Спустя десять лет после поворота во внешней политике Сербии (2008 г.) памятники освободителям Белграда стали украшать цветами не только на государственном уровне к визитам в Сербию В.В. Путина и Д.А. Медведева. Под влиянием России в сербских землях в 2015-2019 гг. массовость набрала акция «Бессмертный полк» – как формы массового свидетельства о боевом братстве двух народов. Эта активность развивается, как и в России под зримым, хотя и неофициальным покровительством государства¹¹. Эмблема сербского движения – трогательное сочетание сербского герба (креста с четырьмя огнивами) и звезды, выложенной георгиевской ленточкой, позади которых расположена неофициальная эмблема кураторов патриотической организации – легендарные щит и меч¹².

Наравне с этим «экспортным» вариантом общественной организации «хранителей памяти» о Второй мировой войне со времён титовской Югославии сохранился и некогда мощный и многочисленный СУБНОР («Союз обществ борцов Народно-освободительной войны Югославии») – ветеранская организация титовских партизан, основанная в 1947 г. и состоявшая из республиканских отделений. После распада Югославии в 1991 г. эта организация до 2006 г. состояла из двух частей – из черногорской и сербской организаций. Обе они настаивали на сохранении титоистской версии истории событий 1941-1945 гг. в Югославии. В то же время внутри обеих ветеранских организаций существовали разные ответвления, связанные с естественным процессом ухода ветеранов и с потребностью обновления кадров. В Черногории (где организацию переименовали в СОБНОР) ветераны партизанского движения не смогли совершенно логично объединиться с ветеранами югославских войн 90-х гг., выходцами ЮНА. Вместо этого обновление шло за счёт молодых политиков, настаивавших на идеологии «антифашизма», понимаемого не как сопротивление малых народов насилию обнаглевших империалистических держав, а как приверженность «левому культурному образцу» (в рамках которого толкуют деятельность партизан). Носителям такой идеологии близки и приятны бородатые женщины, и отвратительны сербские священники и традиционалисты. Именно эту идеологию активно культивируют пронататские власти нынешней Черногории. М. Джуканович на празднестве, посвящённом Дню Восстания 13 июля 1941 г., открыто сформулировал это новое видение партизанского наследия: «Антифашизм – первое фундаментальное условие возникновения и выживания [независимой] Черногории. В нём и достигнутое Черногорией членство в НАТО, и будущее в Европейском союзе»¹³. Продолжатели традиций партизан из черногорского СОБНОР не только активно поддерживают евроатлантические ценности, но и активно

¹¹ Srbija kao domaćin i ispostava ruskog Besmrtnog puka [Электронный ресурс] URL: <https://www.slobodnaevropa.org/a/srbija-besmrtni-puk/30183562.html> (дата обращения: 27.07.2020).

¹² Бесмртни пук. Србија. Фондација. [Электронный ресурс] URL: <http://www.besmrtnipuk.rs/> (accessed 27.07.2020).

¹³ S.R. Širom Crne Gore proslavljen i obilježen 13. jul. *Dan*. 14. Jul. 2018.

выступают против СПЦ и сербских пророссийских партий в Черногории¹⁴. Эти традиции перерождения местного ветеранского движения в маргинальный левацкий «культурный антифашизм» отчётливо заметны и в других республиках бывшей Югославии (в Хорватии, Словении и в Федерации Боснии и Герцеговины). Таким образом, официальный черногорский СУБНОР окончательно отказался от традиций антиимпериалистического движения тех, кто боролся за свободу народа против попыток навязать силой идеологию, доминировавшую в объединённой Европе в 1941-1945 г., и превратился в дежурного прислужника идеалов мультикультурализма и евроатлантизма¹⁵.

В Сербии левацкое мутирование СУБНОРа было приостановлено. В отличие от Черногорских ветеранов партизанского движения, в Сербии молодых леваков в организацию не приняли. С января 1999 г. в Сербии действовало созданное «культурными левыми» и отдельными представителями СУБНОРа Общество за истину о Народно-освободительной борьбе в Югославии, которое так и не смогло по черногорскому образцу завладеть СУБНОРом¹⁶. Ныне эта фракция существует в форме Союза антифашистов Сербии (САФС). Окончательный раскол относится к 2004 г., когда решением правительства Сербии были уравнены в правах партизаны Тито и четники Д. Михайловича (Тимофеев 2012: 301). В результате раскола в 2004-2011 г. сербские комеморативные организации, хранящие память о партизанах Второй мировой войны, цитируя Е. Летова, «разложились на плесень и на липовый мед» (Летов 1997: 131). Союз антифашистов Сербии считает своими главными врагами четников и тех, кто их оправдывает, а во Второй мировой войне видит войну «левых» против безнациональных фашистов, безликих нацистов и сербских националистов. Логическим выводом из этого становится осуждение сербских участников войн 90-х (когда на фронте плечом к плечу воевали и определявший свою национальность до 1991 г. как югославянин Р. Младич и рафинированный сербский националист Р. Караджич), а также сербской православной церкви и сербских националистов. От пролетарского интернационализма САФС, не переставая жонглировать красными знамёнами, перешло к идеологии мультикультурализма и, как следствие, к евроатлантическим перспективам. В результате соратниками бывших борцов за истину о Народно-освободительной борьбе в Югославии (нынешний САФС) стали такие НПО, как «Женщины в чёрном», «Хельсинская группа», «Инициатива молодежи за права человека» и др., а главным спонсором стал «Фонд Открытое общество – Сербия»¹⁷. Малочисленное, но лихорадочно публичное Общество за истину/САФС, активно маскируется красными звёздами и орденоносными портретами престарелого маршала Тито. Реакцией на де-

¹⁴ Kadić V. Bura u Crnoj Gori. Borci NOR bore se za raspopa Miraša?! *Novosti*. 01. jul 2019.

¹⁵ SUBNOR i Antifašisti CG: Cilj protesta je nasilno rušenje legitimne vlade. *Vijesti*. 23. oktobar 2015.

¹⁶ Glas istine. List Društva za istinu o antifašističkoj Narodnooslobodilačkoj borbi u Jugoslaviji 1941-1945. br.1, januar 1999.

¹⁷ Savez antifašista Srbije [Электронный ресурс] URL: <http://antifasisti.org/safs> (accessed 27.07.2020).

тельность САФС и им подобных левацких интеллектуалов стала консервация в современном сербском обществе представлений о Второй мировой войне в Югославии как войне гражданской, что в конечном итоге неизбежно способствует девальвации этих воспоминаний. С другой стороны, СУБНОР Сербии вернулся к своей изначальной ветеранско-собесовской функции, опираясь, как и прежде, на поддержку государства. Его деятельность имеет нисходящую публичность, однако он продолжает заниматься материальной поддержкой ветеранов, боровшихся за свободу Югославии и Сербии в 1941-1945, в 1991-1995 и в 1999 гг. В силу своих рудиментарных социальных функций (основная их часть находится в руках государства) и опоры на муниципальную инфраструктуру (отделения СУБНОР по старинке находятся в каждой муниципальной управе в Сербии) эта организация намного превосходит по численности своих конкурентов из рядов прозападных (САФС) и промосковских конкурентов («Бессмертный полк» Сербия).

Сербское государство, конечно же, держит руку на пульсе всех трёх организаций, но в последнее время, кроме обязательной поддержки СУБНОРу благосклонно смотрит и на «Бессмертный полк». Ярким свидетельством этого является проведение 25 сентября 2019 г. в Доме армии Сербии международной конференции «Бессмертный полк», на которой присутствовало 80 участников из 55 стран. Эту конференцию профинансировала Российская Федерация, но участвовали в нём министр труда, трудоустройства, ветеранов и социальной поддержки З. Джорджевич и бессменный генеральный директор государственной компании монополиста «Сербиягаз» Душан Баятович (в функции председателя Русского географического общества в Сербии)¹⁸. В организации торжеств участвовали не только высокопоставленные партийные активисты правящей партии, но и побратимы российских байкеров, реконструкторы и новорожденное «Балканское казачество», что придаёт шествиям дополнительную красочную карнавальность. О реальном долговременном влиянии этих организованных шествий на историческую память сербов можно будет говорить лишь с исторической дистанции¹⁹.

На сегодняшний момент можно утверждать лишь, что парадигма Гражданской войны и далее является в Сербии доминантной, когда речь заходит о восприятии событий 1941-1945 гг. в Югославии. Характерно, что в 2010 г. после десятилетнего официального забвения лишь 21% граждан Сербии вспомнило точный день освобождения Белграда во Второй мировой войне (20 октября 1941 г.), лишь 38% точно ответили на вопрос о дате начала и окончания Второй мировой войны (1939-1945 гг.), и лишь 60% граждан точно смогли назвать точную дату

¹⁸ Međunarodna konferencija besmrtni puk prvi put u Beogradu. *Kurir*. 25. septembra 2019.

¹⁹ Sutra u Nišu maršira Besmrtni puk [Электронный ресурс] URL: <https://gradskiportal018.rs/2019/05/08/sutra-u-nisu-marsira-besmrtni-puk/> (accessed 27.07.2020).

общегосударственного праздника День победы (9 мая)²⁰. При этом тенденция восприятия Второй мировой войны через призму Гражданской войны ослабляется очень медленно. В 2010 г. почти половина (48%) граждан назвали Д. Михайловича «пособником оккупантов» (т.е. оценили его в духе исключительности эпохи Гражданской войны), что вызывает противоположную реакцию другой половины респондентов (считающей преступлением кровавые репрессии, прокатившиеся по Сербии в октябре-ноябре 1944 г.)²¹. По данным экспресс-опроса 2016 г., лидера партизан Иосипа Броза Тито назвали лучшим политиком минувшего столетия (в том же духе исключительности, свойственной для Гражданской войны) уже не половина, а треть (около 32%) респондентов²². В 2018 г. 59,2% респондентов оценили роль Д. Михайловича в судьбе страны как позитивную, и в том же опросе 59,1% опрошенных оценили позитивно роль Тито в судьбе страны в годы Второй мировой войны²³. В этом опросе, очевидно, появилось значительное число тех, кто проголосовал одновременно и за Тито, и за Д. Михайловича (т.е. способны оценить их как лидеров Сопротивления в первую очередь и лишь вторично как лидеров Гражданской войны), но их численность всё ещё меньше тех, кто привык к восприятию событий Второй мировой войны, как войны гражданской. Последние данные означают, что процесс заживления ран гражданского конфликта достаточно медленно, но всё же идёт.

В этом преодолении раскола сербского общества и духа Гражданской войны исключительно важно влияние России и русских официальных и народных мемориальных традиций, связанных с событиями Второй мировой войны. Сегодняшние граждане Сербии относятся к России исключительно тепло (лучше, чем в абсолютном большинстве других европейских стран). Так, к лидеру России в Сербии положительно относится 83% опрошенных, 64% опрошенных положительно оценило внешнюю политику РФ, 73% опрошенных осудили политику санкций против РФ со стороны ЕС и США. При этом речь не идёт о конформизме (как в опросах некоторых авторитарных стран Азии, которые также показывают устойчивые пророссийские настроения) и не о сиюминутном результате влияния властей (поддерживают нынешнее правительство в Сербии лишь 37% опрошенных, а полностью доверяют государственным СМИ лишь 12%) (Voice of the People... 2019: 46). Положительное отношение к России и русским в Сербии должно повлиять на укрепление воспоминаний об общем сопротивлении империалистическим поползновениям западного империализма и поможет в ликвидации шрамов гражданской войны. Общая память о совместном участии во Второй мировой войне остается важной составляющей в мозаике взаимовосприятия сербского и русского народов.

²⁰ Milanović Hrašovec I. Istraživanje – istorija i mi: Propuštena prva lekcija. *Vreme*. 28. oktobar 2010.

²¹ Milanović Hrašovec I. Istraživanje – istorija i mi: Propuštena prva lekcija. *Vreme*. 28. oktobar 2010.

²² Mihailović S. Analiza - Istraživanje javnog mnjenja Srbije. *Demostat*. Oktobar 2016.

²³ Miladinović I. I Dalje mislite da je bravar bio bolji? Novo istraživanje pokazuje da je u Srbiji Draža popularniji od Tita! *Kurir*. 05. juna 2018.

Об авторе:

Алексей Юрьевич Тимофеев – доктор исторических наук, профессор Исторического отделения Философского факультета Белградского университета. Ведущий научный сотрудник Института новейшей истории Сербии. Философский факультет - Университет в Белграде, ул. Чика-Льубина 18-20, Белград 11000, Сербия. E-mail: al.timofev@gmail.com

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 19-09-00163.

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: March 09, 2020
Accepted for publication: May 15, 2020

Metamorphoses of memory of the the Russian-Serbian Brotherhood of War in Modern Serbia

A.Yu. Timofeev
DOI 10.24833/2071-8160-2020-4-73-142-156

University of Belgrade

Abstract: The article considers the perception of World War II in modern Serbian society. Despite the stability of Serbian-Russian shared historical memory, the attitudes of both countries towards World wars differ. There is a huge contrast in the perception of the First and Second World War in Russian and Serbian societies. For the Serbs the events of World War II are obscured by the memories of the Civil War, which broke out in the country immediately after the occupation in 1941 and continued several years after 1945. Over 70% of Yugoslavs killed during the Second World War were slaughtered by the citizens of former Kingdom of Yugoslavia. The terror unleashed by Tito in the first postwar decade in 1944-1954 was proportionally bloodier than Stalin repressions in the postwar USSR. The number of emigrants from Yugoslavia after the establishment of the Tito's dictatorship was proportionally equal to the number of refugees from Russia after the Civil War (1,5-2% of prewar population). In the post-war years, open manipulations with the obvious facts of World War II took place in Tito's Yugoslavia. In the 1990s the memories repressed during the communist years were set free and publicly debated. After the fall of the one-party system the memory of World War II was devalued. The memory of the Russian-Serbian military fraternity forged during the World War II began to revive in Serbia due to the foreign policy changes in 2008. In October 2008 the President of Russia paid a visit to Serbia which began the process of (re) construction of World War II in Serbian historical memory. According to the public opinion surveys, a positive attitude towards Russia and Russians in Serbia strengthens the memories on general resistance to Nazism with memories of fratricide during the civil conflict events of 1941-1945 still dominating in Serbian society.

Keywords: Russian-Serbian relations, history of the Second World War, history of Yugoslavia, historical memory, civil war

About the author:

Alexey Yu. Timofeev – Doctor of Historical Sciences, Professor of the History Department of the Philosophical Faculty of the University of Belgrade. Senior research fellow, The Institute for Recent History of Serbia. Faculty of Philosophy - University of Belgrade, ul. Chika-Llubina 18-20, Belgrade 11000, Serbia. Email: al.timofev@gmail.com.

Acknowledgements: This work was carried out under the Russian Foundation for Basic Research grant No. 1 19-09-00163.

Conflict of interests: The author declares absence of conflict of interest.

References:

Encyclopedia of the Holocaust. 2000. Rozett, Robert & Shmuel Spector (Ed.) Jerusalem: Yad Vashem and Facts on File Inc. Jerusalem Publishing House Ltd. 528 p.

Voice of the People. 42nd Annual Global End of Year Survey. 2018. Opinion Poll in 58 Countries across the Globe. 2019. Zürich: Gallup International. 77 p.

Crvena armija i ruska emigracija u Jugoslaviji za vreme Drugog svetskog rata u ogledalu anti-ib-ovske propagande. 2018. Red. A.Timofeev. Beograd: Ukronija. 265 p. (In Serbian)

Jovanović M. 2009. Medvedev u Beogradu: dva aspekta najavljene posete. *Praćenje rusko – srpskih odnosa. V Izveštaj*. Beograd: ISAC Fond. P. 9-16 (In Serbian)

Jovanović M. 2012. *Srbi i Rusi, 12-21. vek: istorija odnosa*. Beograd: Narodna biblioteka Srbije. 254 p. (In Serbian)

Manojlović-Pintar O. 2005. 'Široka strana moja rodna' Spomenici sovjetskim vojnicima podizani u Srbiji 1944 – 1954". *Tokovi istorije*. 1-2. P. 134-145 (In Serbian)

Mijatović A. 2000. *Pregled političkog i državničkog rada dr. Franje Tuđmana: 1989-1999*. Zagreb: Zaklada hrvatskoga državnog zavjeta. 276 p. (In Croatian)

Tuđman F. 1989. *Bespuća povijesne zbiljnosti: rasprava o povijesti i filozofiji zlosilja*. Zagreb: Nakladni zavod Matice hrvatske. 505 p. (In Croatian)

Zatočenici Golog Otoka: registar lica osuđivanih zbog Informbiroa: dokument Uprave državne bezbednosti FNR Jugoslavije. 2016. Red. Miloradović G., Timofeev A., Jovanović M., Mihailović D. Beograd: Arhiv Srbije. 527 p. (In Serbian)

Živanović M. 2020. *I krst i petokraka. Ruski grobni kompleksi u Jugoslaviji u 20. veku*. Beograd: INIS. 384 p. (In Serbian)

Ajsholtc D. 2002. Celi Germanii v vojne protiv SSSR [Germany's Goals in the War against the USSR]. *Novaja i novejšaja istorija*. №6. P. 62-89 (In Russian)

Ajrapetjan B.V. 2015. *Voennye parady na Krasnoj ploshhadi* [Military Parades on Red Square]. Moscow: Krasnaja Zvezda. 452 p. (In Russian)

Altman I.A. 2002. *Zhertvy nenavisti. Holokost v SSSR, 1941–1945 gg.* [Victims of Hate. The Holocaust in the USSR, 1941-1945]. Moscow: Kovcheg. 544 p. (In Russian)

Baburina N.I. 1992. *Russkij plakat Pervoj mirovoj vojny* [Russian World War I Poster]. Moscow: Iskustvo i kul'tura. 119 p. (In Russian)

Gus'kova E.Ju. 2001. *Istorija jugoslavskogo krizisa (1990-2000 gg.)* [History of the Yugoslav Crisis (1990-2000)]. Moscow: Russkij Nacional'nyj Fond. 717 p. (In Russian)

Letov E. 1997. *Ja ne verju v anarhiju* [I Don't Believe in Anarchy]. Sbornik statej. Moscow: List-n'ju. 255 p. (In Russian)

Rossija i SSSR v vojnah XX veka. Poteri vooruzhennyh sil [Russia and the USSR in the Wars

of the 20 Century. Losses of the Armed Forces]. 2001. Red. Krivosheev G.F. Moscow: Olma-Press. 607 p. (In Russian)

Sovershenno sekretno! Tol'ko dlja komandovanija!. Strategija fashistskoj Germanii v vojne protiv SSSR. Dokumenty i materialy [Top secret! Only for the Command! Strategy of Nazi Germany in the War against the USSR. Documents and Materials]. 1967. Red. Dashichev V.I. Moscow: Nauka. 752 p. (In Russian)

Timofeev A.Ju. 2010. *Russkij faktor. Vtoraja mirovaja vojna v Jugoslavii. 1941–1945* [Russian Factor. World War II in Yugoslavia. 1941–1945]. Moscow: Veche. 394 p. (In Russian)

Timofeev A.Ju. 2012. *Chetniki. Korolevskaja armija* [Chetniks. Royal Army]. Moscow: Veche. 269 p. (In Russian)

Timofeev A.Ju. 2016. Jugoslavija-2000: tehnologija i taktika «jekspress-revoljucij». Podgotovka sverzhenija S.Miloshevicha [Yugoslavia-2000: Technology and Tactics of "Express Revolutions". The Preparation of the Overthrow of Slobodan Milosevic]. *Obozrevatel'. Nauchno-analiticheskiy zhurnal*. № 4 (315) - 5 (316). P. 26-38; 37-58. (In Russian)

Timofeev A.Ju., Dragishich O., Tasich D. 2020. *Vojna posle vojny. Dvizhenie soprotivlenija na Balkanah 1945—1953 gg.* [The War after the War. The Resistance Movement in the Balkans 1945-1953]. Moscow: Veche. 525 p. (In Russian)

Vishnjakov Ja.V., Timofeev A.Ju., Miloradovich G. 2018. *Na dal'nih rubezhah. Rossija i Serbija v gody Pervoj mirovoj vojny. 1914–1917* [On the Distant Frontiers. Russia and Serbia during the First World War. 1914–1917]. Moscow: MGIMO-University. 492 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Айрапетян Б.В. 2015. *Военные парады на Красной площади*. Москва: Красная Звезда. 452 с.

Айххольц Д. 2002. Цели Германии в войне против СССР. *Новая и новейшая история*. №6. С. 62-89

Альтман И.А. 2002. *Жертвы ненависти. Холокост в СССР, 1941–1945 гг.* Москва: Ковчег. 544 с.

Бабурина Н.И. 1992. *Русский плакат Первой мировой войны*. Москва: Искусство и культура. 119 с.

Вишняков Я.В., Тимофеев А.Ю., Милорадович Г. 2018. *На дальних рубежах. Россия и Сербия в годы Первой мировой войны. 1914–1917*. Москва: МГИМО-Университет. 492 с.

Гуськова Е.Ю. 2001. *История югославского кризиса (1990-2000 гг.)*. Москва: Русский Национальный Фонд. 717 с.

Летов Е. 1997. *Я не верю в анархию. Сборник статей*. Москва: Лист-нью. 255 с.

Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. 2001. Ред. Кривошеев Г.Ф. Москва: Олма-Пресс. 607 с.

Совершенно секретно! Только для командования! Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. 1967. Ред. Дашичев В.И. Москва: Наука. 752 с.

Тимофеев А.Ю. 2010. *Русский фактор. Вторая мировая война в Югославии. 1941–1945*. Москва: Вече. 394 с.

Тимофеев А.Ю. 2012. *Четники. Королевская армия*. Москва: Вече. 269 с.

Тимофеев А.Ю. 2016. Югославия-2000: технология и тактика «экспресс-революций». Подготовка свержения С.Милошевича. *Обозреватель. Научно-аналитический журнал*. 4(315) - 5(316). С. 26-38; 37-58.

Тимофеев А.Ю., Драгишич О., Тасич Д. 2020. *Война после войны. Движение сопротивления на Балканах 1945—1953 гг.* Москва: Вече. 525 с.

«В память о невинных жертвах...»? Блайбург — спорное «место памяти» Хорватии

М.В. Белов, С.В. Кузнецова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского

Статья посвящена блайбургскому мифу в политике памяти современной Хорватии. В середине мая 1945 г. британская военная администрация передала югославским партизанам контингенты, пытавшиеся перебраться на Запад, чтобы избежать вероятной расправы над ними со стороны победителей-коммунистов. Среди возвращенных были представители разных национальностей Югославии, но преобладали хорватские усташы и словенские домобраны. Вскоре после войны усилиями хорватской эмиграции все жертвы состоявшихся в 1945 г. расправ и погибшие от голода и болезней во время этапирования были хорватизированы. А после распада СФРЮ в условиях войны 1991–1995 гг. блайбургский миф стал обретать официальный статус. Возвращение усташей как героев публичной сцены при Ф. Туджмане произошло благодаря концепции «национального примирения», которая, однако, осуществлялась не через осознание вины и принятие ответственности за совершённые преступления, а путём их полного или частичного оправдания.

В первой части статьи проанализирована исследовательская литература, посвящённая блайбургскому мифу, этапам его становления и функциональной значимости. Во второй части рассмотрены общественные дебаты вокруг сараевской мессы по убитым и других памятных мероприятий в юбилейном мае 2020 г. Они сопоставлены с высказавшимися в литературе оценками блайбургского нарративно-ритуального комплекса.

75-летний юбилей Блайбурга, проведённый в атмосфере усталости от ограничительных мероприятий в связи с пандемией коронавируса и в преддверии хорватских парламентских выборов, продемонстрировал глубокий общественный раскол, сохранение конфликтного потенциала истории и политизированный характер обсуждения трагедии. Сопоставление выводов аналитиков блайбургского мифа с публикациями в массовой печати указывает на очевидность его функциональной модели для значительного сегмента хорватского общества. И хотя спрос на обновление мемориального репертуара, казалось, возрос, его все еще недостаточно для перехода к новой политике памяти.

Ключевые слова: блайбургский миф, историческая политика Хорватии, места памяти жертв тоталитарных режимов, Независимое государство Хорватия, усташеностальгия

УДК: 323.1

Поступила в редакцию: 21.05.2020 г.

Принята к публикации: 30.07.2020 г.

30 апреля 2020 г. парламент Австрии принял резолюцию, в которой призвал министра внутренних дел официально запретить проведение памятных мероприятий в Блайбурге – месте, связанном с завершением Второй мировой войны на Балканах. Здесь, на австрийской территории, в середине мая 1945 г. британская военная администрация передала Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ) контингенты, пытавшиеся перебраться на Запад, чтобы избежать вероятной расправы над ними со стороны победителей-коммунистов. Среди возвращённых преобладали хорватские усташы и словенские домобраны, но также были представители других национальностей Югославии, включая сербских и черногорских четников, боснийских мусульман и т.д. К колоннам разномастных военнослужащих и гражданских коллаборационистов примыкали их семьи и прочие мирные жители, по каким-то причинам пожелавшие покинуть родину. После того как передача совершилась, на Блайбургском поле состоялись первые импровизированные народные суды и казни. Затем колонны «предателей», как именовали их партизаны, были возвращены в Югославию, где по ходу движения расправы повторялись, но люди также гибли от голода и болезней. По некоторым данным, потоки этапированных растянулись до Греции и Румынии, и к настоящему времени обнаружено более 120 мест захоронений и около тысячи братских могил.

Ежегодные мероприятия, проводившиеся на месте событий в Блайбурге и собиравшие в последние годы не менее десятка тысяч участников, давно заслужили осуждение европейских антифашистов и еврейских организаций. Критики называют Блайбург «самым массовым собранием неофашистов» в современной Европе. Этим определением воспользовался, в частности, известный германский дипломат и политик К. Шварц-Шиллинг¹.

Год назад под давлением общественности Министерство внутренних дел Австрии уже вмешивалось в порядок проведения коммеморации, запретив публичную демонстрацию двух главных символов усташского движения: буквы «U» (от «Ustaša») с гранатой и бело-красного шахматного герба Независимого государства Хорватии (НГХ), существовавшего в 1941–1945 гг. при поддержке нацистов. Решение было вызвано тем, что к 2019 г. данные символы стали широко использоваться гостями и едва ли не затмили официальные: хорватский триколор, красно-белую шаховницу², флаги Австрии и Европейского союза. Тогда же католические власти Каринтии, австрийской области, в которой расположен Блайбург, отказались от приглашения Хорватской епископской конференции принять участие в мессе в память об убитых, что, однако, не повлияло на решение хорватских епископов всё-таки провести службу.

¹ Schwarz-Schilling: Misa u Sarajevu neće potaknuti pomirenje. *Deutsche Welle*. 14.05.2020. URL: <https://www.dw.com/bs/schwarz-schilling-misa-u-sarajevu-ne%C4%87e-potaknuti-pomirenje/a-53433105> (accesses: 01.07.2020).

² Следует различать шаховницу как национальный символ современной Хорватии и шаховницу, использовавшуюся в качестве символа НГХ. В первом случае шахматное поле начинается с красной клетки, во втором – с белой. Последний «негативный» вариант был запрещён властями Австрии.

Ограничения, наложенные австрийскими властями на блайбургские мероприятия в 2020 г., казалось, не встретили серьёзного сопротивления с хорватской стороны под влиянием ситуации, сложившейся из-за пандемии коронавируса. Ещё в апреле на территории Австрии были отменены все массовые собрания, а позднее вступили в силу хорватский, словенский и боснийский запреты на перемещения через границы³. Тем не менее решение перенести траурную мессу в Сараево вызвало протесты антифашистов и широкое общественное осуждение⁴. Таким образом, 75-летний юбилей Блайбурга (то ли вопреки, то ли вследствие ограничительных мер) резко продемонстрировал степень отклонения хорватской траектории памяти о Второй мировой войне от общеевропейского мейнстрима, о чём будет сказано ниже.

Статья посвящена блайбургскому мифу в политике памяти современной Хорватии. В первой части статьи проанализирована исследовательская литература, посвящённая блайбургскому мифу, этапам его становления и функциональной значимости. Во второй части рассмотрены общественные дебаты вокруг сараевской мессы по убитым и других памятных мероприятий в юбилейном мае 2020 г. Они сопоставлены с высказавшимися в литературе оценками блайбургского нарративно-ритуального комплекса.

Блайбургский миф уже оброс значительным количеством исследовательской литературы. Произошедшее 1945 г. в Блайбурге и после него давно не является тайной, хотя долгое время в коммунистической Югославии об этом не было принято говорить открыто. Что продолжает вызывать вопросы, так это общее число и национальная принадлежность убитых и соотношение жертв (военных и гражданских)⁵. Очень скоро после трагических событий блайбургскую историю присвоили себе хорватские эмигранты, бывшие усташаи, успевшие избежать наказания, и их потомки: все расстрелянные и ушедшие из жизни при этапировании к местам дальнейшего заключения были объявлены хорватами, а Блайбург стал их «местом памяти».

В. Павлакovich называет блайбургские коммеморации ключевым политическим ритуалом в современной Хорватии, который воплощает в себе одновременно травмирующее прошлое и момент исторического разрыва (Pavlaković

³ Vladislavljec A. Croatia's Controversial Bleiburg Commemoration Cancelled Due to Pandemic. *Balkan Insight*. 21.04.2020. URL: <https://balkaninsight.com/2020/04/21/croatias-controversial-bleiburg-commemoration-cancelled-due-to-pandemic/#gsc.tab=0> (accesses: 01.07.2020).

⁴ Dervisebegovic N., Kovacevic D. Catholic Church in Bosnia to Hold Controversial WWII Mass. *Balkan Insight*. 08.05.2020. URL: <https://balkaninsight.com/2020/05/08/catholic-church-in-bosnia-to-hold-controversial-ww2-linked-mass-despite-protests/#gsc.tab=0> (accesses: 01.07.2020).

⁵ Согласно одному из рапортов британских военных, в период между 18 и 31 мая 1945 г. югославской армии было передано 12 196 хорватов, 8 263 словенцев, 5 480 сербов и 400 черногорцев. Эти данные приведены в предъюбилейной публикации австрийского издания *Der Standard*, перепечатанной в DW и хорватском «Утреннем листе»: AUSTRIJSKI DER STANDARD O BLEIBURGU 'Instrumentalizacija od strane hrvatskih desničara sigurno je otežala pokušaj da se u prvi plan stavi činjenice'. *Jutarnji list*. 14.05.2020. URL: <https://www.jutarnji.hr/vijesti/hrvatska/austrijski-der-standard-o-bleiburgu-instrumentalizacija-od-strane-hrvatskih-desnicara-sigurno-je-otezala-pokusaj-da-se-u-prvi-plan-stavi-cinjenice-10308091> (accesses: 01.07.2020).

2010: 127). Аналитик выделяет несколько этапов становления ритуального действия, сложившегося к настоящему времени.

Первый — «коммунистическая эра» (1945–1989 гг.). Официальная идеология Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ) определяла, что и как должны помнить все входящие в её состав народы: партизанское движение и народно-освободительная борьба были сакрализированы, подчёркивался их локальный, независимый от действий антигитлеровской коалиции характер, а память о событиях мая 1945 г. контролировалась властью, поэтому исключалась сама возможность её ревизии. НГХ являлось абсолютным злом, а вина за его существование лежала на хорватских уставах (Ѓаро 2016: 19). Местом памяти об их зверствах служил концентрационный лагерь «Ясеновац», число жертв которого в югославской историографии измерялось многими сотнями тысяч. Носителями контрпамяти об этих событиях являлись те же эмигранты, но, ввиду их пребывания за границей, широкое распространение данного дискурса в социалистической Хорватии было невозможно.

Первое памятное мероприятие в Блайбурге состоялось в 1952 г., когда в День всех святых на кладбище «Унтер-Лойбах» трое выживших в майских событиях 1945 г. возложили венок к могилам хорватских солдат, а шестеро других бывших офицеров НГХ соорудили на Блайбургском поле крест из остатков хорватского оружия и дали клятву ежегодно возвращаться к нему. Сложившаяся со временем традиция связала эти два места: процессия движется от церкви на кладбище «Унтер-Лойбах» к Блайбургскому полю.

В 1953 г. был учреждён Почётный блайбургский взвод (ПБВ), который стал заниматься организацией памятных мероприятий и взял на себя уход за могилами. Данную инициативу поддержали представители католической церкви. В 1965 г. ПБВ приобрёл земельный участок на Блайбургском поле, где в 1987 г. установил памятный монумент. Высеченная на нём надпись гласила: «В честь и во славу павшей хорватской армии, май 1945 года» (Pavlaković 2010: 134–135).

Ситуация изменилась на втором этапе, в 1990–1994 гг., в связи с распадом СФРЮ и началом войны, вошедшей в историю Хорватии под названием Отечественной (1991–1995 гг.). Крушение коммунистического режима и его исторической легенды создало вакуум в общественно-политическом сознании хорватов, который быстро заполнился прежде подавляемыми и даже запрещёнными версиями прошлого. Павлакović отмечает, что именно в указанный период собрание в Блайбурге превратилось в значимый символический ритуал: в 1990 г. хорватские медиа впервые официально анонсировали мероприятия, приуроченные к 45-й годовщине событий (Pavlaković 2010: 135–136).

На третьем этапе, в 1995–1999 гг., при президенте Франьо Туджмане и в условиях господства в Саборе (представительном органе страны) его партии Хорватское демократическое содружество (ХДС), военный конфликт первой половины 1990-х представлялся как проекция Второй мировой войны. Подчёркивалось, что в обоих случаях имела место борьба с югославским коммуниз-

мом и тоталитаризмом, а вчерашние преступники – усташы – превратились в борцов за независимость. В 1995 г. Сабор впервые взял на себя организацию блайбургских мероприятий, что, как считает Павлакович, было вызвано стремлением перехватить инициативу у политических конкурентов и тем самым контролировать содержание и смысл акции. Ближайшее к 15 мая воскресенье стало Днём памяти о жертвах борьбы за свободу и независимость Хорватии. Таким образом, политики, а не историки стали формировать нарратив о Блайбурге (Pavlaković 2010: 138). На то, что исторический ревизионизм стал неотъемлемой частью именно политической, а не научной программы, указывали, в частности, Иво и Славко Гольдштейны (Goldstein I., Goldstein S. 2002: 52–53).

Четвёртый этап пришелся на период нахождения у власти левоцентристского коалиционного правительства Ивицы Рачана (лидера Социал-демократической партии (СДП) Хорватии) и охватил короткий период 2000–2003 гг. В этих обстоятельствах Блайбург стал политической трибуной правых сил. Например, здесь звучала открытая критика сотрудничества власти с Международным трибуналом по делам бывшей Югославии (МТБЮ), который в 2001 г. выдвинул обвинения в отношении генерала Анте Готовины, признававшегося хорватами героем Отечественной войны (Pavlaković 2010: 140).

Современный этап коммеморативной традиции начался в 2004 г., с возвращением к власти ХДС. При этом Блайбург сохранил статус места, где собираются представители и сторонники ультраправого крыла, использующие его и для критики правящей партии (Pavlaković 2010: 135–142). В 2005 г. попытка председателя парламента Владимира Шекса (ХДС) заговорить о НГХ как о пособнике нацизма и фашизма была встречена протестом (затем, впрочем, позиция политика вновь сдвинулась вправо). Толпа, державшая портреты генералов Анте Павелича, «поглавника» НГХ, и Анте Готовины, преследуемого МТБЮ, скандировала «Анте! Анте!» (Pavlaković 2010: 143). Размытость границ между прошлым и настоящим, сложившаяся ранее, позволила расценивать усташей как борцов за независимость Хорватии, исторических предков героев войны 1991–1995 гг., которые теперь также подвергались несправедливому осуждению.

Анализируя ритуальное пространство церемонии в Блайбурге, В. Павлакович, Д. Бреткин и Д. Паукович выделяют три его области. Первая, сердцевинная — построенная в 2007 г. часовня и её внутренняя зона перед алтарем, где располагаются уважаемые гости. Здесь проводится месса и звучат официальные речи. Вторая, главная — это сцена для выступлений. Третья зона, периферийная, представляет собой площадку, на которой размещаются палатки для продажи книг, сувениров, еды и алкоголя. Здесь собираются те, кто не принимает участие в официальных мероприятиях, но активно взаимодействует с единомышленниками в неформальной обстановке. Именно в этой части встречается наибольшее количество усташских символов, среди которых, помимо запрещённых в 2019 г. негативной шаховницы и литеры U, также распространены изображения карты НГХ и портреты Анте Павелича (Pavlaković, Brentin, Pauković 2018: 15–16, 24, 28).

Объясняя условия, при которых подобная реабилитация усташества стала возможна, а исторический ревизионизм обрёл прочные позиции, исследователи обращаются к политике «национального примирения», проводившейся Туджманом (Bellamy 2003; Uzelac 1998; Radonic 2003). Первый президент отстаивал идею того, что и партизаны, и усташы боролись за достижение общей цели — хорватской независимости, поэтому для национального сплочения хорватов, их потомков, необходимо взаимное прощение и забвение прежней ненависти (Đurašković 2016: 777)⁶. Исходя из этого, существование НГХ превращалось в один из эпизодов славной борьбы за независимость, увенчавшейся победой в Отечественной войне.

Некоторые исследователи, в свою очередь, видят истоки ревизионизма не в самой концепции «национального примирения», а в специфике её восприятия правыми силами, что позволяет говорить о нём как о непредвиденном следствии (Čipek 2014: 79–93; Pavlaković 2008: 115–143). С. Джурашкович, учитывая эти оценки, указывает на недостаточное внимание к тому, как осуждение югославского наследия и подчёркивание исторической принадлежности Хорватии к европейской культуре, ценностям демократии, гражданских прав и свобод привело к извращению ключевой идеи национального примирения и трансформировало её в представление о позитивном характере борьбы за независимость, какими бы средствами она ни велась (Đurašković 2016: 773). Он считает, что туджманизм ставил целью не ревизию природы НГХ, но освобождение потомков усташей от груза вины для их успешного включения в обновлённое национальное сообщество. В условиях войны 1991–1995 гг. это было необходимо для национальной мобилизации в противостоянии сербам, электоральной поддержки ХДС и получения финансовой помощи из-за рубежа (Đurašković 2016: 779–780). В результате национальный подъём, обусловленный победой в Отечественной войне, сделал возможными понимание и прощение если не всего, то многого, и если не всеми, то многими. Теперь партизаны-коммунисты оказались воплощением абсолютного зла, и в реалиях хорвато-сербского конфликта их национальная принадлежность определялась как преимущественно сербская (Ћаро 2016: 20). Во второй половине 1990-х это придало блайбургской коммеморативной практике новое звучание, а использование в ней усташской символики значительно расширилось.

В настоящее время Блайбург является самым крупным и самым противоречивым «местом памяти» о Второй мировой войне в странах бывшей Югославии и краеугольным камнем хорватской концепции «национального примирения». Она, как можно судить, утратила первоначальный смысл взаимного прощения

⁶ Ф. Туджман также настаивал на самостоятельном и национальном характере антифашистского движения в Хорватии. Памятная дата его начала была перенесена с 27 июля на 22 июня и тем самым оказалась в календаре прежде даты создания подобных движений в других республиках. Ранее 27 июля являлся днём, когда началось организованное коммунистами восстание хорватских сербов против усташского террора.

во имя единства нации и её будущего, и стала приобретать новое содержание. Общество частично примирилось с идеей, что пособники нацистов на самом деле являлись мучениками, невинными жертвами коммунистического режима, подавлявшего стремление хорватов к независимости и десятилетиями культивировавшего среди них чувство ответственности за усташские преступления. По мнению П. Колсто, немаловажную, если даже не ведущую роль в создании образа усташей-мучеников играет католическая церковь Хорватии (Kolstø 2010: 1166). Заупокойная месса является неотъемлемой частью протокола блайбургских мероприятий, однако если долгое время она проводилась без участия высших санов, то в середине 2000-х ситуация изменилась. В 2005 г., в 60-ю годовщину, месса впервые была проведена боснийским епископом Винко Пуличем. Он освятил и возведённый в том же году мемориал, а в 2007 г. месса прошла уже при участии главы католической церкви Хорватии архиепископа Загреба кардинала Иосипа Божанича (Kolstø 2010: 1167).

Осмысление блайбургских событий мая 1945 г. в сакральном смысле находит отражение и в лексике, которой они описываются. В англоязычной литературе упоминание Блайбурга часто соседствует с понятием «марши смерти» (the death marches), однако в самой Хорватии вместо «putovi smrti» употребляется «križni putovi», или «крестный путь». Это словосочетание содержит прямую отсылку к страданиям Христа под тяжестью креста, на котором он затем был распят, на пути к Голгофе (Kolstø 2010: 1169; Ravančić 2018: 133–134). Отождествление страданий Сына Божьего со страданиями убитых в Блайбурге и этапированных к другим местам заключений и казней нашло визуальное воплощение в изображении на ризе исполняющего обязанности священника в Блайбурге. На нём Иисус предстаёт с воздетыми к небу руками, а за его спиной развернуто красно-белое шахматное знамя, которое символизирует уже весь хорватский народ (Kolstø 2010: 1170).

По заключению Колсто, поддержка руководителей католической церкви Хорватии делает приемлемыми содержание и смысл мероприятий в Блайбурге в глазах общественности (Kolstø 2010: 1172). Она превращает мученичество в неотъемлемый компонент блайбургского мифа и формирует представление о том, что все убитые и замученные были хорватами, пострадавшими от рук партизан исключительно из-за своего этнического происхождения. Сотрудничество с оккупантами теперь оправдывается борьбой против сербского угнетения, и речь уже в большей степени идёт об уничтожении не военных, а гражданского населения, преимущественно стариков, женщин и детей. Наиболее активные представители крайне правых сил прямо заявляют о геноциде (Pavlaković 2010: 132).

Травматизация событий мая 1945 г. осуществляется через постоянное напоминание: убийства пленных лиц, попавших в распоряжение НОАЮ, превратилось в расправу над людьми, лишёнными возможности защищаться. Однако, несмотря на то что в дискурсе доминирует образ коллективного преступника — партизан, также актуальны и вопросы об ответственности за вынесение

смертных приговоров лично Иосипа Броза Тито, а также британской администрации — за выдачу пленных югославской стороне (Jakur 2012: 197–199). Одновременно блайбургский миф подкрепляется переоценкой коммунистического «ясеновацкого мифа»: созданный усташами концентрационный лагерь «Ясеновац» характеризуется исключительно как «трудовой», а число жертв пересматривается в сторону уменьшения (Đurašković 2016: 779).

Память о Блайбурге продолжает существовать в условиях демонизации СФРЮ и подчёркивания антигуманного и антихорватского характера югославского/коммунистического авторитаризма/тоталитаризма. Изучив выступления, которые звучали на памятных мероприятиях с 2014 по 2018 гг., Павлакović, Бреткин и Паукович пришли к выводу, что от года к году представители политической элиты становились всё более жёсткими в оценке коммунизма, ставя его в один ряд с нацизмом и фашизмом, и всё мягче в критике усташества (Pavlaković, Brentin, Pauković 2018: 14). Таким образом, Блайбург можно считать символом исторического ревизионизма в целом: он используется для делегитимации коммунистической Югославии и отрицания антифашистского нарратива о том, что хорватская государственность сохранилась благодаря партизанской борьбе. Наоборот утверждается, что вхождение Хорватии в состав СФРЮ стало исторической травмой, так как почти полвека хорваты испытывали гнёт коммунистической идеологии, навязывавшей им ответственность за усташские преступления и подавлявшей их национальное чувство достоинства и самоуважения (Pavlaković, Brentin, Pauković 2018: 20).

Немаловажную роль в поддержании данных убеждений играют, очевидно, резолюция Европейского парламента от 2 апреля 2009 г. «Европейское сознание и тоталитаризм» и объявление 23 августа Общоевропейским Днем памяти жертв тоталитарных и авторитарных режимов. Так Хорватия получила возможность закрепить свой жертвенный нарратив не только на государственном, но и на европейском уровне. К тому же изменились представления о тех, чей памяти посвящены мероприятия: военные были потеснены гражданскими жертвами. Если прежде надпись на блайбургском монументе гласила «В честь и во славу павшей хорватской армии, май 1945 года», то после реконструкции в 2004 г. она стала следующей: «В память о невинных жертвах блайбургской трагедии в мае 1945 года» (Pavlaković 2010: 135)⁷.

Ежегодные майские мероприятия в Блайбурге заняли особое место в календаре памятных дат современной Хорватии и представляют собой уникальный пример ситуации, когда контрпамять успешно отвоевала себе право стать частью новой исторической памяти. История Второй мировой войны спешно пересматривалась в угоду военно-мобилизационным и поствоенным полити-

⁷ Символы на памятнике включают христианский крест, хорватский герб (бело-красную шаховницу), а также мусульманскую звезду и полумесяц, так как многие солдаты были мусульманами из боснийской части НГХ.

ческим целям, что привело к серьёзной переоценке ценностей и общественному конфликту вокруг них. Избегая признания нацизма и фашизма абсолютным злом, правые популисты в Хорватии превращают вчерашних героев в преступников, а преступников — в жертв. Перемена мест слагаемых в данном случае приводит к изменению суммы.

Очевидно, опасаясь реакции со стороны европейских партнёров, ХДС даже под нажимом укрепляющих свои позиции ультраправых официально не героизирует усташей, но молчаливо соглашается с приписанной им ролью мучеников. Тем не менее это согласие имеет большое эмоциональное значение, которое можно использовать в политических целях. Как известно, ничто не сплачивает людей сильнее, чем общая травма, и для этого в «блайбургском мифе» есть все необходимые компоненты: обозначены жертвы и определены преступники, присутствуют мотивы мученичества и страдания во имя спасения. Феномен НГХ объясняется стремлением хорватов к независимости от «сербского фашизма», а поддержка усташей со стороны гитлеровской Германии часто замалчивается.

Подобные переоценки, оправдания и умалчивания, допускаясь официальной властью во имя «национального примирения» и сплочения в 1990-е, а затем укоренившиеся в 2000-е и 2010-е гг., сделали возможным проведение памятных мероприятий в Блайбурге при многотысячном участии зрителей, для которых усташа уже не являются или никогда не были преступниками.

В 2020 г., в 75-летнюю годовщину, ожидалось не менее массовое мероприятие, но, как уже было сказано, пандемия коронавируса внесла коррективы. Альтернативой блайбургской церемонии стала назначенная на 16 мая 2020 г. месса в сараевском кафедральном соборе Сердца Иисусова, которую предназначалось отслужить верхнебоснийскому архиепископу кардинал Винко Пуличу⁸. Такой вынужденный поворот событий вызвал неожиданный, вероятно, для организаторов коммеморации бурный протест. Голоса возмущения или, по крайней мере, недовольства и сомнений в своевременности ритуала звучали и в руководстве Боснии и Герцеговины (БиГ), среди политиков и депутатов парламента, общественных организаций, жителей Сараева и граждан страны. Все три члена президиума БиГ, который формируют представители трёх главных этнических общин, высказались против мессы, которая может рассматриваться некоторыми как акт реабилитации усташества⁹.

⁸ Ещё до закрытия границ на время пандемии кардинал Пулич был избран епископскими конференциями БиГ и Хорватии для проведения торжественной мессы в самом Блайбурге, где он уже вёл аналогичную службу 15 лет назад.

⁹ Мэр Сараева Абдулла Скака сначала заявил, что жертвы коммунистов имеют право на поминовение, но под давлением общественного мнения скорректировал позицию, заявив, что месса, назначенная на этот день, «оскорбляет память о жертвах фашизма во Второй мировой войне». Sarajevska misa za blajburške zločince ili žrtve? *Deutsche Welle*. 13.05.2020. URL: <https://www.dw.com/hr/sarajevska-misa-za-blajbur%C5%A1ke-zlo%C4%8Dince-ili-%C5%BErtve/a-53423219> (accessed: 01.07.2020).

Тем временем, архиепископия опровергала подобные предположения, трактуя мессу как заупокойную службу, относящуюся исключительно к церковной обрядности и молитве, а не связанную с каким бы то ни было политическим режимом или идеологией. В защиту церкви выступило объединение хорватских партий БиГ Хорватский народный сабор, где главенствует ХДС. В дело вмешался и хорватский министр иностранных дел Гордан Грлич-Радман, который в телефонном разговоре с кардиналом Пуличем поддержал его и поблагодарил за верное служение католической церкви и хорватскому народу в БиГ на протяжении вот уже тридцати лет¹⁰.

Под предлогом запрета на проведение массовых мероприятий из-за пандемии коронавируса допустимое число присутствующих на мессе было ограничено 20-ю предварительно отобранными прихожанами (но её трансляцию в прямом эфире поддержали телеканалы Хорватии и Герцег-Босны — хорватской части БиГ). В то же время кардинал Пулич был вынужден написать тревожные письма в правительственные учреждения БиГ и Римскую курию. Он обратился в Министерство по правам человека и беженцев БиГ с просьбой оградить церковь и католических верующих от угроз, поступавших в их адрес накануне готовящегося мероприятия, и требованием обеспечить их безопасность. Об этом на заседании палаты представителей БиГ сообщил заместитель министра Джевад Махмудович. Прошение было передано в Министерство безопасности¹¹, и сараевская полиция призвала граждан воздержаться от противоправных действий. Территория, примыкающая к собору, была оцеплена с 9 часов утра (начало мероприятия было назначено на 12.00) и до окончания мессы¹².

Между тем Союз антифашистских борцов народно-освободительной войны (SABNOR) призвал своих членов и сторонников собраться перед зданием парламента и совета министров для выражения протеста против «реабилитации НГХ и релятивизации усташских преступлений». К призыву присоединились и другие организации, а также политические партии. Ранее на площади перед парламентом было выставлено панно, воспроизводившее фотографию с

¹⁰ Grlić Radman dao potporu kardinalu Puljiću za misu za žrtve Bleiburga. *Večernji list*. 14.05.2020. URL: <https://www.vecernji.hr/vijesti/grlic-radman-dao-potporu-kardinalu-puljicu-za-misu-za-zrtve-bleiburga-1402212> (accessed: 01.07.2020).

¹¹ См. также официальное заявление епископской конференции БиГ от 13 мая 2020 г. по этому поводу: Izjava Biskupske konferencije Bosne i Hercegovine. *Crkva na kamenu*. 13.05.2020. URL: <https://www.cnak.ba/vijesti/crkva-u-hrvata/izjava-biskupske-konferencije-bosne-i-hercegovine/> (accessed: 01.07.2020). С более резким заявлением (со ссылками на документы европейских организаций в осуждении преступлений коммунизма) выступило руководство боснийской провинции францисканцев: Izjava za javnost Uprave Bosne Srebre. *Crkva na kamenu*. 13.05.2020. URL: <https://www.cnak.ba/vijesti/crkva-u-hrvata/izjava-za-javnost-uprave-bosne-srebre/> (accessed: 01.07.2020).

¹² Sarajevo: Policija uoči bleiburske mise poziva na suzdržanost. *N1*. 15.05.2020. URL: <http://hr.n1info.com/Regija/a509247/Sarajevo-Policija-uoci-bleiburske-mise-poziva-na-suzdrzanost.html> (accessed: 01.07.2020). Депутат от ХДС Бояна Кришто, неудовлетворенная пояснениями замминистра, высказала удивление, почему в 1995 г. подобная служба в Сараево не вызвала никакого возмущения: «По прошествии 25 лет можно спросить, неужели это уже другие люди и другое Сараево». Не соглашаясь с таким предположением, она увидела в раздувании страстей вокруг мессы стремление отвлечь внимание общественности от махинаций чиновников в связи расходами во время пандемии.

изображением 55 повешенных здесь в марте 1945 г. по приказу усташского наместника в Сараево Макса Лубурича. Вопреки обращению полиции во вторник у храма Сердца Иисусова стали собираться противники мессы. Там появился и бывший градоначальник Сараева Йосип Юришич. В интервью столичному радио он выразил удивление по поводу планируемой в соборе акции и заметил, что никогда не слышал, чтобы в Берлине служили мессу по погибшим бойцам гитлеровского вермахта.

Тогда как дабаро-боснийский митрополит Хризостом объявил об официальном разрыве отношений с архиепископией¹³, духовный лидер боснийских мусульман рейс-уль-улем Хусейн Кавазович осторожно поддержал кардинала Пулича. Он отметил, что вину за провокационный ритуал несёт хорватский Сабор, в котором заседают подлинные организаторы коммеморации, но это не повод для того, чтобы возлагать вину на всю католическую конфессию и ссорить её с мусульманами «или некими третьими». При этом он призвал воздержаться от участия в акциях протеста, анонсированных SABNOR-ом, но в духе европейской политики памяти подчеркнул: «В ближайшее время мы отмечаем День борьбы с фашизмом, и фокус внимания должен быть на жертвах фашизма, особенно евреях, пострадавших в Холокосте»¹⁴. Возможно, такой вариант памяти показался ему «удобным» в местном контексте, поскольку не евреи являлись самыми многочисленными жертвами усташского террора. Тем не менее, мусульманские партии БиГ не приняли тон примирения.

Еврейские организации, как и израильская (и американская) дипломатия, решительно осудили готовящуюся мессу. Против неё и других коммеморативных мероприятий, связанных с Блайбургом и спланированных под покровительством хорватского Сабора, выступил, в частности, и Всемирный еврейский конгресс. В заявлении главного советника этой организации Менахема Розенштафта обеление преступников как борцов за свободу и независимость Хорватии названо «... пощёчиной всем невинным жертвам усташей, всем сторонникам исторической правды и членам еврейской общины во всем регионе, чья лояльность и личная безопасность ставятся под сомнение всякий раз, когда они протестуют против поминовения тех, кто жестоко истязал их предков»¹⁵.

В поддержку кардинала Пулича, смешивая Вторую мировую с Боснийской войной (1992–1995), высказалась писательница Михрия Фекович-Кулович¹⁶.

¹³ Najavljena misa za bleiburške žrtve izazvala burne reakcije u Sarajevu. *HRT. Vesti*. 12.05.2020. URL: <https://vijesti.hrt.hr/614217/najavljena-misa-za-bleiburske-zrtve-izazvala-burne-reakcije-u-sarajevu> (accessed: 01.07.2020).

¹⁴ Poglavar Islamske zajednice u BiH brani kardinala Puljića, ističe odgovornost RH. *N1*. 12.05.2020. URL: <http://hr.n1info.com/Regija/a508298/Poglavar-Islamske-zajednice-u-BiH-brani-kardinala-Puljica-istice-odgovornost-RH.html> (accessed: 01.07.2020).

¹⁵ Svjetski židovski kongres osudio misu za blajburske žrtve u Sarajevu. *N1*. 13.05.2020. URL: <http://hr.n1info.com/Vijesti/a508754/Svjetski-izidovski-kongres-osudio-misu-za-blajburske-zrtve-u-sarajevu.html> (accessed: 01.07.2020).

¹⁶ Podrška bošnjačke književnice kardinalu Puljiću: 'Katolički pastiri ni kada ni kakve zločince ni su blagoslivljali, za razliku od Pravoslavne crkve'. *Narod.hr*. 14.05.2020. URL: <https://narod.hr/svijet/podrška-bosnjacke-knjizevnice-kardinalu-puljicu-katolicki-pastiri-nikada-nikakve-zlocince-nisu-blagoslivljali-za-razliku-od-pravoslavne-crkve> (accessed: 01.07.2020).

Против выступили другие, и острота дискуссии привела к расколу в писательских организациях. В частности, четыре автора, Миленко Ергович, Иван Ловренович, Ивица Джикич и Желько Иванкович, отказались от членства в ПЕН-клубе БиГ¹⁷, протестуя против его негативной реакции (и против формы, в которую она вылилась) на проведение мессы в Сараево¹⁸.

Оскорбительным откликом на осуждение мессы стало обвинение её противников в лицемерии и стремлении примкнуть к большинству в тот момент, когда это оказалось выгодно, а также в моральном шантаже с позиции мнимого превосходства. Громогласных противников фашизма, замечали их критики, почему-то не смущает, что улицы и школы Сараева поныне носят имена пособников усташей. При этом проводники этого поверхностного и ситуативного антифашизма выполняют роль «полезных идиотов» для боснийского-мусульманского унитаризма, жертвой которого станет хорватское население БиГ. Тема угрозы ему и пафос его защиты вдохновляли противников развернувшейся кампании¹⁹.

Те интеллектуалы в Хорватии и БиГ, кто стремился занять сбалансированную позицию, не приемлющую любые формы террора и нечестных расправ, указывали на то, что главной ошибкой кардинала Пулича является нежелание прямо заявить об осуждении фашистского режима усташей и их злодеяний. И это при том, что кардинал занимает ту же кафедру, на которой когда-то служил его предшественник времён НГХ Иван Шарич, горячий поборник усташей и их предводителя Павелича²⁰. Его останки вернулись в Сараево из Мадрида в начале 90-х, когда кафедру занял Пулич.

Голоса противников проведения службы не были услышаны архиепископией. В результате сараевская месса состоялась под охраной полиции, в то время как по улицам боснийской столицы двигалось многотысячное шествие под

¹⁷ ПЕН-клуб (*PEN International*) — международная правозащитная неправительственная организация, объединяющая профессиональных писателей, поэтов и журналистов.

¹⁸ Zbog prosvjednog pisma oko mise za Bleiburg Jergović, Đikić i Lovrenović istupili iz P.E.N.-a BiH. *Večernji list*. 19.05.2020. URL: <https://www.vecernji.hr/kultura/zbog-prosvjednog-pisma-ok-mise-za-bleiburg-jergovic-dikic-i-lovrenovic-istupili-iz-p-e-n-bih-1403487> (accessed: 01.07.2020).

¹⁹ См., например, нашумевшее выступление с использованием жупела «халяльного антифашизма»: Vukoja I. Manekeni sarajevskog halal antifazizma i korisni idioti bošnjačkog unitarizma. *Dnevnik*. 15.05.2020. URL: <https://www.dnevnik.ba teme/manekeni-sarajevskog-halal-antifazizma-i-korisni-idioti-bosnjackog-unitarizma> (accessed: 01.07.2020).

²⁰ Журналист и правозащитник Драго Пилсель (внук усташа и гестаповца, как сам он себя аттестовал в публикации) напомнил слова из письма покойного загребского архиепископа кардинала Франьо Кухарича в связи с 50-летием победы над фашизмом от 1 мая 1995 г., к которому присоединились и другие католические служители: «Главная тяжесть вопроса не в том, как оплакать жертв своего собственного сообщества и как признать вину другого сообщества. Хорваты и сербы, католики и православные, мусульмане и прочие сталкиваются с более сложным моральным вопросом: как скорбеть о жертвах другой общины, как признать вину в своей общине? И потом: как искупить вину, как добиться прощения у Бога и людей, успокоения совести и примирения между людьми и народами? Как начать новую эпоху, основанную на справедливости и правде?» Pilsel D. Kardinal Puljić bi trebao progovoriti riječima Ivana Pavla II. *Autograf.hr*. 11.05.2020. URL: <https://www.autograf.hr/kardinal-puljic-bi-trebao-progovoriti-rijecima-ivana-pavla-ii/> (дата обращения: 01.07.2020). Ср. с похожей позицией: Bojić D., Šarčević I. Tuđe fašizme nećemo, svoje ne damo! *Prometej.ba*. 15.05.2020. URL: <http://www.prometej.ba/clanak/osvrti/drago-bojic-i-ivan-sarcevic-tudje-fasizme-necemo-svoje-ne-damo-4405> (accessed: 01.07.2020).

антифашистскими лозунгами. И фактически, и риторически церковь оказалась в ситуации глухой обороны. Как заметили наблюдатели, в проповеди кардинала Пулича, произнесённой в этот день в соборе Сердца Иисусова, чаще упоминалось слово «ненависть», чем слово «любовь»²¹.

Согласно обновлённому в декабре 2019 г. закону о праздничных днях, днях памяти и нерабочих днях Хорватии, ближайшие к 15 мая суббота или воскресенье отмечается как День памяти о жертвах борьбы за свободу и независимость. В условиях пандемии официальные лица внесли коррективы в это положение. Так, в ознаменование 75-летней годовщины событий вокруг Блайбурга уже утром 15 мая накануне мессы правительственная делегация во главе с хорватским премьером Андреем Пленковичем возложила венок и зажгла свечи у братского захоронения перед церковью Муки Иисусовой в Мацеле (на границе со Словенией), одним из пунктов «крестного пути». «Безоговорочно осуждая всякие преступления всех тоталитарных режимов, с чувством почтения к каждой невинной жертве и поддерживая культуру памяти и взаимного уважения, мы сможем построить действительно терпимое общество. В этом наш долг, прежде всего, перед нашим молодым поколением, чтобы вместе создать европейскую Хорватию, основанную на демократических ценностях», — сказал в своей речи по случаю акции памяти премьер Пленкович²². В свою очередь президент Зоран Миланович в тот же день возложил венок в другом месте памяти, Тезенском лесу (дубрава в районе Марибора, Словения), где, по некоторым, вероятно, преувеличенным данным, было убито от 15 до 20 тыс. противников партизан и примкнувших к ним гражданских лиц.

16 мая в субботу, как это было объявлено ранее, на загребском кладбище Мирогой собрались высокопоставленные лица во главе со спикером хорватского Сабора Горданом Яндроквичем, чтобы у Центрального креста возложить венок в память о жертвах коммунистических расправ. Помимо главы парламента в церемонии принимали участие его заместитель, министр иностранных и европейских дел Г. Грлич-Радман, министр хорватских ветеранов и уполномоченный главы правительства Томо Медвед, духовные лица, а также лидеры патрионируемого парламентом ПБВ Вице Вукоевич и Владимир Шекс — организаторы коммемораций.

В отсутствии публики чиновники пообщались с журналистами. Пользуясь случаем, Грлич-Радман пообещал отправить ноту протеста в ответ на обеспо-

²¹ Puljić V. Kad će se dići šutnja s grobova. *Vijenac*. 684. 21.05.2020. URL: <http://www.matica.hr/vijenac/684/kad-ce-se-dici-sutnja-s-grobova-30384/> (accessed: 01.07.2020).

²² Plenković: Osuda svih zločina totalitarnih režima, ali osjećaj pijeteta prema svakoj nevinoj žrtvi. *Večernji list*. 15.05.2020. URL: <https://www.vecernji.hr/vijesti/plenkovic-osuda-svih-zlocina-totalitarnih-rezima-ali-osjecaj-pijeteta-prema-svako-nejvinoj-zrtvi-1402450> (accessed: 01.07.2020). Накануне он выступил с похожей речью на заседании правительства, где акцент на жертвах коммунизма усилен, а преступления усташей не упоминаются. Staloženim pogledom na prošlost i optimizmom prema budućnosti gradit ćemo još bolju Hrvatsku. *Vlada HR*. 14.05.2020. URL: <https://vlada.gov.hr/vijesti/stalozenim-pogledom-na-proslost-i-s-optimizmom-prema-buducnosti-gradit-cemo-jos-bolju-hrvatsku/29480/> (accessed: 01.07.2020).

коённость комиссара Совета Европы Дуни Миятович тем, что месса в Сараево может превратиться в обеление режима усташей, повинных в гибели сотен тысяч людей. При этом он ссыался на резолюцию Совета Европы (2006), осуждающую любые тоталитарные режимы, в том числе и коммунистические. Г. Яндроквич в интервью журналистам не вспомнил о преступлениях усташей. А В. Вукоевич, также сделавший ряд заявлений, отверг предложение президента З. Милановича перенести коммеморацию из Блайбурга в какую-то иную локацию, а по поводу кампании протеста в связи с мессой в Сараево изрёк поговорку: «Собаки лают, а караван идет»²³.

Буря вокруг мессы стала поводом для выступления одного из радикальных депутатов ХДС Желько Рагужа с предложением принять мемориальный закон, который бы запрещал публичные обвинения хорватского народа в фашизме и отрицание в отношении него геноцида, совершенного силами партизан и коммунистов²⁴.

Колумнист ориентированного на ХДС «Вечернего листа» Денис Ромац подвёл определённый итог критике блайбургских коммемораций. Он отметил отказ от проведения мероприятий в самом Блайбурге как один из немногих позитивных аспектов пандемии. Хотя коммунистические расправы были жестокими и не соответствовали правовым нормам даже военного времени, это не значит, что их жертвы были невинны, и тем более эти печальные события не могут служить оправданием усташского режима НГХ. «Вот почему было бы здорово, если бы Хорватия продемонстрировала зрелость и использовала эту возможность, чтобы в будущем поминать память жертв этого преступления в стране, а не экспортировать её травмы и противоречия в соседние государства. Ибо каждая жертва заслуживает уважения и достойного поминовения, в том числе те, кто оказался на неправильной стороне, но это исключает прославление преступного режима. Таково отношение во всех цивилизованных странах, так должно быть и в нашей стране»²⁵.

Другой, более уклончивый автор того же издания Мирко Галич, в заголовке своей колонки в очередной раз сопоставил два преступных деяния — Ясеновац и Блайбург — два места «хорватской трагедии»²⁶. Если в первом случае, речь идёт о невинных жертвах (хотя автор выбирает минимизированный вариант их количественной оценки — всего 80 тыс.), то о Блайбурге того же сказать нельзя:

²³ NA MIROGOJU POLOŽENI VIJENCI ZA BLEIBURŠKE ŽRTVE. Grlić Radman najavio demarš povjerenici za ljudska prava Vijeća Europe. *Jutarnji list*. 16.05.2020. URL: <https://www.jutarnji.hr/vijesti/hrvatska/na-mirogoju-polozeni-vijenci-za-bleiburske-zrtve-grlic-radman-najavio-demars-povjerenici-za-ljudska-prava-vijeca-europe-10314127> (accessed: 01.07.2020).

²⁴ 'HDZ bi zakon kojim bi se kažnjavalo nas koji za ustaše kažemo da su zločinci'. *Večernji list*. 14.05.2020. URL: <https://www.vecernji.hr/vijesti/hdz-bi-zakon-kojim-bi-se-kaznjavalo-nas-koji-za-ustase-kazemo-da-su-zlocinci-1402302> (accessed: 01.07.2020).

²⁵ Romac D. Hrvatska mora zaključiti priču o Bleiburgu. *Večernji list*. 15.05.2020. URL: <https://www.vecernji.hr/premium/hrvatska-mora-zakljuciti-pricu-o-bleiburgu-1402345> (accessed: 01.07.2020).

²⁶ Galić M. Jasenovac je ljagaustaške, a Bleiburg komunističke vlasti. *Večernji list*. 16.05.2020. URL: <https://www.vecernji.hr/premium/bleiburg-ljaga-komunisticke-vlasti-jasenovac-ustaske-1402678> (accessed: 01.07.2020).

здесь были смешаны преступники и невинные, но расправа над ними была одинаково несправедлива.

Резонерская стратегия уравнивания преступлений и трагедий натолкнулась на внешнее препятствие: «Жертвы заслуживают того, чтобы о них не забывали, кем бы они ни были. И преступники достойны осуждения, какие бы преступления ни совершались. Но коммеморации могут выйти за эти рамки, если – и когда – они попытаются реабилитировать режимы, осуждённые европейской историей». Обзор откликов иностранной печати на споры вокруг 75-летней годовщины Блайбурга опубликовал ряд хорватских изданий. А один из авторов оппозирующего «Вечернему» «Утреннего листа» вынес в заголовок: «Вся Европа в изумлении от мазохистских чувств хорватов в отношении НГХ. Неужели немецкий TAZ (имеется в виду газета Die Tageszeitung. — М.Б., С.В.) должен нам напоминать, что произошло в мае 1945-го?!»²⁷.

Главный критик исторического ревизионизма Иво Гольдштейн накануне юбилейной даты высказал ряд замечаний о сложившейся практике коммеморации. Он назвал скандальным факт того, что, согласно закону о государственных праздниках Хорватии, годовщина событий в Блайбурге и «крестный путь» отмечаются (сразу после Дня победы над фашизмом) как День памяти о жертвах борьбы за свободу и независимость. «Это были никакие не борцы за самостоятельную Хорватию, а борцы за наци-фашистский протекторат, которым в действительности было их НГХ»²⁸. Наиболее достоверная оценка численности хорватских жертв в этих событиях, согласно подсчётам демографа Владимира Жерявича, показывает около 50 тыс. чел. Но кроме них пострадали словенцы, босняки, сербы, черногорцы, албанцы и представители других национальностей. Историческая ложь, одобренная на государственном уровне, заключается в том, что жертвы «крестного пути» пострадали якобы только за то, что были хорватами. «Они пострадали потому, что были либо усташами, либо домобранами, либо пристали к войску, поскольку были близки усташскому режиму или опасались, что новый режим станет их преследовать». Ложью является и то, что в коммунистических расправах массово пострадали женщины и дети. Умалчивается, что после 9 мая партизаны несколько раз предлагали переговоры о сдаче. В таком виде повествование о Блайбурге представляется воплощением «усташеностальгии и усташефилии».

²⁷ Vurušić V. ČITAVA EUROPA SE IŠČUĐAVA HRVATSKOM MAZOHISTIČKOM SENTIMENTU PREMA REŽIMU NDH. Zar nam njemački 'TAZ' mora napomenuti što se dogodilo u svibnju 1945.?! *Jutarnji list*. 17.05.2020. URL: <https://www.jutarnji.hr/naslovnica/citava-europa-se-iscudava-hrvatskom-mazohisticom-sentimentu-prema-rezimu-ndh-zar-nam-njemacki-taz-mora-napomenuti-sto-se-dogodilo-u-svibnju-1945-10316149> (accessed: 01.07.2020). Автор удивляется, почему хорватские националисты так привязаны к режиму, который под давлением нацистов передал фашистской Италии Далмацию, Истрию, Риеку и Меджимурье.

²⁸ GOLDSTEIN O BLEIBURGU: 'To što danas stoji u zakonu je skandalozno. Nisu ustaše bili nikakvi borci za slobodu i nezavisnost'. *Net.hr*. 13.05.2020. URL: <https://net.hr/danas/hrvatska/goldstein-o-bleiburgu-to-sto-danas-stoji-u-zakonu-je-skandalozno-nisu-ustase-bili-nikakvi-borci-za-slobodu-i-nezavisnost/> (accessed: 01.07.2020).

Ни Франьо Туджман, ни Степан Месич ни разу не побывали в Блайбурге в официальном статусе, но зато, как ни парадоксально, там отметились некоторые левые политики: покойный ныне премьер Ивица Рачан (2002), новоизбранный лидер СДП Зоран Миланович (2008). Позднее Миланович утверждал, что те, кому есть дело до жертв, отправляются в Тезно, а те, кто горюют над гибелью НГХ, — в Блайбург. В 2010 г. тогдашний президент Хорватии Иво Йосипович в ходе «турне примирения» тоже возложил венок к памятнику на Блайбургском поле. Такими уступками левоцентристский фланг надеялся добиться от своих оппонентов справа признания, что среди жертв Блайбурга находились не только невинные, но и военные преступники. Но на практике эти шаги, напротив, способствовали утверждению усталеностальгии.

В юбилейной колонке еженедельника «Новости», издаваемого под эгидой Сербского народного вече (органа национального меньшинства в Хорватии), Ерко Бакотин оценил сложившуюся практику коммемораций Блайбурга как явное противоречие действующей Конституции, поскольку в ней Хорватская Республика трактуется как наследница Земельного антифашистского вече народного освобождения Хорватии, а вовсе не НГХ. «Тогда как в предыдущие годы внимание общественности было сосредоточено на декоре — знаках отличия, фуражках и поздравлениях, — сама программа поминовения очерчивает исторически основательно запутанную и фактически ошибочную, а также морально и политически злокачественную позицию Хорватии по отношению к событиям мая 1945 года»²⁹. Благодаря квазирелигиозной синтагме «крестного пути» чудовищные преступники вроде ясеновацких палачей Ивицы Матковича и Драгутина Пудича-Парализа чудесным образом превращаются в жертв коммунистов. ПБВ целенаправленно занят реабилитацией усташского НГХ и сокрытием его преступлений. Председатель ПБВ Вице Вукоевич утверждает, что Ясеновацем управляли евреи, а главный функционер организации Боже Вукушич называет оккупацией период с 1945 по 1990 г. и таким образом связывает генезис современной Республики с НГХ.

Капитуляция перед националистами проявилась, когда в 2000 г. при левой коалиции премьера Рачана был введён парламентский патронаж над коммеморацией в Блайбурге. Правда, при премьерстве Милановича в 2011–2016 гг. он был отменён, но затем восстановлен с возвращением к власти ХДС. Колумнист «Новостей» поприветствовал поправки в речи нынешнего президента Милановича, произнесённой недавно в Тезно. В ней говорилось, что усташаи — это «ложно названное домовинское войско», и, хотя скорые расправы — это исторический факт, «крестный путь» — грубое злоупотребление. Бакотин предложил, отвлекаясь от реальной ситуации государственно поддерживаемого ревизионизма под главенством ХДС, задаться двумя взаимосвязанными вопросами:

²⁹ Bakotin J. Bleiburgijanje povijesti. *Novosti*. 15.05.2020. URL: <https://www.portalnovosti.com/bleiburgijanje-povijesti> (accessed: 01.07.2020).

как интерпретировать сами события, связанные с Блайбургом, если отказаться от парадигмы мести и сопоставления жертв, и (в плане исторической политики) какие способы поминовения о них избрать. За ответами следует обратиться к эссе Славко Гольдштейна «Почему я не поехал в Блайбург?» (2010).

Конечно, гибель около 45 тыс. обезоруженных приспешников НГХ и примкнувших к ним около 25 тыс. словенских домобранов, четников, лётчиков (по В. Жерявичу) — это военное преступление. Однако нужно помнить, что, согласно тем же подсчётам, груз ответственности этого «войска» насчитывает около 300 тыс. невинных жертв. Устами спровоцировали ярость расправы недельным сопротивлением партизанам уже после капитуляции Третьего рейха. Распространённой ложью является утверждение, что партизаны казнили всех без разбору, но её опровержение вовсе не означает, что среди павших не было совершенно невинных. И всё же большинство лиц, бежавших в Австрию, были так или иначе замешаны в преступлениях режима. Хранители блайбургского мифа не заинтересованы в выяснении точного числа жертв, поскольку эти подсчёты могут подорвать их преувеличенную версию о 80 тыс. убитых. Искривление в политике памяти, в свою очередь, восходит к стратегии замалчивания этой трагедии в СФРЮ, что создало возможность для эксплуатации семейной и национальной травмы профашистски настроенными правыми.

Идеалом могла бы стать диалогическая память в определении историка Бранимира Янковича. Такая память предполагает признание, в первую очередь, «своей» вины, поэтому прежде всего необходимо однозначно признать преступным режим НГХ, и только после этого наследники партизан-коммунистов смогли бы принять ответственность за массовое насилие в конце войны. Однако, как замечает Бакотин, Хорватия «находится на расстоянии световых лет» от этого идеала. Тот же Янкович считает, что инициатива движения к антифашистскому консенсусу должна идти от оплотов правых сил (ХДС и католической церкви), поскольку критика слева только способствует мобилизации их сторонников. Речь президента Милановича в Тезно является шагом в этом направлении, но ещё предстоит сделать многое для деушташизации хорватской исторической памяти, что является условием для более адекватного отношения к Блайбургу.

Как отмечают эксперты³⁰, нынешняя политическая элита Хорватии всё ещё не решается взять на себя ответственность за гуманизацию исторической памяти, перекладывая эту задачу на граждан. Между тем именно она отвечает за перемены «... в социальных рамках памяти и воспоминаний, как и за проработ-

³⁰ Lučić I. ANTROPOLOGINJA I POVJESNIČAR O KOMEMORACIJAMA TIJEKOM PANDEMIJE 'Više im šteti politizacija nego pandemija'. *Jutarnji list*. 17.05.2020. URL: <https://www.jutarnji.hr/vijesti/hrvatska/antropologinja-i-povjesnicar-o-komemoracijama-tijekom-pandemije-vise-im-steti-politizacija-nego-pandemija-10316206> (accessed: 01.07.2020). См. схожую оценку применительно к позиции А. Пленковича, готовящегося к парламентским выборам: Modrić S. Izbori su u pitanju. Andrej Plenković i povodom Bleiburga podigraва ekstremističkoj desnici. *Telegram*. 15.05.2020. URL: <https://www.telegram.hr/price/izbori-su-u-pitanju-andrej-plenkovic-i-povodom-bleiburga-podigraва-ekstremistickoj-desnici/> (accessed: 01.07.2020).

ку боли, насилия и травм войны в “культурное наследие войны”» (Р. Ямбрешич-Кирин). Вместо этого с целью политической вербовки сторонников все средства вкладываются в циклическое воспроизводство конфликта в ритуале коммеморации.

Итак, очевидно, что возвращение усташей как героев публичной сцены произошло благодаря концепции «национального примирения», которая, однако, реализовывалась не через осознание вины и принятие ответственности за совершенные преступления, а путём их полного или частичного оправдания (в основном через близорукую виктимизацию вероятных военных преступников и релятивизацию насилия). Благодаря этому, спорный блайбургский миф всё ещё служит одному из вариантов посткоммунистического нациестроительства. Сложно судить, насколько он будет состоятелен в обозримом будущем на фоне осязаемого роста правого популизма на мировой арене и раздувания исторических войн вокруг советского (коммунистического) наследия в Восточной Европе.

75-летний юбилей Блайбурга, проведённый в атмосфере усталости от ограничительных мероприятий в связи с пандемией и в преддверии хорватских парламентских выборов, продемонстрировал глубокий общественный раскол, сохранение конфликтного потенциала истории и политизированный характер обсуждения трагедии. Сопоставление выводов аналитиков блайбургского мифа с публикациями в массовой печати указывает на очевидность его функциональной модели для значительного сегмента хорватского общества. Поскольку режиссёрский сценарий коммеморации предельно обнажился, а мнемонические акторы повторяли хорошо известные и ожидаемые от них слова, некоторые заговорили о переходе публичных акций памяти в разряд травести. И хотя спрос на обновление мемориального репертуара, казалось, возрос, его всё ещё недостаточно для перехода к новой политике памяти.

В то время как левые отказывают усташскому НГХ в праве считаться опытом хорватской государственности, подчёркивают роль антифашистского движения и указывают на совместимость части его идеалов с европейскими ценностями, (ультра)правые обеляют или же нейтрализуют усташский режим как «обычный» авторитаризм военной эпохи и оправдывают его насильственные действия реакцией на сербскую агрессию³¹. Травматическое наследие войн 1990-х поддерживает такую стратегию. Впрочем, подобное «заигрыванием с фашизмом» (Pavlačić 2008: 115–143) в виде «усташеностальгии» или «усташизации» публичного дискурса (Wróblewska-Trochimiuk 2017: 66) серьёзно расходится с холокостоцентричной европейской памятью о Второй мировой войне, что, как показал прошедший юбилей, может служить не только идеальным, но и

³¹ Czerwiński M. Croatia's Ambivalence over the Past: Intertwining Memories of Communism and Fascism. *Cultures of History Forum*. 07.11.2016. DOI: 10.25626/0055. URL: <https://digital.herderinstitut.de/publications/frontdoor/index/index/searchtype/collection/id/16274/start/12/rows/100/docId/89> (accessed: 01.07.2020).

вполне практическим ограничителем блайбургского ритуала. Именно давление внешних обстоятельств и привело к нынешнему обострению конфликта памяти сначала в БиГ, а затем и внутри Хорватии.

Об авторах:

Михаил Валерьевич Белов – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2. E-mail: belov_mihail@mail.ru

Светлана Вячеславовна Кузнецова – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры Новой и новейшей истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2. E-mail: kuznetsova.sv.v@gmail.com

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ проекта № 19-09-00163.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Received: May 21, 2020
Accepted: July 30, 2020

«In Memory of the Innocent Victims...»? Bleiburg – Controversial “Place of Memory” in Croatia

M.V. Belov, S.V. Kuznetsova
DOI 10.24833/2071-8160-2020-4-73-157-177

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod – National Research University

Abstract: The article is devoted to the Bleiburg myth in the politics of memory in modern Croatia. In mid-May 1945 the contingents which were trying to move to the West and avoid the possible reprisals against them by the victorious communists were transferred to the Yugoslav partisans by the British military administration. Among them prevailed the members of Croatian Ustasha and Slovene Home Guard, but there were also representatives of other nationalities of Yugoslavia. Soon after the war all the victims of the massacres that took place in 1945 and those who died from hunger and illness during the transfer were Croatized through the efforts of the Croatian emigration. After the collapse of Yugoslavia and during the war (1991–1995), the Bleiburg myth began to acquire official status. The return of Ustasha soldiers as heroes to the public sphere under F. Tudjman was due to the concept of «national reconciliation», which was carried out not through awareness of guilt and acceptance of responsibility for the crimes committed, but through their full or partial justification.

The first part of the article reviews the research literature on the Bleiburg myth, the stages of its formation and functional significance. The second part examines the public debate around the Sarajevo mass for the murdered and other commemorative events in the anniversary in May 2020. They are compared with the evaluations of the Bleiburg narrative-ritual complex expressed in the literature.

The 75th anniversary of Bleiburg commemorated in an atmosphere of fatigue from the restrictions due to the coronavirus pandemic and on the eve of the Croatian parliamentary elections, demonstrated deep social division, the contested character of history and the political interest in discussing this tragedy. Comparison of the research literature with publications in the mass press indicates the obviousness of the functional model of the Bleiburg myth for a significant segment of Croatian society. Although the demand for renewal of the memorial repertoire seems to have increased, it is still not enough for the transition to the new politics of memory.

Keywords: Bleiburg myth, politics of history in Croatia, places of memory of victims of all totalitarian regimes, Independent State of Croatia, Ustasha-nostalgia

About the authors:

Mikhail Valerievich Belov – Doctor of History, Associate Professor, Head of the Department of Modern and Contemporary History of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod – National Research University. 603005, Nizhny Novgorod, Ulyanova st., 2.
E-mail: belov_mihail@mail.ru

Svetlana Vyacheslavovna Kuznetsova – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer at the Department of Modern and Contemporary History of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod – National Research University. 603005, Nizhny Novgorod, Ulyanova st., 2.
E-mail: kuznetsova.sv.v@gmail.com

Acknowledgments: The publication was prepared within the framework of the RFBR-supported scientific project no.19-09-00163.

Conflict of interest: The authors declare absence of conflict of interest.

References:

- Bellamy A. 2003. *The Formation of Croatian National Identity: A Centuries-old Dream*. Manchester: Manchester University Press. 224 p.
- Cipek T. 2004. Confronting Croatia's Communist Past. *Central European Political Science Review*. 15(57). P. 79–93.
- Čapo J. 2016. Conflicts over Memory in Croatia: An Academic Publication in the Grips of Ideology. *Anthropology*. №3. P. 5–24.
- Đurašković S. 2016. National Identity-Building and the "Ustasa-nostalgia" in Croatia: the Past that Will not Pass. *Nationalities Papers*. 44(5). P. 772–788. DOI: 10.1080/00905992.2016.1171301.
- Goldstein I., Goldstein S. 2002. Revisionism in Croatia: The Case of Franjo Tudman. *East European Jewish Affairs*. 32(1). P. 52–64. DOI: 10.1080/13501670208577963.
- Jakur A. 2012. Memories in Conflict: Remembering the Partisans, the Second World War and Bleiburg in Croatia. *Balkan Memories. Media Constructions of National and Transnational History*. Ed. by T. Zimmermann. Transcript-Verlag. P. 187–205.
- Kolstø P. 2010. Bleiburg: The Creation of a National Martyrology. *Europe-Asia Studies*. 62(7). P. 1153–1174. DOI: 10.1080/09668136.2010.497024.

Pavlaković V. 2008. Flirting with Fascism: The Ustasa Legacy and Croatian Politics in the 1990s. *The Shared History and The Second World War and National Question in ex-Yugoslavia*. Ed. by D. Gavrilovic. Novi Sad: CHDR. P. 115–143.

Pavlaković V. 2010. Deifying the Defeated: Commemorating Bleiburg since 1990. *L'Europeen formation*. 357. P. 125–147. DOI: 10.3917/eufor.357.0125.

Pavlaković V., Brentin D., Pauković D. 2018. The Controversial Commemoration: Transnational Approaches to Remembering Bleiburg. *Croatian Political Science Review*. 55(2). P. 7–32. DOI: 10.20901/pm.55.2.01.

Radonic L. 2003. Croatia's Politics of the Past during the Tudman Era (1990-1999) – Old Wine in New Bottles? *Austrian History Year book*. №44. P. 234–254.

Ravančić G.M. 2018. The Historiography of Bleiburg and the Death Marches since Croatian Independence. *Croatian Political Science Review*. 55(2). P. 133–144. DOI: 10.20901/pm.55.2.07.

Uzelac G. 1998. Franjo Tudjman's Nationalist Ideology. *East European Quarterly*. 31(4). P. 449–472.

Wróblewska-Trochimiuk E. 2017. The Idea of National Reconciliation and the Croatian Memory of the Past. *Slavic Memory*. Ed. by K. Ćwiek-Rogalska K. and M. Filipowicz. Kraków: LIBRON. P. 61–74.

О работе Наркомата иностранных дел СССР в Куйбышеве (1941-1943)

С.И. Чернявский

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье анализируется работа Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) СССР в Куйбышеве (ныне Самара), куда он был эвакуирован в 1941-1943 гг. вместе с другими центральными государственными учреждениями и дипломатическим корпусом, аккредитованным в СССР. Хотя этот период был не столь длительным – всего два года – и ключевые решения принимались, разумеется, в Москве, в «запасной столице» велась напряжённая «черновая» работа, которая обеспечивала решение задач, поставленных руководством страны перед аппаратом НКВД.

Речь шла, в первую очередь, о концентрации дипломатической деятельности на конкретных направлениях, способных оказать реальную помощь Красной Армии в получении необходимого вооружения и стратегического сырья. Среди других задач – поиск союзников, налаживание с ними эффективного военного, экономического и политического сотрудничества, противодействие расширению фашистской коалиции за счёт Швеции и Турции, предельно взвешенная политика на Дальнем Востоке с тем, чтобы избежать военного столкновения с Японией.

В связи с ухудшением военной обстановки на Западном фронте и угрозой захвата Москвы 16 октября 1941 г. основной состав наркоминдела во главе с заместителем наркома А.Я. Вышинским и члены дипломатического корпуса были эвакуированы в Куйбышев (ныне – Самара). В.М. Молотов с небольшой группой помощников остался в Москве.

Отношения НКВД с эвакуированными в Куйбышев посольствами складывались по-разному – уровень и интенсивность контактов с ними во многом зависели от двусторонних отношений с соответствующими государствами. Первое место по значимости занимали, разумеется, контакты с посольствами Великобритании и США. Через послов этих стран решались ключевые задачи формирования антигитлеровской коалиции, согласовывались даты встреч на высшем уровне.

Разумеется, «скуденность» сотрудников центрального аппарата и иностранных дипломатов в небольшом областном городе вносила сложности в их практическую реализацию. Тем не менее, стремление к общей победе, понимание ответственности перед своим отечеством объединяли эту разнородную «дипломатическую команду» и облегчали поиск компромиссных решений.

Возвращение в Москву сотрудников наркомата и дипломатического корпуса состоялось после победы на Курской дуге. Окончательно Куйбышев вернул Москве статус столицы СССР только в конце 1943 г.

Ключевые слова: Наркомат иностранных дел СССР, Куйбышев, Самара, Великая Отечественная война

УДК: 322.2

Поступила в редакцию: 27.01.2020 г.

Принята к публикации: 25.05.2020 г.

По мере приближения очередного юбилея Победы советского народа и сил антигитлеровской коалиции над фашизмом в средствах массовой информации ряда зарубежных государств традиционно нарастает волна русофобства, направленная на извращение роли Советского Союза во Второй мировой войне. Самое невероятное в том, что «застрельщиками» этой позорной кампании выступают лидеры и общественные деятели тех стран, освобождение которых стоило нашему народу наибольших жертв. Среди них, в первую очередь, представители Польши и балтийских государств.

Отдавая дань памяти миллионам советских граждан павшим в борьбе с фашизмом, невозможно – да и бесполезно – особо выделить какую-то категорию гражданских лиц, вложивших наибольший вклад в Великую Победу. Вместе с тем, очевидно, что весомая роль в её достижении принадлежит советским дипломатам, которые в предвоенный период боролись за предотвращение германской агрессии, а с первых же дней войны включились в создание антигитлеровской коалиции.

В статье анализируется работа Народного комиссариата иностранных дел (НКИД) СССР в Куйбышеве (ныне Самара), куда он был эвакуирован в 1941–1943 гг. вместе с другими центральными государственными учреждениями и дипломатическим корпусом, аккредитованным в СССР. Хотя этот период был не столь длительным – всего два года – и ключевые решения принимались, разумеется, в Москве, в «запасной столице» велась напряжённая «черновая» работа, которая обеспечивала решение задач, поставленных руководством страны перед аппаратом НКИД.

По сравнению с многообразной историографией работ, посвящённых деятельности Министерства иностранных дел СССР (Наркомата иностранных дел) в годы Второй мировой войны, избранный для данной статьи период нашёл сравнительно скромное отражение в работах советских и зарубежных историков. Основным материалом для анализа деятельности НКИД в «самарский период» являются «Документы внешней политики СССР», «Очерки истории МИД России», изданные в 2002 г. к 200-летию МИД России, исследования таких российских историков, как С.Л. Тихвинский, А.О. Чубарьян, М.М. Наринский, В.О. Печатнов, мемуары советских дипломатов – В.М. Бережкова, М.И. Иванова, Н.В. Новикова, В.Л. Исраэляна, А.М. Александрова-Агентова.

Представляют несомненный интерес работы американских исследователей Д. Майерса и Д. Данна с подробными характеристиками послов США военного периода, а также весьма тенденциозные мемуары послов Швеции В. Ассарсона и Польши С. Кота. Поскольку через Куйбышев шли переговоры о создании польских, чехословацких и французских воинских подразделений, мемуары будущего президента ЧССР Л. Свободы, генерала В. Андерса и его помощника Е. Климковского, а также представителя «Сражающейся Франции» Р. Гарро проливают свет на малоизвестные страницы советской дипломатии избранного

периода. Большой вклад в изучение данной проблемы внесли самарские учёные и журналисты – А.Е. Павлов, Э.Я. Дмитриева и А.И. Репинецкий. Их исследования, а также материалы куйбышевских газет военного периода «Симбирский курьер» и «Волжская коммуна» дают многомерное представление о жизни и работе иностранных дипломатов в «запасной столице».

К весне 1941 г. вся система государственного управления СССР оказалась подорванной многочисленными «чистками», выявлявшими «вредителей и диверсантов». Не ставя под сомнение обоснованность подобных обвинений в отдельных конкретных случаях, массовый характер жестоких репрессий наносил серьёзный удар по единству страны. Показательные судебные процессы 1936–1938 гг. оказали негативное влияние на международный имидж страны, осложнив практическую деятельность НКВД.

Репрессии обрушились как на Центральный аппарат Наркомата, так и на его загранучреждения. Многие ведущие советские дипломаты были арестованы, осуждены и расстреляны (список репрессированных и посмертно реабилитированных дипломатов на сайте МИД РФ впечатляет – более 140 чел.). В числе «врагов народа» оказались четыре бывших и действующих заместителя наркома, многие полпреды с огромным опытом работы. Некоторые ответственные работники за рубежом в этой обстановке выбрали эмиграцию. Опустели советские представительства за рубежом. Вакансии в Центральном аппарате не заполнялись в течение длительного времени. Вместо опытных дипломатов на работе в НКВД оказались люди, далёкие от сферы внешней политики. В основном из рядов партийных и советских работников, технической интеллигенции.

3 мая 1939 г. на посту наркома иностранных дел СССР М. Литвинова сменил сохранивший должность председателя Совнаркома СССР Вячеслав Михайлович Молотов. Новый нарком продолжил начатую ранее «чистку» аппарата, установил строгую централизацию и жёсткую вертикаль деятельности советской дипломатической службы, полностью лишив руководителей загранучреждений права на самостоятельные инициативные действия, не согласованные заблаговременно с Центром.

Следует отметить, что агрессия фашистской Германии застала Советский Союз плохо подготовленным не только в военном, но и в дипломатическом отношении. Из-за противодействия западных держав отечественной дипломатии не удалось создать систему коллективной безопасности с целью предотвращения агрессии Германии, Италии и Японии. Переговоры с представителями Великобритании и Франции, которые велись в 1939 г., были прерваны, и отношения с этими странами были фактически заморожены.

Война потребовала коренной перестройки всей работы НКВД. Заметно сократился его численный состав – даже в ведущих подразделениях, курировавших отношения с Великобританией, Германией и США, осталось по четыре сотрудника. Однако благодаря своим высоким деловым качествам они обеспе-

чивали ритмичную, высокопрофессиональную работу наркомата в тяжелейших условиях военного времени в круглосуточном режиме.

4 июля 1941 г. по постановлению Государственного комитета обороны «О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения» началась запись добровольцев-сотрудников НКВД, а 10 июля 163 сотрудника наркомата ушли на фронт в рядах 6-й Московской стрелковой дивизии народного ополчения. В составе 24-й армии дивизия героически сражалась под Ельней, а в кровопролитных боях на Смоленщине погибли 72 сотрудника НКВД.

Перед советской дипломатией были поставлены важные стратегические задачи. Речь шла, в первую очередь, о концентрации дипломатической деятельности на конкретных направлениях, способных оказать реальную помощь Красной Армии в получении необходимого вооружения и стратегического сырья. Среди других задач - поиск союзников, налаживание с ними эффективного военного, экономического и политического сотрудничества, противодействие расширению фашистской коалиции за счёт Швеции и Турции, предельно взвешенная политика на Дальнем Востоке с тем, чтобы избежать военного столкновения с Японией.

Первым заместителем В.М. Молотова в военный период был А.Я. Вышинский (с 6 сентября 1940 г.), а заместителями – В.Г. Деканозов (с 3 мая 1939 г.), С.А. Лозовский (с 15 мая 1939 г.), М.М. Литвинов (с 10 ноября 1941 г.), И.М. Майский (с 28 июля 1943 г.), С.И. Кавтарадзе (с 3 сентября 1943 г.), А.Е. Корнейчук (с 23 мая 1943 г. по 2 февраля 1944 г.) и М.И. Алиев (с 22 ноября 1943 г. по 3 сентября 1944 г.).

Среди первостепенных задач «технического» и гуманитарного характера, выдвинутых войной, стоял вопрос о том, кому из государств, соблюдавших нейтралитет, следовало доверить защиту советских интересов в странах, прямо объявивших состояние войны с СССР или разорвавших с ним дипломатические отношения. Следовало также решить порядок возвращения на Родину советских граждан, находившихся к началу войны на территории вражеских государств.

27 июня нарком В.М. Молотов личной телеграммой в адрес Международного Комитета Красного Креста дал согласие на организацию на условиях взаимности обмена списками военнопленных между воюющими сторонами в нейтральной Турции. Переговоры об обмене советских и германских граждан, проходившие при посредничестве болгарской и шведской миссий в Москве, завершились передачей 13 июля 979 советских граждан в обмен на 237 германских граждан.

НКВД СССР в «запасной столице»

В связи с ухудшением военной обстановки на Западном фронте и угрозой захвата Москвы 16 октября основной состав наркоминдела во главе с заместителем наркома А.Я. Вышинским и члены дипломатического корпуса были эва-

куированы в Куйбышев (ныне – Самара). В.М. Молотов с небольшой группой помощников остался в Москве.

Ветераны дипломатической службы М.И. Иванов, В.М. Бережков и другие с волнением вспоминают свой переезд в Куйбышев. М.И. Иванов: «Будучи на работе, услышал в кабинете заведующего отделом телефонный звонок. Звонил заместитель наркома. Он приказал немедленно покинуть НКВД и отправляться на Савёловский вокзал для выезда из Москвы. Мы с женой быстро собрались. С большим трудом добрались до вокзала. Нашли наш поезд. Утром 16 августа 1941 г. мы покинули Москву и отправились в Куйбышев» (Иванов 2000: 54). А вот как описывает те же события секретарь и переводчик наркома В.М. Бережков: «Утром 16 октября я, как обычно, пришёл в 9 часов на работу и занялся текущими делами. Около 11 часов утра раздался телефонный звонок, и всем было передано распоряжение немедленно собрать дела и самые необходимые личные вещи и отправляться на Казанский вокзал. У подъезда Наркомата на Кузнецком мосту выстроились покрытые брезентом грузовики. Падал снег. Сотрудники носили в машины папки с бумагами» (Бережков 1987: 113).

Архивы наркомата были также вывезены из Москвы. Первую партию в шести железнодорожных вагонах доставили в Куйбышев ещё 28 июля 1941 г., а в конце августа и другие оставшиеся в Москве архивы НКВД были эвакуированы в г. Мелекесс.

Трагическая деталь. В специальном тюремном вагоне (в одном поезде с дипломатами) в Куйбышев привезли нескольких «врагов народа»: командующего ВВС Красной Армии, героя Советского Союза П.В. Рычагова; главного инспектора ВВС, дважды Героя Советского Союза Я.В. Смушкевича; командующего ПВО СССР Героя Советского Союза Г.М. Штерн; артиллерийского конструктора Я.Г. Таубина и ещё 19 высших командиров Красной Армии. 28 октября все они вместе с жёнами были расстреляны в пригороде Куйбышева.

6 ноября куйбышевская часть наркомата официально приступила к работе. В Оперном театре состоялось торжественное заседание с традиционным докладом по случаю 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, который сделал первый заместитель наркома иностранных дел А.Я. Вышинский. На заседании и последующем концерте артистов Большого театра присутствовали члены советского правительства, весь дипломатический корпус, иностранные журналисты.

На следующий день, 7 ноября в Куйбышеве одновременно с Москвой прошёл военный парад, который произвёл большое впечатление на присутствовавших дипломатов, продемонстрировав им наличие на Средней Волге мощной и хорошо вооружённой резервной армии.

Сотрудников наркомата разместили в здании бывшего Куйбышевского коммунистического университета. Первое время они жили и работали в актовом зале, спали на полу. Постепенно жизнь налаживалась – учебные аудитории и институтские залы разделялись перегородками, появилась телефонная связь.

Работа занимала весь день и часть ночи, в Куйбышеве, как и в Москве, практиковались ночные бдения до трёх-четырёх часов утра. Одной из главных причин изнурительного рабочего режима была боязнь руководства не оказаться на месте, если вдруг позвонит Сталин, работавший, как известно, по ночам.

В отношениях главы «куйбышевского филиала», бывшего генерального куратора и зачинателя наиболее громких «чисток» 30-х гг. А.Я. Вышинского с сотрудниками царили высокомерие и грубость. Эти пороки, как эпидемия, перекинулись и на остальное руководящее звено. А.М. Александров-Агентов и другие советские дипломаты с горечью вспоминают это явно неадекватное сложному периоду деятельности сотрудников НКВД поведение. Тем более что семьи сотрудников были эвакуированы в другие районы, а скудное питание и работа на износ подрывали здоровье. Н.В. Новиков вспоминает, что отпускаясь на семью продовольственный паек не позволял накормить досыта даже детей, не говоря уже о взрослых. Хотя это постоянное недоедание было фактически нормой для подавляющего большинства советских людей (Новиков 1989: 88).

Поскольку наиболее ответственные переговоры с представителями стран-союзниц по антигитлеровской коалиции проводили И. Сталин и В. Молотов в Москве, то для участия в них из Куйбышева вызывались заведующие соответствующими подразделениями. На практике это означало раздел аппарата НКВД на две части: одна – в Москве, где находился Секретариат наркома из семи-восьми человек во главе с Б.Ф. Подцеробом, обеспечивавшим встречи на высшем уровне, другая – в Куйбышеве, где велась повседневная работа по подготовке необходимых документов и осуществлялись контакты с дипломатическим корпусом. Приезжавшие из Куйбышева в командировки в Москву сотрудники после рабочего дня, обычно длившегося до глубокой ночи, не возвращались в свои опустевшие холодные московские квартиры, а оставались ночевать в служебных кабинетах в наркомате. Тем более что передвижение по Москве после наступления темноты в условиях военного времени было весьма ограниченным.

В конце 1941 г. перед аппаратом НКВД в Куйбышеве стояло несколько практических задач первостепенной важности. Послы В.Л. Израэлян и С.Л. Тихвинский обоснованно считают, что наиболее срочным было подготовить и подписать соответствующие соглашения с США и Великобританией о военно-политическом союзе в борьбе с фашистской агрессией (Израэлян 1985; Тихвинский 2006). Во-вторых, установить контакты с движениями сопротивления на территории стран, оккупированных фашистскими войсками – Польши, Голландии, Франции, Бельгии, Югославии. Кроме того, важно было с помощью дипломатических и политических средств не допустить вступления в войну против нашего государства Японии, а также нейтрализовать те силы в Афганистане, Иране и Турции, которые стремились к союзу с Германией. В качестве более отдалённой перспективы рассматривалась задача разработки системы договоров об экономическом, военно-техническом и гуманитарном сотрудничестве с государствами, объявившими войну Германии.

Реализация поставленных руководством страны задач во многом зависела от результатов работы с главами дипломатического корпуса, также эвакуированного из Москвы в Куйбышев. Ведь именно они были главными информаторами своих правительств о положении на советско-германском фронте.

Иностранные дипломаты в Куйбышеве

Отношения НКВД СССР с аккредитованными в Москве представителями иностранных государств складывались под влиянием как международных событий (в первую очередь, советско-финской войны), так и внутрисоюзных (показательные процессы над «врагами народа»). В конце 1930-х гг. в стране резко усилилось недоверие к иностранцам. Как говорил заместитель наркома В.П. Потемкин, «нежелательные иностранцы высыпаются за границу целыми пачками». Особенно это касалось германских граждан, в основном технических специалистов. Действия начальника ОГПУ Г.Г. Ягоды и генерального прокурора А.Я. Вышинского, связанные с арестами иностранных граждан в Советском Союзе, приняли такой размах, что нарком М.М. Литвинов был вынужден неоднократно обращаться с просьбами дать указание всем отделам ОГПУ своевременно информировать НКВД о подобных действиях с тем, чтобы подтвердить их законность. Аресты, приговоры, просьбы о замене наказания высылкой иностранцев за рубеж – всем этим наркомат иностранных дел вынужден был заниматься практически ежедневно. В мае 1939 г. нарком Литвинов был снят со своего поста.

В довоенный период СССР имел дипломатические отношения с 28 государствами. Посольства и миссии этих стран были немногочисленны, а в начале Великой Отечественной войны многие диппредставительства дополнительно сократили свой состав, мотивируя это «бытовыми лишениями на территории воюющего государства». Всё это несмотря на то, что в условиях нехватки продовольствия, отсутствия комфортабельных помещений руководство НКВД обеспечило дипкорпус специальными пайками, бытовыми товарами, отоплением квартир и другими удобствами.

Агрессия фашистской Германии была по-разному воспринята иностранными дипломатами. Многие полагали, что победа Гитлера неизбежна. В конце августа в Москве распространялись панические слухи о сдаче города немцам. В эту кампанию включились и некоторые члены дипкорпуса, в том числе японский посол генерал И. Татекава, утверждавший, что Гитлер готовит свой въезд в Москву, а Сталин – свой переезд в Свердловск (Assarsson 1963: 36). Эти слухи активно поддерживал и американский посол Л. Штейнгардт, которого И. Сталин называл «пораженцем, сплетником и трусом» (Mayers 1995: 132).

В связи с прорывом фашистами Можайской линии обороны 15 октября советское руководство приняло решение об эвакуации государственных учреждений в Куйбышев. В этой связи В. М. Молотову поручалось заявить аккредитованным в СССР иностранным миссиям о необходимости их немедленного переезда

в Куйбышев. В тот же день нарком пригласил дуайена дипкорпуса посла Ирана М. Саеда, а также послов Великобритании и США, предложив им немедленную эвакуацию. Предусматривалось при этом, что англичане и американцы оставят минимум сотрудников для обеспечения технической работы посольств.

В течение двух дней – 19-20 октября 1941 г. в город прибыли сотрудники 12 посольств и шести миссий. В том числе – Афганистана, Болгарии, Великобритании, Греции, Ирана, Китая, Монголии, Норвегии, Польши, Тувы, Югославии, Японии, а также представительства Комитета национального освобождения Франции. Уже в Куйбышеве была открыта 1 августа 1942 г. миссия Бельгии, которая представляла и интересы Люксембурга. Появились диппредставительства Мексики и Канады, миссии Австралии и Кубы. Всего прибыло 300 иностранных граждан (включая жён и детей, переводчиков, поваров и шофёров). В Москве осталась лишь часть сотрудников наиболее крупных посольств, которые осуществляли связь коллег из Куйбышева с оставшимся в столице руководством страны (Бережков 1987: 113).

По-разному отнеслись дипломаты к своему переезду. Те, кто помоложе – более эмоционально, а те, кто постарше – не скрывали своего недовольствия. Так, бывший секретарь посольства Швеции в СССР Сверкер Острем, вспоминает эту поездку как детективную историю, повествуя как его и семерых других младших сотрудников, привезли в пустой старинный особняк без мебели, в котором они обнаружили около двадцати железных кроватей. «Позже, делаясь своими впечатлениями с другими дипломатами, мы выяснили, что нашему посольству досталось самое лучшее здание из всех. Мы были приятно удивлены: вскоре открылся «Гастроном» для дипломатического корпуса с икрой и водками» (Павлов 1995: 20).

Великобритания в Куйбышеве была представлена 17 сотрудниками и журналистами, столько же было американцев. От Польши – 14 человек, Японии – 10 плюс 11 человек вспомогательного персонала и журналисты, от Китая – 12 сотрудников с пятью жёнами, от Турции – девять, Чехословакии пять с двумя жёнами, Ирана – шесть с двумя жёнами, Швеции – семь, от Греции и Норвегии – по шесть, от Югославии – пять, Болгарии – три. Для провинциального города, который вынужден был, в первую очередь, приютить эвакуированный из Москвы государственный аппарат подобный наплыв иностранцев стал серьёзным испытанием.

Местные власти в экстренном порядке освободили для иностранцев 20 бывших купеческих особняков в центре города. Хотя это было лучшее, что мог дать город, многие дипломаты всё равно остались недовольны. Англичанин Криппс говорил об изобилии клопов и тараканов (Суслопарова 2018), а теплолюбивый японский посол Татекава жаловался на плохое отопление, из-за которого он вынужден был спать на кухне около плиты. Были и явно завышенные требования. Так, сотрудник миссии США по военному снабжению Красной Армии полковник Файновилл просил предоставить ему для проживания дом или квартиру в 16-18 комнат, а также гараж на три автомобиля (Павлов 1995:4).

Недоволен был и посол США Л. Штейнгардт, которого разместили вместе с его персоналом в здании средней школы. С видом оскорблённого человека Штейнгардт заявлял, что «поступил на дипломатическую службу не для того, чтобы страдать, а с тем, чтобы получать удовольствие от жизни» (Assarsson 1963: 39). За время своего пребывания в СССР Штейнгардт прославился скупкой икон, а, будучи отозван Рузвельтом в ноябре 1941 г., с нескрываемым высокомерием вспоминал о своей работе в России, в которой «люди не знают о существовании туалетной бумаги, поскольку у них нет достаточно еды, чтобы испытывать в ней необходимость» (Mayers 1995: 133).

Особого внимания требовал к себе зарубежный корреспондентский корпус. Новая государственная структура – Советское информационное бюро, созданная для информирования и контрпропаганды как внутри страны, так и за рубежом, с трудом справлялась со своими обязанностями. Тем более что фактически основная нагрузка по организации работы Совинформбюро легла на малочисленный отдел печати НКВД. Журналисты требовали большей свободы передвижений и расширения контактов с военнослужащими. Их возможности первыми получить новость с фронта были ограничены жёсткими рамками Совинформбюро. Даже передвижения корреспондентов по городу были ограничены до минимума. Поэтому 24 марта 1942 г. временный поверенный в делах США У. Торстон обратился к руководству НКВД с просьбой дать разрешение на переезд в Москву журналистов наиболее значимых информагентств, поскольку «в Куйбышеве они не могут работать так эффективно, как в Москве. Ведь большинство новостей объявляется впервые в столице и эти новости обычно устаревают, когда достигают Куйбышева» (Документы внешней политики СССР... 2010: 243). Российская сторона, однако, ответила отказом. «Не находясь в Куйбышеве, иностранные корреспонденты лишены пресс-конференций, да и вообще обычно принято, чтобы они находились там же, где и весь дипломатический корпус», – заявил заместитель наркома В.Г. Деканозов, добавив, что «инокорреспонденты иногда бывают излишне настойчивы и даже капризны».

Не исключено, что говоря о «капризах», Деканозов имел в виду корреспондента английской газеты «Дейли Геральд» Турнера, который пришёл в редакцию газеты «Правда» с целым рядом претензий. Он жаловался на то, что в ресторане «Гранд Отель» из 20 обозначенных в меню блюд можно заказать только два, что там месяцами не бывает кофе, какао, других напитков. А продукты из дипломатического магазина нередко исчезают через чёрный ход¹.

Наверное, всё так и было. Однако в спецмагазине с покрашенными мелом окнами и часовыми у дверей, продуктов всё же было в достатке. Конечно, для иностранцев в Куйбышеве тоже действовали нормы отпуска продуктов, хотя и совершенно несопоставимые с теми, что значились в продовольственных кар-

¹ Михайлова Н. 2017. Столица по соседству. *Симбирский курьер*. 02.06.2017

точках жителей города. Так, членам дипломатического корпуса в месяц полагалось 8 кг мяса, 8 кг сахара, 30 кг хлеба и 10 литров (!) водки. Спиртного было настолько много, что иностранцы не гнушались им приторговывать².

Отношения НКВД с дипкорпусом

Отношения НКВД с эвакуированными в Куйбышев посольствами складывались по-разному – уровень и интенсивность контактов с ними во многом зависели от двусторонних отношений с соответствующими государствами.

Первое место по значимости занимали, разумеется, контакты с посольствами Великобритании и США. Становление военно-политического сотрудничества стран антигитлеровской коалиции проходило трудно и противоречиво. Немало американских и британских деятелей в своих высказываниях не скрывали надежд на то, что в войне между Германией и СССР будут обескровлены обе стороны, в результате чего США и Британская империя получат возможность сохранить и даже упрочить свои мировые позиции. В этом плане характерно заявление британского посла в Москве Ст. Криппса, сделанное им на заседании британского военного кабинета: «Россия не устоит перед Германией дольше трёх или четырёх недель. К концу этого периода враг может оказаться в Ленинграде, Москве и Киеве». Единственное, на что надеялся Криппс, – это отход какой-то части русских войск в Сибирь, где они «имели бы неплохие шансы удержаться» (Сулопарова 2018).

Советскому руководству подобная позиция западных партнёров была хорошо известна, но ему, так же как и лидерам Великобритании и США на первых порах было сложно перестроиться, уйти от классовой принципиальности в подходе к проблемам, решение которых требует гибкости и готовности к необходимым компромиссам. Тем не менее, под влиянием неудач в борьбе с фашистской Германией обе стороны постепенно начали находить консенсус.

При этом советская сторона считала своей важнейшей задачей придать договорное оформление формировавшемуся союзу между СССР, Великобританией и США с тем, чтобы иметь некую гарантию того, что Англия и Соединённые Штаты Америки будут сражаться вместе с СССР до конца войны и не пойдут на сепаратный мир с агрессорами. А такого развития событий нельзя было исключать, поскольку в правящих кругах этих держав были широко распространены крайне враждебные Советскому Союзу настроения. Юридическое оформление союза должно было, по мнению Советского правительства, создать также оптимальные возможности для действительно эффективного сотрудничества трёх держав в войне, координации и согласования их действий для скорейшего разгрома общих врагов. Учитывая горький опыт взаимоотношений между тремя

² Репинецкий А.И. 2018. Самара дипломатическая. *Волжская коммуна*. 26.10.2018

странами в прежние годы, необходимо было по возможности согласовать цели трёх держав в войне и урегулировать ряд нерешённых в отношениях между ними внешнеполитических вопросов.

Таков был общий фон, на котором реализовывалась дипломатическая деятельность СССР. Однако анализ двусторонних отношений с государствами антигитлеровской коалиции выходит за рамки статьи. Цель автора – ограничиться оценкой эффективности практической работы НКВД в Куйбышеве с главами дипломатических миссий, от которых во многом зависело отношение правительств соответствующих государств к сотрудничеству с Советским Союзом.

Интенсивными и многоплановыми были контакты различного уровня с посольствами Великобритании и США. Через послов этих стран решались ключевые задачи формирования антигитлеровской коалиции, согласовывались даты встреч на высшем уровне. Именно в Куйбышеве заместитель наркома иностранных дел А.Я. Вышинский получил 22 декабря 1941 г. официальное письмо американского посольства, с сообщением о том, что конгресс США 11 декабря 1941 г. объявил о состоянии войны между США и Германией. 18 марта 1942 г. американцы обратились через Вышинского с предложением установить прямую радиотелефонную связь между Вашингтоном и Москвой. В мае 1942 г. она заработала. 22 июня 1942 г. началась эксплуатация советской авиалинии «Куйбышев – Тегеран», существенно разгрузившая американский воздушный «трансиранский коридор», проложенный через советскую Джульфу и Иран.

Совместно с британцами и американцами в Куйбышеве готовились материалы к состоявшейся в конце сентября – начале октября 1941 г. англо-американской миссии в Москву лорда Бивербрука и А. Гарримана, к встрече с И. Сталиным министра иностранных дел А. Идена 16-22 декабря 1941 г. Некоторые государственные деятели (в частности, лидер республиканской партии США Уэнделл Уилки) стремились задержаться в Куйбышеве, чтобы на месте «прощупать» реальные возможности СССР противостоять гитлеровской Германии. Именно так объяснил У. Уилки И. Сталину в ходе их встречи 23 сентября 1942 г. свою просьбу вернуться в США через Сибирь. Такое разрешение было получено.

С руководителями военных миссий США и Великобритании шли переговоры по ленд-лизу, отрабатывались проекты маршрутов по доставке военных грузов. Был, в частности, согласован вопрос о поставке военных самолётов через Персидский залив по маршруту Басра (Ирак) – Абадан (Иран). В этих пунктах предусматривались сборка и окончательное комплектование поставляемых воздушным путём через Африку американских истребителей. Шёл конкретный разговор о номенклатуре поставок вооружения Красной Армии и стратегических материалов для советской оборонной промышленности.

После назначения президентом Рузвельтом нового посла США (Уильям Стэндли прибыл в Куйбышев 4 апреля 1942 г.) в СССР начали прибывать большие объёмы американской военной помощи. Посол не скрывал своей личной

симпатии к героизму советского народа, у него сложились конструктивные отношения как с руководством наркомата, так и лично со Сталиным. Он, однако, полагал, что помощь союзников Советскому Союзу сознательно замалчивается и недооценивается. В своём эмоциональном выступлении в марте 1943 г. на одной из пресс-конференций он заявил, что «российские власти, по-видимому, хотят скрыть факт, что они получают помощь извне. Очевидно, они хотят уверить свой народ, что Красная Армия сражается в этой войне в одиночку» (Данн 2004: 35). Разумеется, это заявление было негативно воспринято советским руководством, и вскоре посол вернулся в США.

В начале марта 1942 г. в Куйбышев прибыл новый посол Великобритании Арчибальд Кларк Керр. В то время этот шестидесятилетний шотландец по праву считался одним из опытейших британских дипломатов. Он начал службу в Министерстве иностранных дел в 1906 г., работал в разных странах Европы, Азии, Африки, Латинской Америки и Соединённых Штатах. Сталин принял его в Москве 28 марта 1942 г., и Керр сумел ему понравиться. Вспоминая этот приём, Керр утверждал, что он якобы сказал Сталину, что хорошо помнит их первую встречу, состоявшуюся в бомбоубежище Кремля. Он, Керр, «благодарен немцам за то, что они устроили тогда налёт на Москву, потому что благодаря этому он имел возможность беседовать с Генералиссимусом Сталиным в течение 2,5 часов» (Gillies 1999).

Английский посол, как и Сталин, курил трубку. При первой же встрече он польстил суровому советскому лидеру, сославшись на мнение своей матери о том, что, дескать, «трубку курят только хорошие люди», и пожаловался на нехватку качественного табака. После этого Сталин распорядился прислать послу табак высшего качества. При очередной беседе Керр пошел ещё дальше, попросив трубку Сталина, чтобы обвести её контур и заказать в Лондоне новую в качестве памятного подарка.

Серьёзную обеспокоенность у советского правительства вызывала растущая напряжённость на южных границах.

Турецкое правительство в этот период занимало выжидательную позицию в отношении войны с Советским Союзом и это сказывалось на контактах НКВД с послом А. Актаем. В связи с обвинениями в причастности к покушению на германского посла в Турции Ф. фон Папена, выдвинутых турецкими властями против сотрудников советских учреждений в Турции, отношения между Москвой и Анкарой резко обострились. Эти события заметно осложнили и без того взрывоопасную обстановку с учётом демонстративного сосредоточения вблизи советской границы 26 турецких дивизий. Несмотря на советские протесты, Турция предоставляла свою территорию для базирования немецких самолётов и их облётов Кавказа (особенно активно эта разведка велась над Западной Грузией и Арменией).

В нарушение Конвенции о Черноморских проливах, подписанной в 1936 г. в Монтре, Турция пропускала в Чёрное море германские и итальянские воен-

ные корабли (в том числе подводные лодки), которые использовались против советского Черноморского флота. 9 октября 1941 г. было подписано германо-турецкое экономическое соглашение о поставках фашистскому рейху стратегического сырья. Турецкие деятели неоднократно заявляли гитлеровцам, что они заинтересованы в уничтожении «русского колосса». Даже после Сталинградской битвы турки продолжали питать симпатии к фашистской Германии и придерживаться враждебной Советскому Союзу позиции.

Отношения с Ираном после ввода на его территорию советских и английских войск оставалась напряжённой. Наркомат иностранных дел высказывал озабоченность иранскому послу М. Саеду в связи с активизацией в стране заговорщиков, связанных с немцами, стремившихся поднять восстание в северных районах Ирана. Рассчитывая на победу немцев под Сталинградом, они наметили на 27 июля 1942 г. нападение на советские гарнизоны на побережье Каспия.

Дальневосточная граница СССР находилась под постоянной угрозой нападения со стороны Японии. Тем более что война в Китае набирала обороты.

Беседы руководства НКВД с послом Японии Н. Сато касались не только обострившейся ситуации на Дальнем Востоке, но и состояния советско-американских отношений.

В связи с вынужденной посадкой 18 апреля 1942 г. американского бомбардировщика, принимавшего участие в бомбёжке Японии, в районе Владивостока посол Н. Сато вручил 30 апреля А.Я. Вышинскому ноту протеста, в которой японская сторона предупреждала о недопустимости подобных действий, рассматривая их как нарушение нейтралитета «в отношении великой восточноазиатской войны». В начале 1942 г. японцы практически перекрыли все выходы из Владивостока в Тихий океан, а 1 мая 1942 г. торпедировали советский пароход «Ангарстрой». Предельная враждебность правящих кругов Японии к Советскому государству была общеизвестна. В Токио усиленно готовились к нападению на Советский Союз, хотя между двумя странами был заключён договор о нейтралитете. Большой интерес к советско-японским контактам проявляли американцы, поскольку в Вашингтоне были заинтересованы в том, чтобы японская агрессия обращалась в сторону СССР, а не на юг, где она непосредственно задевала бы интересы США.

Немало трудностей у советских дипломатов возникало в отношениях со Швецией и представителями эмигрантских правительств государств, оккупированных гитлеровской Германией.

Что касается посольства Швеции, то шведский посланник В. Ассарссон был частым «гостем» в кабинетах руководства НКВД. Советская сторона, учитывая прогерманские настроения определённой части шведской правящей элиты, стремилась избежать полнокровного подключения Стокгольма к фашистскому лагерю (Рупасов, Самуэльсон 2014). Добиваться этого было непросто с учётом реальной вовлечённости Швеции в сотрудничество с гитлеровцами. Летом 1941 г., после того как Финляндия примкнула к германскому нападению на СССР, швед-

ское правительство не только разрешило транзит через свою территорию дивизии германских войск в Финляндию, но и предоставило для этого свои суда. «Немецкие отпускники», то есть германские офицеры и солдаты, участвующие в войне против СССР и его союзников, возвращались в Германию через шведскую территорию. Несмотря на официальный нейтралитет, на шведской земле формировались отряды «добровольцев», отправлявшихся под командованием шведских офицеров в Финляндию для участия в войне против Советского Союза» (Документы внешней политики СССР... 2010: 196).

Шведы настаивали на своей «непричастности» к перевозке немецких войск и вооружений, а советские подводные лодки топили шедшие под шведским флагом грузовые транспорты со стратегическим сырьём для Германии. При этом обе стороны доказывали свою «невиновность» и регулярно обменивались протестами.

Куйбышевские особенности дипломатической карьеры Ассарссон подробно описывает в своей книге «В тени Сталина» (Assarsson 1963). В конце 1943 г. он был объявлен советскими властями персоной нон грата. Причиной этому послужили обвинения в адрес шведского военного атташе, согласно которым тот передавал советские военные секреты германской стороне. Советское правительство дало понять Стокгольму о желательности отзыва не только атташе, но и самого посланника.

Советское правительство рассматривало налаживание связей с эмигрантскими правительствами оккупированных гитлеровской Германией стран как одно из средств укрепления антигитлеровской коалиции.

Однако согласование с поляками, чехами и французами путей практического решения вопроса о создании национальных воинских подразделений в Красной армии проходило болезненно. В военных миссиях диппредставительств Польши и Чехословакии подходы к решению этой задачи резко отличались друг от друга.

Быстрее всего – уже 18 июля 1941 г. – были установлены официальные отношения с эмигрантским правительством Чехословакии. В совместно подписанном межправительственном соглашении Советское правительство выразило согласие на формирование национальных чехословацких воинских частей на территории СССР, и 27 сентября в Москве было заключено соглашение об их формировании. По словам будущего президента ЧССР Л. Свободы, которому поручили комплектацию чехословацких подразделений, после публикации соглашения о совместных действиях в войне с Германией «перед нами сразу словно распахнулись все двери» и 12 декабря 1941 г. он уже докладывал военной миссии в Куйбышеве: «Обеспечены казармами для одного батальона (1100 человек) и запасной роты (300 человек)» (Свобода 1963: 15). Советское правительство выделило необходимые для этого средства. Чехи и словаки получили возможность принять участие в боях на советско-германском фронте, а тем самым и в освобождении своей страны.

Советское правительство проявляло заинтересованность в установлении сотрудничества с движением «Свободная Франция», возглавлявшимся генералом Ш. де Голлем. 26 сентября 1941 г. состоялся обмен письмами между советским послом в Лондоне и де Голлем. Советское правительство признало де Голля «как руководителя всех свободных французов, где бы они ни находились», которые сплотились вокруг него. Оно выразило готовность «оказать свободным французам всестороннюю помощь и содействие в общей борьбе с гитлеровской Германией и её союзниками». Находившийся в Куйбышеве представитель Национального комитета Свободной Франции в СССР Роже Гарро по поручению Ш. де Голля обратился 13 марта 1942 г. к руководству НКВД с предложением направить на Восточный фронт французскую дивизию, воевавшую в Сирии (Документы внешней политики СССР... 2010: 195). Однако против этого резко выступили англичане, и в таком масштабе проект не был реализован. Тем не менее, в ходе последующих переговоров было подписано соглашение о формировании на территории СССР авиационной эскадрильи с участием французских лётчиков и авиамехаников. Для решения практических вопросов Р. Гарро и его сотрудники неоднократно выезжали в город Иваново, где и была сформирована французская эскадрилья (Жоффе 1982; Голль 2003).

Весьма конструктивно складывались отношения с миссией, оккупированной фашистами Норвегии.

Антифашистская борьба, развернувшаяся в этой северной стране, вызывала большие симпатии у советских людей. В сентябре 1942 г. советское посольство в Стокгольме, со ссылкой на норвежское движение сопротивления, обратилось с просьбой об оказании ему практической помощи по ведению партизанской войны. Норвежцы просили поделиться опытом организации небольших партизанских отрядов и поддержания связей между ними, проведения совместных действий силами партизан и подполья. Их интересовали также вопросы тактики партизанских боев и выбор объектов для нападения. Замнаркома С.А. Лозовский запросил в этой связи мнение наркома внутренних дел Л.П. Берия. В итоге просьба норвежцев была удовлетворена (Документы внешней политики СССР... 2010 b: 186).

Незаурядной личностью оказался и норвежский посланник Рольф Андворд. Когда находившимся на излечении в Куйбышеве раненым бойцам потребовалась кровь, он одним из первых откликнулся на призыв городской станции переливания, а, сдав кровь, написал незнакомцу такие строки: «Пройдут столетия, и дети Советского Союза и других свободолюбивых народов с горящими глазами будут читать в книге истории главу “Храбрый русский солдат спасает цивилизованный мир”. Со всех концов Норвегии несутся мысли к победоносной Красной Армии с благодарностью за мощные усилия в борьбе против нашего общего врага. Я отдаю кровь из моего сердца» (Дмитриева 2001: 71).

Сложные отношения сложились у НКВД с миссией Польши. Советская сторона стремилась к восстановлению добрых отношений с этим далеко не добрым

соседом. Однако русофобство настолько глубоко впиталось в кровь польской элиты, что любые шаги навстречу Советскому Союзу строились даже в этот период на заведомо враждебной основе. Переговоры между представителями СССР и польского эмигрантского правительства в Лондоне во главе с генералом В. Сикорским завершились лишь 30 июля 1941 г. В соответствии с подписанным соглашением между странами восстанавливались дипломатические отношения и оба правительства обязались «оказывать друг другу всякого рода помощь и поддержку в настоящей войне против гитлеровской Германии». Москва согласилась на создание на советской территории польской армии численностью до 96 тыс. человек, которая по мере готовности той или иной дивизии немедленно будет направляться на советско-германский фронт.

«Лондонское правительство» назначило командующим польской армией генерала В. Андерса. Формирование новой армии началось немедленно, но с первых же дней стало ясно, что Андерс намеревается сделать все, чтобы не посылать польские войска на германо-советский фронт, сохранив их до момента «когда СССР будет разбит», а затем просто увести армию с территории Советского Союза. И. Сталин понимал это, но вынужден был помогать полякам, не желая ссориться с У. Черчиллем.

В Куйбышеве поляки вели себя демонстративно нагло, предъявляя советской стороне постоянные необоснованные претензии. Сотрудники открыто занимались спекуляцией и распространением антисоветских материалов. В листовках содержались призывы «не спешить проливать польскую кровь, пока линия фронта не будет пролегать по польской земле» и «выполнить в этой войне роль чехословацкой армии в годы гражданской войны».

Осенью 1941 г. в Куйбышеве проездом из Лондона находились глава эмигрантского правительства генерал Сикорский, командующий польской армии на территории СССР генерал Андерс и начальник штаба генерал Климецкий (Kot 1956). 3 декабря Сикорского и Андерса в Москве принял И. Сталин. В ходе переговоров стало ясно, что польские войска на территории СССР воевать не будут, а предпочтут уйти в распоряжение англичан. Всё это происходило в разгар битвы под Москвой (Климковский 1991).

Тем не менее, поскольку разрешение на формирование польских частей было дано Сикорский и Андерс в сопровождении А.Я. Вышинского выехали в Бузулук, Тоцкое и Татищево инспектировать находившиеся там воинские подразделения. Эта работа требовала немалых усилий и в польской миссии начались внутренние разногласия, приводившие к шумным информационным выбросам. При этом руководители не стеснялись в выражениях (Kot 1959).

Иллюстрацией этих взаимоотношений может служить отзыв В. Андерса о после Станиславе Коте. Андерс утверждал, что профессор Кот «совершенно не знал России», а «поскольку водки не пил, то считался подозрительным». Кот был удивительно бездушен по отношению к людям, а что касается организационной стороны дела – «большей бездарности я не встречал» (Андерс 1990: 26).

После неоднократных обвинений в шпионской деятельности посол С. Кот был объявлен персоной нон грата и выслан из СССР (Kot 1959). А 20 июля 1942 г. А.Я. Вышинский заявил временному поверенному в делах Польши, что «Советскими компетентными органами установлено, что представители посольства на местах и их сотрудники вместо лояльного выполнения своих, установленных специальным «Положением» обязанностей по оказанию помощи польским гражданам, в тесном сотрудничестве с местными органами советской власти, занимались враждебной по отношению к Советскому Союзу деятельностью и вели разведывательную работу, в связи с чем они и были арестованы» (Документы внешней политики СССР... 2010b).

Летом 1942 г. в разгар битвы под Сталинградом польская армия, обмундированная и вооружённая Советским Союзом, отказалась воевать против фашистов и «доблестно» ушла через Иран к англичанам.

Возвращение в Москву сотрудников наркомата и дипломатического корпуса состоялось после победы на Курской дуге. Выезжали посольства специальными поездами 10-25 августа 1943 г. Окончательно Куйбышев вернул Москве статус столицы СССР только в конце 1943 г.

Подводя итог краткому анализу деятельности НКВД СССР в «куйбышевский период», следует отметить, что, несмотря на трудности военного времени, советские дипломаты в целом успешно решали поставленные руководством задачи. Разумеется, «скученность» сотрудников центрального аппарата и иностранных дипломатов в небольшом областном городе вносила свои трудности в их практическую реализацию. Тем не менее, стремление к общей победе, понимание ответственности перед своим отечеством объединяли эту разноплеменную «дипломатическую команду» и облегчали поиск компромиссных решений.

Как справедливо отмечал в своей статье президент России В. Путин: «Даже наиболее непримиримые противоречия – геополитические, идеологические, экономические – не мешают находить формы мирного сосуществования и взаимодействия, если на то есть желание и воля»³.

Итогом «куйбышевского этапа» дипломатической деятельности 1941-1943 гг. стало восстановление утраченных в предвоенные годы контактов на высшем уровне с Великобританией и США, а также совместная подготовка и подписание соответствующих соглашений о военно-политическом союзе, заложивших, в том числе, основы послевоенного миропорядка. Отодвинув на второй план серьёзные политические разногласия, советская дипломатия вовлекла в антигитлеровскую борьбу эмигрантские правительства стран, оккупированных Германией, оказав им не только политическую поддержку, но и предоставив возможность сформировать собственные вооружённые силы на советской территории. Разумеется, далеко не всё сложилось так, как хотелось. Наглядный

³ Путин В. 2020. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим. *Российская газета*. 19.06.2020

пример – предательство генерала Андерса, который увёл в Иран сформированную и вооружённую Советским Союзом польскую армию в разгар Сталинградской битвы. С помощью дипломатических и политических средств удалось не допустить вступления в войну против нашего государства Японии, а также нейтрализовать те силы в Афганистане, Иране и Турции, которые стремились к союзу с Германией.

Сегодня, празднуя 75-летие Великой Победы, важно помнить о том, что весомая роль в её достижении принадлежит советским дипломатам, которые в предвоенный период боролись за предотвращение германской агрессии, а с первых же дней войны включились в создание антигитлеровской коалиции. Дипломатическая служба всегда была неотъемлемой частью своего государства и народа. Сохранение памяти о славном прошлом отечественной дипломатии необходимо не только как подтверждение преемственности истории нашей страны, её славных традиций, но и как пример, достойный подражания для новых поколений российских дипломатов.

Об авторе:

Станислав Иванович Чернявский – доктор исторических наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посланник, директор Центра постсоветских исследований Института международных исследований МГИМО МИД России. E-mail: chernyavskiy.stanislav@gmail.com

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: January 27, 2020
Accepted: May 25, 2020

The People's Commissariat of Foreign Affairs (NKID) of the USSR in the City of Kuibyshev (1941-1943)

S.I. Chernyavsky
DOI 10.24833/2071-8160-2020-4-73-178-198

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Abstract: This article analyzes the work of the People's Commissariat of Foreign Affairs (NKID) of the USSR in the city of Kuibyshev (now Samara), where it was evacuated in 1941-1943 together with other central government agencies and the diplomatic corps accredited in the USSR. Although this period was quite short, and though key decisions were, of course, made in Moscow, intense rough work was being carried out in the "reserve capital", which ensured the solution of the tasks set by the country's leadership to the NKID apparatus.

The aggression of Nazi Germany found the Soviet Union poorly prepared not only militarily, but also diplomatically. Due to the opposition of the Western powers, domestic diplomacy failed to create a collective security system to prevent the aggression of Germany, Italy and Japan. Negotiations with representatives of Great Britain and France, which were conducted in 1939, were interrupted and relations with these countries were virtually frozen.

Some important strategic tasks were set before Soviet diplomacy. First of all, it was about the concentration of diplomatic activity in specific areas that could provide real assistance to the Red Army in obtaining the necessary weapons and strategic raw materials. Among other tasks were the search for allies, establishing effective military, economic and political cooperation with them, counteracting the expansion of the Nazi coalition at the expense of Sweden and Turkey, and conducting an extremely balanced policy in the Far East in order to avoid a military clash with Japan.

Due to the deterioration of the military situation on the Western Front and the imminence of the capture of Moscow, on October 16, 1941, the main staff of the People's Commissariat for Foreign Affairs, headed by its Deputy Chairman A. Vyshinsky, as well as members of the diplomatic corps were evacuated to Kuibyshev (now Samara). V. Molotov and a small group of assistants remained in Moscow.

The relations between the NKID and the embassies evacuated to Kuibyshev evolved differently. The level and the intensity of contacts with them largely depended on bilateral relations with the respective nations. Contacts with the embassies of Great Britain and the USA were naturally at the top of the agenda. By way of ambassadors of these countries the key tasks of forming the anti-Hitler coalition were being solved, and the dates of summit meetings were agreed upon.

The crowding of the central office staff and foreign diplomats in a small regional city certainly introduced difficulties into the practical implementation of many tasks. Nevertheless, the striving for a common victory and the awareness of responsibility to their own country, united this motley crew of diplomats, and facilitated the search for compromise solutions.

The return to Moscow of the employees of the People's Commissariat and the diplomatic corps took place after the victory in the Battle of Kursk in the summer of 1943. Only at the end of 1943 Kuibyshev did finally cede its status of the capital of the USSR to Moscow.

Keywords: people's Commissariat of foreign Affairs of the USSR, Kuibyshev, Samara, Great Patriotic war.

About the author:

Stanislav Ivanovich Chernyavsky – Doctor of Historical Sciences, Professor, Ambassador extraordinary and Plenipotentiary, Director of the center for post-Soviet studies of the MGIMO Institute of international studies of the Russian Foreign Ministry.

E-mail: chernyavskiy.stanislav@gmail.com

Conflict of interests: The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Assarsson V. 1963. *I skuggan av Stalin*. Stockholm. 237 p.
- Gillies D. 1999. *Radical Diplomat: The Life of Sir Archibald Clark Kerr, Lord Inverchapel, 1882–1951*. British Academic Press. 320 p.
- Kot S. 1956. *Listy z Rosji do gen. Sikorskiego*. Londyn: Jutro Polski. 580 pp.
- Kot S. 1959. *Rozmowy z Kremlem*. Londyn: Jutro Polski. 336 p.
- Mayers D. 1995. *The Ambassadors and America's Soviet Policy*. Oxford University Press. 335 p.

- Anders V. 1990. Bez posledney glavy [Without the Last Chapter]. *Inostrannaya literatura*. №11. P. 231–255; №12. P. 219–250. (In Russian)
- Berezhkov V.M. 1987. *Stranitsy diplomaticheskoy istorii [Pages of Diplomatic History]*. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 616 p. (In Russian)
- Dann D. 2004. *Mezhdru Ruzvel'tom i Stalinym: Amerikanskiye posly v Moskve [Between Roosevelt and Stalin: American ambassadors in Moscow]*. Moscow: Tri kvadrata. 472 p. (In Russian)
- Dmitriyeva E.Ya. 2001. *Samarskaya oblast' [Samara Region]*. Samara: Samarskiy dom pechati. 115 p. (In Russian)
- Dokumenty vneshney politiki SSSR. 1942 [Documents of foreign policy of the USSR. 1942]. 2010a. T. XXV: v 2-kh kn. Kn.1 yanvar'-iyun'/MID RF. Tula: ZAO «Grif i Ko». 524 p. (In Russian)
- Dokumenty vneshney politiki SSSR. 1942 [Documents of foreign policy of the USSR. 1942]. 2010b. T. XXV: v 2-kh kn. Kn.2 iyul'-dekabr' /MID RF. Tula: ZAO «Grif i Ko». 568 p. (In Russian)
- Goll' Sh. de. 2003. *Voyennyye memuary: Prizyv 1940-1942 [Military Memoirs: the Call of 1940-1942]*. Moscow: ООО «Izdatel'stvo Astrel'». 814 p. (In Russian)
- Israelyan V.L. 1985. *Diplomatiya v gody voyny (1941-1945) [Diplomacy during the War (1941-1945)]*. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 480 p. (In Russian)
- Ivanov M.I. 2000. O rabote v NKID v Moskve i Kuybysheve i komandirovke v Iran. (1941-1942) [About Work in the NKID in Moscow and Kuibyshev and a Business Trip to Iran. (1941-1942)]. *Diplomaty vspominayut. Mir glazami veteranov diplomaticheskoy sluzhby*. T.4. Moscow. 332 p. (In Russian)
- Joffre F. de. 1982. *Normandiya – Neman: Vospominaniya lotchika [Normandy-Neman: Memories of the Pilot]*. Moscow: Voenizdat. 176 p. (In Russian)
- Klimkovskiy Ye. 1991. *Ya byl ad'yutantom generala Andersa [I was Aide-de-camp to General Anders]*. Perevod s pol'skogo M.M. Rymzhi. Moscow: Izdatel'stvo MEI. 288 p. (In Russian)
- Novikov N.V. 1989. *Vospominaniya diplomata (Zapiski o 1938–1947 godakh) [Memoirs of a Diplomat (Notes on the Years 1938-1947)]*. Moscow: Politizdat. 399 p. (In Russian)
- Pavlov A.Ye. 1995. *Zapasnaya stolitsa [Reserve Capital]*. Samara: Samarskiy dom pechati. 95 p. (In Russian)
- Rupasov A., Samuel'son L. 2014. *Sovetsko-shvedskiy otnosheniya: vtoraya polovina 1940-kh – nachalo 1960-kh gg. [Soviet-Swedish Relations: the Second Half of the 1940s – Early 1960s.]*. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. 272 p. (In Russian)
- Susloparova Ye. A. 2018. Stafford Kripps (1889-1952): politicheskoy portret [Stafford Cripps (1889-1952): Political Portrait]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. №5. DOI: 10.31857/S013038640001431-2 (In Russian)
- Svoboda L. 1963. *Ot Buzuluka do Pragi [From Buzuluk to Prague]*. Moscow: Voenizdat. 408 s. (In Russian)
- Tikhvinskiy S.L. 2006. *Izbrannyye proizvedeniya: v 5 kn.: Otechestvennaya i vsemirnaya istoriya: Velikaya Otechestvennaya voyna, vneshnyaya politika i mezhdunarodnyye otnosheniya [Selected Works: in 5 books: Domestic and World history: the Great Patriotic war, Foreign Policy and International Relations]*. Kn.4. Moscow. 562 p.

Список литературы на русском языке:

Андерс В. 1990. Без последней главы. *Иностранная литература*. №11. С. 231–255; № 12. С. 219–250.

Бережков В.М. 1987. *Страницы дипломатической истории*. Москва: Международные отношения. 616 с.

Голль Ш. де. 2003. *Военные мемуары: Призыв 1940-1942*. Москва: ООО «Издательство Астрель». — 814 с.

Данн Д. 2004. *Между Рузвельтом и Сталиным: Американские послы в Москве*. Москва: Три квадрата. 472 с.

Дмитриева Э.Я. 2001. *Самарская область*. Самара: Самарский дом печати. 115 с.

Документы внешней политики СССР. 1942. 2010а. Т. XXV: в 2-х кн. – кн.1 январь-июнь/МИД РФ. Тула: ЗАО «Гриф и Ко». 524 с.

Документы внешней политики СССР. 1942. 2010б. Т. XXV: в 2-х кн. – кн.2 июль-декабрь /МИД РФ. Тула: ЗАО «Гриф и Ко». 568 с.

Жоффри Ф. де. 1982. *Нормандия – Неман: Воспоминания лётчика*. Москва: Воениздат. 176 с.

Иванов М.И. 2000. О работе в НКВД в Москве и Куйбышеве и командировке в Иран. (1941-1942). *Дипломаты вспоминают. Мир глазами ветеранов дипломатической службы*. Т.4. Москва. 332 с.

Израэлян В.Л. 1985. *Дипломатия в годы войны. (1941-1945)*. Москва: Международные отношения. 480 с

Климковский Е. 1991. *Я был адъютантом генерала Андерса*. Перевод с польского М.М. Рымжи. Москва: Издательство МЭИ. 288 с.

Новиков Н.В. 1989. *Воспоминания дипломата (Записки о 1938–1947 годах)*. Москва: Политиздат. 399 с.

Павлов А.Е. 1995. *Запасная столица*. Самара: Самарский дом печати. 95 с.

Рупасов А., Самуэльсон Л. 2014. *Советско-шведские отношения: вторая половина 1940-х - начало 1960-х гг.* Москва: Российская политическая энциклопедия. 272 с.

Свобода Л. 1963. *От Бузулука до Праги*. Москва: Воениздат. 408 с.

Суслопарова Е.А. 2018. Стаффорд Криппс (1889—1952): политический портрет. *Новая и новейшая история*. № 5. DOI: 10.31857/S013038640001431-2

Тихвинский С.Л. 2006. *Избранные произведения: в 5 кн.: Отечественная и всемирная история: Великая Отечественная война, внешняя политика и международные отношения*. Кн.4. Москва. 562 с.

Norm Implementation: the Achilles' Heel of Constructivist Theory?

A. Crowley-Vigneau

University of Reading, Great Britain
Moscow State Institute of International Relations (University)

This article offers a review of the IR academic literature on international norms, exploring their functions and life cycle, as well as revealing that while the stages leading to their national adoption have been thoroughly studied, the implementation phase has mostly been neglected by scholars. It also considers the power international norms have to bring about change in different spheres and why states adopt them. The national implementation of international norms and the reasons why some norms reach compliance while others do not have been to a large extent overlooked. The reasons for this are multifold: while some scholars assume mature, or salient, norms automatically reach compliance or rely on the explanatory power of value conflicts, others point to the influence of groups of innovative experts or international pressure in ensuring norm implementation. Those describing the local adaptation of international norms offer the most convincing descriptions of how states attempt to implement international norms they have adopted. A gap persists, however, in the literature, with scholars focusing on the domestic reasons that norms may not be successfully implemented and neglecting the international ones. This article points out a gap in the influential constructivist literature on norms, emphasizing that if international norms adopted by national governments do not reach compliance, then the study of adoption and diffusion mechanisms loses its relevance.

Keywords: Constructivism, norm diffusion, implementation gap, compliance, value conflict, institutionalization, socialization.

Norms are omnipresent in everyday life, with the media frequently reporting only on cases when norms are violated. Donald Trump has been described as a “norm-busting president”¹ having overthrown the conventions, which traditionally govern those occupying the highest office. Norms are essential in shap-

УДК: 327

Received: July 07, 2020.

Accepted: August 02, 2020.

¹ Changing Social Norms. An Introduction to Social Research Spring 2018 edition. *Public Seminar*. URL: <https://public-seminar.org/2018/06/changing-social-norms/> (accessed 14.08.2020)

ing human behavior and social units of different levels from the family, to businesses, national governments and intergovernmental institutions are regulated by specific norms, which are at the heart of human initiation and socialization. Studying the conditions, which facilitate successful norm implementation and the factors that may hinder it, is key to comprehending how international norms find their way into national communities and gain acceptance. The literature on norms has thoroughly explored what norms are, how they emerge and spread, and their capacity to bring about change. For international norms to matter, even to IR scholars who focus on international rather than domestic processes, they need to be not only institutionalized or adopted by national governments, but they also have to reach compliance. In this article the term “implementation” refers to the process by which a state attempts to make a norm reach “compliance”, which is the successful end-state of a norm’s evolution. Norms that do not reach compliance domestically have undergone an entire life cycle pointlessly. While some scholars have underlined the existence of an implementation gap and looked for reasons why some norms fail to reach compliance, no framework explanation has been provided. The goal of this article is to reveal the existence of an implementation gap, opening the way to new studies on the factors impacting compliance. After defining norms and revealing how they went from being a marginal to a highly influential topic in IR literature, this article studies the implementation gap and the consequences of institutionalized norms not reaching compliance, opening the door to further research on the subject.

Norms in IR theory

The end of the Cold War brought about some major changes in IR theory, among which the re-discovery of the importance of international norms. The early stages of the life of international norms have an impact on their implementation, so we shall not only define norms and present different theoretical perspectives on their nature but also consider their functions, offering some background information on why they became one of the most debated topics in IR.

Norms are one of the central topics in constructivist literature and norms have been defined in several ways. While “legal norms are formal; they are promulgated and enforced by the centralized authority of the state” (Mc Adams 2015: 2), norms in international relations differ in that they may not be formalized and are rarely enforced by an authority. The concept of norm is surrounded by some confusion, with some International Relations scholars (Batalov 2016) pointing out that norms still refer both to “the rules of the game” (North 1991: 37) but also their perception as actors capable of interaction with others and of evolving (Young 1989). Batalov (2016) includes norms in his typology of institutions (institutions-norms, institution-organizations, institutions-integration groups, institutions-clubs, institutions-practices (regimes) and institutions-dialogues), thus restricting the understanding of the roles of norms.

Constructivist scholars have also sought to reflect norms' evolving and intersubjective characteristics, defining them as "collective expectations for the proper behavior of actors whose identity is given" (Katzenstein 1996: 5). Norms have been broken down into several categories: regulative norms, which "order and constrain behavior" (Katzenstein et al. 1999: 251), constitutive norms, which "create new actors or interests" (Katzenstein et al. 1999: 251), and prescriptive norms, which reflect "oughtness" (Katzenstein et al. 1999: 251) or what should be done.

In order to understand the nature and influence of norms, it is necessary to trace back their emergence in the scholarly literature. Norms played a role in International Relations from the very beginning (Angell 1909) as international institutions and attempts at cooperation have always been at the heart of IR. Carr's (Carr 1929) analysis of the international system reveals that interests cannot perfectly coincide in a world composed of competing nation-states and yet that the state is the main structure to ensure internal peace which has been created to this date. While criticizing idealists, he says most realists do not lack ideals and are still exploring paths for international cooperation. The heart of his argument – that international interaction will fail if it is based on rigid rules and that flexibility is more efficient as it takes into account demand for change – seems to open the way for the contemporary study of norms, which emerged a lot later in scholarly literature. After WW2 the proponents of the Realist school set norms aside as, under conditions of anarchy, coercion was the only means to ensure implementation. Realist studies of the different remedies for anarchy and the perspectives for the establishment of an international government (Morgenthau 1948), reflected skepticism towards the possibility of creating a central authority to control society and maintain a common understanding of justice, but at the same time paved the way to alternative reflections on how to maintain peace. During the late 1970s and 1980s scholars of the English School rehabilitated interest groups, norms and values as full-fledged elements of the international system (Bull 1977; Wight 1978). Norms guiding international behavior (non-intervention) and economic principles (free trade) were identified and described by scholars. The attention paid to norms came as a welcome means of explaining changes taking place on the international arena (integration, cooperation, peaceful transitions), which could not be explained with traditional realist principles.

The research on norms became a separate field of study in the 1990s, as a result of two trends: the study of regimes in the 1980s and the growing scholarly interest in international actors around the same time. For each school of thought, the role played by norms and considerations regarding their very nature varied: while neoliberals saw norms as a means for collective action, to reduce transaction costs and facilitate interaction (Keohane 1984), for realists norms were simply the result of the interests of the most powerful states (Mearsheimer 1994). Constructivist scholars offered a completely different perspective on norms. Early constructivists such as Alexander Wendt (Wendt 1987), Friedrich Kratochwil (Kratochwil 1989), and Nicholas Onuf pointed out that norms can be "constitutive" (Onuf 1989: 51) creating roles and identities and

studied empirical evidence of the impact norms have in international relations. In this perspective, norms cease to be simply the fruit of a compromise between actors and take on a new dimension, contributing to the creation of a new identity (Wendt 1999).

In the 1990s, a new generation of constructivists made it the object of their research to show how social structures impact social governance (Finnemore 1996). Martha Finnemore showed that norms reflect an acceptable behavior in a community, and that because they are shared, they are not subjective but “intersubjective” (Finnemore, Sikkink 1998: 911). The author noted that even when norms are not respected, they retain their validity and most of the time the infringer will go to quite some length to justify the violation of a norm. Other norms are so obvious that it takes a specialist to actually identify them as norms (Finnemore 1996). Organization theorists in their study of the basis for decision-making differentiated the “logic of appropriateness”, that they defined as rule-driven behavior and the need to comply with social norms, from the “logic of consequences” oriented towards rational cost-benefit calculations and demonstrated that in democratic political orders the first may under some circumstances prevail over the second as a logic of action (March, Olsen 2004: 3). Hopf suggested IR theory should go beyond normative and instrumental rationality, to explore what he coined as the “logic of habit”, which he believed to impact more than the two others decision-making processes (Hopf 2010: 553).

The debate between realism and constructivist flourished with the later pointing out the transformative power of norms and the former insisting that force remained the main structuring element in international relations. Some scholars attempted to overcome this divide by describing the impact of persuasion on norm diffusion and by showing that both mechanisms described by rationalists (pragmatic calculations) and by constructivists (socialisation) played a role in norm adoption (Checkel 2001).

The advantages and challenges of the use of norms against force in the international system were depicted within the Russian school of international relations by Davydov (Davydov 2002), who analyzed the parallel processes of political globalization on the one hand and an increase of national self-identification on the other. While a model of regulation by norms cannot entirely replace, especially in the short to medium term, the model of regulation by force, which has dominated the system for thousands of years, it presents a number of advantages which explain its recent successes: first norms represent the will of all versus force which is used by a dominant state or coalition to impose their will on others. Second, norms are longer-lasting and stable, as cycles of power mean there are constant changes regarding which state is dominant. Third, the outcomes of using norms are more predictable than those of using force. Fourth, norms are more democratic and force condones violence. Fifth, force is irreversible because it leads to destruction, whereas norms if they turn out to be counterproductive can always be removed. While studies embracing the idea of a norm cycle leading to progressive consolidation of a norm may not admit the possibility of intentionally setting aside a norm; the chances are that in reality a counterproductive norm will not be able to consolidate to the extent it cannot be removed. Those promoting

the use of norms have however come across a number of significant difficulties, starting with the fact that states have different levels of development and sometimes even conflicting normative bases. The experience of the use of norms in the international system is also very short, and there are less available instruments compared to when a state decides to use force. Last of all, norms are not legally binding, and they tend to gain legitimacy after they have been applied and tested, which makes it difficult to implement new norms. It can also be difficult for statesmen to accept that small states, which lack military and economic clout, but also sometimes legitimacy, can have the same weight in decision-making as large powers (Davydov 2002).

The Russian school of international relations further contributes to the debate on the power of norms with a study on the conflicting perspective of world order, with Bogaturov (Bogaturov 2008) noting that: the institutionalist view that multilateralism is flourishing is challenged by the structural view that the world is dominated by a hegemon, which has been seeking consensus and stability and making international relations appear multilateral. New regulation instruments were developed in the era of globalization including humanitarian intervention, preventive intervention and retributive intervention (Bogaturov 2008), some of which are used to make the use of force appear as legitimate rather than the short-term privilege of a hegemon. This perspective reveals that the power of norms may be dependent on the willingness of the hegemon to support them.

Studies on norm adoption and implementation have also focused on determining the effectiveness of norms, putting a basic question to the fore: do norms really have a capacity to bring about change? The most straightforward way to assess the effectiveness of a norm would be to determine whether it has solved the problems, which brought about its creation (Young 1999). Some authors look at the changes of behavior of participants following the introduction of a norm, others assess the situation compared to what it was before the norm was created, yet others compare it to the situation which “would have been”, had the norm not been created. All these assessments can reach different conclusions, regarding norm effectiveness. While qualitative case studies made by political scientists are more likely to point out the effectiveness of a specific norm or regime, quantitative research led by economists may show more ambivalent results and analysts compiling data from a large number of qualitative cases tend to bridge the gap between one and the other (Young 2011).

When analyzing successful and failed norms and regimes, authors have identified some of the factors leading to positive results. Unexpectedly, the design of a norm appeared as a more important determinant than the level of complexity of the problem being dealt noted Young (Young 2011), adding that while efforts of friendly states to protect tunas in the Atlantic were unsuccessful, rivaling states were able to make a successful regime for Antarctica during the Cold War. The “problem of fit” looks at the mismatch between regime, norms, rules on one side and the issues needing to be solved on the other (Galaz et al. 2008: 147). Norms created with the capacity to evolve and take on new issues, appeared as the most resilient (Young 2011). Also, while norms are

often reduced to their regulative functions, and to the rules they produce; successful ones play many other roles, including procedural activities and diffusion of knowledge (Breitmeier et al. 2006). Success is also highly dependent on the context and scope of a problem, as well as its creators' capacity to break down a general problem into specific addressable issues (Ostrom 2007). Making agreements legally binding does not ensure higher levels of compliance as was automatically assumed previously (Breitmeier et al. 2006). The perception of a regime has a key impact on how successful it will be, and while power play is important both in setting the agenda and in striking a deal, feelings of fairness and legitimacy influence the parties' willingness and motivation to ensure the implementation of norms and comply not just with the letter but also with the spirit of an agreement (Franck 1990).

Another issue is how different norms interact with each other. Norms and regimes may clash if they pursue opposite goals and may end up undermining each other. Schoenbaum (Schoenbaum 1998) underlined the institutional interplay between trade and environmental regimes, by exploring the tuna/dolphin GATT cases by which the protection of dolphins led the USA to ban the import of tuna fished with purse-seine methods, which resulted in the harming of a large number of dolphins. Stokke distinguished between intra-regime linkages, which refer to the different sources of law to be taken into account when establishing a regime, and regime interplay which refers to a situation when "the contents, operation or consequences of one institution (the recipient regime) are significantly affected by another (the tributary regime)" (Stokke 2001: 2). While it is assumed that institutional interplay causes problems in international regimes, some data shows that it can be beneficial (Oberthur 2009) and serves to enhance both regimes by increasing awareness about other more neglected aspects of a regime.

The literature on reconciling norms reveals that giving one norm priority over another works less well than developing cooperation between them and resorting to a *la carte* decisions, which can lead to positive synergies (Faude, Gehring 2010; Young 2011). The literature also offers some worthy contributions for our article regarding how stringent the requirements set by a norm should be in order to reach maximum efficiency. The question of depth versus participation or the "law of the least ambitious program" (Underdal 2002: 34) described the temptation to set less ambitious goals in order for more countries to participate in an agreement. Thought has also gone into whether it is effective to get a maximum number of participants to join and then deepen the content of the norm progressively. This line of evolution has been contested by Barrett (Barrett 2005), who identifies no necessary trends of deepening commitments with time.

The scholarly literature tells us that norms are consequential and that their evolution is affected by multiple forces. Norms define proper behavior on the international stage that all actors are measured up against. The diversity of areas governed by norms and the way norms interact between themselves reveals the existence of a complex web through which different norms sustain, replace or undermine each other. While the early literature focused on proving the power of norms and showing that norms structure relations among actors; more recent scholarship analyses how contestation

affects norm life evolution and concentrates on the sources of norm entrepreneurship. Experts have also started to pay attention to norm implementation, a phase which when it is unsuccessful invalidates all others.

The Implementation Gap

This section reviews how scholars address the issue of norm implementation and reveals the gap in explaining why some norms reach compliance, while others do not. After establishing the difference between implementation and compliance in an attempt to clarify the terminology, we review the three different categories of explanations about why norms are or fail to be implemented, pointing out their limitations and the gap in the literature that ensues.

While most theoretical studies either stop at the implementation stage or use the terms implementation and compliance interchangeably, Betts and Orchard (Betts, Orchard 2014) mark the distinction between implementation as a “process which furthers the adoption of a new norm” and compliance, an “act whereby the state follows an existing norm” (Betts, Orchard 2014: 6). Compliance is further down the realization line than implementation and compliance appears as a repetitive action while implementation should be a one-time though may be a durable task.

The scholarly literature offers several perspectives on norm implementation which are analyzed beneath: The constructivist school originally brushed aside to some extent the problem of national norm implementation by stating that mature norms are expected to automatically reach compliance. While the expert study of norms in the constructivist school focuses on the stages up to institutionalization, some assumptions have been made regarding what takes place afterwards. In the study of the life-cycle of a norm, it is assumed that there are three phases: first a norm emerges (norm entrepreneurs convinced that something needs to be changed decide to advocate a cause, frame it and use the political platforms available to promote it), when enough states decide to institutionalize the new norm it reaches “tipping point” (Finnemore, Sikkink 1998: 892). The norm can enter phase 2, the cascade stage during which it becomes widely accepted and states adopt it as a result of international pressure or a desire to conform. The last stage is internalization during which states and individuals start to take the norms for granted (Finnemore, Sikkink 1998). The implications of the last phase are that in some cases norms “become internalized by actors and achieve a “taken for granted quality”, which makes conformance with a norm almost automatic” (Finnemore, Sikkink 1998: 895). While this statement is heavy with consequences for national implementation and compliance, the authors move straight on to describing how these internalized norms are ignored and in some cases we forget they even started off as norms. While the authors leave generally aside in their work the implementation phase, they do mention the specific case of “internalization” and let the readers wonder what happens in cases when norms are not internalized. Constructivist literature has traditionally looked at how norms influence the behavior of states and how

their institutionalization has an impact on the international system (Betts & Orchard: 2014). Many constructivists have focused their attention specifically on “institutionalization,” a process by which a norm becomes widely accepted at the international level, becomes international law and is ratified and signed by states (Finnemore, Sikkink 1998). After institutionalization has taken place, a norm is considered by the authors to be widely accepted and it becomes the state’s role to make sure implementation of the norm takes place. There is an implicit understanding that after institutionalization has taken place, the “task of IR scholarship is complete” (Betts, Orchard 2014: 1). The assumption that norms are adopted by governments of states which are ready to implement them and do so ignores a whole selection of cases when norms are adopted by governments for reputational or efficiency reasons and the population and business are not ready for implementation.

Cortell and Davis underline the fact that the legitimacy or salience of an international norm is the key factor to explain why some norms get implemented and others not. By studying the existence of an “implementation gap” in some cases, they recognize that governments under some circumstances adopt norms, which are not mature (Cortell, Davis 2000: 65-66). They attribute the difficulties to reach compliance to domestic-level processes. Other scholars join Cortell and Davis in pinning down compliance problems to national specificities; noting that some international norms will reach compliance more easily in some countries than in others for societal, structural or political reasons. In a study of norms dynamics, Young shows that conforming to norms goes beyond conventional equilibrium analysis and shares his insight on the evolution of norms. He notes that norms are “self-enforcing at a group level” and everyone wants to conform if they expect others to conform. This implies that if there is no expectation to conform, little will be done to respect a new norm. Young’s second insight is that norms rarely evolve in a top-down pattern and grow to be accepted progressively, through a “process of experimentation”. Following this logic, norms which are adopted by the government in societies, which are not sensitive to the given problem cannot expect good implementation results in the short-term as experimentation is a long-term process. This assumption is highly problematic for policymakers looking for the right tools to efficiently implement new legislation. Young’s last statement that the validity of norms depends on the social and historical context explains why some norms fail to achieve compliance but offers a deterministic view about the outcomes of norm implementation in cases where the “context” is not favorable to the new norm. Young’s study underlines the relativity of norms rather than their universalism and reveals that implementation is a “hit and miss process” which depends on how an issue is perceived by a group (Young 2014: 5). While informative, this point of view neglects the possibility of overcoming these structural difficulties and offers little advice as to how to help countries reach compliance.

Scholars also underline the legal challenges to implementing new norms in states with existing legal systems. While the early cases of constructivist study focus on norms, which are considered “good” because universally morally uncontestable (hu-

man rights) and need to triumph over local norms which are considered unacceptable; on a local level it is the legitimate legal order which prevails (Acharya 2004). This “moral” perspective links the success of an international norm or the likelihood of compliance to how an issue is locally framed. If an international norm is viewed as morally superior to a local law, then its chances of successful implementation are higher. Success depends not on the objective content of a norm so much as on how the norm is locally reconstructed during the implementation phase (Acharya 2004). The outcome of the “localisation” process depends on how domestic politics and international institutions interact, and how successful the different phases of “prelocalization (resistance and testing norms), local initiative (entrepreneurship and registration), adaptation (grafting and simplification), dissemination and ‘universalization’” are (Alekseeva 2015: 14).

Some international norms require more adapting than others. International norms sometimes precisely qualify a given situation and close the door to all other solutions to a problem, as was revealed by a study of international peacekeeping (Autesserre 2009). The international norm when confronted with the local agenda can lead to counterproductive results. This viewpoint that an international norm to be successfully implemented needs to appear to the national population as morally superior offers an explanation about how some norms reach compliance, but neglects the majority of norms which have no moral implications and offers no solution to those cases where the population is not sensitive to the morality of a specific norm.

Another important contribution to the literature is that norm implementation is not a linear process. Norms are “works in progress” and the tendency in IR literature to view them as static entities, which need to be institutionalized and implemented once and for all is fallacious (Krook, True 2012: 104). Abandoning the perspective that norms follow a linear progression route, or a cycle, Risse, Ropp and Sikkink offered as early as 1999 a complete overview of the mechanisms impacting normative change, considering the power of “strategic bargaining”, “moral consciousness raising” and “habitualization” (Risse et al. 1999: 11) in achieving national compliance to international human rights norms. Norms have also been shown to undergo contestation processes, to regress and progress over time (Wiener 2018). It is more important for a state to understand a norm and adapt it to the local context, to adhere to the spirit of the norm, than to just apply it as a one-time shot. This is particularly relevant when trying to understand why a state has failed to reach compliance with a norm, all the while having applied it to the letter in bureaucratic terms. Compliance in itself however does not show how efficient an institutionalized norm is at changing practices, as in some countries, the new norm may just be formalizing a situation which already existed (O’Neil et al. 2004). Also it is difficult to assess how efficiently a norm has been complied with, as it requires in-depth research regarding the changes taking place at micro-level and rarely is relevant statistical data available. This partly explains why IR specialists, who are used to working at the international or state levels, rarely follow the life cycle of a norm to the stage of assessment of its level of compliance.

When considering why there is often a deviation in the implementation of international norms, some experts identified that a conflict of values may be the principal culprit. Norms are built upon certain understandings of values and beliefs. While Sabatier and Jenkin-Smith's (Sabatier, Jenkin-Smith 1993) analysis of Belief Systems underlined that lasting coalitions are often based on Policy Core Beliefs rather than Deep Core Beliefs, an extreme contradiction in Deep Core Beliefs unquestionably stands in the way of developing Policy Core Beliefs and entering in a common coalition. While the implementation of an international norm nationally may not require being formally part of an Advocacy Coalition Framework (aimed in Sabatier's theory at national-level decision-making), the key to successful implementation may be to participate in an informal international coalition.

Value conflicts are difficult to study in abstract terms and experts have concentrated their efforts on reviewing relations between different countries. To illustrate the point, we have selected studies focused on the value conflict between Russia and the West, as the whole global scope of value conflicts cannot be dealt with in this article. The case of the value conflict has interested many experts, each qualifying in specific ways the nature of the relationship. Guy Mettan (Mettan 2016) explains the cultural and historical roots of a conflict in his book "Russia and the West: a thousand-year war" in which he searches for the roots of prejudices and stereotypes about Russia in the West, which appeared in the time of Charlemagne and have survived to this day according to him. An analysis of large scale surveys in Russia and the EU led some authors to conclude that despite the many shared historical traditions, there is a value-gap between Western Europe and Russia that it is widening, and that as a consequence EU policy, as it assumes that Russia will embrace EU values in the medium term, is misguided (Light et al. 2005). Others underline the impact of the 1990s on Russia's self esteem and Western Europe's responsibility in having rejected its giant neighbor and made it feel inferior, which led to the current distrust and its ambition to be part of a "greater Europe" as well as the role played by some individual states like Poland in preventing any thaw of the relationship (White, Feklyunina 2014). Another line of research concentrates on the political agenda of the West, showing how biased the idea of an "identity gap" is, as it often serves to emphasize the idea that the EU is a "normative actor" and that Russia is a "non-normative actor", and reveals that the West's policies towards Eastern Europe are instrumental rather than normative-driven as declared (Casier 2013: 1). A study devoted to the value gap in security issues, based on a sociological methodology, reveals that NATO – Russia diplomacy is characterized at the same time by pacification and power struggles, with the survival of many bones of contention that both sides are ready to fight for, linked to the fact that both NATO and Russia perceive their means or objectives as superior to the other (Pouliot 2010). On the other side of the spectrum, critical views have emerged that civilizations are imagined and that countries undergoing an identity crisis and changing loyalties tend to associate themselves with several civilizations at the same time (Tsygankov 2007). Evaluating relations through the prism of a value gap, and through historical references is counterproductive, noted Monaghan

(Monaghan 2015), offering a stark criticism of the new cold war discourse which leaves international relations stuck in the 20th century.

The implementation gap has been analyzed to its fullest in the field of Human Rights, with a number of scholars studying why formal commitments by states have not led to changes in practice (Risse et al. 2013). Non-compliance has been associated with states making a cost-opportunity analysis of norm transgression and deciding that the benefits outweigh the costs (Hafner-Burton 2013). Risse, Ropp & Sikkink introduce the notion of scope, noting that states if they do not have a monopoly over violence may not be capable of reaching compliance and that stable democracies may not be receptive to outside pressure (Risse et al. 2013). In order to ensure compliance with human rights commitments, experts recommend using “stewards”, groups of states which are self-interested in promoting human rights and have them focus on reversing the situation in a limited number of countries rather than aim to universalism (Hafner-Burton, 2013). Other scholars focus on the power of denunciation, reviving the power of “naming and shaming” techniques in order to reach compliance (Friman 2015). These recommendations may not always apply beyond the sphere of Human Rights as some norms may not have per se a moral value, which is the basis of all denunciation techniques. Betts and Orchard’s view (Betts, Orchard 2014) that the meaning of norms is defined during their implementation as their formulation is often imprecise at the international level yields more explicative variables. It hints at the fact that norms have to undergo a national adaptation process, the success of which depends on many variables. Implementation success may also depend on how transparent a government is, as reputational concerns have been shown to generate better compliance results in an analysis of arms regulation (Erickson 2015).

Relevant considerations regarding innovation and the ability to implement new norms have also been made by scholars studying military bureaucracies. While peacetime military institutions are averse to change; efforts to gain control, to see one’s faction prosper and be promoted to admiral or general paves the way for innovations which are the best way to be perceived as successful in times of peace (Rosen 1991). The underlying idea is that even in highly bureaucratized and inflexible organizations, political communities contain small groups of ambitious people who have the desire to be promoted and the need to think up and carry out innovative ideas. This perspective that effective change can be carried out more effectively by a small group of motivated and ambitious people than by an entire organization offers some lessons for norm implementation. Is the involvement of a motivated group of individuals a sufficient reason to explain why a norm is effectively implemented while another is neglected? No, as while identifying these groups of motivated people can be informative; this is not an explanation in itself. The question remains why such a group came to form, under what influence and who are its constituents. While in the military, the struggle for power and enclosed nature of the organization offer sufficient answers, in the case of norms in a broader context it is necessary to identify what interactions were necessary for a group of motivated people to form.

The national implementation phase of international norms is dealt with in different ways by various factions of the constructivist school of International Relations. While some assume that mature norms automatically reach compliance after their adoption by national governments, others show that institutionalization in no way guarantees its successful implementation. The implementation gap has been put down to a variety of factors including the national context, the existence of value conflicts, the constant evolution of norms which go through contestation processes, the legal framework and hierarchy of norms of any given country, the perceived morality of the new norms, the lack of governmental transparency etc. These considerations reveal the general acceptance among scholars of the idea that international norms adopted by national governments may fail to reach compliance. Yet the constructivist literature offers no general framework to explain why some international norms reach compliance and others do not. All explanations limit themselves to specific fields, local specificities and conflicts, or scholars place the problem out of their field of research. Studies outside of the field of International Relations and more specifically research on innovation in bureaucracies make a relevant point regarding the role of motivated groups of individuals in making change happen. However, when considering norms, additional questions arise regarding how this group came to be and the source of its motivation. While many explanations are offered by scholars, a gap in the literature remains, and leads to the question: what is the point of studying the birth, transfer, institutionalization of norms, if they end up not being applied? What is the use of intentionally creating norms to change practices if we have no means to ensure or to maximize the potential of their realization?

About the author:

Anne Crowley-Vigneau – Doctoral Candidate at the University of Reading. Whiteknights, PO Box 217, Reading, Berkshire, RG6 6AH, United Kingdom. Lecturer at the Department of English No. 6 of the MGIMO-University. 119454, Prospect Vernadskogo 76, Moscow, Russia E-mail: acrowleyvigneau@yahoo.fr

Conflict of interests: The author declares absence of conflict of interests.

Поступила в редакцию: 07.07.2020 г.
Принята к публикации: 02.08.2020 г.

Внедрение норм: ахиллесова пята конструктивизма?

Анн Виньо
DOI 10.24833/2071-8160-2020-4-73-199-215

Университет Рединга
Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье предлагается обзор научной литературы, освещающей проблематику роли и места международных норм в мировой политике, исследуются их функции и «жизненный цикл». Показывается, что, в то время как этапы и механизмы, ведущие к принятию норм на уровне отдельных государств, довольно неплохо изучены и представлены в специализированной литературе, особенности фазы их непосредственного внедрения в значительной степени игнорируются учёными до сего дня. В статье также оценивается влияние, которым обладают международные нормы с точки зрения стимулирования изменений в различных сферах социальной жизни, а также мотивы, по которым государства заимствуют те или иные международные нормы. Подчёркивается, что вариативность исходов имплементации международных по происхождению норм в национальных рамках, а также причины, по которым часть норм достигают фазы почти полного соблюдения, в то время как другие переносятся в правовую систему исключительно формально, практически не объяснены в имеющемся корпусе исследований на эту тему. Тому есть несколько причин: в то время как одни учёные предполагают, что зрелые нормы автоматически достигают фазы безусловного соблюдения или полагаются в своих объяснениях на силу ценностных мотиваций и подпитываемых ими латентных поведенческих конфликтов, другие указывают на влияние групп экспертов-инноваторов или международное давление в обеспечении выполнения норм. Те же, кто описывает процессы и результаты адаптации международных норм к местным условиям, предлагают, на взгляд автора, наиболее убедительную реконструкцию того, каким образом государства пытаются внедрять и обеспечивать соблюдение международных норм, под которыми они в своё время подписались. Вместе с тем в литературе остается существенный пробел: учёные по преимуществу сосредотачиваются на внутренних причинах, препятствующих успешной имплементации норм, и практически полностью игнорируют обстоятельство международного плана. Автор статьи подсвечивает эту лакуну во влиятельной конструктивистской литературе по проблематике норм и указывает, что если международные нормы, принятые национальными правительствами, не достигают фазы полного соблюдения и у научного сообщества отсутствует внятное, верифицируемое объяснение тому, почему это происходит, то изучение механизмов первичного принятия и последующей диффузии норм теряет свою актуальность и практическую значимость.

Ключевые слова: Конструктивизм, распространение норм, разрыв в реализации, комплаенс, ценностный конфликт, институционализация, социализация.

Об авторе:

Анн Виньо – аспирантка университета Рединга. Whiteknights, PO Box 217, Reading, Berkshire, RG6 6AH, United Kingdom. Преподаватель Кафедры английского языка №6 МГИМО МИД России. 119454, Москва, пр. Вернадского, д. 76, Россия.
E-mail: acrowleyvigneau@yahoo.fr

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

References:

- Acharya A. 2004. How Ideas Spread: Whose Norms Matter? Norm Localization and Institutional Change in Asian Regionalism. *International Organization*. 58(2). P. 239-275.
- Alekseeva T.A. 2015. Think like Constructivist: Discovering a Polyphonic World. *Comparative Politics (Russia)*. 5(1(14)), 4. DOI: 10.18611/2221-3279-2014-5-1(14)-4-21
- Angel N. 1909. *The Great Illusion*. Cosimo Classics.
- Antoniades A. 2003. Epistemic Communities, Epistemes and the Construction of (World) Politics. *Global Society*. 17(1). P. 1-38. DOI:10.1080/0953732032000053980

- Autesserre S. 2009. Hobbes and the Congo: Frames, Local Violence, and International Intervention. *International Organization*. 63(2). P. 249-280.
- Barrett S. 2005. *Environment and Statecraft: The Strategy of Environmental Treaty-Making*. Oxford University Press.
- Batalov E. 2016. New Institutionalization of World Politics. *International Trends*. №1. P. 6-25. DOI: 10.17994/IT.2016.14.1.44.1
- Beach D. 2012. *Analyzing Foreign Policy*. Palgrave Macmillan.
- Betts A. Orchard P. (Eds.). 2014. *Implementation and World Politics: How International Norms Change Practice*. Oxford University Press.
- Bloodgood E. 2008. *Epistemic Communities, Norms and Knowledge*. Paper presented at International Studies Association Annual Conference, San Francisco.
- Bogaturov A.D. 2008. Counterrevolution of Values and International Security. *International Trends*. №2. P. 4-15.
- Borzelt T.A. 2011. Networks: Reified Metaphor or Governance Panacea. *Public Administration*. 89(1). P. 49-63. DOI: 10.1111/j.1467-9299.2011.01916.x
- Breitmeier H., Young O.R., Zürn M. 2006. *Analyzing International Regimes: From Case Study to Database*. MIT Press, Cambridge.
- Bull H. 1977. *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. London: Macmillan.
- Buzan B., Waever O., Wilde J. 1998. *Security: a new Framework for Analysis*. Boulder, Colo: Lynne Rienner Pub.
- Campbell D. 1992. *Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity*. University of Minnesota Press.
- Carr E.H., Cox M. 2001. *The Twenty Years' Crisis, 1919-1939: An Introduction to the Study of International Relations*. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave.
- Casier T. 2013. The EU – Russia strategic partnership: challenging the normative argument. *Europe-Asia Studies*. 65(7). P. 1377-1395. DOI: 10.1080/09668136.2013.824137
- Checkel J.T. 2001. Why Comply? Social Learning and European Identity Change. *International Organization*. 55(3). P. 553-588.
- Cortell A., Davis J. 1996. How Do International Institutions Matter? The Domestic Impact of International Rules and Norms. *International Studies Quarterly*. 40(4). P. 451-478. DOI:10.2307/2600887
- Davydov Y. 2002. *Norms against Force: the Problem of World Governance*. Moscow: Institute of the US and Canada.
- Dueck C. 2008. *Reluctant Crusaders: Power, Culture and Change in American Grand Strategy*. Princeton University Press.
- Dunlop C. 2000. Epistemic Communities: A Reply to Toke. *Politics*. №20. P. 137-144. DOI: 10.1111/1467-9256.00123
- Dunlop C. 2017. The Irony of Epistemic Learning: Epistemic Communities, Policy Learning and the Case of Europe's Hormones Saga. *Policy and Society*. 36(2). P. 215-232. DOI: 10.1080/14494035.2017.1322260
- Erickson J. 2015. *Dangerous Trade: Arms Exports, Human Rights, and International Reputation*. Columbia University Press.
- Etzioni A. 2004. The Capabilities and Limits of Global Civil Society. *Millennium: Journal of International Studies*. P.474-476
- Faude B., Gehring T. 2010. *Institutional Ecology and the Evolution of Broader Structures in Regime Complexes: The Trade and Environment Overlap*. Glob Governance. (In press).

- Finnemore M. 1996. *National Interests in International Society*. Ithaca; London: Cornell University Press.
- Finnemore M., Sikkink K. 1998. International Norm Dynamics and Political Change. *International Organization*. 52(4). P. 887-917.
- Flanagan R. 2006. *Multinational Corporations and Labor Conditions. Globalization and Labor Conditions*. Oxford University Press.
- Franck T.M. 1990. *The Power of Legitimacy among Nations*. New York: Oxford University Press.
- Friman H.R. 2015. *The Politics of Leverage in International Relations: Name, Shame, and Sanctions*. Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan.
- Galaz V., Olsson P., Hahn T., Folke C., Svendin U. 2008. The Problem of Fit among Bio-physical Systems, Environmental and Resource Regimes, and Broader Governance Systems: Insights and Emerging Challenges in Institutions and Environmental Change. *Cambridge: MIT Press*. P. 147–186. DOI:10.7551/mitpress/9780262240574.003.0005
- Haas P.M. 1992. Epistemic Communities and International Policy Coordination. *International Organization*. 46(1). P. 1-35.
- Hafner-Burton E. 2013. *Making Human Rights a Reality*. Princeton, New Jersey; Oxford: Princeton University Press.
- Heclo H. 1978. Issue Networks and the Executive Establishment. *The New American Political System*. Ed. by A. King. Washington: AEI.
- Hopf T. 2010. The logic of habit in International Relations. *European Journal of International Relations*. 16(4). P. 539–561. DOI: 10.1177/1354066110363502
- Hurd I. 2014. *International Organizations: Politics, Law, Practice*. Cambridge University Press.
- Jenkins-Smith H., Sabatier P. 1994. Evaluating the Advocacy Coalition Framework. *Journal of Public Policy*. 14(2). P. 175-203.
- Katzenstein P.J., Keohane R.O., Krasner S.D. 1999. *Exploration and Contestation in the Study of World Politics*. Cambridge, Mass: MIT Press.
- Keck M.E., Sikkink K. 1998. *Activists beyond Borders, Advocacy Networks in International Politics*. New York: Cornell University Press.
- Keck M.E., Sikkink K. 2018. Transnational Advocacy Networks in International and Regional Politics. *International Social Science Journal*. 68(227-228). P. 65–76. DOI: 10.1111/issj.12187
- Keohane R. 1984. *After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy*. Princeton University Press.
- Keohane R.O., Nye J.S. 2012. *Power and Interdependence*. Boston: Longman.
- Khagram S., Riker J.V, Sikkink K., Smith J.G, Hawkins D., Thomas D.C, Brown Thompson K., Call C.T, Nelson P.J, Donnelly E.A, Kothari S., Nimtz A., Kidder T.G, Ritchie M. 2002. *Restructuring World Politics: Transnational Social Movements, Networks, and Norms*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Kratochwil F.V. 1989. *Rules, Norms and Decisions on the Conditions of Practical and Legal Reasoning in International Relations and Domestic Affairs*. Cambridge University Press.
- Krook M.L., True J. 2012. Rethinking the Life Cycles of International Norms: The United Nations and the Global Promotion of Gender Equality. *European Journal of International Relations*. 18(1). P. 103–127.
- Lebedeva M.M. 2007. *Contemporary World Politics Actors: Local Actions with Global Consequences*. Space and Time in World Politics and International Relations: Materials for 4th RAMI Convent. P. 43-54.

- Lippmann W. 1965. *Public Opinion*. New York: Free Press.
- Mai'a K., Cross D. 2013. Rethinking Epistemic Communities Twenty Years Later. *Review of International Studies*. 39(1). P. 137-160. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0260210512000034>
- March J.G., Olsen J.P. 2008. *The Logic of Appropriateness*. Oxford Handbooks Online.
- McAdam D., McCarthy J.D., Zald M.N. 1996. *Comparative Perspectives on Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings*. Cambridge England: Cambridge University Press.
- Mearsheimer J. 1994. The False Promise of International Institutions. *International Security*. 19(3). P. 5-49.
- Mearsheimer J., Walt S.M. 2007. *The Israel Lobby and U.S. Foreign Policy*. Farrar, Straus, and Giroux.
- Mettan G. 2015. *The West vs. Russia – a Thousand Year Long War: Russophobia from Charlemagne to the Ukrainian Crisis*. Geneva: Editions des Syrtes.
- Monaghan A. 2015. A 'New Cold War'? *Abusing History, Misunderstanding Russia*. Russia and Eurasia Programme. URL: https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/field/field_document/20150522ColdWarRussiaMonaghan.pdf
- Moravcsik A. 1997. Taking Preferences Seriously: A Liberal Theory of International Politics. *International Organization*. 51(4). P. 513-553. Retrieved from <http://www.jstor.org/stable/2703498>
- Morgenthau H.J. 1948. *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*. New York: A.A. Knopf.
- North D. 1991. Institutions. *The Journal of Economic Perspectives*. 5(1). P. 97-112.
- O'Neill K., Balsiger J., VanDeveer S. 2004. Actors, Norms and Impact: Recent International Cooperation Theory and the Influence of the Agent-Structure Debate. *Annual Review of Political Science*. №7. P. 149-175. DOI: 10.1146/annurev.polisci.7.090803.161821
- Oberthür S. 2009. *Interplay Management: Enhancing Environmental Policy Integration among International Institutions*. *International Environment Agreements: Politics, Law and Economics*. Springer.
- Onuf N.G. 1989. *World of Our Making: Rules and Rule in Social Theory and International Relations*. Columbia, S.C: University of South Carolina Press.
- Pouliot V. 2010. *International Security in Practice: the Politics of NATO – Russia Diplomacy*. Cambridge University Press.
- Ripsman N.M. 2009. Neoclassical Realism and Domestic Interest Groups. S.E. Lobell, N.M. Ripsman, and J.W. Taliaferro (eds.). *Neoclassical Realism, the State, and Foreign Policy*. P. 170–93.
- Risse T. 2012. Identity Matters: Exploring the Ambivalence of EU Foreign Policy. *Global Policy*. №3. P. 87-95.
- Risse T., Ropp S.C., Sikkink K. 1999. *The Socialization of International Human Rights Norms into Domestic Practice: Introduction*.
- Risse T., Ropp S.C., Sikkink K. 2013. *The Persistent Power of Human Rights: From Commitment to Compliance*. Cambridge University Press.
- Rosen S. 1991. *Winning the Next War: Innovation and the Modern Military*. Ithaca; London: Cornell University Press.
- Sabatier P., Hunter S. 1988. The Incorporation of Causal Perceptions into Models of Elite Belief Systems. *Western Political Quarterly*.

- Schoenbaum T. 1998. WTO Dispute Settlement: Praise and Suggestions for Reform. *International and Comparative Law Quarterly*. 47(3). P. 647-658. DOI: 10.1017/S0020589300062217
- Slaughter A. 1997. The Real New World Order. *Foreign Affairs*. 76(5). P. 183-197. DOI: 10.2307/20048208
- Stokke O.S. 2001. The Interplay of International Regimes: Putting Effectiveness Theory to Work. *FNI Report*. №14.
- Strezhneva M. 2018. The European Union as a Global Actor: The Case of the Financial Transaction Tax. *European Review*. 26(4). P. 704-720. DOI: 10.1017/S1062798718000418
- Taber C.S., Lodge M. 2006. Motivated Skepticism in the Evaluation of Political Beliefs. *American Journal of Political Science*. №50. P. 755-769.
- Tsygankov A.P. 2007. Finding a Civilisational Idea: "West," Eurasia," and "Euro-East" in Russia's Foreign Policy. *Geopolitics*. P. 375-399.
- Underdal A. 2002. *One Question: Two Answers in International Regime Effectiveness*. MIT Press, Cambridge.
- Vogel D. 2010. The Private Regulation of Global Corporate Conduct: Achievements and Limitations. *Business & Society*. 49(1). P. 68-87. DOI: 10.1177/0007650309343407
- Wendt A. 1992. Anarchy is what States Make of it: The Social Construction of Power Politics. *International Organization*. 46(2). P. 391-425. URL: <http://www.jstor.org/stable/2706858>
- White S., Light M., McAllister I. 2005. Russia and the West: Is there a values gap? *International Politics*. 42(3). P. 314-333. DOI: 10.1057/palgrave.ip.8800114
- White S., Feklyunina V. 2014. *Identities and Foreign Policies in Russia, Ukraine and Belarus: The Other Europes*. Palgrave Macmillan.
- Wiener A. 2018. *Contestation and Constitution of Norms in Global International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wight M. 1978. *Power Politics*. Continuum.
- Young H.P. 2014. The Evolution of Social Norms. *Department of Economics Discussion Paper Series* 726. URL: <https://www.economics.ox.ac.uk/materials/papers/13470/paper726.pdf>
- Young O. 1999. *Governance in World Affairs*. Ithaca; London: Cornell University Press.
- Young O. 2011. Effectiveness of International Environmental Regimes: Existing Knowledge, Cutting-edge Themes, and Research Strategies. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. №108. P. 19853-60. DOI:10.1073/pnas.1111690108
- Young O.R. 1986. International Regimes: Toward a New Theory of Institutions. *World Politics*. 39(1). P. 104-122. DOI: <https://doi.org/10.2307/2010300>

Climate Change and Micro, Small and Medium Enterprises

L.M. Kapitsa

Moscow State Institute of International Relations (University)

The effects of climate change are becoming increasingly pronounced and powerful, taking on an alarming scale and imposing enormous economic and human costs on humanity. However, the burden of these costs is unevenly distributed with the poorest and most vulnerable bearing the heaviest toll. Such a situation requires specific and targeted measures, if the humanity seriously intends to meet the goals of International Sustainable Development Strategy. This is an unprecedented challenge to humanity not only because of the size of financial resources needed to be mobilized, but also because of the tension between socio-economic and political short, mid and long-term goals and aims, tension between the needs to ensure a rapid and quantitative economic growth and the needs to reduce mass poverty and social inequality. The article attempts to review policies and measures undertaken by governments and civil society groups to resolve the above tensions by developing integrative adaptation policies and measures, which allow to simultaneously address the problems of environment degradation, natural disaster risks and socio-economic development. It focuses on most vulnerable segments of population: self-employed and employees of micro, small and medium enterprises, both formal and informal. The article highlights prevailing world-wide trends in disaster risk management and risk reduction efforts and tries to identify most innovative and effective programs, which could be adjusted to specific conditions of Russia.

Keywords: disaster risk management (DRM), disaster risk reduction (DRR), natural perils, natural disaster insurance, index-based insurance, adaptation, resilience, mitigation, MSMEs (micro, small and medium enterprises), insurance premium, developing countries, International organizations, FAO, UNDP.

The increasing frequency and destructive power of natural disasters around the world challenge capabilities and capacities of micro, small and medium enterprises (MSMEs) to withstand and cope with the consequences of global climate change. The MSME function as an employer and as a “safety net” for millions of people throughout the world. In the OECD countries, MSMEs account, on the average,

УДК: 338

Received: February 05, 2020

Accepted: May 26, 2020

for about 60% of jobs in the manufacturing sector and 75% in the service sector. In emerging economies, MSMEs contribute up to 45% of total employment and 33% of GDP. In low-income and lower middle-income countries, the share of MSMEs in total employment is much larger than in other country groupings (upper middle income and/or high-income countries), and it ranges between 67-97 % (Small Matters... 2019). Therefore, the ability of MSMEs to survive is of great importance for the preservation of the livelihood of the poorest and most vulnerable segments of the global population. This applies primarily to human settlements in geographical areas that are at the highest risk of natural disasters: small islands, coastal, heavy rain, semi-desert and desert locations, and seismically unstable areas.

The twin goal of this article is to assess the MSMEs capacities and capabilities to adapt to and cope with the consequences of natural disasters and to review policies and policy measures undertaken by different states and international organizations in order to strengthen their ability to meet the challenges of climatic changes.

In recent years Russia has faced serious consequences of natural disasters, the economic damage from which amounted to billions of rubles over the year 2019 alone. Past experience has clearly shown that the population of the country at large has a very rough idea of the possible consequences of climate change caused, among other things, by anthropogenic factors, such as uncontrolled deforestation, burning of dry grass in homesteads, clogging of rivers and ponds, etc. Lack of understanding, multiplied by unpreparedness for possible natural disasters (forest fires, floods, sudden temperature spikes, storms and prolonged rains, etc.), both among the population and among local authorities, leads to severe consequences and material losses. According to preliminary estimates, the economic damage of the 2019 flood in the Irkutsk region amounted to 29 billion rubles¹. Damage from forest fires in 2019 in Russia, according to preliminary data, is estimated by the The Ministry of Natural Resources and Environment of the Russian Federation at 15 billion rubles². The problems discussed in this article are relevant not only for Russia, but also for many other countries, including, as shown by the recent experience with the wildfire in Australia, and developed countries.

Changes in the global climate are increasingly making themselves felt and the losses, material and non-material of the world's population have been growing. According to "Statista", for example, the global economic losses for weather only events accounted for USD 438 billion in 2017 and USD 215 billion in 2018³.

The Center for Research on the Epidemiology of Disasters (CRED) of the University Catholique de Louvain in Belgium in collaboration with the World Health Organization estimated the world total economic losses per each type of natural disasters over

¹ Названа сумма ущерба от наводнения в Иркутской области (The Amount of Flood Damage in the Irkutsk Region). *Lenta.ru*. 3 июля 2019. URL: <https://lenta.ru/news/2019/07/03/rub/> (дата обращения: 01.02.2020)

² Минприроды оценило ущерб от лесных пожаров в 2019 году в 15 млрд рублей (The Ministry of Natural Resources Estimated the Damage from Forest Fires in 2019 at 15 Billion Rubles). ТАСС. 17 декабря 2019 г. URL: <https://tass.ru/vstrane/7362573> (дата обращения: 01.02.2020)

³ Statista - Global No.1 Business Data Platform. URL: [statista.com](https://www.statista.com) (accessed: 01.02.2020)

the period 1998-2017: flood - USD 650 billion, storm - USD 1330 billion, volcanic activity - USD 661 billion, extreme temperature - USD 68 billion, drought - USD 124 billion⁴.

One of the leading global professional services firms “Aon plc” estimated that the world economic losses and damage resulted from natural disasters in 2019 amounted to USD 232 billion, of which USD 229 billion resulted solely from weather disasters. The inland flood peril was the costliest of 2019, and its highest year since 2013 (Fig. 1 and Fig. 2) (Weather... 2020).

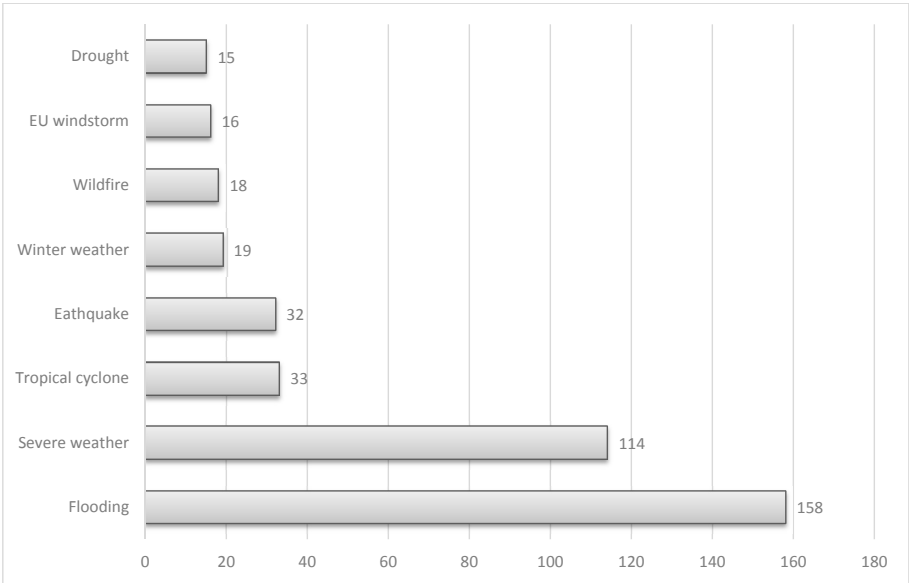

Fig. 1. Total natural disaster events by peril in 2019

Source: (Weather... 2020)

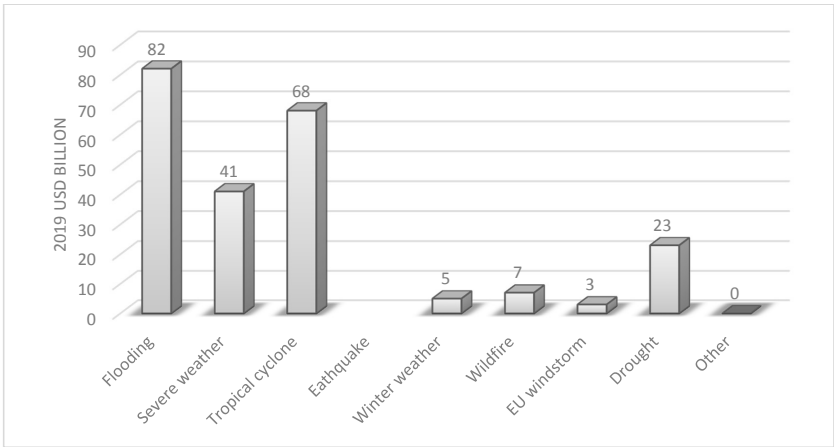

Fig. 2. 2019 global economic losses by peril

Source: (Weather... 2020)

⁴ Natural Disasters 2018. An Opportunity to Prepare. Brussel: CRED, 2019. URL: <https://emdat.be/> (accessed: 01.02.2020)

The awareness among small businesses of forthcoming climatic changes, as well as of the risks of asset and life losses, has significantly improved thanks to efforts of governmental and numerous non-governmental organizations to disseminate relevant information among as many people as possible. According to the “Zurich Insurance Group fourth annual global SME survey”, almost 78% of the small businesses (MSMEs) surveyed in 13 countries in Europe, the Americas and Asia Pacific expect significant losses associated with climatic changes, in particular, as a result of downpours, floods, heavy rains (22% of the businesses), droughts and severe heat (20%). More than one-third (36%) of the surveyed businesses anticipate material losses and business interruption⁵.

Apart from a possible asset damage, which could be caused by a direct strike of climatic event, many MSMEs are also concerned with supply chain interruptions, higher costs for energy and water and the impact of climate extremes on the health of employees⁶.

Surviving natural disasters

Some studies of the past severe natural events, undertaken by research organizations, found, that the burden of damage from natural disasters born by self-employed, micro and small businesses in most low- and medium-income countries disproportionately high due to their inherent weaknesses. Self-employed and micro-businesses (in both rural and urban areas) suffer most due to their extremely limited capacity (financial and/or physical) and insufficient cognitive capabilities (specific knowledge and skills) to prepare themselves for an approaching destructive weather event on time. In low-income countries, the situation is further aggravated by mass poverty, absence of social protection arrangements, high degree of informality of economic activity and employment. As it is seen from Fig. 3, the prevailing forms of businesses are self-employed and micro-enterprises, teetering on the brink of absolute poverty.

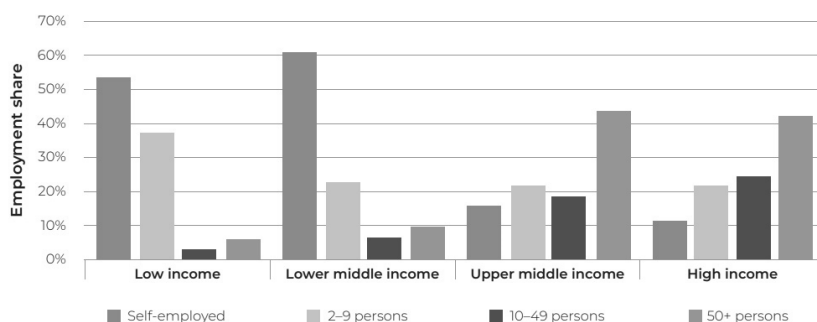

Fig. 3. Employment share of micro, small and medium enterprises by country income group, 2019, %

Source: (Small Matters... 2019: 1)

⁵ Survey Report on Key Climate Risks for SMEs in 2016. Zurich, Zurich Insurance Group, 2019.

⁶ Ibid.

Another evidence of high vulnerability of MSME in low-income countries is that a significant proportion of self-employed and micro-businesses operate informally, including informal hiring, thus, complicating ex-ante appraisal of vulnerability of different segments of population and ex-post delivery public and private relief to disaster (Fig. 4).

Furthermore, the ability of MSMEs in many developing and emerging market economies (as well as in some regions in developed countries) to respond speedily to an approaching severe weather event and, consequently, to recover after the disaster strike, significantly undermined by the underdevelopment of local physical infrastructure (transportation, drainage system, water and electricity supply), absence of public early warning system, shelters, medical and emergency services and the shortage of relief funding.

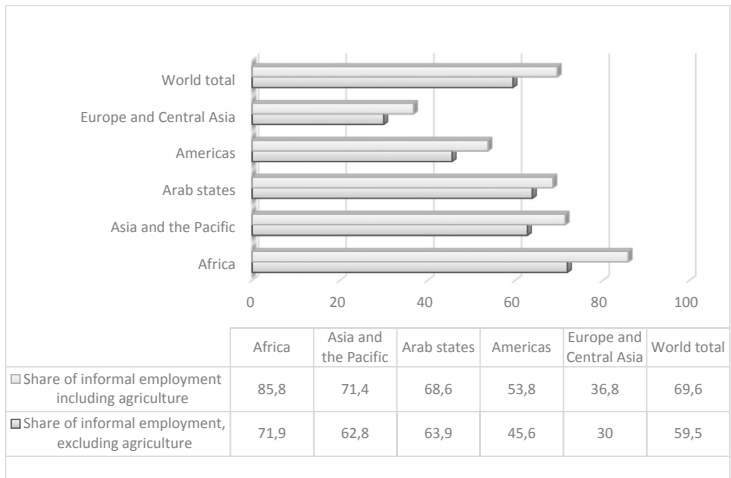

Fig. 4. The size of the informal sector by region in 2018, %

Source: (Women and Men... 2018: 14)

Finally, insufficient socio-economic infrastructure and mass poverty in many developing countries, manifested in low quality housing and other constructions, limited access to radio, phone and other communication and information technologies, shortage of food and medical drugs reserves at local food-stores and pharmacies, further aggravate the vulnerability of population. It should be also noted that the poor in many countries tend (or pushed out) to settle down in risk-prone urban and/or rural areas (close to the shore, on the banks of rivers, on the slopes of volcanoes and etc) due to a deficit of affordable housing and/or high market prices of land. All these weaknesses and fragility of the poor explain, at least partly, higher toll of disaster victims in low-income countries in comparison with industrial ones. Thus, in 2019 more than 10 000 of people lost their lives to natural disaster. 59% of fatalities occurred in the countries of the Asia-Pacific region and 36% in Middle East, Africa and Europe. Cyclone Idai alone in East Africa claimed about 1303 lives, prolonged monsoonal flooding in India cost the lives of 1750 people (Weather... 2020: 10). According to a joint World Bank &

Global Facility for Disaster Reduction and Recovery (GFDRR) study, each natural disaster pushes almost 26 million people into poverty every year (Halegatte et al. 2017).

It should be also taken into consideration that economic activities of self-employed, local micro and small enterprises in many poor developing countries heavily rely on natural resource (e.g., fishing, hunting, timber harvesting, mining, gathering mushrooms, nuts, medicinal herbs, berries, and gardening, horticulture, and/or truck farming). In most cases, such activities constitute the only source of income available to local communities. The UN Food and Agriculture Organization estimates that fisheries and aquaculture, for example, support the livelihood of nearly half a billion people in the world, while almost 1.6 billion people rely on income derived from forestry (the delivery of wood and non-wood goods and environmental services) (Meybeck et al. 2019: VII).

Fishing settlements are usually very small and closely intertwined, forming local value-added chains (fishing, supply of fresh sea food to local markets, shops, small restaurants, eateries, inns and street vendors) or cooperatives. Most of these people are unable to acquire high quality fishing equipment and boats. Loss of equipment or a break-down of value-added chains in consequence of tsunami or typhoon will mean total ruin and misery of fishermen and their families.

MSMEs in most countries are not able to rapidly adjust their operational activities or quickly recover from losses without an external help. According to the US Federal Emergency Management Agency (FEMA), more than 40% of small businesses hit by natural disasters never re-open⁷. Almost 60% of the US small businesses did not have insurance and/or disaster plan⁸. Therefore, national policy makers have to bear in mind these weaknesses and vulnerabilities of MSMEs in the process of development of adaptation policies and preventive measures to reduce their potential losses.

Transformative adaptation

It is of paramount importance to improve the understanding of the systemic nature of environment by the population at large. It is also extremely important to equip people with relevant knowledge and appropriate tools and technologies, as well as other necessary resources, which could significantly improve their resilience. It is not an easy task, especially for poor countries. Nonetheless, this is the only possible way to reduce economic and human losses as climate change accelerates.

Today, the international community embarks on the path of sustainable development. Three policies have been launched simultaneously: *adaptation* (improving or building up the capacity and ability to adapt to climate change), *mitigation* (reducing threats associated with climate change) and *transformation* (implantation of a sustain-

⁷ When Disaster Strikes: How Can Small Businesses Survive. *Small Business Daily*, October 26, 2016. URL: <https://www.smallbizdaily.com/when-disaster-strikes-how-small-businesses-can-survive/> (accessed: 01.02.2020)

⁸ Ibid.

able development mode), which complement and reinforce each other. Most countries are in the process of developing strategies, policies and appropriate instruments. The problems they encounter varies, depending on the level of development and, consequently, on the availability of funding, administrative capacity and human resources in terms of scientific and technical expertise. To some extent international organizations and donor-countries, as well as private non-profit and profit-oriented organizations, compensate for the lack of finance and expertise by providing economic and technical assistance.

Another problem, slowing down the implementation of adaptation and mitigation policies, is the complexity and diversity of climatic conditions and topography (landscape) throughout the world regions. Each eco-zone is unique and requires a careful approach, which will not aggravate, but on the contrary, improve its state. This brave endeavor of the international community to withstand climate change is not only highly risky, but also tremendously expensive. According to the United Nations Conference on Trade and Development, achieving the Sustainable Development Goals (SDGs) will take between 5 to 7 trillion USD⁹.

The break-down of data, presented in Table 1, shows priorities, timing and the volume of financial resources needed for implementation of adaptation, mitigation and transformation policies on the global scale. The most expensive measures are those, which aim to reduce CO² emission, on the one hand, and to secure energy supply, on the other.

It is expected that necessary resources will come from two sources: public (government budget and official development assistance) and private (businesses, non-profit organizations and individuals).

Table 1. Investment requirements for transition to a sustainable development model

Source: UNTT Working Group on Sustainable Development Financing. Financing for Sustainable Development: Review of Global Investment Requirement Estimates. *Sustainable Development Goals Platform*. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/>

Goals	Targets	By	Pathway characteristics	Investments
Improve energy access	Universal access to electricity and modern cooling fuels	2030	- Diffusion of clean and efficient cooking appliances. - Extension of high voltage electricity grids and decentralized micro-grids. - Increase financial assistance from industrialized countries to support clean energy infrastructure.	Estimated investment to connect 1.6 billion people with lowest income: US\$ 55-130 billion per year to 2030. Estimated investment to provide rural grid connections: <US\$ 11 billion per year to 2030.

⁹ Mara Niculescu. UNDP Europe and Central Asia. Impact Investment to Close the SDG Funding Gap. UNDP. 17 July, 2017. URL: <https://www.undp.org/content/undp/en/home/blog/2017/7/13/What-kind-of-blender-do-we-need-to-finance-the-SDGs-.html> (accessed: 01.02.2020)

Goals	Targets	By	Pathway characteristics	Investments
Improve energy security	Limit energy trade, increase diversity and resilience of energy supply	2050	- Increase in local energy supply options (e.g. renewable to provide 40-70% of primary energy by 2050). - Increase in diversity of imported fuels and reduce dependency (e.g. reduce share of oil in imports in primary energy by 30-80% by 2050 compared to 2000). - Infrastructure expansion and upgrades to support interconnection and back-up, including increased capacity reserves and stockpiles.	Estimated investment in infrastructure upgrades for electricity grid: >300 billion per year by 2050. Co-benefits of stringent climate mitigation policies reduce overall security costs (import dependency & diversity by about 75%.
Reduce air pollution and improve human health	Reduce premature deaths due to air pollution by 50%	2030	- Tightening technology standards across transportation and industrial sectors (e.g. vehicles, shipping, power generation, industrial processes). - Combined emissions pricing and quantity caps (with trading). - Fuel switching from traditional biomass to modern energy forms for cooking in developing countries.	Estimated investment to meet air pollution targets: US\$ 200 billion per year to 2030 (-12% of energy costs). Co-benefits of stringent climate mitigation policies to reduce overall pollution control costs by about 75%.
Avoid dangerous climate change	Limit global average temperature change to 2°C above pre-industrial levels with likelihood of >50%	2050, 2100	- Widespread diffusion of zero and low-carbon energy supply technologies, with substantial reduction of energy intensity. - Global CO ₂ emissions peak by 2020 and are reduced to 35-75% by 2050 on 2000 levels. - Globally comprehensive mitigation efforts covering all major emitters. - Financial transfers from industrial countries to support de-carbonization.	Up-scaling of investment into low-carbon technologies and efficiency measures > US\$ 465 billion per year to 2050. Additional financial transfers to developing countries of about 2-5% of total energy system costs to 2050, depending on the domestic commitments of industrialized countries.

In most cases adaptation policies envisage a mixture of measures aiming to mitigate climate change threats and to transform the prevailing *modes of operandi and vivendi* (life-organization patterns). Such mixed policies and processes they induce may be qualified as a *transformative adaptation* (see Fig. 5 and Table 1).

The above measures complement macro- and meta level actions to ensure that transformative adaptation advances smoothly. They include: mobilization and prioritization of public investment in sustainable development; targeting and reforming economic sectors and institutions; strengthening research capacity and setting-up an early warning system; inspection and evaluation of vulnerability of constructions, transportation, and public utilities; promotion of innovation and alternative technologies application; encouraging diversification of livelihoods, modernization of production and facilitation of development of financial and insurance markets; upgrading of housing and physical infrastructure; setting-up emergency services and relief programs, and other measures.

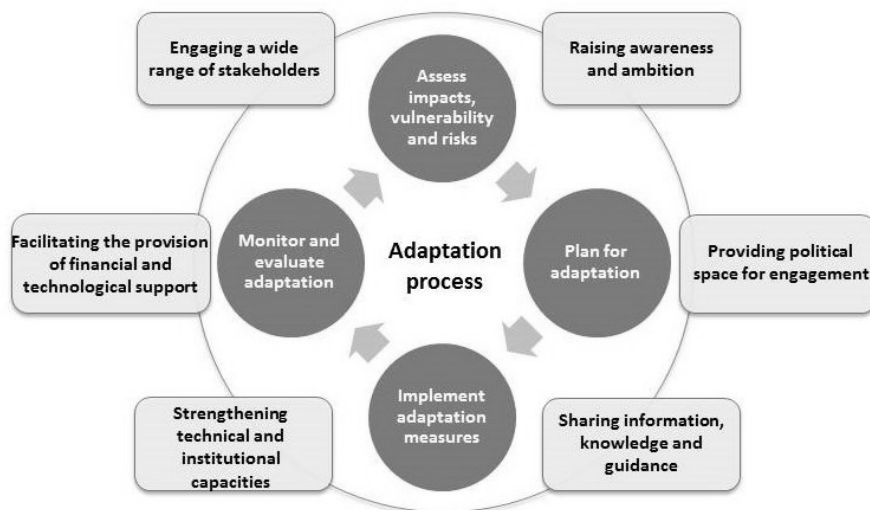

Fig. 5. Adaptation cycle

Source: The United Nations Framework Convention on Climate Change. URL: <https://unfccc.int/topics/adaptation-and-resilience/the-big-picture/what-do-adaptation-to-climate-change-and-climate-resilience-mean>

Strengthening the resiliency of MSMEs and self-employed: a brief review of national and international efforts

All the measures, instruments and actions aiming to strengthen the resiliency of MSMEs and the population at large at national, regional and international levels may be analyzed within two frameworks: disaster risk management and *disaster risk reduction*.

Disaster risk management (DRM) refers to legal, institutional and policy frameworks and administrative mechanisms and procedures related to the management of both risk (ex ante) and disasters (ex post), therefore including also the emergency management elements. The DRM elements may include, but not limited to:

1. *Risk assessment* – diagnostic process to identify the risks for a community;
2. *Prevention* – activities to avoid the adverse impact of hazards;
3. *Mitigation* – structural/non-structural measures undertaken to limit the adverse impact;
4. *Preparedness* – activities and measures taken in advance to ensure effective response;
5. *Early warning* – provision of timely and effective information to avoid or reduce risk;
6. *Protection of people and livelihoods during emergency* (immediate assistance, evacuation – temporary mass departure of people and property from threatened locations, provision of assistance during or immediately after disaster);

7. *Assessing damage and loss* – information about impact on assets and loss to production.

Disaster risk reduction (DRR) is a crucial component of DRM and refers to those programs and practices, which are specifically targeted at avoiding (prevention) or limiting (mitigation and preparedness) the adverse impacts of hazards, within the broad context of sustainable development. In effort to improve disaster resilience and mitigate natural disaster risks many countries encourage their population and businesses to apply for weather- and commodity-based insurance. However, households and businesses in low-income countries cannot easily afford commercial insurance schemes without support from extended family or the government. Nonetheless, some poor countries succeeded in widening risk insurance coverage by employing various incentives like, for example, government subsidization of insurance premium or by enforcing obligatory nation-wide insurance schemes.

With regards to MSMEs, many poor countries (with support of international governmental and non-governmental organizations) have developed and utilized different models of disaster-based insurance (Table 2). However, according to Swiss Re estimates, *the global all-catastrophe protection gap*¹⁰ in 2017-2018 combined was impressively large at US \$280 billion, and more than half of that resulted from independent secondary and secondary-effect peril events (see Fig. 6).

Table 2. Types of disaster risk insurance in developing countries

Source: Mechler R., Linnerooth-Bayer J., Peppiatt D. Disaster Insurance for the Poor? A review of micro-insurance for natural disaster risks in developing countries. A ProVen-tion IIASA Study, July 2006. URL: <https://reliefweb.int/>

Category	Description
1. Disaster micro-insurance	Schemes that facilitate access to disaster insurance products to protect the livelihoods of the poor against extreme events, Examples; Proshika (Bangladesh), Swayamkrushi (India), Network Leasing Corporation (NLC – Pakistan), and the National Smallholder Farmers' Association of Malawi (NASFAM), VimoSEWA (India), Nepal Centre for Self-Help Development (CSD)
2. Agricultural insurance	Schemes aim at developing programs for farmers, herds, rural entrepreneurs and agricultural financial institutions (e.g. rural banks, microfinance institutions) to increase their financial resilience to adverse natural hazards. These schemes can be sub-classified as "index-based" or "indemnity-based", according to the type of insurance instrument used. Examples: WINCROP (Windward Islands Crop Insurance) program was established by the banana marketing organizations of Dominica, Grenada, St. Vincent, and St. Lucia; Mozambique Index-based Agricultural Insurance (IAM), Rwandan and Zambian Index-based Agricultural Insurance, Drought Index-Insurance Pilot for Groundnuts Farmers of Senegal.
3. Property catastrophe risk insurance	Schemes aimed at developing catastrophe insurance markets and increasing catastrophe insurance penetration among homeowners, small and medium enterprises, and public entities. Examples: Hurricane-Resistant Home Improvement Program in St. Lucia (HRHIP), Turkish Catastrophe Insurance Pool, Peril-based HOIs (HOI - home-owner insurance) in Canada, USA, France, UK and other industrial countries.
4. Sovereign disaster risk transfer	Strategies that aim to increase the financial response capacity of governments in the aftermath of natural disasters, while protecting their long-term fiscal balance, through the use of risk transfer instruments including insurance and insurance-like securities (e.g. catastrophe bonds, catastrophe swaps, and weather hedges). Examples: African Risk Capacity, Caribbean Catastrophe Risk Insurance Facility, Pacific Catastrophe Risk Assessment and Financing Initiative, Southeast Europe and Caucasus Catastrophe Risk Insurance Facility

¹⁰ Protection gap is the difference between insured losses and economic losses, or uninsured losses.

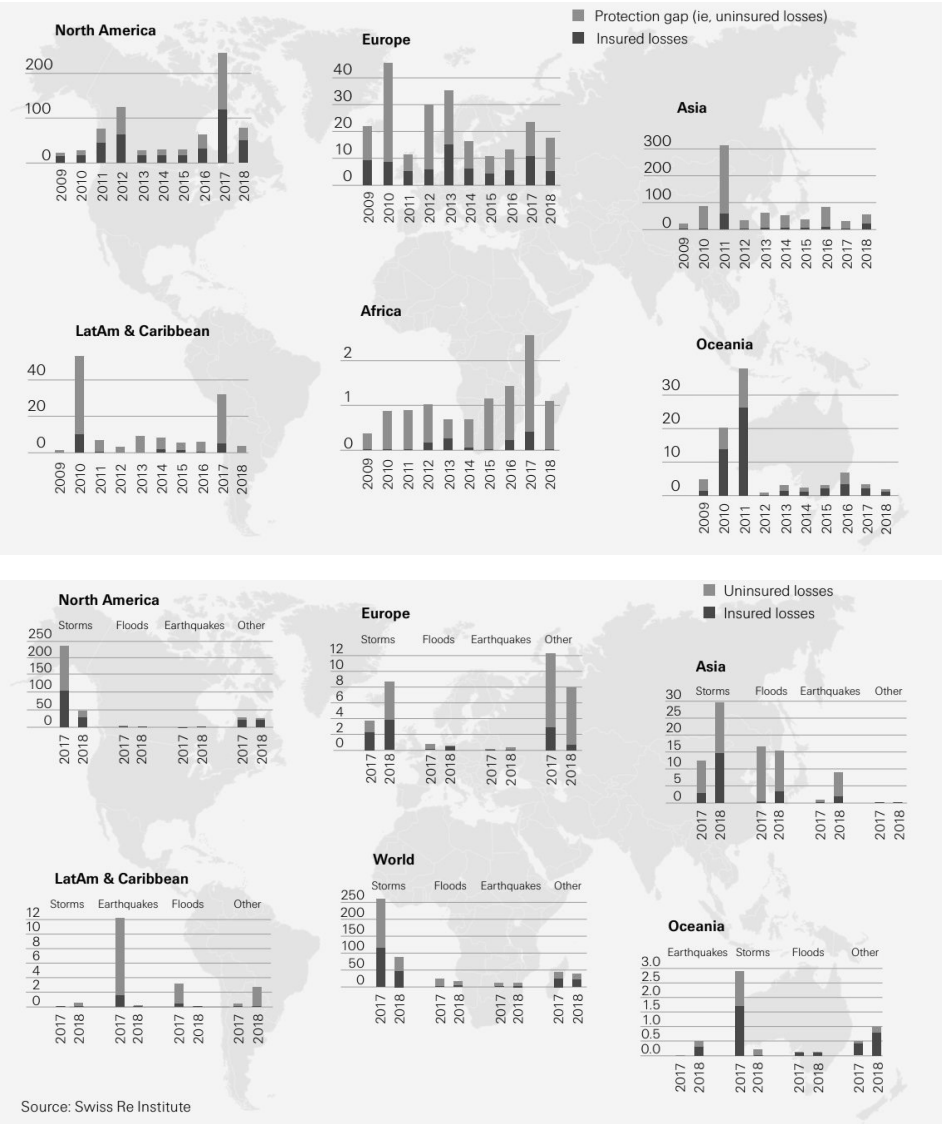

Fig. 6. Natural catastrophe protection gap by region and peril, 2009-2018, in USD billion (in 2018 prices)

Source: SIGMA. *Natural Catastrophes and Man-made Disasters in 2018: “secondary” perils on the frontline*. Swiss Re Institute, No2/2019, Zurich (Figures 5 and 13), Pp. 6, 21.

There is a number of reasons why the penetration of natural disaster-based insurance has been so slow. Many studies underscore the following reasons keeping people and small businesses away from commercial insurance schemes:

1. In many countries, regardless of the level of development, high insurance premium rates were cited as one of the key barriers;

2. Complicated documentation, rules, requirements, losses specification and the lack of understanding when and how the insurance payments will be delivered to disaster victims were among other constraints mentioned by people;

3. Psychological factors were also highlighted, particularly, a widely shared belief, that helping natural disaster victims is sheer Government responsibility (Linnerooth-Bayer et al. 2008)¹¹.

To remedy the situation and expand insurance coverage of population, especially, in poor countries, both governments and civil society groups came out with various innovative initiatives, including the creation of:

1. Public nation-wide disaster insurance programs with compulsory participation;
2. Government insurance premiums subsidization programs;
3. Risk-pooling (solidarity) community-centered arrangements (so-called «mutuals»);
4. Insurance schemes covering indirect losses or costs as a result of cascading effects of natural disasters in the list of covered risks;
5. Pro-poor “work-for-insurance” in exchange for some assets improvement (e.g. land, repairing of buildings, roads or irrigation system, vaccination of animals, new crops), “saving-for-change” (e.g. schemes, which may included some incentives to attract the poorest by offering debt waivers and a guaranteed access to credit) or «social protection safety net» programs, specifically designed for the poorest and most vulnerable population groups.

Table 3. Community-centered model of mitigation of natural disaster risks: some examples

Program	Description
“The Goat Trust” (India)	<i>The Goat Trust</i> is registered as charitable trust to promote small livestock (Goat/sheep/Backyard birds rearing) based livelihood. It is mandated to grow as a resource organization to work on development of pro-poor small livestock farming systems, technologies and market development through collaboration and networking with various stakeholders. The Goat Trust and its partners have currently offering a <i>community insurance</i> to those households engaged in goat rearing and goat farming in poverty pockets and semi-arid regions of Madhya Pradesh and Uttar Pradesh, Rajasthan & Jharkhand. The goal of this community insurance initiative is mitigate goat loss risk through integration of goat farmers, building institutions of goat farmers (group and larger federation), and making provisions of financial services (insurance). It also provides training and handholding support to Grass root partners & Goat farming communities – Certified Livestock Managers and Livestock Nurses (Pashu Sakhi), participatory training and monitoring tools development for small livestock based livelihoods; micro financing (Micro leasing, Community based Insurance, Livestock Credit card) for livestock; standardisation of pro-poor live body weight based marketing system and Information exchanges; teach and promote the use of Information Technology in Livestock; ethno veterinary practices and promotion of Herbal cure for sustainable livestock management. Source: “The Goat Trust”. URL: http://thegoattrust.org/

¹¹ See: Mechler R., Linnerooth-Bayer J., Peppiatt D. Disaster Insurance for the Poor? A Review of Micro-insurance for Natural Disaster Risks in Developing Countries. A ProVenton / IIASA Study, July 2006; Final Report: Understanding the Role of Publicly Funded Premium Subsidies in Disaster Risk Insurance in Developing Countries. Vivid Economics. Surminski Consulting, Callund Consulting and UK Department for International Development, November 2016. URL: <https://www.gov.uk/dfid-research-outputs/final-report-understanding-the-role-of-publicly-funded-premium-subsidies-in-disaster-risk-insurance-in-developing-countries> (accessed: 01.02.2020)

Program	Description
Fondos (Mexico)	The first agricultural insurance program in Mexico began in 1942 and was based on arrangements between mutual unions and private insurance companies. It was not until 1961 that the first specialized public company for crop insurance was created, the National Crop and Livestock Insurance Company (ANAGSA). Insurance through ANAGSA was a condition for receiving agricultural credit; policies covered multiple-perils and premiums were almost entirely subsidized. <i>Fondos</i>, or farmer mutual insurance funds, developed in response to rising prices and shrinking availability of agricultural insurance. The first Fondo was established in 1978 in order to reduce insurance costs, offer technical support for members, develop financial options, as well as to reinvest any profits back into the community. <i>Fondos are mutual insurance funds</i> that are formed by local growers, and only provide insurance to their members. Their advantage lies in their close connection to farmers and their knowledge of local agricultural conditions. As Fondos are civil associations, they are not intended to generate profits either for the Fondos themselves or the members. Under the law they may only provide agriculture related damage insurance, agriculture related property insurance, farmers' life insurance, and accident/illness related insurance. The Government provides support to the Fondos system through a program of operational assistance and financing to both Fondos and Integrating Agencies (OIs), which are associations formed by Fondos members that oversee the activities of Fondos. The operations of Fondos are regulated by the Agriculture and Rural Insurance Fund Law (2005), and overseen by OIs and a National Integrating Agency. OIs supervise the organization of Fondos' admission, separation, suspension, and expulsion of members; risk retention limits; contracts of reinsurance; functions and operations; constitution and investment of technical reserves and the social fund; and accounting. Any irregularities are reported immediately to the finance ministry (SHCP). Source: The World Bank documents. URL: http://documents.worldbank.org/curated/pt/197661468281079879/pdf/880990BRI0P1300urance04Pager0Fondos.pdf
Takaful	<i>Takaful</i> is a co-operative system of reimbursement or repayment in case of loss, organized as an Islamic alternative to conventional insurance. Under <i>takaful</i>, people and companies concerned about hazards make regular contributions ("donations") to be reimbursed or repaid to members in the event of loss and managed on their behalf by a <i>takaful</i> operator. There are several models (and several variations) of how <i>takaful</i> can be implemented: 1) <i>Mudharabah</i> model (profit-sharing): the managers (shareholders) are sharing profit and losses with the policyholders; used initially in Far East; 2) <i>Tabarru'</i>-based: "donations" (<i>Tabarru'</i>), i.e. premiums, are accumulated into a fund to meet members' losses. Members are not allowed to take back any contributions or profits from investments, a combination of <i>Tabarru'</i> and <i>Mudharabah</i>: Bahrain, UAE and Middle East countries, 3) <i>Wakala</i> model: agency fee, received up front from the contributors and transferred to shareholders fund. Source: Ahmed Salem Mulhim, Ahmed Mohammed Sabbagh. The Islamic Insurance Theory and Practice. URL: https://www.albaraka.com/media/pdf/Research-Studies/Book-Islamic-Insurance.pdf

The distinct characteristics of the bottom-up disaster risk insurance arrangements (mutuals and/or cooperatives) are as follows:

1. "Mutuals" can operate on every level (communal, regional, national and international);
2. They are able to provide services that meet the need of poor and vulnerable;
3. Their proximity to members and shared ownership facilitate claims settlement and self-regulation (Facing Risk... 2018).
4. Such programs can be designed within the framework of sustainable development strategy by combining elements of risk reduction, risk mitigation and transformation of livelihood, production and consumption;
5. They are country specific.

It is obvious that many countries still lack the capacity and capabilities to meet all the requirements of effective DRM, including some developed countries. It is also beyond any doubts that concerns with natural disasters intensify. Increasing toll of

losses caused by natural catastrophes has been on rise revealing weaknesses and/or unpreparedness of human physical and socio-economic infrastructure to keep a direct hit of mother nature. Results of efforts to strengthen the endurance and resilience of humanity in the face of raging nature and climatic change have not yet been impressive, as the political elites in many countries have been more often preoccupied with next election campaign or personal political career, rather than with true voters' needs. Business community, as well, has been rather reluctant to rush to join the efforts to mitigate climate change risks. Nonetheless, the International Governance has been pressing countries to accelerate the implementation climate change adaptation and mitigation policies to reduce potential damage of natural disasters to human communities throughout the world.

Specific problems of most vulnerable segments of the world population (formal and informal self-employed, owners and employees of micro and medium enterprises) in risk-management programs and adaptation policies have been muted. In developing countries programs a strongest emphasis has been on farmers and rural population, which is understandable due to frequent outbreaks of hunger. In developed countries programs MSMEs are mainly considered from the perspective of productivity and competitiveness, therefore, the emphasis is on transformation, employment and social protection issues.

Review of some instruments applied to promote adaptation to climate change reveal that many experts, policy makers and community leaders have been trying to design effective risk reduction programs, which are suited to the needs of specific social groups. The most popular have been insurance against natural disaster. While there is no definitive conclusion on which of the numerous natural disaster insurance schemes is most effective, some of them are worth to try in Russia. These are primarily mutual insurance funds at the communal (local) level.

Such programs allow to combine risk reduction with diversification of livelihood. Candidates for such programs could be fishermen settlements in Far East, on Caspian Sea and Siberian rivers shores, as well as some close-nit indigenous peoples of the Extreme North. Orenburg region, on the other hand, may be suitable for a program similar to the Indian Goat Trust. Another option could be an all-nation natural risk insurance program with compulsory participation of the population of disaster-prone regions. They should be adjusted and targeted (based on the principle of fairness) and include both primary and secondary losses.

An interesting approach, which also could be tried in Russia, is a diversification of activities of Fund of Small Business Credit Assistance of Moscow by adding disaster insurance component to its activities.

Finally, there is a need to develop an integrative approach to the issues of climate change. This will require a joint effort of scientists and practitioners from different areas.

With regards to climate change preparedness of the population, local governments must:

- develop a disaster preparedness plan and risk-mapping,
- set-up an effective early-warning system,
- educate and inform people by organizing training for business owners and public servants,
- distribute handbooks, booklets and leaflets,
- open a local disaster preparation platform on Internet with access to emergency service and public and private assistance.

This article is far from being exhaustive. There is a need to further study other nations' experience in order to avoid common mistakes.

About the author:

Larisa M. Kapitsa – PhD in Economics, Associate Professor, Department of World Economy, MGIMO University. 76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russia. E-mail: lkapitsa@yandex.ru

Conflict of interests: The author declares absence of conflict of interests.

УДК: 338

Поступила в редакцию: 05.02.2020 г.

Принята к публикации: 26.05.2020 г.

Климатические изменения и микро-, малые и средние предприятия

Л.М. Капица

DOI 10.24833/2071-8160-2020-4-73-216-231

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Последствия изменения климата становятся всё более явными, принимая угрожающие масштабы и накладывая огромные экономические и человеческие издержки на человечество. Бремя этих расходов, однако, распределяется неравномерно, причём самые бедные и уязвимые слои населения несут самые тяжёлые потери. Такая ситуация требует конкретных и целенаправленных мер, если человечество всерьёз намерено достичь целей международной стратегии устойчивого развития. Это беспрецедентный вызов человечеству не только из-за объёма финансовых ресурсов, которые необходимо мобилизовать, но и из-за напряжённости между социально-экономическими и политическими краткосрочными, среднесрочными и долгосрочными целями и задачами, напряжённости между задачей быстрого и количественного экономического роста и потребностями сокращения массовой бедности и социального неравенства. В статье предпринята попытка анализа политики и мер, предпринимаемых государствами и структурами гражданского общества для разрешения вышеуказанных противоречий путём разработки интегративных адаптационных стратегий и мер, позволяющих

одновременно решать проблемы деградации окружающей среды, риска стихийных бедствий и социально-экономического развития. Она ориентирована на наиболее уязвимые слои населения: самозанятых и работников микро-, малых и средних предприятий, как формальных, так и неформальных. В статье освещаются общемировые тенденции в области управления рисками стихийных бедствий и их снижения, а также делается попытка выявить наиболее инновационные и эффективные программы, которые можно было бы адаптировать к конкретным условиям России.

Ключевые слова: управление рисками стихийных бедствий (DRM), снижение риска стихийных бедствий (DRR), природные опасности, страхование от стихийных бедствий, индексное страхование, адаптация, устойчивость, смягчение последствий, ММСП (микро-, малые и средние предприятия), страховые взносы, развивающиеся страны, международные организации

Об авторе:

Лариса Михайловна Капица – кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики, МГИМО МИД России. 119454, Россия, Москва, Проспект Вернадского 76.
E-mail: lkapitsa@yandex.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

References:

Facing Risk. Options and Challenges in Ensuring that Climate/Disaster Risk Finance and Insurance Deliver for Poor People. 2018. Oxfam International, April. 52 p.

Halegatte S., Vogt-Schilb A., Bangalore M., Julie Rozenberg. 2017. *Unbreakable: Building the Resilience of the Poor in the Face of Natural Disasters.* The World Bank, Washington, D.C. 201 p.

Linnerooth-Bayer J., Mechler R. 2008. *Insurance against Losses from Natural Disasters in Developing Countries.* UN/DESA, Background paper for UN World Economic and Social Survey. New York. 44 p.

Meybeck A., Rose A., Gitz V. 2019. *Climate Change Vulnerability Assessments of Forests and Forest Dependent People.* FAO Forestry Paper. FAO, Rome. 101 p.

Small Matters. Global Evidence on the Contribution to Employment by the Self-Employed, Micro-Enterprises and SMEs. 2019. International Labour Organization. Geneva. 56 p.

Weather, Climate & Catastrophe Insight. 2020. Aon, Chicago, Illinois. 83 p.

Women and Men in the Informal Economy: A Statistical Picture. 2018. Third edition. Geneva: ILO. 164 p.

Международная торговля сквозь призму статистики: проблемы учёта, оценки и анализа

Н.Е. Григорук, С.А. Галкин

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В экономических исследованиях большое внимание традиционно уделяется вопросам торгово-экономического сотрудничества государств и развития международной торговли. Как правило, такого рода исследования опираются на материалы официальной статистики стран и международных организаций, которые не всегда публикуются на сопоставимой основе, что затрудняет, а иногда и делает невозможным объективный анализ процессов, происходящих как в двусторонних экономических связях, так и в международной торговле в целом. Этой важной проблеме сопоставимости статистических источников и посвящена настоящая статья. С учётом методологических концепций статистики, на основе которых сформированы показатели динамики и структуры мирохозяйственных связей, авторы представили анализ основных тенденций в развитии международной торговли. Таким образом, объектом исследования данной работы выступают не только статистические данные о развитии мировой торговли товарами и услугами, но и официальные методологические рекомендации по статистике, разработанные международными организациями и положенные в основу этих публикаций.

На большом фактологическом и статистическом материале авторы проследили изменения, произошедшие в мировых торговых связях XXI века, уделив особое внимание посткризисному периоду, раскрыли основные особенности географической и товарной структуры торговли, провели сравнительный анализ темпов развития мирового экспорта и импорта по группам стран, оценили участие России в международной торговле, а также продемонстрировали методологическое содержание основных статистических показателей, которые используются для характеристики внешнеэкономических связей.

Многие десятилетия международное сотрудничество в области статистики фокусируется на проблеме унификации информации о внешнеэкономической деятельности стран. Решая эту проблему, Статистическая комиссия ООН составила методологические документы, которые принято называть «международными стандартами статистики». На основе изучения этих документов, а также материалов официальной статистики стран и других первоисточников авторы характеризуют процесс международной стандартизации информации о внешнеэкономических связях стран. В статье представлен критический анализ ключевых положений новейших методологических стандартов статистики, рассмотрена практика их

УДК: 339.9

Поступила в редакцию: 20.02.2020 г.

Принята к публикации: 12.04.2020 г.

применения в странах, включая Российскую Федерацию, выявлены основные достижения и проблемы в этой области.

Проведённое исследование позволило авторам оценить степень соответствия друг другу главных международных статистических стандартов и показать их влияние на развитие национальных статистических систем информации о внешнеэкономической деятельности, а также определить актуальные задачи статистики международной торговли.

Ключевые слова: статистика, международная торговля, внешнеэкономическая деятельность, методология, международные стандарты, товары, услуги, экспорт, импорт, сотрудничество

Внешнеэкономическая деятельность занимает особое место в экономической жизни государств. Она не просто обеспечивает благоприятные условия для внедрения в национальную экономику достижений научно-технического прогресса и более полного удовлетворения потребностей населения в товарах и услугах, но и в целом выполняет роль инструмента экономического роста. Эти обстоятельства объясняют огромный интерес к мирохозяйственным связям, который, в свою очередь, способствует развитию статистики международной торговли и повышает значимость этой отрасли статистики.

В настоящее время существуют десятки официальных международных источников со статистическими данными о мировых торговых связях. В них можно обнаружить не совпадающие друг с другом показатели, отражающие как развитие двусторонних торгово-экономических отношений стран, так и итоги международной торговли за одни и те же периоды времени. Расхождения достигают десятков и даже сотен миллионов долларов США¹.

Попытки разобраться в причинах таких несоответствий и свести к минимуму неудобства при использовании материалов официальной статистики периодически предпринимают международные организации, национальные статистические службы, учёные. В частности, коллеги из Оксфорда² в качестве примера привели стоимостные показатели так называемой «зеркальной статистики» по экспорту и импорту США с их торговыми партнёрами за 2016 год: расхождения составляют сотни миллионов долларов, а с главным контрагентом, Китаем, достигают 73,1 млрд долл.

На наш взгляд, в российской экономической литературе вопросам влияния методологии на содержание и объём статистических показателей по внешнеэкономическим связям и международной торговле уделено недостаточно внимания, хотя некоторые попытки обобщить причины несопоставимости данных

¹ Здесь и ниже данные приведены в долларах США.

² Ortiz-Ospina E., Beltekian D. International trade data: why doesn't it add up? Our world in data. June 05.2018. URL: <https://ourworldindata.org/trade-data-sources-discrepancies> (accessed 25.08.2020)

зеркальной статистики ранее предпринимались³. На современном этапе международной стандартизации статистической информации эти проблемы обретают новый смысл и особую актуальность.

В решении проблем унификации показателей внешнеэкономической деятельности ведущую роль играют международные статистические службы. К числу самых существенных достижений международной статистики отнесём разработку единых методологических подходов к процессам сбора, обработки, распространения и публикации данных о внешнеторговых операциях. Общие требования к показателям внешнеэкономической деятельности государств изложены в разработанных специалистами ООН и других международных организаций документах, ставших международными стандартами статистики. К ним в первую очередь относятся два отраслевых стандарта, регламентирующих статистику международной торговли товарами и услугами⁴.

Несмотря на всеобщее стремление к унификации статистических показателей и достигнутый за последние годы существенный прогресс, приходится констатировать наличие ряда методологических проблем, связанных с несопоставимостью национальных данных, которые затрудняют работу с информацией не только по странам, но и по миру в целом.

В данном исследовании авторы ставили перед собой задачу на конкретных примерах показать зависимость выводов о тенденциях и структуре мировой торговли от методологии статистики, а также продемонстрировать влияние самых важных факторов и методологических критериев на сопоставимость публикуемых показателей. В условиях меняющейся картины мира, приобретающей некоторые черты деглобализации, поставленная проблема имеет научную и практическую значимость.

Применяя методы исторического и экономического анализа, авторы рассматривают показатели, характеризующие динамику, тенденции и структуру международной торговли под углом зрения статистической методологии, раскрывая причины, затрудняющие объективный анализ современных мирохозяйственных связей.

Актуальные тенденции в изменении динамики и структуры международной торговли

Данные о развитии международной торговли в региональном и товарном аспектах публикуются несколькими международными организациями. Наибольшей популярностью среди специалистов пользуются публикации отдела

³ К ним следует отнести такие работы, как: (Бакулин 1961; Романов 1974)

⁴ International Merchandise Trade Statistics: Concepts and definition. 2010 (IMTS 2010) United Nations, New York 2010; Manual on Statistics of International Trade in Services 2010 (MSITS 2010) Geneva, Luxembourg, New York, Paris Washington D.C., 2010.

статистики ООН, МВФ, Всемирного банка, ВТО, ЮНКТАД, а также материалы официальной статистики ЕС и ОЭСР. Несмотря на расхождения приводимых этими первоисточниками показателей, в развитии международной торговли за последние годы выявляются общие тенденции, о которых пойдёт речь в настоящем разделе статьи.

Международную торговлю принято характеризовать по двум направлениям: обмен товарами и услугами. Статистический учёт указанных операций ведётся отдельно ввиду существенных отличий в организации их производства, продаж и потребления. Этим же объясняется разделение данных о торговле товарами и услугами в публикациях международной статистики. Суммирование показателей торговли товарами и услугами, к которому приходится прибегать для получения итогов международной торговли, некорректно по методологическим причинам (см. ниже).

Статистические данные, почерпнутые из официальных изданий международных организаций, свидетельствуют об изменении роли и значения международной торговли в экономической жизни государств. История мировых торговых связей эволюционировала постепенно – от заключения разовых внешнеторговых сделок по продаже и покупке товаров до долгосрочного крупномасштабного торгово-экономического сотрудничества. В решении народнохозяйственных проблем большинства стран мира наиболее заметную роль внешнеэкономическая деятельность сыграла во второй половине XX в., что подтверждают высокие темпы её развития. За период 1950–2000 гг. мировая торговля выросла в 20 раз, тогда как общий объём производства – лишь в 6 раз (Григорук 2017). Самый быстрый рост наблюдался в 50–70-х годах прошлого столетия, но и в дальнейшем, вплоть до кризиса 2007–2009 гг., темпы прироста международной торговли превышали прирост мирового ВВП в среднем почти вдвое. После кризиса эти показатели начали сближаться, а затем развитие международной торговли стало отставать от экономического роста. Резкий скачок экономической активности 2010–2011 гг. сменился её замедлением, за которым последовало существенное снижение мирового товарооборота в 2015–2016 гг., а в 2017–2018 гг. – наращивание показателей, о чём свидетельствуют данные табл. 1 и 2.

Табл. 1. Мировая торговля товарами (млрд долл.)

Table 1. World trade in goods (billion dollars)

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Мировой импорт (СИФ)	15167	18084	18130	18420	18660	16358	15810	17436	19306
Мировой экспорт (ФОБ)	15102	18031	18084	18464	18674	16197	15629	17035	18676
Сальдо мировой торговли	–65	–53	–46	+44	+14	–161	–181	–401	–630

Источник: по данным Monthly Bulletin of Statistics/ New York, United Nations/ Table 34 – 2014, №2; 2016, №5; 2019, №9.

Табл.2. Цепные и среднегодовые темпы прироста мировой товарной торговли в 2011–2018 гг. (в%)**Table 2. Year-on-year changes in global trade and global trade CAGR in 2011-2018 (%)**

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	Среднегодовые показатели
Мировой импорт (СИФ)	19,2	0,3	1,6	1,3	-12,3	-3,4	10,3	10,7	3,1
Мировой экспорт (ФОБ)	19,4	0,3	2,1	1,1	-13,3	-3,5	9,0	9,6	2,7

Источник: подсчитано по данным таблицы 1.

Отрицательная динамика мировой торговли 2015–2016 гг. (вторая волна кризиса) по сравнению с невысоким уровнем 2014 г. объясняется, главным образом, резким снижением мировых цен на нефть, металлы и некоторые другие сырьевые товары, а также понижением курсов большинства валют по отношению к доллару США, в котором публикуются стоимостные показатели международной торговли.

Вялая динамика международного товарооборота на фоне невысоких темпов роста мировой экономики сигнализирует наступление кризиса глобализации и начало процесса деглобализации (Паньков 2010) с осознанием необходимости развивать национальные производства.

Описанная выше главная тенденция развития международного товарообмена XXI в. характерна и для мировой торговли услугами. На неё в последние годы приходилось более 1/5 общего объёма международной торговли, а темпы прироста были чуть выше, чем у торговли товарами. Хотя послекризисное снижение деловой активности отрицательно отразилось и на данном сегменте международной торговли – ускоренные темпы роста последних десятилетий XX–начала XXI вв. сменились спокойными и даже замедленными показателями последних лет, это не привело к сокращению доли услуг в международной торговле, достигающей в настоящее время почти 1/4: если в 2000 г. мировой экспорт услуг оценивался в 1491 млрд долл., что соответствовало 18,8% международной торговли, то к 2010 г. эти показатели составили 3921 млрд – 20,6%, а в 2018 г. – 5845 млрд долл. – 23,8%⁵. Принимая во внимание, что в последние годы во всех странах, прежде всего, в развивающихся, имеет место сдвиг потребительских предпочтений от товаров к услугам, можно с уверенностью предположить, что в дальнейшем доля услуг будет расти. Общая положительная динамика торговли услугами связана с тем, что их экспорт оказывает благотворное влияние на экономику, увеличивая ВВП, улучшая показатели занятости и повышая уровень жизни населения, а импорт позволяет справиться с проблемами, неразрешимыми на национальном уровне.

Взаимное влияние торговли товарами и услугами становится с годами всё заметнее. В современных условиях для успешной поставки товаров на мировой

⁵ Подсчитано по: WTO Time Series on international Trade, 2016; Press Release WTO, Press/791 12 April 2017; <https://www.wto.org/-31.10.2019>.

рынок требуется оказание большого количества услуг, начиная с анализа целевого рынка, проведения маркетинговых исследований, предоставления информационных и консалтинговых услуг, и заканчивая перевозкой, страхованием товаров и их послепродажным обслуживанием.

Основными участниками мирохозяйственных связей остаются экономически развитые страны, хотя их удельный вес постепенно снижается в торговле как товарами, так и услугами.

Одним из трендов развития мировой торговли последнего десятилетия стало постепенное повышение уровня концентрации международного товарообмена, выражающегося в заметном отрыве от остальных стран мира трёх главных торговых держав: Китая, США и ФРГ. Если в 2010 г. на тройку лидеров приходилось 27,1% мирового экспорта, то к 2018 г. – уже 30,6%⁶.

По данным на 2018 г., крупнейшим мировым экспортёром товаров выступает Китай – 2487 млрд долл. с долей в 12,8% в мировом экспорте, это бесспорный лидер начиная с 2008 г. Затем идут США – 1664 млрд долл. (8,5%), на третьем месте ФРГ – 1561 млрд долл. (8%). В рейтинге импортёров первое место, как и в прежние годы, принадлежало США – 2614 млрд долл. с долей в мировом импорте 13,2%, на втором месте Китай – 2136 млрд долл. (10,8%), на третьем ФРГ – 1286 млрд долл. (6,5%).

По данным за 2018 г., США сохраняют за собой позицию крупнейшего экспортёра услуг – 808 млрд долл., или 13,9% мирового экспорта; на втором месте Великобритания – 381 млрд долл. (6,6%), на третьем ФРГ – 337 млрд долл. (5,8%). В рейтинге импорта услуг первую строчку занимали опять же США – 536 млрд долл. (9,7%), вторую Китай – 521 млрд долл. (9,4%), третью ФРГ – 364 млрд долл. (6,6%)⁷.

Как показывают приведённые выше показатели, несмотря на значительные расхождения в стоимостных объёмах торговли, рейтинги крупнейших мировых экспортёров и импортёров совпадают. Это обстоятельство не только свидетельствует о взаимозависимости стран, но и подтверждает значимость международной торговли для глобальной экономики.

К числу заметных географических и структурных сдвигов международной торговли в XXI в. следует отнести снижение доли развитых стран: в 2018 г. 51,2% по экспортным операциям и 55,1% по импортным против соответственно 53,5% и 57,9% в 2010 г.⁸. Также снижается и без того незначительная доля стран СНГ и ЕАЭС: по сравнению с 2010 г. к 2018 г. доля в мировом экспорте и импорте снизилась соответственно с 3,8% и 2,7% до 3,2% и 2,2%. В последнее десятилетие динамично развивались торговые связи стран Азии и Ближнего Востока. Одна-

⁶ Подсчитано по: Monthly Bulletin of Statistics. New York: United Nations. Table 34, 2016, № 5; 2020, №2.

⁷ Данные ВТО, см. <https://www.timeseries.wto.org>. Дата обращения 31.03.2020.

⁸ Подсчитано по: Monthly Bulletin of Statistics. February 2020, Table 34. URL: <https://www.timeseries.wto.org/> (дата обращения 1.04.2020).

ко в региональном аспекте основными экспортёрами и импортёрами товаров в настоящее время выступают европейские государства: в 2018 г. 34,9% мирового экспорта и 33% мирового импорта⁹.

На страны Европы приходится и около половины мировой торговли услугами. Заметно расширяется участие в международной торговле услугами стран Азии. При этом для основных участников этих торговых операций, государств Европы и Америки, характерно превышение объёма экспорта услуг над импортом, аустран Азии, Африки и Океании баланс отрицательный, поскольку они испытывают потребность в получении услуг, но не располагают потенциалом для экспорта. Тем не менее, в торговле услугами позиции развивающихся государств и стран с переходной экономикой за последние 20 лет заметно улучшились: в настоящее время на них приходится более 40% импорта и свыше 30% мирового экспорта услуг.

Наиболее заметный вклад в общую положительную динамику международной торговли услугами в XXI в. внесли страны, где основную долю экспортных доходов от этих операций составляли транспортные и туристические услуги. Например, у крупнейшего мирового экспортёра и импортёра услуг – США – по итогам 2018 г. путешествия занимали первую строчку в структуре как экспортных, так и импортных операций (215 млрд долл. в экспорте и более 145 млрд в импорте), на транспортные услуги приходилось соответственно 92,3 млрд и 108,3 млрд долл.

Туризм был до последнего времени не только одним из наиболее популярных видов услуг, но и самым открытым сектором международной торговли услугами (открыт 140 странами), далее следуют финансовые услуги (120 стран), деловые услуги (115 стран), телекоммуникационный (110 стран) и строительный (90 стран) сектора (Шуйский 2017: 46).

Структура международной торговли услугами разнообразна и подвижна. Она включает несколько десятков видов деятельности и постоянно пополняется новыми видами технически сложных услуг. В структуре международной торговли растёт доля «специализированных» услуг, прежде всего высокотехнологичных, при сокращении долевого участия некоторых традиционных для внешнеэкономической деятельности услуг (например, транспортных). К числу наиболее динамично развивающихся услуг относятся телекоммуникационные, компьютерные и информационные, доля которых уже превышает 10%. На финансовые услуги приходится около 10% мирового экспорта услуг. Общая тенденция последних лет заключается в увеличении объёмов мировой торговли услугами с высокой добавленной стоимостью.

Существенные изменения в товарной структуре международной торговли обусловлены главным образом развитием научно-технического прогресса и появлением новых технологий. Жизненно важный сырьевой сектор мировой тор-

⁹ Подсчитано по: Monthly Bulletin of Statistics. February 2020, Table 34.

говли, где особенно ощутима конкурентная борьба, постепенно сдаёт позиции, уступая, прежде всего, обрабатывающей промышленности, продукция которой в мировом экспорте товаров составляла в последнее десятилетие в среднем около 70%. На самый крупный товарный раздел Стандартной международной торговой классификации ООН «машины, оборудование и транспортные средства» в 2018 г. приходилось 35,4% общего объёма мирового экспорта товаров (в 2010 г. 33,8%), в то время как на продукцию сырьевых отраслей все последние годы – менее 20%.

Подводя итог, подчеркнём: несмотря на волнообразную динамику международной торговли и замедление темпов её роста в XXI в. по сравнению со второй половиной XX в., достижения научно-технического прогресса последних десятилетий повышают мировой спрос на новые виды товаров, технологий и услуги ускоряют развитие международной торговли.

Участие России в международной торговле

На фоне приведённых выше показателей стран-лидеров российское участие в мирохозяйственных связях выглядит скромно. По данным Банка России, составленным по методологии платёжного баланса, в 2018 г. внешнеторговый оборот РФ достиг 691,8 млрд долл.¹⁰ (по данным ФТС на основе методологии таможенной статистики 688,1 млрд¹¹), увеличившись по сравнению с 2017 г. на 17 %, в том числе экспорт 443,1 млрд (рост на 25,5%), импорт 248,7 млрд долл. (рост на 4,3%), что составляет всего около 2,4% мирового экспорта и 1,3% мирового импорта товаров¹².

Общее замедление темпов роста по внешнеторговым операциям в 2012–2013 гг., а затем их снижение в 2014 г. и резкое сокращение в 2015 г. происходило в торговле как со странами дальнего зарубежья, на которые в последнее десятилетие приходилось около 88% внешнеторгового оборота РФ (в 2018 г. 88,3%), так и со странами СНГ (11,7% в 2018 г.).

Негативные тенденции 2015–2016 гг., связанные со снижением цен на природные ресурсы, девальвацией рубля, санкционным режимом и ухудшением отношений с западными странами и Украиной, проявились в снижении объёма торговых связей России с партнёрами из первой десятки её контрагентов. Доля наших основных торгово-экономических партнёров – стран Евросоюза – снизилась в 2018 г. до 42,8% (294410 млн долл.). На этом фоне постепенно увеличивается доля во внешнеторговом обороте РФ стран АТЭС (главным образом, государств Юго-Восточной Азии): если в 2012 г. на них приходилось менее четверти российских экспортных поставок, то в 2017 г. – уже 30,4%, а в 2018 г. – 31%.

¹⁰ Торговля в России. 2019. Статистический сборник ФСГС (РОССТАТ). 2019. С. 144.

¹¹ russian-trade.com/reports-and-reviews/2019-02/vneshnyaya-torgovlya-rossii-v-2018-godu/

¹² Подсчитано по: Monthly Bulletin of Statistics. September 2019: Table 34.

Показатели товарной торговли России с десятком крупнейших торговых партнёров, достигнутые по итогам 2018 г., представлены в табл. 3. На указанные страны приходилось 57,4% внешнеторгового оборота РФ.

Табл. 3. Распределение экспорта и импорта РФ по основным странам-партнёрам (в фактически действовавших ценах; в % к итогу)

Table 3. Distribution of exports and imports of the Russian Federation among the main partner countries (in actual prices; in % of the total)

Страны	Место по объёму во в/т обороте	Экспорт					Импорт				
		2010	2015	2016	2017	2018	2010	2015	2016	2017	2018
Всего в т.ч.		100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Китай	1	5,1	8,3	9,8	10,9	12,5	17,0	19,1	20,8	21,1	21,9
Германия	2	6,3	7,4	7,4	7,2	7,6	11,7	11,2	10,7	10,6	10,7
Нидерланды	3	13,6	11,9	10,2	10,0	9,7	1,9	1,7	1,7	1,7	1,5
Беларусь	4	4,6	4,5	5,0	5,2	4,9	4,3	4,9	5,4	5,3	5,2
Италия	5	6,9	6,5	4,2	3,9	3,6	4,4	4,5	4,3	4,4	4,4
Турция	6	5,1	5,6	4,7	5,2	4,7	2,1	2,2	1,2	1,5	1,8
США	7	3,1	2,7	3,2	2,8	2,8	4,9	6,3	5,9	5,5	5,3
Республика Корея	8	2,6	3,9	3,5	3,4	4,0	3,2	2,5	2,8	3,0	2,9
Польша	9	3,8	2,8	3,2	3,3	3,7	2,5	2,2	2,2	2,2	2,2
Япония	10	3,2	4,2	3,3	2,9	2,8	4,5	3,7	3,7	3,4	3,7

Источник: составлено по: Торговля в России. 2019. Статистический сборник ФГС (РОССТАТ) 2019. С. 147.

В длительной динамике сальдо торгового баланса РФ оставалось положительным и даже имело тенденцию к росту. Заметные отличия этого показателя по странам объясняются различиями товарной структуры экспорта и импорта в торговле с этими государствами. Например, в тройке крупнейших внешнеторговых партнёров – Китая, ФРГ и Нидерландов, на которые в 2018 г. приходилось соответственно 15,7%, 8,7% и 6,9% внешнеторгового оборота России – положительное сальдо в торговле с Нидерландами составляло 39747 млрд долл. США, обеспечив этой стране второе место в экспортных операциях РФ, но лишь 15-ое – в импортных; с Китаем – 3794 млрд долл. (первое место как в экспортных, так и в импортных операциях), а с Германией – 8671 млрд (3-е место в экспорте и 2-ое в импорте РФ).

Анализируя товарную структуру внешней торговли Российской Федерации, необходимо в первую очередь отметить общую тенденцию к снижению стоимостных показателей традиционных экспортных товаров (сырьё и некоторые виды продукции обрабатывающей промышленности), которая проявлялась вплоть до 2017 г. на фоне роста физических объёмов поставок. Причём если в структуре импорта товаров преобладает продукция обрабатывающей промышленности (более 70%), то в российском экспорте свыше 80% по-прежнему составляют сырьё, в т.ч. 64,9% (291804 млн долл. в 2018 г.) минеральная про-

дукция¹³. В товарной структуре экспорта в тройку стран-лидеров – Китай, Германию и Нидерланды – преобладают углеводороды. Так, в последние годы на экспорт углеводородов в Нидерланды приходилось более 80% российских поставок, причём в основном это была сырая нефть, которая затем перерабатывалась в нефтепродукты и поставлялась в другие страны. Из Нидерландов, как и из Германии (где минеральные продукты составляют почти половину российского товарного экспорта) к нам поступают преимущественно машины и оборудование, транспортные средства, продукция химической промышленности. В торговле с основным торговым партнёром, Китаем, на поставки нефти и угля приходится почти 70% экспорта. В Поднебесной мы закупаем автомобили, оборудование, бытовую технику, а за последние два года нарастили импорт продовольствия (овощей и фруктов).

Минеральные продукты преобладают также в структуре поставок в большинство стран СНГ. В частности, в торговле с Белоруссией, главным торговым партнёром из этой группы государств, их доля составляет более 40%; преимущественно это сырая нефть, по экспорту которой Россия занимает первое место в мире.

На машины, оборудование и транспортные средства приходится основной удельный вес товарного импорта Российской Федерации – 47,3% в 2018 г., в то время как экспорт этой группы товаров составил лишь 6,5%: по международным стандартам товарная структура внешней торговли страны считается неблагоприятной и неконкурентоспособной, если доля машин, оборудования и другой техники не превышает 10% экспортных поставок.

Некоторое улучшение позиций России в мировом товарообороте в 2017–2018 гг. объясняется как подорожанием углеводородов, что позволило даже сократить поставки в физическом выражении, так и позитивными изменениями в ряде отраслей российской экономики. Например, господдержка агрохолдингов привела к увеличению и производства, и экспорта многих видов сельхозпродукции. В последние годы Российская Федерация занимает первое место в мире по экспорту пшеницы, на которую приходится около 40% суммарного объёма экспортных поставок продовольствия и сельскохозяйственного сырья.

Итоги внешней торговли России за 2018 г. можно считать самыми благоприятными за последние пять лет: продолжался рост несырьевого экспорта, в т.ч. несырьевого неэнергетического экспорта, машинно-технической продукции (годовой прирост соответственно на 19,5%, 3,8% и 2,7%). По географической структуре максимальный прирост оборота был отмечен в торговле со странами БРИКС (на 22,4%) и ШОС (на 20,8%).

Торговля услугами показывала высокие темпы роста до 2014 г. В дальнейшем наблюдалось снижение показателей, особенно в 2015 г.: на 21,2% по экс-

¹³ Торговля России 2019, Федеральная служба государственной статистики, 2019, табл. 6.10.

портными операциями и на 27% по импортным по сравнению с предшествующим годом. Положительная динамика в торговле услугами началась со второй половины 2016 г. и продолжилась в 2017–2018 гг. Объём экспорта услуг достиг в 2018 г. 64,6 млрд долл., увеличившись по сравнению с 2017 г. на 12,2%, и это лучший показатель последних пяти лет, хотя он составляет лишь 92% от 2013 г. Темп прироста импорта услуг был значительно ниже (6,5%), что привело к уменьшению отрицательного сальдо в торговле услугами. Однако на мировых рынках услуг наша страна по-прежнему выступает в роли нетто-импортёра, что отражает табл.4.

Табл. 4. Внешняя торговля РФ услугами (млрд долл.)

Table 4. Foreign trade of the Russian Federation in services (billion dollars)

	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Экспорт	28,8	49,2	58,0	62,3	70,1	65,7	51,8	50,6	57,6	64,6
Импорт	40,5	75,3	91,5	108,9	128,4	121,0	88,4	74,4	88,8	94,6
Сальдо	-11,7	-26,1	-33,5	-46,6	-58,3	-55,3	-36,6	-23,8	-31,2	-30,0

Источники: составлено по «Россия в цифрах». 2016. С. 499; «Торговля в России». 2017. С. 210–212; 2019, С. 204–206.

Отрицательный баланс в торговле услугами объясняется, главным образом, недостаточной развитостью инфраструктур, которые могли бы предоставлять услуги иностранным потребителям. Во многом эта же причина обуславливает и низкую долю торговли услугами в общем объёме внешнеэкономических связей РФ – 18,8% по сравнению со среднемировыми 24% в 2018 г.

Динамика торговли услугами за последние пять лет схожа с динамикой внешнеторгового оборота, особенно в части импорта. После значительного кризисного снижения в 2014–2016 гг. в торговле как товарами, так и услугами, начался подъём, который продолжился до 2019 г.

Доходную часть в торговле услугами по-прежнему формируют в первую очередь услуги транспорта (свыше 30% экспорта) и связи. Растёт спрос на технически сложные виды услуг из стран дальнего зарубежья, главным образом, из ЕС, который остаётся крупнейшим партнёром РФ – 45,7% импортных и 36,6% экспортных операций в 2018 г. Доля стран АТЭС в торговле услугами выросла к 2018 г. до 15%, вдвое ниже доли во внешнеторговом обороте России. Это связано, главным образом, с низким оборотом с Китаем – всего лишь 3,7% суммарного объёма торговли России услугами в 2018 г. Продолжает снижаться долевое участие стран СНГ, что обусловлено, прежде всего, сокращением экономических связей с Украиной. Напротив, оборот услуг РФ со странами ЕАЭС растёт; здесь основными торговыми партнёрами России по-прежнему выступают Белоруссия и Казахстан.

По итогам двух последних лет динамика российского экспорта услуг была положительной, в т.ч. в пяти крупнейших отраслях Классификатора

услуг¹⁴ (транспортные, строительные, телекоммуникационные услуги, прочие деловые услуги и поездки). Динамика импорта услуг также была положительной, что отражено в табл. 4, в основном, за счёт двух статей – «поездки» и «строительство», рост на 10%; снижение показателей зарегистрировано по статьям «финансовые услуги» и «государственные товары и услуги».

Российская Федерация продолжает входить в число тридцати ведущих стран-участниц международной торговли услугами, однако её доля на мировом рынке услуг меньше, чем в торговле товарами, и составляет 1,1% по экспортным операциям и около 1,7% по импортным. Следует отметить, что структура экспорта услуг не сбалансирована: основная статья экспорта, на которую в 2018 г. приходилось 34,3% общего объёма (22144 млн долл.) – транспортные услуги – исчерпала потенциал восстановительного роста, а по наиболее перспективным технологичным статьям российского экспорта, таким как телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги, показатели значительно отстают от развитых стран – например, в ЕС доля этих услуг составляет 14%, а в РФ – 8,1%.

Для сегодняшней России чрезвычайно актуальна задача нарастить производственный потенциал, который позволил бы поставлять за рубеж технически сложные, интеллектуальные и наукоёмкие технологии (к сожалению, тут имеются и геополитические ограничения), а также создать материально-техническую базу и благоприятный инвестиционный климат для импорта передовых научно-технических достижений и внедрения их в российскую экономику. На это в последнее десятилетие были направлены основные усилия правительства РФ.

Принято считать, что участие в мирохозяйственных связях позволяет странам решать важные народнохозяйственные задачи, в т.ч. ослабить кризисные явления в экономике. Однако статистика свидетельствует, что сегодняшний уровень участия России в международной торговле не соответствует задачам и потребностям экономического развития РФ.

В 2019 г. противостояние США и Китая отрицательно отразилось как на конъюнктуре мировой экономики в целом, так и на динамике внешней торговли многих стран, включая РФ. Не только в настоящее время, но и в краткосрочной перспективе предпосылок для опережения развития международной торговли общемирового экономического роста (как это было в прошлом веке) не наблюдается. Ожидается, что темпы роста мировой торговли будут оставаться ниже динамики ВВП до середины текущего десятилетия¹⁵. Однако понимание значи-

¹⁴ Расширенная классификация услуг, отражаемых в платёжном балансе (РКУПБ) 2010 г. включает 12 видов услуг: производственные услуги; услуги по техническому обслуживанию и ремонту; транспортные услуги; поездки; строительные услуги; услуги страхования и пенсионного обеспечения; финансовые услуги; сборы за использование интеллектуальной собственности; телекоммуникационные; компьютерные и информационные услуги; прочие деловые услуги; услуги частным лицам; услуги в сфере культуры и отдыха; государственные товары и услуги, не отнесённые к другим категориям.

¹⁵ Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. Декабрь 2019, выпуск №56, С. 2.

мости внешнеэкономической деятельности в решении народнохозяйственных задач побуждает Россию и многие другие страны стремиться к улучшению своих позиций в международной торговле.

Методология статистики международной торговли и проблемы сопоставимости данных

Приведённые выше данные о развитии мировой торговли товарами и услугами демонстрируют не только существенные изменения в динамике и структуре мирохозяйственных связей, но и новые тенденции в организации статистического учёта таких показателей, а также в методологии оценок и анализа данных. Обращаясь к разным источникам статистической информации о развитии международной торговли, пользователи неизбежно сталкиваются с (зачастую значительными) расхождениями данных за одни и те же периоды. Ещё больше проблем возникает с анализом данных по двусторонним связям, полученным из разных статистических источников. В обоих случаях корень проблемы – различия методологических принципов и критериев учёта внешнеторговых операций, в результате чего международные организации зачастую получают от стран неоднородные по составу и несопоставимые данные, пересчитать которые на сопоставимую основу не всегда возможно. Для решения проблемы несопоставимости информации о взаимных торгово-экономических операциях международные организации рекомендуют странам-контрагентам проводить дву- и многосторонние исследования по согласованию показателей статистики и обмениваться данными.

При работе со статистическими материалами прежде всего следует обратить внимание на источник данных: получены ли они напрямую, на основе таможенных и налоговых деклараций, или это обобщённые показатели по методологии национального счетоводства.

Сравнительный анализ экспорта, реэкспорта и импорта отдельных стран затрудняет применение разных систем регистрации внешнеторговых операций – «общей» или «специальной» (General Trade Systems или Special Trade Systems). При использовании «общей системы» регистрируются все коммерческие операции по ввозу и вывозу товаров, включая полный объём операций по реэкспорту. В традиционной «специальной системе» ведётся учёт «национального» экспорта (товары, произведённые, добытые, выращенные или переработанные в данной стране) и импорта (товары, предназначенные для использования на территории страны). Национальная практика организации статистического учёта разнообразна, причём частично реэкспортные операции отражаются и в «специальной системе» (Григорук 2014).

С организационно-технической точки зрения различия между системами учёта обусловлены разными подходами к определению «статистической территории» (то есть территории, к которой относятся публикуемые данные), часто

не совпадающей с официальными географическими границами, что зачастую оборачивается разной практикой статистической регистрации товаров, поступающих в «свободные таможенные зоны» стран и выпускаемых оттуда либо на внутренний рынок, либо на внешний (для реэкспорта).

Отсутствие в материалах «специальной системы» полных данных о посреднической торговле, объём которой возрастает, снижает возможности анализа международной торговли.

Описанные выше статистические системы выполняют разные аналитические задачи. Статистический учёт по обеим системам производится лишь в странах с очень высоким уровнем организации статистических работ, например, в ФРГ, поэтому планы повсеместного внедрения «общей системы», рекомендованной международными организациями, реализуются в странах медленно и неохотно.

В таблицах статистических справочников, выпущенных международными организациями в 2018–2019 гг., показатели внешней торговли почти половины стран представлены в соответствии с методикой «специальной системы». Методика, по которой подсчитаны данные, в таблицах по каждой стране обозначена первой буквой названия системы: G (General) или S (Special). Пересчитать показатели из одной системы в другую может только узкий круг специалистов, обладающих необходимой информацией по первичному учёту внешнеторговых операций. Рейтинги участия стран в международной торговле, составленные без учёта принадлежности к разным статистическим системам, не вполне корректны. Например, в ежемесячном статистическом бюллетене ООН, по данным которого мы определяли долевое участие государств в мировой торговле, из трёх нынешних лидеров показатели по Китаю и США даны в «общей системе», а по ФРГ – в «специальной».

Есть и другие статистические причины, в силу которых наши суждения о развитии международной торговли могут быть неточными, а иногда даже неверными. Притом речь идёт не о превратностях или ошибках статистики (хотя исключать их нельзя), а об особенностях организации экспортных и импортных операций, определяющих специфику их статистического учёта. Именно этим обстоятельством обусловлено, например, существование в современной международной статистической практике нескольких методов учёта государств-контрагентов, от применения которых зависят результаты анализа географической структуры мировой торговли. К тому же товары могут быть несколько раз перепроданы, что осложняет учёт как по экспортным, так и по импортным операциям.

Вопрос о методологических критериях своей статистической практики по регистрации стран-контрагентов каждая страна решает самостоятельно, но ориентируясь на рекомендации международных организаций.

Обобщая сложившуюся мировую практику, выделим три главных метода статистического учёта стран-внешнеторговых партнёров по критери-

ям регистрации: 1) страна производства (происхождения) – страна потребления (назначения); 2) страна отгрузки (отправления) – страна поставки; 3) страна покупки – страна продажи. Применение разных критериев приводит к несопоставимости показателей о взаимной торговле. Главные сложности возникают с товарами, которые отправляют для доработки или переработки за рубеж.

Статистическая комиссия ООН рекомендует использовать как наиболее предпочтительный первый из перечисленных методов, что не всегда возможно, поскольку глобальные производственные цепочки становятся всё сложнее. Даже если предположить, что рекомендации ООН последуют все страны, проблема сопоставимости данных не будет решена окончательно. Поясним условным примером. Предположим, что товар был произведён в стране А, продан и отгружен в страну В, а затем перепродан и отправлен в страну С. В этом случае статистика страны В регистрирует экспорт в государство С, тогда как страна С покажет импорт этого товара не из страны В, а из страны А в соответствии с признаком происхождения товара.

В статистической практике Евросоюза, на которую равняются многие страны, включая Россию, применяются две статистические системы учёта стран-контрагентов: 1) система Intrastat предназначена для статистической регистрации торговых партнёров в торговле стран ЕС друг с другом – Intra-EU 28 trade и 2) система Extrastat, регистрирующая внешнеторговые операции со всеми остальными странами – Extra-EU 28 trade. В первом случае регистрация импорта производится по стране отгрузки (отправления), а во втором – по стране происхождения товаров. Такая практика позволяет в объединённой статистике ЕС избежать двойного учёта импортных операций из стран, не входящих в Евросоюз, но с точки зрения сопоставимости данных проблем не становится меньше. Аналогичный порядок учёта внешней и взаимной торговли стран-контрагентов в настоящее время внедрён в Евразийском экономическом союзе.

К числу наиболее значимых статистических причин, затрудняющих объективный анализ международной торговли и взаимных торгово-экономических отношений стран, следует отнести несовпадение дат регистрации экспортных и импортных операций (экспорт по дате перемещения товаров через границу страны-экспортёра, подтверждённой грузовой таможенной декларацией, импорт – по дате регистрации на границе страны-импортёра) и запаздывание в предоставлении отчётности, что делает несопоставимыми показатели зеркальной статистики стран-партнёров за один и тот же период.

Зачастую расхождение данных вызвано несовпадениями официальных перечней товаров и услуг, регистрируемых в статистике разных стран; информация о принципах составления таких перечней содержится в методологических пояснениях к таблицам статистических справочников. Применение разных классификаторов (даже если они согласуются с международными классифика-

торами СМТК ООН и ГС¹⁶) и разных подходов к их кодированию затрудняет анализ товарной структуры внешней торговли. Наконец, несопоставимость данных национальной статистики разных стран может быть связана с разными порогами статистического наблюдения и разными подходами к учёту конфиденциальной информации о внешнеэкономических операциях.

К числу самых очевидных и в то же время объективных методологических проблем относится использование национальными статистическими службами разных базисов оценок и методов пересчёта валютных курсов по экспортным и импортным операциям. Принимая во внимание это обстоятельство, международные организации в сводной статистике всегда делают пометку, что экспортные операции оценены на базисе «фоб» (free on board), а импортные – «сиф» (cost, insurance and freight); именно так представлены данные в табл.1 настоящей статьи. Разница между базисными оценками составляет в среднем 6–7%, что обусловлено включением в стоимость импортных операций накладных расходов по перевозке и страхованию грузов от границы или порта страны-экспортёра до границы или порта страны-импортёра.

Применение данных методов обеспечивает получение оценок, наиболее близких к реальной выручке экспортёра (цена фоб) и затратам импортёра (цена сиф). Разность в подходах к формированию стоимостных показателей по экспортным и импортным операциям не только влечёт за собой расхождение данных экспортёров и импортёров о взаимной торговле (и это главная причина несоответствия показателей зеркальной статистики), но и объясняет появление в международной статистике показателя «сальдо мировой торговли», которого теоретически быть не должно. Как правило, баланс международного товарооборота отрицательный, т.е. сумма мирового импорта превышает сумму экспорта. За период со второй половины XX в. до настоящего времени сальдо было положительным только в 2013–2014 гг., по всей вероятности из-за того, что некоторые страны начали включать реэкспортные операции в объём экспорта.

Заметное влияние на национальную статистику внешней торговли оказывает курс пересчёта национальной валюты в американские доллары, в которых публикуются данные по международной торговле. Например, в России курс пересчитывается на дату регистрации товара на таможне, а большинство европейских стран используют средневзвешенный курс за отчётный период. Это ещё одна причина расхождения показателей взаимной торговли.

При работе со статистикой торговли услугами к проблеме несопоставимости национальных и международных данных добавляются трудности, связанные с недостаточной разработанностью методологии и неполнотой информации по многим странам. Это понятно: статистика торговли услугами стала развиваться значительно позже, чем статистика торговли товарами, к тому же

¹⁶ SITC - Стандартная международная торговая классификация ООН, HS - Гармонизированная система описания и кодирования товаров. Оба классификатора в настоящее время применяются в редакции от 2012 г.

учёт операций по услугам сложнее, чем по товарам. В числе прочего, оценка основных параметров торговли услугами (количество и стоимость операций) осложняется проблемой идентификации по позициям классификаторов.

В настоящее время мировая статистика внешнеэкономических услуг публикует данные преимущественно по торговле услугами между резидентами и нерезидентами, распределяя их по 12 видам услуг, приведённым выше. Однако это лишь часть международной торговли услугами. В современной практике международной торговли всё больше услуг реализуется через зарубежные филиалы компаний, поскольку прямые контакты между поставщиками и получателями – это самая эффективная форма торговли услугами. По оценкам международных организаций, общая стоимость таких услуг сравнялась со стоимостью торговли услугами между резидентами и нерезидентами, а в некоторых развитых странах даже превышает этот показатель¹⁷. В таких зарубежных «дочках» и возникает большинство проблем, связанных с различиями между странами в статистическом охвате торгуемых услуг, в их количественной и стоимостной оценке, в использовании классификаторов, и с проблемой двойного учёта некоторых видов услуг (Григорук 2015).

В настоящее время в платёжных балансах стран по-прежнему отражается только торговля услугами между резидентами и нерезидентами; учёт остальных операций производится отдельно, по методологии статистики государств, где создаются филиалы компаний, которые занимаются предоставлением услуг.

В отличие от торговли товарами, которая подлежит регистрации как в торговых, так и в платёжных балансах, торговлю услугами отражают только в платёжных балансах стран. На практике многие страны включают отдельные виды услуг в общие показатели внешнеторгового оборота, то есть в торговые балансы по специальным формам отчётности (напомним, что торговля товарами регистрируется на основе таможенной декларации). Кроме того, в общем объёме внешнеторговых операций принято учитывать товарные поставки, непосредственно связанные с предоставлением услуг (например, продажа-покупка стройматериалов для строительства объектов за рубежом); в результате некоторые операции подвергаются двойному учёту: и в статистике торговли товарами, и в статистике торговли услугами. Тем не менее, реальные показатели международной торговли услугами гораздо выше указанных в статистических публикациях, поскольку значительная часть операций не попадает в официальные отчёты.

Вышеназванные и некоторые другие факторы организационного и методологического характера нарушают объективность статистической информации о развитии международной торговли. Поэтому при анализе мировых трендов

¹⁷ OESD. Measuring Globalization: Activities of Multinationals. Vol. II, services. Paris, 2008; United States Bureau of Economic Analyses. U.S. international services: cross-border trade in 2008 and services supplied through affiliates. Survey of Current Business (Washington D.C.) vol. 89. №10 (October 2009).

следует опираться не только на опубликованные данные, но и на знание методологии, на основании которой они сформированы.

Влияние международной стандартизации на развитие национальных систем статистического учёта внешнеэкономической деятельности

Принимая во внимание многообразие и глубину проблем, связанных с практикой статистического учёта внешнеэкономических операций, международные организации традиционно уделяют им особое внимание. Уже на первом статистическом конгрессе в Брюсселе в 1853 г. была поставлена задача международной стандартизации национальной статистической информации. В дальнейшем этими вопросами занялись Международный статистический институт и статистический аппарат Лиги Наций. На международной конференции по экономической статистике, состоявшейся под эгидой Лиги Наций в 1928 г. в Женеве, были утверждены основные методологические концепции, которые легли в основу внешнеторговой статистики многих стран мира. Благодаря этому в статистическом справочнике Лиги Наций, изданном накануне Второй мировой войны, на относительно сопоставимой основе были представлены показатели внешней торговли 140 стран.

После Второй мировой войны разработкой методологии внешнеторговой статистики и статистики международной торговли занялась Статистическая Комиссия (СК) Экономического и Социального Совета ООН (ЭКОСОС) – *United Nations Statistical Commission (UNStatcom)*, учреждённая по решению первой сессии ЭКОСОС 16.02.1946 г. как главный орган в системе ООН по подготовке международных рекомендаций, касающихся развития статистики. За организацию сбора, обработки и распространения данных, стандартизацию методов, классификаций, концепций и определений, а также за подготовку и публикации материалов, в том числе по статистике международной торговли, за реализацию программ сотрудничества статистических органов стран, проведение международных мероприятий и выполнение других задач, стоящих перед глобальной статистической системой, отвечает Постоянный исполнительный рабочий орган СК – отдел статистики, *United Nations Statistical Division (UNSD)*.

Помимо статистической информации о внешней торговле отдельных государств, групп стран и мира в целом, которые публикуются в статистических сборниках – ежемесячных и годовых изданиях ООН, на интернет-сайте отдела статистики ООН размещены более 20 баз данных, наиболее известные и востребованные из которых – *UNCBDB* (общая база данных) и *COMTRADE* (база данных по торговле).

Важнейшим достижением статистического аппарата ООН в деле совершенствования статистики внешнеэкономических связей стран и создания единой унифицированной основы для публикации и анализа данных по между-

народной торговле стала подготовка базового методологического документа «Статистика международной торговли товарами. Концепции и определения», проект которого был опубликован ещё в 1970 г. В настоящее время этот документ применяется в третьей редакции 2010 г. с поправками и пояснениями от 2015 г.¹⁸ Годы практического применения этого стандарта позволяют утверждать, что его внедрение в национальные практики позволило упорядочить систему сбора, обработки, систематизации и публикации материалов внешнеэкономической статистики на сопоставимой основе и в целом улучшить качество статистических данных, особенно в развивающихся странах.

Работа по международной стандартизации статистики торговли услугами началась значительно позже. С этой целью Статистическая комиссия ООН создала рабочую группу из представителей ОЭСР, Евростата, МВФ, ЮНКТАД, ВТО и отдела статистики ООН. Группа подготовила свод основных методологических концепций; в 2002 г. было издано Руководство по статистике международной торговли услугами (РСМТУ), а в 2010 г. опубликован пересмотренный вариант Руководства¹⁹, который в настоящее время служит базовым документом по организации и методологии статистики внешнеэкономических услуг на национальном и международном уровнях.

По сравнению с РСМТУ 2002, РСМТУ 2010 расширил понятие «международная торговля услугами» включением услуг, предоставляемых зарубежными филиалами компаний. Статистический учёт услуг данного вида должен осуществляться по методологии статистики этих зарубежных компаний, тогда как учёт операций между резидентами и нерезидентами – по методологии платёжного баланса (на основе РПБ-6).

Оба международных стандарта 2010 г. – СМТТ и РСМТУ – были составлены на основе главных для статистики международных документов: Системы национальных счетов (СНС-2008) и Руководства по платёжному балансу и инвестиционной позиции (РПБ-6, 2008). Упомянутые стандарты содержат подробные описания методологических критериев статистического учёта, определений и правил ведения статистики международной торговли товарами и услугами.

Основные принципы и концепции этих международных стандартов положены в основу современной методологии статистики ВЭС в странах, а также в экономических и таможенных союзах государств, в том числе в ЕС и ЕАЭС. Участие Статистического комитета СНГ в работе международных организаций и его сотрудничество с Евростатом, ОЭСР, Всемирным банком и МВФ способствовало поэтапному переходу стран СНГ на международные стандарты статистики и получению ими помощи как от международных организаций, так и от статистических служб развитых стран.

¹⁸ International merchandise trade statistics: concepts and definitions 2010 (IMTS 2010).

¹⁹ Manual on statistics of international trade in services 2010 (MSITS 2010).

Принятые в 2018 г. методологические документы по статистике внешней торговли и взаимной торговли государств-членов Евразийского экономического союза²⁰ отвечают стандарту СМТТ-2010, создавая прочную основу для решения проблем несопоставимости данных. Документы ориентируют страны на проведение регулярной работы (на уровне экспертов) по сопоставлению статистических данных о взаимных торговых операциях для выявления причин существующих расхождений и их минимизации.

Действующие стандарты не решают всех проблем, но вносят большой вклад в создание более полной, качественной и единообразной статистики, соответствующей требованиям времени; одновременно это ключ к частичному решению проблемы сопоставимости данных о взаимных торгово-экономических операциях государств. Полностью сопоставимая статистика внешнеэкономической деятельности стран-партнёров невозможна по объективным обстоятельствам, о которых шла речь выше. Кроме того, сохраняются отличия в интерпретации некоторых основополагающих понятий, которые используются в главных международных методологических документах последних лет: СНС, РПБ, СМТТ и РСМТУ – в частности, в трактовке термина «международная торговля услугами», что отражается и на сложившейся мировой практике статистического учёта.

Во многом такие «несостыковки» объясняются тем, что в настоящее время разработка и публикация данных о международной торговле осуществляется в рамках трёх систем информации: статистики внешней торговли, статистики национальных счетов и статистики платёжного баланса. Усилиями международных организаций методологические концепции статистики национальных счетов и платёжного баланса за последние годы были существенно гармонизированы и в настоящее время по принципиальным вопросам практически идентичны. А в статистике внешней торговли по-прежнему используются концепции и определения, отличные от тех, что рекомендованы в СНС и платёжных балансах.

Так, в соответствии с СМТТ 2010 внешнеторговая статистика должна регистрировать все товары и ценности, ввоз и вывоз которых приводит к изменению запасов материальных ресурсов страны. В статистике платёжного баланса в соответствии с РПБ 6 под внешней торговлей понимаются все операции, предполагающие переход права собственности (от резидента к нерезиденту или наоборот), даже в тех случаях, когда товары не пересекают границы экономической территории страны статистического учёта. В статистике внешней торговли такого рода операции без перемещения товаров через государственные

²⁰ Методология ведения таможенной статистики внешней торговли товарами государств-членов Евразийского экономического союза; 2) Методология ведения статистики взаимной торговли товарами государств-членов Евразийского экономического союза. Утверждены Решением Евразийской экономической комиссии от 25 декабря 2018 г. №210.

границы не учитываются. Критерий перехода права собственности на товары внешнеторговая статистика использовать не может, поскольку таможенная и коммерческая документация, на основе которой осуществляется сбор и регистрация данных по экспортным и импортным операциям с товарами, информации о переходе права собственности не содержит.

Несовпадение показателей внешнеторговой деятельности в торговых и платёжных балансах стран часто связано с разными датами учёта в них подобных операций, ведь физическое перемещение товаров, отражаемое в таможенной декларации, может не совпадать с моментом регистрации смены собственника на эти товары. Например, по многим товарам, имеющим высокую стоимость (продукция тяжёлого машиностроения, корабли, самолёты) переход права собственности от продавца к покупателю осуществляется постепенно, по мере поэтапной или полной оплаты по факту поставки.

Различия в показателях экспортных и импортных операций в статистике внешней торговли и в платёжных балансах бывают также связаны с разным подходом к учёту в них отдельных категорий товаров – например, реимпортированных. Во внешнеторговой статистике (в торговых балансах) в соответствии с СМТТ 2010 возврат ранее экспортированных товаров должен включаться в статистику импорта (на момент возвращения этих товаров), а в платёжном балансе не только реимпортированные товары, но и первоначальную экспортную операцию полагается исключать из торговли товарами ввиду отсутствия смены собственника.

Корректировка стоимости импортных операций посредством пересчёта цен «сиф», в которых они отражаются в торговых балансах, в цены «фоб» по методологии платёжного баланса также представляет собой сложную задачу. Такая корректировка должна производиться по каждой торговой операции или на максимально возможном уровне детализации. В соответствии с СМТТ 2010 некоторые страны уже запрашивают в импортных декларациях на товары данные об их стоимости на обоих базисах, «сиф» и «фоб». Но поскольку стоимостные показатели, связанные с перевозкой и страхованием внешнеторговых грузов, сильно зависят от многих факторов (вид товаров, способ транспортировки, размер партий, расстояние между странами и проч.), коэффициенты пересчёта (как правило, в виде процентных долей от торговой стоимости товаров) существенно разнятся по странам, видам продуктов и по способам их доставки. Такие коэффициенты периодически пересматриваются и обновляются.

Несмотря на международную регламентацию правил по статистическому учёту внешнеэкономической деятельности стран, в статистике разграничение торговли товарами и услугами не всегда очевидно. Более того, в международной практике имеет место учёт одних и тех же операций как в торговле товарами, так и услугами (см. выше). В связи с этим с методологической точки зрения неправильно складывать публикуемые показатели по торговле товарами и услугами для получения итоговых результатов по внешнеэкономическим операциям

стран. Объективная информация может быть получена только после перерасчётов, которые способны выполнить национальные статистические и другие компетентные службы, руководствуясь специальными методиками. Отсутствие возможностей использовать такие инструменты вынуждает пользователей проводить оценки на основе официальных данных со всеми их недостатками. Поэтому расчёты, представленные нами в первой части данной статьи (например, по доле услуг в структуре международной торговли и некоторые другие), как и в других исследованиях по этой тематике, не могут претендовать на абсолютную точность.

Таким образом, расхождение показателей официальной статистики внешней торговли и платёжного баланса вызвано принципиально разными подходами к учёту внешнеэкономических операций. Интеграция этих показателей должна происходить, как нам представляется, посредством корректировки показателей внешнеторговой статистики в соответствии с концепциями и определениями, используемыми при составлении платёжного баланса и СНС.

Несмотря на множество не решённых методологических вопросов, а также проблем, связанных с внедрением международных стандартов в национальные статистические практики, благодаря усилиям международных организаций, направленных на применение странами единообразных подходов, принципов, концепций, правил и методик, статистика становится более понятной и сопоставимой. По нашему мнению, в ближайшие годы мировому статистическому сообществу предстоит заняться формированием единого блока информации о внешнеэкономических связях государств и международной торговле в целом. В настоящее время эту информацию получают из разных источников на основе не всегда совпадающих методологических критериев учёта: из материалов таможенной статистики внешней торговли (по торговле товарами), платёжного баланса, статистики прямых иностранных инвестиций и зарубежных филиалов компаний, статистики туризма и др. Для решения этой глобальной задачи необходимо принять новые международные стандарты, усовершенствованные с учётом назревших проблем, и обеспечить их полномасштабное внедрение в практику всех стран, участвующих в мирохозяйственных связях. Иного пути для достижения поставленной цели нет. Только при таком подходе будет постепенно преодолена большая часть существующих трудностей с получением полных, объективных и сопоставимых данных по всем видам внешнеэкономической деятельности.

Публикация полной и достоверной статистической информации о внешнеэкономической деятельности в соответствии с международными стандартами остаётся актуальной задачей для Российской Федерации. Отечественная статистика в принципе перешла на международные стандарты, но сохраняется немало нерешённых проблем, прежде всего по учёту торговли услугами. Полный переход статистики на международные стандарты – это не только одно из условий эффективного участия страны в международной торговле, но

и важный фактор доверия к государству со стороны торгово-экономических партнёров.

Международный опыт свидетельствует о том, что разработка и постоянная актуализация международных стандартов, на основе которых развивается статистика большей части стран мира, представляет собой главный положительный результат международного сотрудничества в этой области и имеет большую практическую значимость для всей системы экономической информации.

Резюмируя вышеизложенное, сформулируем три главных вывода проведённого исследования:

1. Последовательный и полный перевод методологии статистики внешнеэкономических связей всех стран на международные стандарты – это единственно возможный путь для получения объективной и понятной пользователям статистической информации о развитии международной торговли.

2. Существующие международные стандарты статистики внешнеэкономической деятельности стран (СНС 2008, РПБ-6, СМТТ 2010, РСМТТ 2010) нуждаются в совершенствовании как по части сближения их основных постулатов, принципов и концепций, так и в направлении более полной и конкретной проработки методологических рекомендаций и критериев, по которым надлежит осуществлять статистический учёт и оценку каждой операции. В первую очередь это касается статистики торговли услугами, в которой до сих пор нет чёткого разграничения в оценке некоторых смежных видов работ и их включению в статьи действующих классификаторов, что приводит к расхождению учётно-статистической практики стран.

3. Даже при условии перехода статистических служб всех стран мира на единую методологию, рекомендованную в международных стандартах, проблема сопоставимости данных по внешнеэкономическим операциям не может быть полностью решена по ряду объективных причин, о которых шла речь в данной работе. Но есть и более трудноустраняемые субъективные причины, связанные с (часто преднамеренным) искажением данных, начиная с неправильного заполнения грузовых таможенных деклараций, ошибок в счетах-фактурах и других первичных документах и заканчивая получением необъективных общих итогов по торговым операциям. Борьба с такого рода ошибками и повышение общего уровня ответственности на всех этапах работы со статистической информацией – это необходимые условия для претворения в жизнь поставленных международными организациями задач по дальнейшему развитию статистики международной торговли в соответствии с требованиями времени.

Об авторах:

Наталья Евгеньевна Григорук – кандидат экономических наук, профессор кафедры учёта, статистики и аудита МГИМО МИД России, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: kafstat@list.ru

Сергей Алексеевич Галкин – кандидат экономических наук, доцент кафедры учёта, статистики и аудита МГИМО МИД России, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: kafstat@list.ru

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Received: February 20, 2020
Accepted: April 12, 2020

International Trade through the Prism of Statistics: Problems of Accounting, Evaluation and Analysis

N.E. Grigoruk, S.A. Galkin
DOI 10.24833/2071-8160-2020-4-73-232-257

Moscow State Institute of International Relations (University)

Abstract: In economic research, much attention is traditionally paid to the issues of trade and economic cooperation between states and the development of international trade. This kind of research is based on the materials of official statistics of countries and international organizations, which are not always published on a comparable basis, making it difficult, and sometimes impossible to do an objective analysis of processes taking place both in bilateral economic relations and in international trade in general. The article deals with this important problem of comparability of statistical sources.

Using a large amount of factual and statistical material, the authors trace the changes that have occurred in world trade relations of the 21st century, paying special attention to the post-crisis period, they reveal the main features of the geographical and commodity structure of trade, they present a comparative analysis of the rates of development of world exports and imports by groups of countries, assess Russia's participation in international trade, and also demonstrate the methodological content of the main statistical indicators that are used to characterize foreign economic relations.

For many decades, international cooperation in the field of statistics has focused on the problem of unifying information on the foreign economic activity of countries. Solving this problem, the UN Statistical Commission has drawn up methodological documents, which are usually called "international statistical standards". Based on the study of these documents, as well as materials of official statistics of countries and other primary sources, the authors characterize the process of international standardization of information on foreign economic relations of countries. The article presents a critical analysis of the key provisions of the latest methodological standards of statistics, considers the practice of their application in countries, including the Russian Federation, identifies the main achievements and problems in this area.

Keywords: statistics, international trade, foreign economic activity, methodology, analysis, international standards, goods, services, exports, imports, cooperation

About the authors:

Natalia A. Grigoruk – Candidate of Economic Science, Professor with the Department of accounting, statistics and audit, MGIMO University under the MFA of Russia.
E-mail: kafstat@list.ru

Sergey A. Galkin – Candidate of Economic Science, Associate Professor with the Department of accounting, statistics and audit, MGIMO University under the MFA of Russia.
E-mail: kafstat@list.ru

Conflict of interests: Authors declare the absence of conflict of interests.

References:

- Charles L., Daudin G. 2015. Eighteenth-century international trade statistics sources and methods. *Revue de l'OFCE*. №140(4). P. 7–36.
- Jia H., Wu Z. 2011. The interdiscipline of electronic commerce statistics and international trade statistics. 2nd International Conference on Artificial Intelligence. *Management Science and Electronic Commerce*. P. 7378–7381. DOI: 10.1109/AIMSEC.2011.6010933
- Leibovici F., Waugh M.E. 2019. International trade and intertemporal substitution. *Journal of International Economics*. Vol. 117. P. 158–174. DOI: 10.1016/j.jinteco.2018.11.007
- Makhoul B., Otterstrom S.M. 1998. Exploring the accuracy of international trade statistics. *Applied Economics*. 30(12). P. 1603–1616. DOI: 10.1080/000368498324689
- Pankova S.V., Tsylin A.P., Popov V.V. 2017. Methodological basis of statistical research on Russia's food security. *Journal of Environmental Management and Tourism*. 8 (1). P. 105–115. URL: <https://journals.aserspublishing.eu/jemt/article/view/1061>
- Reich U.-P. 2018. Accounting for international trade in value added: a comment on the OECD–WTO project. *Economic Systems Research*. 30(4). P. 462–477. DOI: 10.1080/09535314.2018.1434486
- Borisov A. U. 2019. Mezhdunarodnyy biznes i krizis globalizatsii [International business and the crisis of globalization]. *MGIMO Review of International Relations*. 3(66). P. 61–88. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-3-66-61-88. (in Russian).
- Grigoruk N. E. 2014. K voprosu o mezhdunarodnoj standartizatsii ucheto-statisticheskoy informatsii v sfere vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti [International standardization of statistical information in the field of foreign economic activity] *Voprosy statistiki*. 5. P. 31–40. DOI: 10.34023/2313-6383-2014-0-5-31-40. (in Russian).
- Grigoruk N. E. 2015. Mezhdunarodnaya praktika statisticheskogo ucheta uslug vo vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti [International practice of statistical accounting of services in foreign economic activity] *Voprosy statistiki*. 2. P. 79–88. DOI: 10.34023/2313-6383-2015-0-2-79-88. (in Russian).
- Knobel A. U., Firanchuk A. S. 2019. Vneshnyaya trgovlya Rossii v 2018 g.: rost nesyr'evogo neenergeticheskogo eksporta [Russia's foreign trade in 2018: growth of non-resource non-energy exports] *Ekonomicheskoe razvitie Rossii*. 4. P. 11–19 (in Russian)
- Mezhdunarodnye ekonomicheskie otnosheniya: plyuralizm mnenij v epohu peremen. 2017. [International economic relations: pluralism of opinions in an era of change]. Pod. red. Revenko L. S. M., MGIMO University, 609 p. (in Russian)
- Nazarov V. S., Lazaryan S. S., Nikonov I. V., Votinov A. I. 2019. Mezhdunarodnaya trgovlya: poisk prichin padeniya [International trade: search for causes of the slowdown]. *Voprosy ekonomiki*. 1. P. 79–91. (in Russian).

Oleinov A. G. 2018. Ekonomicheskoe budushchee globalizacii [The economic future of globalization] *MGIMO Review of International Relations*. 4(61). P. 92-106. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-4-61-92-106 (in Russian)

Pankov V. S. 2010. 2020 god – globalizaciya ili deglobalizaciya? [2020 -globalization or deglobalization?] *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 5. P. 163-176 (in Russian).

Revenko L.S. 2017. *Mezhdunarodnyye ekonomicheskiye otnosheniya: plyuralizm mneniy v epokhu peremen* [International Economic Relations: Pluralism of Opinions in an Age of Change]. Moscow: MGIMO-University. 609 s.

Romanov Yu. A. *Statistika vneshney trgovli* [Foreign trade statistics]. Moscow: IMO, 1974.

Spartak A. N. 2017. Perestrojka v rossijskom eksporte [Perestroika in Russian export] *Rossiiskij vneshneekonomicheskij vestnik*. 4. P. 3-13 (in Russian)

Shuiskiy V. P. 2017. Torgovlyauslugami – perspektivnyj segment mezhdunarodnoj trgovli [Trade in services is a promising segment of International Trade]. *Rossiiskij vneshneekonomicheskij vestnik*. 10. P. 44-45. (in Russian)

Литература на русском языке:

Бакулин С.Н. 1961. *Статистика внешней торговли капиталистических стран*. Москва: Внешторгиздат. 250 с.

Борисов А.Ю. 2019. Международный бизнес и кризис глобализации. *Вестник МГИМО-Университета*. 3(66). С. 61–88. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-3-66-61-88

Григорук Н.Е. 2014. К вопросу о международной стандартизации учётно-статистической информации в сфере внешнеэкономической деятельности. *Вопросы статистики*. 5. С. 31-40. DOI: 10.34023/2313-6383-2014-0-5-31-40

Григорук Н.Е. 2015. Международная практика статистического учёта услуг во внешнеэкономической деятельности. *Вопросы статистики*. 2. С. 79-88. DOI: 10.34023/2313-6383-2015-0-2-79-88

Кнобель А.Ю., Фиранчук А.С. 2019. Внешняя торговля России в 2018 г.: рост несырьевого неэнергетического экспорта. *Экономическое развитие России*. 4. С. 11–19.

Назаров В.С., Лазарян С.С., Никонов И.В., Вотинов А.И. 2019. Международная торговля: поиск причин падения. *Вопросы экономики*. 1. С. 79–91. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-1-79-91

Олейнов А.Г. 2018. Экономическое будущее глобализации. *Вестник МГИМО-Университета*. 4(61). С. 92–106. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-4-61-92-106

Паньков В.С. 2010. 2020 год – глобализация или деглобализация? *Международная жизнь*. 5. С. 163–176.

Ревенко Л.С. 2017. *Международные экономические отношения: плюрализм мнений в эпоху перемен*. Москва: МГИМО-Университет. 609 с.

Романов Ю.А. *Статистика внешней торговли*. Москва: ИМО, 1974.

Спартак А.Н. 2017. Перестройка в российском экспорте. *Российский внешнеэкономический вестник*. 4. С. 3–13.

Шуйский В.П. 2017. Торговля услугами – перспективный сегмент международной торговли. *Российский внешнеэкономический вестник*. 10. С. 44–45.

Eurasianism and Post-Soviet Political Geography

T. Kenderdine

Future Risk

Abstract: Books review: Bassin M. *The Gumilev Mystique: Biopolitics, Eurasianism, and the Construction of Community in Modern Russia*. Cornell University Press, 2016. 400 p.; Bassin M., Pozo G. (eds). *The Politics of Eurasianism: Identity, Popular Culture and Russia's Foreign Policy*. Rowman & Littlefield, 2017. 384 p.; Clover Ch. *Black Wind, White Snow: The Rise of Russia's New Nationalism*. Yale University Press, 2017. 360 p.

The review considers three works on Eurasianism, the theoretical geography of Lev Gumilev and contemporary Russian ethnonationalism. It places the reviewed works in the context of the historical ideological evolution of Eurasianism. The principal argument in all three reviewed texts is that there are three forms of Eurasian ideology: classical Eurasianism, Gumilevian Eurasianism and neo-Eurasianism. This essay argues that instead of a rank appropriation of Eurasian ideology into contemporary Russian ethnonationalist discourses, there remains a great intellectual and theoretical power in Gumilevian Eurasianism that could yet be applied to contemporary Eurasian and Russosphere geographies in a more positive and empowering manner than the current misappropriated form of Russian ethnonationalist Eurasianism. While neo-Eurasianism is a misappropriation of Gumilevian Eurasianism, a revival of a new fork of neo-Gumilevian Eurasianism could diffuse the contemporary Russian misappropriation and return to a more objective and inclusive Eurasian ideology.

Keywords: Eurasianism, Gumilev, Political Geography, Ethnonationalism, Soviet Union, Russia, Central Asia

Andrew Foxall recently wrote of Central Asian geopolitics that Central Asia has been uncritically written into global space as an object of multiple and intersecting geopolitical discourses since the region's five states gained their independence (Foxall 2018). But how did Soviet historians, geographers and ethnographers imagine the space of these Soviet geographies and the wider conceptions of Eurasia? And how are the ideas of Russian-language political geography, geopolitics and ethnogeography continuing to shape contemporary discourse in Russia and the Central Asian republics on a Eurasian political space?

УДК: 32, 93, 130.2

Received: July 02, 2020.

Accepted: August 03, 2020.

Lev Gumilev's Eurasianism is alternate to any orthodox Western geopolitical discourse. The three books reviewed help us to understand Gumilev's own work, the misappropriation of Gumilev's ethnogenesis theory by the contemporary Russian Right, and some of the more positive ways that Gumilevian Eurasianism is being practiced by various polities both within Russia and more importantly by the contemporary states which have formed around Central Asian geographies.

Failing to understand the theoretical basis of Eurasianism, Western political geography is likely to be blind to future political geographic formations emerging from the extant political constructions of Russia and Eurasia. Failure to critically engage with Eurasianism as an ideology of space on a distinct tangent from Western political geography theory turns out to be a danger, particularly as China emerges into the Eurasian geographies and Russia is politically redefining its own engagement with Eurasia and Eurasianism.

Most authors in the works surveyed (Bassin 2016; Bassin, Pozo 2017; Clover 2017) treat the subject chronologically, from classical Eurasianism, to Gumilevian Eurasianism to neo-Eurasianism. It is neo-Eurasianism and the appropriation of Gumilevian ideas into nationalist discourses that should most worry contemporary Russia and Central Asia scholars and policy-makers.

The review is based on three assumptions. Firstly, Lev Gumilev's conception emerged as a Soviet form of historical and theoretical geography, and his works have been just recently correctly understood in the Western academic circles. Secondly, Gumilev's ideas of Eurasianism is the basis for Russia's Eurasian geopolitics, and this is a powerful theoretical underpinning of legitimacy which ensures that the Russian ideology behind its continental political geography is organically more advanced than any geopolitical interests of Europe, the United States, or China in the Eurasian region. Thirdly, Aleksandr Dugin and the new Russian Right are using Eurasianism as a race policy and a crutch for right wing nationalism. In other words, there exists a post-Soviet critical geography theory, and it might be used in the state strategies and multilateral processes of a constructed Eurasianism.

Classical Eurasianism and linguistic structuralism

Eurasianism is generally typologised into three historical branches: early classical Eurasianism of the end of the tsarist silver age, Gumilevian radical Eurasianism of the Soviet Union, and the contemporary neo-Eurasianism of the ethnonationalist movement in the Russian Federation.

Classical Eurasianism first developed in Russian white émigré circles in the 1920's and 1930's, who sought to reinterpret "Russia" as a polity symbiotically interrelated with "Eurasia", and to reinterpret the formation of the institutions of the Russian State with the history of the nomadic peoples that Russian medieval history was betwixt and between. The rewriting of Russian history to include the Mongol influence is the founding contribution of Eurasianism. Jakobsen's "Prehistory of Slavic Languages";

Danilevsky's Romano-German ideology expressed in "Europe and Mankind"; and Petr Savitsky's writings in "Ruskaya Mysl" were early works which ultimately culminated in the founding work of Eurasianism, Florovsky's "Exodus to the East". These works sought to reorient Russian historical geography towards its East, its Steppe, its nomadic and Mongol history, as a reaction against the default European axial perspective which at the time was seeking to define Russia as solely integrated with, or separated from, Western Europe.

This early classical Eurasianism was really rooted in linguistics and was characterized by the ethno-linguistic determinism of geography. The underlying ideology is of linguistics structuralism which rejects Russia being a Slavic country in the European sense. In an attempt to explain the nomadic Turanian element in the civilisational formation of Russia, the classical Eurasianists engaged in a kind of political anthropology to explain the unconscious substrates of language which linked huge disparate human geographies into a proto-state. This linguistic structuralism gave rise to the concept of ethnolinguistic zones and basins of ethnic biopolities where geography forced peoples into closer contact and consequently a cultural-linguistic convergence. The political and historical geography of the peoples of Eurasia was thus influenced by linguistic geographical determinism, giving a form of legitimacy to a traditional civilisation which existed before the State. Physical boundaries created convergence zones wherein it was easier for language and culture to flow inwards and mingle than it was for memetic language and culture to cross natural boundaries. It is essentially a way of explaining the formation and development of Uralic, Siberian, Central Asian, Altaic, Volga and European Russian civilizational areas by circumventing the dominant orthodoxy of European Enlightenment Statehood. Essentially, geography forms linguistic structures which in turn form social structures and further – nations, and these nations of Eurasia do not easily fit into the Westphalian Statist model.

Neo-Eurasianists argue that since Russia is setup as a patchwork of nationality-based administrative units, there is no actual "homeland" for Russians the same way as for Buryats or Kazakhs, and conversely, many ethnic Russians are now stranded outside the Russian Federation as a result of the dissipation of the Soviet Union. There is a gap in Western political geography here, the ethnography of the post-soviet space does not fit the mould.

Classical, Gumilevian and neo-Eurasianism are all really struggling with a redefinition of the political state, not as the Westphalian legal construct, but as a biopolity, to find something in traditionalism and natural geography to explain the development of human geographic institutions of the proto-state. To achieve this State exceptionalism they look to political geography, linguistic geography and natural geography and seek to create a political theory founded in historical geography. Eurasianism argues that the European states themselves were biopolities that had been politicised, that the nation state is not the founding historical institution, but that ethnogenesis runs deeper than the political state into earlier forms of political geography. Initially for the classical Eurasianists and later for Gumilev, biopolities are not an excuse for ethnonational-

ism, rather the concept is a circumvention of an institutional construct which is alien to most peoples of the world: European statehood.

Gumilev's theory is championed in places of strong biopolities but weak states like Tartary and Kazakhstan, while in states with both strong biopolities and strong politics can misappropriate his ideas. Biopolitics offers alternative paradigms of belonging and yet everywhere it seems bound by concepts which transform it into a crude nationalism. Think of the subjugation of political geography to the nation state in England-Scotland-Wales; the four medieval regions of France; or the Bismarckian German nationalist project to bring together Prussia, Bavaria, Baden, Ruhr etc. These multi-ethnic and multilingual geographic structures were flattened and homogenised by the formation of the industrial state. The truce of ethnicity and ethnonationalism resulted from these socio-religious-ethnic amalgams that stabilised through the 18th and 19th centuries in the industrial states of Europe, are now seen as the prototypical ethno-state formation: explicitly relying on concepts of political state, yet implicitly relying on concepts of a "biological state".

Gumilevian Eurasianism as Soviet political geography

"Environmental Complementarity", is the crux of Gumilev's biopolitics. That if industrial complementarity results in institutionalisation of economic geography, that human-nature interrelationality also should be naturally represented by an institutionalisation of environmental-linguistic-social complementarity. Gumilevian Eurasianism expanded on the classical, linguistic structuralism by bringing in organic, biological geographic factors into the determination of human institutions. Bassin's monograph thoroughly explains the key concepts that define Gumilevian Eurasianism (Bassin 2016).

We should though consider Gumilev's work as isolated from the Western political geography at a time which was moving through a period of positivism and leaving geographic theory behind. Reading Bassin's "Gumilev Mystique" (Bassin 2016) next to Edward Soja's "Postmodern Geographies" (Soja 2011) really highlights this juncture. Gumilev's political geography in the Soviet Union was a real break from the Western theoretical geography. Therefore the contemporary post-Gumilev geography is on a different tangent to the post-modernist geographies of the West. Soja's "Postmodern Geographies" explains this intellectual history of geography, particularly as geography in the West lay ideologically dormant for twenty years through the positivism of the 1950's and the 1960's (Soja 2011). To understand the impact of Gumilev's theory on contemporary Russian politics then, we really need to appreciate that something special happened intellectually with Gumilev, and that there is an institutional path-dependency on an intellectual tangent parallel to anything in Western geographic theory.

We could position Gumilev in hypothetical opposition to Lefebvre and Gramsci and perhaps in alignment with Ernest Mandel's regional economic geography and critical human geography. Gumilev's ideas never made it to critical social theory and

are virtually unknown to the Frankfurt School, however the relationship of regions to economic development, and the process of legitimization of the concept of state through political geographic theory overlap here.

This is not an argument for Soviet exceptionalism, simply that throughout the Cold War this theoretical geography of Gumilev evolved, promulgated, took root, and flourished in an intellectual space that was sequestered from the western academic circles. However, with Russia idealising itself as the inheritor of Rome and Byzantium through the Orthodox Church, we have a specific space where the intellectual concept of geography is not easily othered away into orientalism, and neither is it integrated with the Western science. It has therefore largely escaped critique, by lying in the fault lines of multiple theoretical traditions. This makes Gumilev's theories at once extraordinarily powerful, and at the same time unbridled, running free in the post-Soviet space. From there it is all too easy for theoretical revisionists in Russia to appropriate the ideas, mould them to their contemporary wishes and weld them onto something entirely new. Much like the Steppe geographies that Gumilev's anthropological work describes, the wilderness is appropriated into a political narrative, and Central Asia is pulled towards Moscow.

Gumilev's theories suffer from a series of disconnects: from the Russian orthodoxy in their inception, from the Western theoretical sphere during their Cold War incubation, and again in contemporary theory a double disconnect in post-Gumilevian thought exists: evolution in isolation from Western geographic theory and then also appropriation into a Russian political narrative far removed from the original theses of Gumilev.

Gumilev's major theoretical contributions centre around a series of idiosyncratic words and ideas through which his wider work explored the linkages between natural geography, anthropology, linguistic history, and political geography. At the core of the Gumilev thesis is the intellectual struggle to explain the origins of the ethnic groups which historically clearly defined civilisational and nation state development. *Ethnos* and *ethnogenesis* is from where the appropriation of Gumilev into nationalist ideology stems. While individualism in post-Enlightenment European states may create better social structures, the concept of where did we come from still echoes unanswered. For Gumilev, it was impossible to rule out the group identity of tribal, ethnic, and race structures in human civilisational development. All modern nation states are comprised of patchworks of smaller ethnic groups, France has many ethno-linguistic subgroups all pushed into a unitary state; Germany is derived from the independence of multiple subnational units of the Holy Roman Empire into a federal system, and Russia is a complicated series of *ethnies* comprising many European and also many Asian ethnic subgroups. Gumilev was concerned with how these early ethnic groups determined the development of political identities and less interested in how those political identities were to be used in contemporary political philosophy.

If we take Gumilev's *ethnos* as the basic unit of analysis, then he offers a series of complementary ideas through which to place this unit. Gumilev argued that physical

geography was the principal determinant of social structures; that wherever humans settled, the imprint of the surrounding landscape on their civilisational, linguistic, political, economic and social institutions was indelible. Bassin gives the example of Norse fisherman settling in lower European lands, those in Normandy became land-working peasants, while the same peoples who settled in the Scottish lowlands became shepherds (Bassin 2016: 41). For Gumilev, his time in the Arctic in Norilsk affirmed this thesis that geography determined human structures, not vice versa.

The biological force driving these human institutional rises and falls Gumilev termed *passionarnost'*. *Passionarnost'* is the collective energy of an *ethnos* that is driving the historical process of civilisational development. *Passionarnost'* introduces and explains time to the Gumilevian spatial model. So that if the landscape determines the ethnic structure of peoples, and the interrelation between ethnic peoples and landscape determine social structures, then *passionarnost'* drives this ethno-landscape institution forwards so that it evolves, develops, burns brightly and then eventually burns out. It is an attempt to explain why an *ethnos* might outshine and displace another, more established *ethnies*. The answer for why peoples in history rise and fall, and yet the landscape and human habitation remain the same.

Gumilev takes these concepts and tries to develop them. With the *ethnos* as the basic unit of analysis and the biopolity and the core institution driving human political structures forwards, Gumilev tries to weld it all into an *ethno-landscape totality*, by simply putting the two concepts of *ethnos* and *biopolity* together. If the landscape determines the ethnic structure, and if ethnic structure is the principal unit of analysis for the development of human cultures, then the combination of landscape and ethnicity yields the institutional interrelationality which drives individual human cultures forwards through history. The landscape forms the *ethnies*, but it also limits them, so that Steppe peoples develop along one course, while taiga forest and river peoples develop along the another. Once this historical process is set in motion, then the institutions determined by geography simply play out over time and result in idiosyncratic human social structures, i.e. different “nations”.

Superethnos is probably the most controversial and even “dangerous” concept of Gumilev because it seems a reactionary justification of the Russian state. The argument is that *subethnies* and *ethnies* can combine to form *superethnies* but that *superethnies* cannot combine with each other. Thus we get Russian as a *superethnos*, and perhaps a modern European Union identity as a *superethnos*. This “mosaic totality” though seems perfectly designed to justify first the Russian Empire and later the Soviet Union’s amalgamation of ethnic minorities into a strong State. It remains difficult to see Gumilevian ideas of ethnic identity and macro ethnic analysis in neofunctional or constructivist senses, and instead Gumilev falls easily to the ethnonationalists who can “strip” the mosaic, and “leave” the totality.

These Gumilevian modes of ethnic interaction are really like accounting for the processes of institutional change. The inability to engage with the ethnic, linguistic and cultural identities at play in the Eurasian Heartland would be to yield ideological

supremacy to Russia. Instead there is something in Gumilev that could nourish and develop a sense of self in the various Eurasian polities that independence movements, neo-authoritarian post-Soviet governance, and limited access to globalisation 1.0 have yet to build.

Ideas need to be challenged, an idea in isolation will wither and die. Gumilev's biosphere has survived and flourished within the wider stream of Eurasian ideology is testament to the core strength of his ideas. However the closed nature of the wider Soviet and post-Soviet intellectual spaces in which his ideas have been forced to compete, have stunted its growth, not pruned them. These ideas will not easily disappear either, and without adequate critique to strengthen them, they will receive instead inadequate critique and continued misappropriation into lesser ideological purposes. Gumilev's ideas, at the same time, deserve better than misappropriation into nationalist ideologies, they deserve a wider audience and a braver critique that they might reenter the contemporary geographical theory debates, and realign with the future of human, linguistic, and political geography.

Neo-Eurasianism's ideological misappropriation

The difference between describing an object and describing a self-reflexive subject is huge. Classical Eurasianists wrestled with the idea to define themselves as "other" from the Europeans they lived amongst as white Russian émigrés. This is a reflexive use of Eurasianism to define themselves as "not European". Gumilev used Eurasianism not on his own background, but on an object, the Mongol, Xiongnu, and other nomadic peoples that had impacted the historical development of the Russian state.

However the neo-Eurasianists of the contemporary Russian ethnonationalist far right have reinvented Eurasianism to redefine and relegitimise their own subjective position. This is the fundamental flaw in the neo-Eurasianism of contemporary Russian ethnonationalism: it is self-serving and thus ideologically defunct. Classical Eurasianism challenged an existing paradigm, a theoretical challenge which was forcibly put down by Bolshevik political security. Gumilevian Eurasianism challenged an existing paradigm, that of the mythologisation of the Battle of Kulikovo as a victory of the Russian Principalities over the Mongol Golden Horde which had ended Russia's subjugation to the "East". Gumilev instead argued that significant institutional inter-relationality existed between the Mongols and the Russians before and after Kulikovo, essentially that modern Russia, geographically and institutionally, is the successor state to the medieval Mongolian Empire. For this, and many other reasons, he was semi-ostracised from the Soviet Academy of Sciences. Conversely, neo-Eurasianism seeks to strengthen an existing paradigm, that of a Russian ethnonationalism, of which its main proponents and adherents are a part, and for which the movement and people involved are rewarded and inculcated into the existing State-sanctioned paradigm. This is why neo-Eurasianism is fundamentally a weaker idea than either Classical Eurasianism or Gumilevian Eurasianism.

Gumilev's work has since the end of the Cold War become a controversial lynchpin in a secondary countermovement – appropriation into a new Russian right ethnonationalist movement to reclaim the spirit of Eurasianism for the Russian “ethnos” – as a tool for Russian exceptionalism rather than a holistic redefinition of historical geography. The nucleus of both a movement to strengthen the Turkic and Mongol peoples in the history of Eurasia, as well as the restrengthening of the Russian claims to historical geographic legitimacy in Eurasia.

Bassin argues that what is left of Gumilev in contemporary Russian ethnonationalism is more like a crude, malformed, coarse monster, the rotten heart of Frankenstein's monster (Bassin 2016). This ground is also well covered by Bassin's edited volume, with the first two chapters in particular focused on this search for identity in post imperial Russia (Bassin, Pozo 2017). Laruelle's introductory history chapter also goes a long way to covering the ground needed to examine the entry onto the stage of Aleksandr Dugin and the appropriation of first neo-Eurasianism and later the contemporary version of the Russian ethnonationalist agenda.

Bassin's best contribution is the identification of Vadim Valerianovich Kozhinov's 1981 essay as the bridge between Gumilev's Eurasianism and contemporary Russian ethnonationalism, although Clover also expands on Kozhinov's appropriation of Gumilevian Eurasian and his influence on its reception and development, first through *Literaturnaya Gazeta* and later through *Nash Sovremennik*. Kozhinov's essay “And All Her Languages Shall Speak My Name...’ Notes on the Spiritual Peculiarities of Russia”, written in 1980 and published in 1981 in *Nash Sovremennik* is the beginning (and intellectual end) of the Eurasianism of Dugin. It was Kozhinov who first appropriated Gumilev's Eurasianism as a defence for Russian ethno-nationalism. But while Kozhinov faded into history, the link between Gumilev and Russian ethno-nationalism remained – a gross misappropriation of Gumilev's core thesis. It was this misappropriation of Kozhinov that Dugin has seized upon and expanded in his “fourth theory”.

Ultimately both Gumilev and Dugin are wrestling with the same problem: Russian exceptionalism, Russian historical revisionism, and the deeper and thornier problem of Russia's origins. There is a political philosophical inertia in both the latent ethnonationalism across the Eurasian sphere, and in the post-Cold War soviet space. Eurasianism is essentially a rejection of orthodox Russian historiography, which had placed ethnic Russians as the centerpiece of Eurasian development. While Gumilev's historical geography has been misappropriated by Russian nationalists, his own work still offers much for the states, societies and individuals of Eurasia. Far from condemning Central Asia to a simplistic cooptation into Moscow's Grand Strategy, Gumilev's Eurasianism can still be read by contemporaries as offering an alternative to both Russian ethnonationalism, and “Atlantic” liberalism.

Gumilevian Eurasianism as a universal historical geography

Eurasianism is not simply Russo-centric historical geography and historical revisionism. There is a real genesis of a universalisable historical geography in Gumilevian

Eurasianism. There is still much to be discovered through thinking in terms of *ethnies*, *ethnogenesis*, *biopolities*, and even *passionarnost*. Continual adaptation of the *ethnos* to its landscape is a process not a stasis, where ethnonationalism seems everywhere concerned with conservatism, stasis, and reactionary responses to “outside others”. The progressive process of Gumilevian Eurasianism is readily integrative with contemporary institutional theory, Schumpeterian capitalist creative destruction, and anthropological human-nature interrelationality.

Gumilev is neither the intellectual property of Russia nor of Russian ethnonationalists. Gumilev articulates the ethnography of Eurasia, the geographical *ethnogenesis* universal to the human condition and the relationship between peoples, states and landscapes. For that his work should be celebrated, not denounced as a tool of a radical group of Far Right. Eurasianism itself represents not only a way of thinking about post-Soviet geographies, it is itself a form of theoretical Soviet political geography, distinct from any Western geography theory.

Bassin argues that some institutional forms are dependent on the *ethnos* which is determined by the landscape, and that if these institutional forms are incompatible with a foreign universal social construct, then the foreign must give way, the *ethnos* cannot break its symbiotic relationship with the landscape (Bassin 2016). *Ethnies* may take on universal social constructs, but only where they do not invoke a logical cognitive dissonance. It helps to understand the limitations of globalisation, and why some elements of universal, pan-human culture succeed while others encounter stern resistance and fail.

On Russia, post-Soviet geographies, and Eurasia, Western academia continues to persist in a 20th century mindset of geopolitical theory with little theoretical basis, while the ideology of Eurasianism has one-hundred years of theoretical use within the geographies themselves. The English-speaking world has thus really missed something important with Gumilev’s influence on Russian political geography. Fundamentally, the interpretation and transmission of Gumilevian Eurasianist thought can be a positive post-Soviet political geography, not simply a tool of neo-Eurasianist revisionist ethnonationalism. Gumilev’s works highlights the connection between peoples and nations, humans and landscape, history and geography.

In terms of macro critiques of the works covered, Clover relies heavily on the English-speaking Western reader to fill in the backstory with Cold War mystique (Clover 2017). Yet in requiring this historical backlog, it also requires the reader to stop there – no understanding of the Golden Horde, of Tsarist history, of Cossack Eastern migratory exploration, or national minority development in Dzungaria, Qara Khitai, or industrial landscape projects in Western Siberia are needed. The Bassin monograph is excellent but does often dwell on the author’s own understanding of Eurasianism rather than fully agenting Gumilev and his sources (Bassin 2016). The edited volume is the weakest of the three books reviewed, a volume full of promise to explore the application of Eurasian ideology in multiple geographies attached to Eurasianism either by steppe ethnicity (Hungary), post-Soviet space (Kazakhstan) or majoritarian ethnog-

raphy (Russia). In reality, it underdelivers and instead of a coherent understanding of Eurasianism in contemporary politics, we instead have a series of disparate, disjointed and ultimately unfulfilling essays (Bassin, Pozo 2017). The ground that all three works cover though is sparsely populated, and if these first attempts have not quite landed, then there is ample space for further studies of an ideology, geography, and ethnogeography position that needs to be understood by the Western academy more broadly if geopolitics, geoeconomics, governance, public policy, neoliberalism and globalisation studies are to integrate analyses of the geographies of Eurasia and the ideologies of Eurasianism into their studies.

* * *

Eurasianism does not belong to Gumilev, but it also certainly does not belong to the Russian ethnonationalist Right. There is much positive agenda in Eurasianism that can benefit the peoples of post-Soviet spaces and which could help to construct post-nationalist identities and new political geography. To engage with Gumilev's work is not to abandon the gain of multiculturalism or individual agency, it is rather to reinforce the power of peoples over states, and of cultural institutions over national ones.

Can we not reread Gumilev and instead of a Russian ethnonationalism find something closer to the imagined communities of Benedict Anderson? To see something of worth for ethnography and ethno-centric interpretations of historical geography? A European Union *superethnos* identity is certainly embedded with some ethnic feeling. Could a genuine Eurasian Economic Union tap into the Turkic, Mongol and Russian *ethnies* to create a post-nationalist identity, political order and economic integration? Not destroying the ethnic heritage of the *biogenesis* of peoples from landscape, and treating ethnogenetic drama seriously could result in a more nuanced, powerful and useful form of post-ethnic identity and post-nationalist political economic structure. However, the continued misappropriation of the concept could equally create a reversion to ethnic islands of nationalism and the degenerative effects of small state protectionism.

Nobody in an industrial economy would want to go back to ethnocentric thinking, and the power of the individual in the modern multicultural and globalised world is clear. But that nagging question of where did we come from, has some element of both ethnicity and geography that remains unsatisfied by liberal individualism and contemporary political geography. We are all stronger for a better understanding of the ethnogenetic drama that Gumilev would lay out for us, particularly as it comes from an area of historical geography that we have little historical record of, the Eurasian Steppe. Gumilev is a light from a distant world, both Soviet and Eurasian, that might help to reform and renew the study of historical geography, ethnogeography and anthropogeography, ultimately asking questions of ethnogenesis and development that none of these disciplines can answer alone.

About the author:

Tristan Leonard Kenderdine – Research Director at Future Risk, Almaty, Kazakhstan.
E-mail: tristan.leonard@ftrsk.com

Conflict of interests: The author declares absence of conflict of interests.

Поступила в редакцию: 02.07.2020 г.
Принята к публикации: 03.08.2020 г.

Евразийство и постсоветская политическая география

Т. Кендердайн
DOI 10.24833/2071-8160-2020-4-73-258-268

Future Risk

Аннотация: Рецензия на книги: Bassin M. *The Gumilev Mystique: Biopolitics, Eurasianism, and the Construction of Community in Modern Russia*. Cornell University Press, 2016. 400 p.; Bassin M., Pozo G. (eds). *The Politics of Eurasianism: Identity, Popular Culture and Russia's Foreign Policy*. Rowman & Littlefield, 2017. 384 p.; Clover Ch. *Black Wind, White Snow: The Rise of Russia's New Nationalism*. Yale University Press, 2017. 360 p.

Ключевые слова: евразийство, Гумилев, политическая география, этнонационализм, Советский Союз, Россия, Центральная Азия

Об авторе:

Тристан Леонард Кендердайн – директор по исследованиям Future Risk, Алматы, Казахстан. E-mail: tristan.leonard@ftrsk.com

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

References:

Soja E. 2011. *Postmodern Geographies – The Reassertion of Space in Critical Social Theory*. London: Verso. 228 p.

Foxall A. 2018. Borders, Boundaries, and Central Asia Geopolitics. *Geopolitics*. 23(3). P. 743-746. DOI: 10.1080/14650045.2018.1451845

Bassin M. 2016. *The Gumilev Mystique: Biopolitics, Eurasianism, and the Construction of Community in Modern Russia*. Cornell University Press. 400 p.

Bassin M., Pozo G. (eds). 2017. *The Politics of Eurasianism: Identity, Popular Culture and Russia's Foreign Policy*. Rowman & Littlefield. 384 p.

Clover Ch. 2017. *Black Wind, White Snow: The Rise of Russia's New Nationalism*. Yale University Press. 360 p.